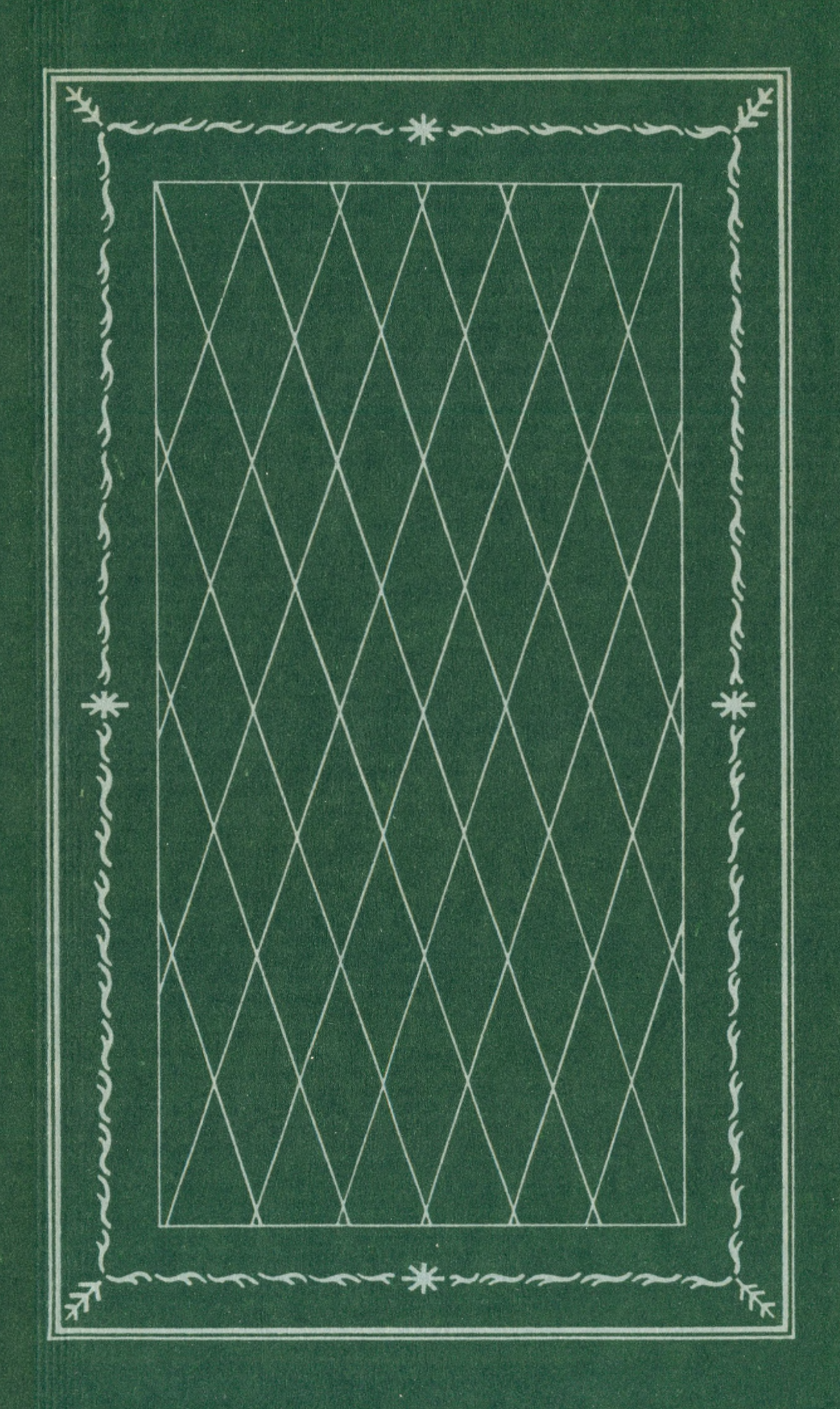
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ



М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

✡

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ДРАМЫ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1989

ББК 84.Р1
Л 49

Вступительная статья
Д. Е. МАКСИМОВА
Составление, подготовка текста
и примечания
Э. Э. НАЙДИЧА

Редактор В. С. Киселев

Л $\frac{4702010102-236}{083(02)-89}$ 427—89

ISBN 5-265-00974-8 (Т. 1)
ISBN 5-265-00974-4

ПОЭЗИЯ ЛЕРМОНТОВА

Лермонтов — одно из самых высоких, героических имен в русской литературе. Читатель Лермонтова при первом же прикосновении к творчеству поэта ощущает себя стоящим у порога огромного и неповторимого поэтического мира. Этот мир поражает и завораживает своей таинственной глубиной и мощью, своим мужественным и трагическим строем. В поэтическом мире Лермонтова господствует тот ни на что не похожий, но безошибочно узнаваемый «лермонтовский элемент» (Белинский), который легче почувствовать, чем определить и объяснить.

Трудность такого определения зависит не только от естественного сопротивления, которое оказывает искусство неизбежно обедняющему его анализу, но и от некоторой недоговоренности, недосказанности лермонтовского поэтического творчества, остановленного на полном ходу и далеко не реализовавшего всех своих великих возможностей.

И все же общие идеи, лежащие в основе поэзии Лермонтова, поддаются определению и объяснению. Это — идеи личности и свободы, которые утверждает поэт как самые высокие ценности и критерии. Лермонтов нашел в этих идеях, существовавших и до него, особый аспект и воплотил их со страстью, своеобразием и полнотой, неизвестными его предшественникам в русской поэзии. Творчество Лермонтова, несущее эти идеи, способствовало обострению критического сознания его современников и было целиком направлено против бесчеловечности, рабства и духовной косности. Но и в наши дни творчество Лермонтова сохраняет свое великое революционизирующее значение, все еще подымает, тревожит и беспокоит. Поэзия Лермонтова противостоит всяческому застою, регламентации мышления и попиранию человеческой личности. В борьбе за человека, за его достоинство, за его свободу, за его право на гордую и бесстрашную мысль, в борьбе с бездумным благодушием и духовной неподвижностью беспокойная и мятежная поэзия Лермонтова помогает нам и теперь, как она помогала своим читателям в прошлом.

1

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 3 октября (15 октября н. с.) 1814 года, а в 1828 году стал уже автором первых стихотворений. Лермонтову пришлось жить и писать в одну из самых реакционных эпох русской истории. Начало этой эпохи было ознаменовано разгромом декабризма, а пределом ее, до которого Лермонтов не дожил, послужило сплочение и активизация революционной демократии.

Лермонтовское время, т. е. 30-е годы прошлого века, некоторые историки и мемуаристы называли «тихим житьем» и «смирным временем». Покорность и смирение снаружи и глухая, удушливая неподвижность изнутри и явились страшными признаками эпохи. Правительство, испуганное выступлением декабристов и европейским освободительным движением, жестоко преследовало не только то, в чем видело хотя бы слабые следы прямой политической оппозиции, но и умственную жизнь вообще, которую считало основанием оппозиционных настроений. Не случайно известный реакционный деятель С. С. Уваров, тогда еще помощник министра народного просвещения, в своем отчете 1832 года призывал строить «умственные плотины», препятствующие «порывам к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии».[1] Мыслебоязнь так глубоко проникла в общественное сознание, что литературное творчество само по себе казалось опасным делом. «Если вы продолжаете писать,— наставляла Лермонтова, только что поступившего в юнкерскую школу, его постоянная корреспондентка М. А. Лопухина,— не делайте этого никогда в школе и ничего не показывайте вашим товарищам, потому что иногда самая невинная вещь причиняет нам гибель».[2]

Духовные завоевания, вызванные освободительным движением, просветили самосознание передовых слоев русского дворянства, но, омраченные поражением декабризма и торжеством реакции, они приводили также к общественному разочарованию. Вера в возможность коллективной борьбы была подорвана, и надежда на свободу личную и общественную сохранилась лишь в форме одинокого индивидуального протеста и пессимистически окрашенного отчуждения. Вместе с тем к сознанию бессилия перед лицом реакции присоединялись впечатления, вызванные бурным развитием денежных отно-

---

[1] Цитирую по книге: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1828—1855 гг. Спб., 1909. С. 84.

[2] Лермонтов М. Ю. Соч. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 763. В дальнейшем цитируется это издание: Соч.: В шести томах. М.; Л., 1954—1957.

шений и ростом имущественного неравенства, которое Лермонтов воспринимал особенно остро (см. его ранние пьесы и роман «Княгиня Лиговская»). Образованное общество, из которого был вытравлен героический дух и вера в высокие освободительные идеалы, общество, скованное реакцией, пропитанное пошлостью, раздробленное «борьбой эгоизмов», и, прежде всего, среднее и высшее дворянское общество, представляло собой более чем неприглядную картину.

Лермонтов принадлежал к этому обществу, был тесно связан с ним, но оно не подавило индивидуальности поэта.

Развитию Лермонтова способствовало прекрасное и разностороннее образование, полученное им дома, в Московском Благородном пансионе и в Московском университете, в котором вели занятия лучшие преподаватели того времени. Огромную роль в формировании молодого поэта сыграло его увлечение произведениями Пушкина, Шиллера, Шекспира и в особенности бунтарским и мятежным творчеством Байрона — литературой, приобщавшей поэта к передовой гуманистической идеологии. Здесь следует упомянуть и менее характерные и более ранние увлечения: Жуковским, И. И. Козловым, А. А. Бестужевым.

Одним из самых важных источников, питавших мировоззрение Лермонтова и укреплявших его стойкость в годы безвременья, являлась идейная традиция декабризма и полные героической поэзии рассказы о декабристах. Эти рассказы доходили до Лермонтова еще в отрочестве, в то время, когда он жил в пензенском поместье своей бабушки — Тарханах. Он был окружен ими в Москве, в подмосковном имении его родственников — Средникове, в Благородном пансионе и в Московском университете, в котором учился в 1830 и 1831 годах, одновременно с Герценом и Огаревым. Разогретая оппозиционной политической мыслью атмосфера университета, культ декабризма и поэзии декабристов, который установился в передовой студенческой среде, не подчинив себе Лермонтова целиком, сильно на него повлияли. Можно сказать, что декабристы разбудили не только Герцена, но отчасти и Лермонтова. Политическая и моральная культура декабризма, декабристские представления о должном, об идеале помогли Лермонтову увидеть современное ему общество *таким,* каким он его увидел, и оценить *так,* как он его оценил.

Нет сомнения, что с влиянием на Лермонтова декабристской идеологии совпадало и непосредственное воздействие на него процессов, происходящих в жизни и сознании народа. Из того, что русский народ не принимал участия в идейном движении других классов, писал Герцен, имея в виду 30-е годы, вовсе не следует, «что ничего не произошло в его душе. Русский народ дышит тяжелее, чем

прежде, глядит печальней; несправедливость крепостничества и грабеж чиновников становятся для него все более невыносимей».[1] Количество крестьянских восстаний, поджогов, убийств помещиков за это время неуклонно возрастало. Холерные бунты 1830—1831 годов явились лишь наиболее ярким выражением всеобщего народного недовольства. И Лермонтов, проведший в деревне всю первую половину своей жизни, реагировал на эти явления с большой чуткостью и страстью (повесть «Вадим» и другие).

Таковы предпосылки столкновения Лермонтова с окружавшей его действительностью. Так возникло в нем сознание ущемленности, жгучего оскорбления, неизгладимой обиды, которую наносят человеку люди и даже, как казалось Лермонтову, сам закон мироздания. Хотя и неповторимая поэтическая индивидуальность поэта, конечно, не определяется целиком этими предпосылками, но они глубочайшим образом способствовали ее формированию. Горячий и горький *лиризм обиды* пронизывает творчество Лермонтова, особенно раннее. Разнообразно варьируемый образ «гонимого миром странника» проходит через все произведения поэта.

Здесь следует искать основные отличия Лермонтова от Пушкина, оказавшего на него огромное воздействие.

Критическое отношение Пушкина 30-х годов к русской крепостнической действительности проявлялось в исторически углубленном и реалистически-объективном художественном понимании этой действительности. Сложившаяся еще в молодости и в эпоху создания «Бориса Годунова» вера Пушкина в победу разумных сил истории господствовала над трагическими впечатлениями жизни и укрепляла светлый и гармонический строй его мировоззрения и творчества. Молодому Лермонтову пушкинский историзм, как и всякий объективный историзм, оставался тогда в значительной мере чуждым, а непосредственные проявления пушкинской оппозиционности представлялись недостаточными («О, полно извинять разврат...»,— см. «К ***»). Минуя основное русло пушкинского творчества, через голову Пушкина-реалиста Лермонтов в ранний период своего развития обращается к Пушкину-романтику, автору южных поэм, во многом перекликающихся с восточными поэмами Байрона. Вольнолюбивый романтизм Пушкина и особенно ненавистный русским реакционерам романтизм Байрона и явились той школой, которая помогла Лермонтову оформить свою субъективистски окрашенную художественную систему: выработать образ героя и осознать характер столкновения героя с действительностью.

---

[1] Герцен А. И. О развитии революционных идей в России// Собр. соч.: В тридцати томах. М., 1956. Т. 7. С. 211 (перевод с французского).

От недооценки романтизма, от нежелания видеть в нем великое прогрессивное явление наше литературоведение давно уже отказалось. Лермонтов — крупнейший представитель русского и мирового романтизма, и величие его связано не только с тем, что его творчество зрелого периода развивалось в сторону реализма, но и с тем, что он *был* романтиком и в *известных пределах* оставался им до конца.

Романтизм Лермонтова относится к иной эпохе, чем романтизм Пушкина, и сильно от него отличается. Столкновение с враждебной и недостойной средой в условиях последекабристской реакции привело к тому, что в сознании Лермонтова идея и чувства личности, противостоящие действительности, приобрели большее значение и проявились с большей интенсивностью, чем у Пушкина. «Надо было обладать безграничной гордостью,— писал Герцен,— чтобы с кандалами на руках и ногах высоко держать голову».[1] Отсюда — подвиг гордого одиночества, отщепенство, романтическая изолированность, о которых Лермонтов постоянно говорил в стихах как о поведении своего героя, хотя сам поэт не чуждался дружеских связей.

Развитию идеи личности у Лермонтова соответствует характерная для романтиков повышенная субъективность его отношения к действительности. Речь идет не о субъективной прихотливости и капризной изменчивости вкусов и мнений, а о страстном, заинтересованном, принципиально оценочном подходе ко всему окружающему. Это была та самая субъективность мысли и чувства, которая помогла Белинскому преодолеть свои примиренческие настроения конца 30-х годов и которую он признал главным признаком духовного прогресса своего времени. Субъективность эта, превращаясь в особый лермонтовский лиризм, окрашивала все произведения поэта, его характеристики, пейзажи, эпитеты. Она пронизывала его лирические признания и объективные образы атмосферой горячего напряженного личного чувства, «музыкой души». Лиризм Лермонтова был далек от созерцательно-пассивного лирического стиля таких поэтов, как Жуковский или Козлов. Лермонтов, как и Гоголь,— поэт активных оценок, вытекающих из всей совокупности его взглядов. Решающую роль в его поэзии играет *сосредоточенная* мысль и направленное чувство. Эта сосредоточенность в определенном кругу эмоций, оценок, тем и проблем, поставленных на очень разнообразном и широком материале, придает поэзии Лермонтова некоторую односторонность и является одним из существенных отличий ее от универсального и многопланного творчества Пушкина. Однако эта односторонность

---

[1] Герцен А. И. Цит. соч. С. 224.

представляет собой не только ограничение, но и высокое достоинство Лермонтова. Она связана с устремлением его в глубину избранной им сферы и вместе с тем с исключительной интенсивностью, собранностью и динамичностью его поэтического мира.

Лиризм Лермонтова и все направление его поэзии, как и у других авторов, определяются общим характером его утверждения и отрицания.

В произведениях Лермонтова утверждение не выдвигается на первый план: он говорит «да» гораздо реже, чем «нет». Это обстоятельство давало повод считать Лермонтова поэтом чистого отрицания и беспросветного скепсиса. Между тем источником отрицания, гнева и разочарования Лермонтова всегда является скрытое за ними утверждение идеалов и положительных ценностей жизни. В качестве символического и условного выражения этой мысли можно указать стихотворение Лермонтова «Кинжал», где говорится о любви, дарящей человеку оружие:

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Положительное содержание поэзии Лермонтова не сразу приковывает к себе внимание, но существование его очевидно. Лермонтов своим творчеством утверждает любовь к жизни, к природе, к вечному движению, к борьбе, а в особенности к свободе и много раз признается в этой любви («Молитва», 1829, «Я жить хочу! хочу печали...», «Поэт», «Мцыри» и другие). Непререкаемыми ценностями являлись для него преданность родине, идея справедливости, право человека на уважение, мирные отношения между народами, доверчивость, простота и правдивость в отношениях между людьми (драмы, поэма «Последний сын вольности», стихотворения «Родина», «Валерик» [1] и другие).

Наиболее конкретное выражение положительных идеалов Лермонтова дается в стихотворении «На жизнь надеяться страшась...». Лермонтов рисует в этом мрачном стихотворении, вероятно под влиянием утопии Сен-Симона и сенсимонистов, идеальное будущее земли, в котором видит равенство гражданское (отсутствие «честей») и имущественное (отсутствие «злата»), свободу личности, чувства (отсутствие «приличий») и мир между людьми.

---

[1] В настоящем издании, как и в ряде предыдущих, это стихотворение («Я к вам пишу случайно,— право...») печатается без заглавия.— *Ред.*

Положительные идеалы Лермонтова становились в его поэзии силой, направленной против враждебных ему явлений действительности. Лермонтова отнюдь нельзя называть атеистом, но вера в «небо» не носила у него последовательного характера, нередко превращаясь в богоборчество. Тяготение к земной материальной жизни переходило у Лермонтова в скрытую полемику с «небом», со спиритуалистической догматикой религии («Земля и небо»). Апология порыва, беспредельного стремления и беспокойства таила в себе ненависть поэта к современным ему косным и застывшим формам жизни («Парус», «Есть речи — значенье...»). Чувство социальной справедливости вело Лермонтова к осуждению поработителей народа (роман «Вадим», «Прощай, немытая Россия!..»). За прославлением личной свободы («Мцыри») угадывалась ненависть к неволе общественной,— тем самым его отвлеченно-моральный идеал свободы приобретал в сознании современников поэта политическую окраску. Стремление к простоте и естественности превращалось в критику «цивилизованного общества» и, прежде всего, света («Странный человек», «Маскерад», «Как часто пестрою толпою окружен...»).

Поэзия Лермонтова уже в ранние годы ее развития до конца его жизни имела не только непосредственно-созерцательный, но и *аналитический* характер. Это была не только поэзия чувства, но и поэзия мысли. «Если б сказали Лермонтову,— писал Белинский в 1844 году,— о значении его направления и идей, он, вероятно, многому удивился бы и даже не всему поверил; и не мудрено: его направление, его идеи были — он сам, его собственная личность, и потому он часто высказывал великое чувство, высокую мысль в полной уверенности, что он не сказал ничего особенного».[1]

Лермонтов ставит в своем творчестве философские вопросы, несомненно обнаруживая знакомство с европейской философией (по-видимому, еще в молодости на него влиял философски ориентированный идеалистический журнал «Московский вестник»). Философия Лермонтова была стихийной, поэтической философией, но это не лишало ее интеллектуальной силы, лирического драматизма и глубины. Лермонтов решал философские вопросы по-разному, но за каждым его решением стоял подлинный, пережитый духовный опыт.

Это драматическое сплетение утверждений и отрицаний выражалось у Лермонтова не только в темах и логических формулах, но и в «музыкальной» структуре, в характере лиризма и тональности стиха. Лермонтов говорил в стихотворении «Не верь себе», что «род-

---

[1] Белинский В. Г. Русская литература в 1844 году//Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 474.

ник» поэзии полон «простых и сладких звуков», но вместе с тем мы знаем и знаменитые слова поэта о «железном стихе, облитом горечью и злостью» («Как часто, пестрою толпою окружен...»). Эти два лирических строя существовали в поэзии, предшествовавшей Лермонтову, чаще всего порознь и не сходились между собой. Так, «твердый» гражданский стих декабристов противостоял «сладким звукам» лирики Жуковского. В грандиозной по широте и богатству поэзии Пушкина звучали все голоса, в том числе и непревзойденный по своей энергии голос «железного стиха», который обычно соответствовал гражданской теме («Кинжал», «Клеветникам России»). Но лиризм «железного стиха» не совпадал с основной тональностью поэтического творчества Пушкина. В поэзии Лермонтова героическая мужественная тональность характерна не только для гражданского стиха («Смерть поэта», «Поэт»), но и для произведений, не заключающих в себе прямого политического содержания («Я жить хочу! хочу печали...», «Мцыри», «Демон»). Этот героический лиризм является принадлежностью поэзии Лермонтова в целом, тесно сплетаясь в ней с доверительной интонацией его задушевных лирических признаний и раздумий («Звуки», «Сосед», «Слышу ли голос твой...»). Трудно уследимое сочетание этих двух лирических начал является одной из самых примечательных особенностей Лермонтова. В лермонтовском творчестве, в котором активность и страсть соединились с мягким и созерцательным лиризмом, поэзия, *сохраняя все эти качества,* стала звучать железом (особенно в стихотворениях «Кинжал», «Еврейская мелодия» и других).

Поэт, образ которого возникает в тексте или за текстом каждого из лермонтовских произведений, это — человек с твердой и страстной волей. «Каждое слово его,— писал о Лермонтове Лев Толстой,— было словом человека, власть имеющего».[1] «Мне нужно действовать, я каждый день Бессмертным сделать бы желал»,— провозглашает лирический герой Лермонтова («1831-го июня 11 дня»). Но воля к действию у Лермонтова и лермонтовского героя не могла привести в реакционной обстановке 30-х годов к совместному общественно ценному делу. Лермонтов выступал как одинокий борец и мятежник. Поэзия его, как и поэзия Байрона, не содержала в себе революционной программы: в России 30-х годов революция была невозможна. Однако по своему духу, по широте, страсти и глубине отрицания социальных, моральных, психологических и бытовых устоев старого общественного уклада поэтическое творчество Лермонтова, как и творчество Байрона, может быть названо революционным. И хотя эта

---

[1] Русанов Г. А. Поездка в Ясную Поляну (24—25 августа 1883 г.) // Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 69.

революционность Лермонтова была стихийной, идейно не оформленной, в отдельных случаях она достигала исключительной политической остроты (стихотворения «30 июля. (Париж) 1830 года», «Смерть поэта»).

Героический дух лермонтовской поэзии выразился, помимо общего ее направления, в сопровождающей ее лирического героя теме избранничества, высокой общественной миссии. Поэт неоднократно пророчествует о предназначенных ему грандиозных деяниях, гибели по «обету» за «общее дело», о грозящей ему казни или изгнании. И трагический акт, который видит перед собой в будущем лирический герой Лермонтова, судя по намекам поэта, напоминает скорее подвиг мести, стихийное восстание оскорбленного чувства, чем подвиг созидательный, ведущий к положительным гражданским завоеваниям. Не случайно тема мести у Лермонтова, особенно в ранний период его развития, имеет такое огромное принципиальное значение. Она громко звучит в лирике Лермонтова. Она окрашивает своим зловещим светом бóльшую часть его поэм. Она играет решающую роль в «Вадиме», в «Княгине Лиговской», в «Маскераде».

Борьба передового человека 30-х годов с косными формами действительности не могла привести к победе. Отсутствие социальной почвы, на которую он мог бы опереться, его сомнение в плодотворности своих усилий ставили его в трагическое положение и формировали его трагическое отношение к миру. Мировоззрение Лермонтова, склонного к скепсису и трезвости и еще не созревшего до веры в исторический прогресс, в своей основе всегда оставалось трагическим. Знаменитая формула Белинского, относящаяся к стихам Лермонтова, характеризует их следующим образом: «...в них... нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностию, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни...» [1]

Эти особенности Лермонтова в обстановке николаевской монархии легко могли бы привести к отказу от борьбы. Именно к таким позициям пришел один из крупнейших русских поэтов того времени — Е. А. Баратынский. Не принимая наступившего «железного века» и скорбя о легендарной гармонии далекого прошлого, Баратынский в своей книге «Сумерки» (1842) и в примыкающих к ней стихотворениях застыл в трагически-пассивной позе и отказался от поисков радикального выхода. Трагическая позиция Лермонтова, в отличие от Баратынского, была позицией борьбы. Лермонтов не верил в близкую победу и не ставил о ней вопроса, но и не складывал оружия.

---

[1] Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова//Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 503.

Аналитически обнажая противоречивые и болезненные стороны души современного человека и отчасти те общие условия, с которыми они были связаны, выдвигая вопросы, волновавшие современников, и ища путей к разрешению этих вопросов, противопоставляя недостойной действительности свои высокие требования, Лермонтов осуществлял героическую миссию поэта-борца. И чем больший трагизм вносил Лермонтов в свои оценки и приговоры, тем сильнее они будили общественное сознание, заражая его беспокойством и заставляя сомневаться в том, что поверхностному наблюдателю казалось не подлежащим сомнению. В одном из писем 40-х годов Н. П. Огарев, характеризуя состояние современной мысли, утверждал, что в ее трагическом скептицизме заключается «действительное движение и безбоязненность скорби».[1] Носителем именно такой мужественной, безбоязненной скорби, которая освещала неблагополучие окружающего и двигала вперед, и был Лермонтов.

Ценность и значение того или другого мировоззрения, в том числе трагического или оптимистического по своей окраске, нельзя рассматривать как неизменную величину, равную себе на всем протяжении исторического времени. Ценность мировоззрения в конечном счете измеряется его отношением к освободительному движению в широком смысле, работающему в каждый исторический момент над разрешением своих объективных задач. В эпоху Лермонтова в систему консервативной идеологии естественно входило оптимистическое положение о том, что «все прекрасно в божьем мире» (из стихотворения И. П. Клюшникова «Жизнь»). Это утверждение, подкрепляемое ортодоксальной религией, вело к оправданию того уклада жизни, который не заслуживал никакого оправдания. Такой оптимизм порождал апатию и застой. Легко объяснить раздражение, вызванное в реакционной критике неприятие этого апатического оптимизма Лермонтовым, связанное со всем складом его трагического миропонимания. Этим критикам правильно представлялось, что трагичность, разочарованность Лермонтова, в сущности, являются одной из форм его протеста. Лермонтов мог бы повторить слова Чаадаева в «Апологии сумасшедшего» (1837): «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который

---

[1] Письмо к Т. Н. Грановскому от 15 февраля 1847 г. // «Звенья». М.; Л., 1932. Ч. 1. С. 123.

приспособляется все видеть в розовом свете... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия...»[1]. Лермонтов понимал людей и эпоху, в которой ему приходилось жить, глубже, чем его современники, и его скорбь была результатом этого понимания.

Облик Лермонтова-поэта отражал основные свойства личности живого Лермонтова. Здесь проявлялся закон поэтического отбора, приводящий к выделению важного и отсеиванию второстепенного. Так, из произведений Лермонтова очень немногое можно узнать о Лермонтове-студенте или о его жизни в домашнем кругу. «Гусарская стать» Лермонтова, без которой было бы невозможно представить его биографически, образ Лермонтова — проказника и неугомонного выдумщика, всегда готового на шалость, коновода в различных затеях, любителя карточной игры и цыган, поющего песни «во все горло и до потери дыхания», умеющего хохотать, веселиться и веселить собеседников, воспринимается как бы на периферии его поэзии, неполно, в немногочисленных стихотворениях «на случай». Дружеские связи поэта зрелого периода также были отражены в его творчестве довольно слабо, а деятельное участие в журнале «Отечественные записки» нашло отзвук лишь в одном его стихотворении — «Журналист, Читатель и Писатель».

И вместе с тем думы Лермонтова, его судьба, решающие события его жизни органически вошли в его поэзию. Даже внешний его образ современники воспринимали в единстве с его внутренним миром, не отделяя «поэзию» от человека. «В наружности Лермонтова,— вспоминал И. С. Тургенев,— было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски-нежных и выдававшихся губ».[2]

Таковы общие основные черты, характеризующие творческую личность Лермонтова на всем протяжении ее развития. Но личность автора или его героев не может быть отражена в поэзии в полном отрыве от той действительности, с которой она соотносится. Отражение тех или других сфер действительности, отличающихся по своему реальному содержанию и структуре и увиденных под определенным

---

[1] Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 143 (оригинал «Апологии сумасшедшего» — по-французски).

[2] Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания // Полн. собр. соч. и писем: В тридцати томах: Изд. 2-е, испр. М., 1983. Т. 11. С. 71.

углом зрения, соответствует родовым формам поэзии или жанрам в широком смысле слова. Для понимания Лермонтова соотношение этих форм имеет первостепенное значение.

2

Творческое развитие Лермонтова разделяется на два периода. К первому, юношескому периоду относятся произведения 1828—1834 годов, которые Лермонтов не печатал и, по-видимому, не намеревался печатать. Второй период охватывает произведения 1835—1841 годов, которые в большинстве своем были опубликованы Лермонтовым или предназначались для опубликования.[1]

Литературное наследие молодого Лермонтова связано с московской и отчасти петербургской порой жизни поэта и совпадает с годами его учения. В эту пору Лермонтов выступает как вполне определившийся поэт-романтик. Произведения поэта того времени, несмотря на их относительную незрелость, следует признать интересным и знаменательным явлением русской художественной культуры. Прежде всего, поражает необычайная интенсивность и стремительность творческого роста Лермонтова. Творчество его начинается, после небольшой предварительной подготовки, почти внезапным взрывом 1830—1831 годов, давшим, помимо трех драм и семи поэм, около половины *всех* когда-либо написанных поэтом стихотворений, не говоря уже о планах и замыслах, которые не были реализованы. Созидательной энергии молодого Лермонтова соответствует редкое в русском искусстве многообразие его форм, его стремление охватить все роды художественной литературы: лирику, драматургию, стихотворный эпос и прозу. По обилию жанров его можно сравнить в кругу крупных русских авторов XIX века с одним лишь Пушкиным.

В основании творчества Лермонтова, как уже было сказано, находится своеобразный по своему духовному складу образ лермонтовского человека. В полном объеме он раскрывается *всем* содержанием, сюжетной логикой и лирической тональностью лермонтовских произведений. Наиболее конкретно и полно он воплощен в лирике поэта, но лирикой не исчерпывается.

Отдельные стороны сознания лермонтовского человека представлены у Лермонтова ведущими романтическими героями поэта. Эти герои служат у Лермонтова, и особенно на ранних этапах его эволюции, носителями существенных свойств его биографической личности, рупорами его духа. Сюда относятся три центральных героя трех юношеских драм Лермонтова («Испанцы», «Menschen und Leidenschaf-

---

[1] Существует и другая периодизация творчества Лермонтова: 1828—1832; 1833—1836; 1837—1841.

ten», «Странный человек»), Вадим Новгородский из поэмы «Последний сын вольности», Вадим — герой одноименного прозаического романа, Измаил-Бей, Демон (ранних редакций этой поэмы) и многие другие персонажи.

Черты этих героев определяются внутренним содержанием их образов, но зависят также от того ракурса, в котором они изображены автором. Каждому поэтическому роду или жанру у Лермонтова соответствует своя собственная призма, свой собственный способ подхода к героям. В каждом жанре Лермонтов как бы погружает своих персонажей в особую сферу действительности, выделяя тем самым в них особые качества, особые возможности и особые связи. Основные образы поэта, выражающие духовный облик «лермонтовского человека», оказываются раскрытыми и упорядоченными системой жанров писателя. «Лермонтовский человек» в этой системе как бы передвигается из одной плоскости в другую, повертывается различными гранями своего внутреннего содержания и таким путем реализует себя с возможной для романтического метода полнотой.

С романтической субъективной устремленностью молодого Лермонтова связано преобладание в его творчестве *лирики*. Лирический мир Лермонтова, как и других поэтов, складывается из двух элементов: образа лирического героя и взаимодействующего с ним образа среды (люди или природа), которая этого героя окружает. Лирика молодого Лермонтова определяется первым из этих элементов и всецело ему подчиняется. «История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Под этим признанием, записанным вымышленным издателем «журнала» Печорина, конечно, подписался бы и сам Лермонтов.

Образ лирического героя имеет у Лермонтова большее значение, отличается большей цельностью, постоянством и сильнее индивидуализирован, чем у других русских лириков, предшествующих Лермонтову. Этот образ стоит как бы над действительностью и чаще всего не растворяется в ней, как и она в нем. Герой лирики Лермонтова представляет собою глубокое и наиболее непосредственное выражение лермонтовского человека, т. е., в известном смысле, самого Лермонтова. Большая часть того, что говорилось выше об идейной позиции Лермонтова в целом, вполне применима и к образу его лирического героя.

Принципиально важной чертой лермонтовской лирики является сочетание в ней гражданского, философского и личного содержания. Лермонтов-лирик далек от «святой односторонности» Рылеева (Огарев) и других поэтов-декабристов, развивавших преимущественно гражданскую тему. Он не следует в то же время и за такими поэтами, которые отстранялись или почти отстранялись от общественного содержания, сосредоточивались на «личных сюжетах». Лермонтов,

как и Пушкин, но с большей индивидуализацией образа лирического героя и с большим логическим обнажением философской темы, сближал эти течения русской поэзии.

Лирический герой Лермонтова — носитель индивидуального характера. Это — поэт, мыслитель и гражданин, размышляющий о соотношении «земного» и «небесного», о свободе и рабстве, о жизни и смерти, о судьбе своей родины, и вместе с тем человек, отдающийся всем впечатлениям личной жизни и, прежде всего, любви. И это сближение в лирике Лермонтова различных тематических линий часто превращается у него в совпадение их в одних и тех же стихотворениях, которые оказываются тогда и личными, и гражданскими, и философскими («Мы случайно сведены судьбою...», «Не могу на родине томиться...», «Ужасная судьба отца и сына...» и очень многие произведения зрелой лирики).

Центростремительному принципу Лермонтова, его желанию поставить над действительностью конкретную человеческую личность соответствовал и его особый подход к своим лирическим формам. Подобно Ж.-Ж. Руссо и таким романтикам, как Жермена де Сталь и Э. П. Сенанкур, насаждавшим в прозе субъективный эгоцентрический жанр исповеди, дневников и писем, Лермонтов превращает свою юношескую лирику в своего рода лирическую исповедь, в интимный, философско-психологический и отчасти политический дневник. Недаром заглавия целого ряда своих стихотворений Лермонтов, вопреки преобладавшим тогда тенденциям, по обычаю дневников и писем, нередко заменяет датами или инициалами. Это было связано не только с ярко выраженной личной окраской его стихотворений, но и с характерным для них тяготением к свободной «поточной» структуре самовыявления, с их многотемностью, которую трудно было совместить с ограничительными формулами каких бы то ни было заглавий.

То же можно сказать и о лермонтовских лирических жанрах — в узком смысле слова. Самые важные стихотворения Лермонтова того времени занимают по жанру как бы промежуточное место между дневниковой записью в стихах, лирической исповедью и монологом («1831-го июня 11 дня», «Ужасная судьба отца и сына...» и другие). Такие жанры, как элегия, сатира, ода, традиционные для XVIII века и начала XIX столетия, были подорваны еще предлермонтовским романтизмом, а в стихах Лермонтова становятся еще менее ощутимыми, теряют свои границы, смешиваются и, до известной степени, отмирают. Так, любовная элегия наполняется у Лермонтова необычным для нее философским или политическим содержанием («Я видел тень блаженства...», «Настанет день — и, миром осужденный...»). В сатиру, против прежних правил, вклиниваются лирические отступления («Булевар»).

Лермонтовская баллада несколько дольше сохраняет традиционную форму, чем другие его жанры («Гость»), но и она, особенно у зрелого Лермонтова, по сравнению с классическими образцами баллад претерпевает резкие изменения — сжимается, «убыстряется» и эволюционирует от ярко выраженной сюжетности к слабо намеченной, редуцированной фабуле, но психологически насыщенной («Русалка», «Соседка», «Морская царевна»). В поздней лирике Лермонтова это разрушение традиционных жанров продемонстрировано наиболее отчетливо. Достаточно сказать, что знаменитая «Дума», в сущности, совмещает в себе признаки элегии и сатиры, в «Смерти поэта» сочетаются сатира, ода и даже элегия, а в «Валерике» соединяются жанры стихотворного послания и прозаического военного очерка. В результате этих жанровых сдвигов возможности свободного и широкого выявления образа лирического героя в его человеческой полноте значительно повысились.

Лирический герой Лермонтова — это передовой человек своего времени, беспокойный и мятежный романтик. Это — человек, окруженный враждебной ему действительностью, отгородившийся от нее в своем одиночестве, затаивший на нее злую обиду, страдающий и трагический, полный могучей страсти и воли, умеющий мыслить беспощадно критически и в какой-то момент готовый во имя общего блага к каким-то разрушительным, но неведомым для него подвигам. Это — человек глубоко интеллектуальный, способный к синтетическим философским обобщениям, наделенный пронзительным аналитическим сознанием, находящий противоречия и неблагополучие в том, что большинству его соотечественников казалось незыблемым и непререкаемым.

Интеллектуальная сила лирического героя Лермонтова соответствует интеллектуальному характеру лермонтовского творчества в целом, в частности его лирики. Называя Лермонтова «поэтом мысли», Белинский был совершенно прав. Размышления, анализ и самоанализ, в которых русская поэзия 20—30-х годов (Пушкин, Баратынский, Веневитинов) также добилась большой тонкости, стали основой наиболее характерных произведений лермонтовской лирики. Но эта особенность поэта не делает его рассудочным. Лирические монологи Лермонтова — это взволнованные рассуждения, темпераментная логика или, по выражению самого поэта, «мысли, дышащие силою» («Журналист, Читатель и Писатель»).

Не только содержание, но и структура лермонтовского стиха, его художественная ткань глубоко интеллектуальны. Отсюда тяготение поэтики Лермонтова к афоризмам и логическим антитезам («я или бог, или никто», ср. «мне грустно... потому, что весело тебе»). Отсюда — символические и аллегорические стихотворения: «Два великана», «Парус» и поздние «Утес», «Дубовый листок оторвался

от ветки родимой...» и другие. Лермонтов стремится не столько к тому, чтобы отобразить эмоциональный момент сам по себе или создать картину внешнего мира в непосредственно воспринимаемом соотношении его явлений, а прежде всего к тому, чтобы подчинить свои образы поэтическому заданию, мысли и расположить их не по их, а по ее закону. Поэтому в структурном отношении для Лермонтова более характерны такие стихотворения, как «К себе» или «И скушно и грустно», являющиеся эмоциональными рассуждениями, чем такие непосредственно-эмоциональные, как «Слышу ли голос твой...». Показательно также стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...».

Образы этого стихотворения — из мира природы. Здесь говорится о «ниве», о «лесе», «малиновой сливе», «ландыше», «студеном ключе». Но все эти образы хотя и относятся к одной категории, не составляют реального целостного пейзажа, не складываются в единую картину природы. Не случайно Гл. Успенский в своей статье «Поэзия земледельческого труда» (1880) упрекал Лермонтова за то, что поэт смешал в этом стихотворении разные времена года («желтеющая нива» и «малиновая слива» — начало осени; «ландыш» — весна). Но в таком смешении — не художественная ошибка Лермонтова, а проявление его метода. Образы стихотворения как бы вырваны из действительности, разрознены и объединены не на основании их естественной смежности, которая в самом деле ослаблена, а глубоко пережитой мыслью о просветляющем действии «природы-утешительницы». При этом из всего многообразия явлений природы Лермонтов отбирает здесь «самые лучшие ее сорта» (Гл. Успенский), а в этих отобранных явлениях выделяет те стороны, которые наиболее выразительны и «поэтичны», т. е. важны для выражения *мысли* стихотворения («свежий лес», «сладостная тень», «душистая роса», «ландыш серебристый» и т. д.). Такой тип отбора и акцентировки характерен не только для индивидуального стиля Лермонтова с обязательным для него преобладанием творческой личности над предметом, но и для романтизма вообще.

Лирический герой Лермонтова всем своим содержанием и обликом романтически выделен из среды, противопоставлен ей и приобретает характерные черты именно в этой своей противопоставленности.

Герой лирики Пушкина, освободившегося от влияния романтической традиции, получает материальную, предметную и даже социально-бытовую характеристику. Он может, например, коротать зимние вечера под кровлей ветхого деревенского жилья, слушая завывания бури и жужжание веретена своей собеседницы. Он имеет родословную — подробно рассказывает о своих предках и определяет свое социальное и сословное положение («Из бар мы лезем в tiers-

état»). Лирический герой молодого Лермонтова — это «внутренний человек» (Белинский); зависимость которого от внешнего мира скорее объявлена, чем показана. Бытовое, предметное и политическое окружение этого героя охарактеризовано обобщенно и суммарно. Отрицательная оценка темных сторон современной русской действительности почти сливается в ранней лирике Лермонтова с критикой человеческого рода вообще, так что герой оказывается жертвой не только «идолов света» и страны, где «рабство и цепи», но и «земной неволи» и «жребия земного».

Романтической сущности ранней лирики Лермонтова соответствует и романтический облик ее автогероя. Когда Лермонтов воспроизводит его живописно и пластически, поэт в ряде стихотворений придает ему традиционные черты, хорошо известные из поэм Байрона и других зарубежных и русских романтиков. В этих стихотворениях у героя «бледное чело», на котором «печать глубоких дум», «пасмурный и недовольный взгляд», его «угасший взор на тучи устремлен», он стоит, «задумчивость питая», «близ моря на скале» или на холме, «завернут в плащ» и т. п. Иногда Лермонтов говорит о своем герое как о грандиозной личности, сравнивает его с богом, а его душу — с океаном.

И однако принцип романтического преувеличения не охватывает всей лирики молодого Лермонтова: «авторский образ» часто является в ней как бы в «натуральную величину», «эмпирически».

Процесс сближения разнородных тематических линий в лирике Лермонтова, конечно, не мог привести и не приводил к их полному объединению. Они сходились друг с другом, перекрещивались в одних и тех же стихотворениях. Они сохраняли относительную самостоятельность, а иногда и вовсе обособлялись. В лирике Лермонтова на общем ее фоне наиболее определенно выделяются три темы: гражданская, философская и любовная.[1]

Хотя гражданских, чисто политических стихотворений у молодого Лермонтова сравнительно немного, они знаменательны и весомы. Большую часть этих стихотворений («Жалобы турка», «Песнь барда») и примыкающую к ним поэму «Последний сын вольности» в идейном и в художественном отношении определяет традиция декабристской поэзии с ее вольнолюбием и патриотизмом. По-декабристски Лермонтов восстает в них против рабства и угнетения. По-декабристски же он прославляет непреклонное следование гражданскому долгу и отвергает компромиссы, которые могут помешать вы-

---

[1] Эти темы имеют общие черты с «мотивами» в творчестве Лермонтова, которые освещены конкретно и подробно в соответствующем разделе («Мотивы») «Лермонтовской энциклопедии». М., 1981.

полнению этого долга («О, полно извинять разврат...», «Три ночи я провел без сна...», «Из Паткуля»). С тех же позиций он приветствует в стихотворении «30 июля. (Париж) 1830 года» июльскую революцию во Франции и низложение короля. В другом стихотворении («Предсказание») он пророчествует о том, что «царей корона» упадет и в России, и утверждает — на этот раз не только следуя декабристским идеям, но и обгоняя их,— что падение ее явится результатом народного мятежа.

К политической лирике молодого Лермонтова примыкают сатирические стихотворения «Булевар», «Пир Асмодея», «Примите дивное посланье...», патриотические стихотворения об Отечественной войне «Два великана», «Поле Бородина» и некоторые другие.

Зависимость большей части этих стихотворений от русской вольнолюбивой поэзии сказалась и в их форме — в их ораторской интонации, гражданской фразеологии, словаре («тиран», «рабство», «цепи», «отчизна», «сыны славян», «вольность»), а также в характерном для них методе аналогий и применений к современности. В этом отношении показательной для Лермонтова является трактовка темы древнего Новгорода как символа «народной вольности» («Новгород») и родины вольнолюбивых героев (поэма «Последний сын вольности»). Тот же метод лег в основу стихотворений «Жалобы турка», «Песнь барда», «Баллада» («В избушке позднею порою...»), «Плачь! плачь! Израиля народ...». Русская действительность рисуется здесь обобщенно, так, что ее конкретно-историческое и социальное содержание чаще всего переводится в морально-психологический план (хитрость, беспечность, «разврат», зло, добро и т. д.).

В лирическом творчестве молодого Лермонтова исключительно важную роль играет философская тема. Среди стихотворений, в которых она находит себе наиболее полное и специфическое для Лермонтова выражение, следует указать «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась...», «Ночь» (I—III), «Когда б в покорности незнанья...», «Чашу жизни», «Парус» и особенно лирический монолог «1831-го, июня 11 дня». Но содержание этих стихотворений несводимо к философии. Оно вступает здесь в то органическое для Лермонтова соединение с личной и гражданской темой, о котором было сказано выше.

Философская лирика Лермонтова очень далека от абстрактных стихотворных рассуждений, образцы которых можно найти, например, в поэтическом творчестве С. П. Шевырева, А. С. Хомякова или в некоторых думах А. В. Кольцова. Она пронизана личным началом и сосредоточена вокруг образа лирического героя. Напряженное стремление к самопознанию, желание определить свое отношение к людям и к миру являются источником этой лирики и ее особым пафосом. Этой общей тенденцией и самым характером поставленных проблем

Лермонтов сближается прежде всего с Байроном и отчасти с поэтом-любомудром Веневитиновым. В философских стихотворениях, как и во всем своем творчестве, Лермонтов не столько решает вопросы, сколько их ставит, но ставит так, что в самой их постановке во многих случаях у него уже намечаются определенные решения. Историческая прогрессивность такого подхода не подлежит сомнению: люди 30-х годов, еще не созревшие для *ответов* на многие основные вопросы времени, и к самим *вопросам* были подготовлены далеко не всегда.

Так, в философской лирике Лермонтова поднимается проблема добра и зла, их столкновения в душе человека и в человеческом обществе. Лермонтов задумывается над вопросом о смысле жизни, о путях гармонического покоя и безудержного, стремительного движения, о покорном подчинении судьбе и о борьбе с нею и решает этот вопрос в пользу беспокойства, исканий и борьбы («1831-го, июня 11 дня», «Парус», «Я жить хочу! хочу печали...»). В лермонтовской лирике говорится о смене людских поколений, об идеальном жизнеустройстве в далеком будущем и о том, что настоящее противоположно этому идеалу («Оставленная пустынь предо мною...», «На жизнь надеяться страшась...»). Лермонтова занимает и волнует вопрос об отношении человека к природе, о месте его во вселенной («Мой дом», «Небо и звезды», «Для чего я не родился...»). Мысль поэта последовательно и настойчиво возвращается к «загадке жизни и смерти», к вопросу о бессмертии души и старается сделать выбор между «земным» и «небесным» счастьем, явно склоняясь при этом к утверждению земной, материальной жизни как наиболее близкой, понятной и любимой («К деве небесной», «Земля и небо», «Что толку жить!.. без приключений...»). В связи со всей этой проблематикой Лермонтов ставит вопрос о несправедливости вселенских и человеческих законов и выступает с обвинением против бога, в котором иногда готов видеть виновника мирового зла («Ночь. I», «Ночь. II»).

Большое значение в ранней лирике Лермонтова имела любовная тема. Этой теме молодой Лермонтов посвятил более трети своих стихотворений.

Традиции русской любовной поэзии, существовавшей до Лермонтова, были богаты и многообразны. Стихи о любви лучших русских поэтов, предшествовавших Лермонтову, особенно стихи Пушкина, принадлежат к лучшим достижениям мирового искусства. Важным признаком этой поэзии, который явился одним из оснований ее внутреннего единства, чистоты и высокости, а также и относительной ее неполноты, была ярко выраженная сосредоточенность ее в пределах своей изолированной темы. Любовь, будучи предметом этих стихов, как бы стремилась отдалиться в них от того, с чем она соприкасалась в человеческом общежитии и в конкретной судьбе любящего,

обособиться в свою собственную область. Образ возлюбленной чаще всего лишался (или почти лишался) индивидуальности. Поэты сплошь и рядом превращали его в абстракцию чувства, в изначальную точку приложения любви или наделяли его заменяющими конкретную индивидуальность безличными ангелоподобными чертами. Личность героя любовных стихотворений, в свою очередь, часто сводилась к роли «носителя любви»: особенности его характера или его мировоззрения, могущие повлиять на его чувства, выявлялись далеко не всегда. Внешние обстоятельства, которые окружали любовь и могли определить любовную ситуацию, привлекали внимание авторов стихотворений в редких случаях. Для 10-х и 20-х годов XIX века, когда русская проза еще не вполне выработалась и «прозаическое мышление» почти еще не проникало в лирику, такое положение было естественным. Но в лирических стихах Пушкина намечались уже новые тенденции. В любовной поэзии Лермонтова эти тенденции были решительно поддержаны. Предпосылкой к ним является ее биографизм и ее стихийное стремление к циклизации.

В самом деле, стихи молодого Лермонтова о любви, если брать их в целом, ближе к подлинной биографии поэта, нередко точнее отражают ее реальные факты, чем его лирические произведения на другие темы. Отсюда — «предметность» и жизненная конкретность этих стихов.

Циклы любовных стихотворений Лермонтова не выделены им самим и не всегда ясны по своему составу, но тем не менее очень для него характерны. Любовные стихи молодого Лермонтова были посвящены Анне Столыпиной, Екатерине Сушковой, Наталье Ивановой (самый обширный цикл — свыше двадцати стихотворений) и Варваре Лопухиной. Стихотворения некоторых из этих циклов дают возможность проследить не только какой-либо момент любовных переживаний лирического героя, но и фазу развития его отношений с возлюбленной, например возникновение его чувства, ее «вероломство» и «измену», нарастание его скорби, вызванное «изменой», охлаждение и т. д. (стихи к Н. Ивановой). В этих стихах преобладают ходячие, условные обозначения женской красоты («прелестный взор», «чудные глаза» и т. п.), но сквозь эти штампы просвечивают и живые индивидуализированные образы героинь. Так, например, в стихах, адресованных Е. Сушковой, пунктирно намечается ее светский облик: «притворное внимание», «острота речей», насмешливое обращение с героем, бездушие (стихотворение «Благодарю!»). В цикле, связанном с Н. Ивановой — более серьезном и глубоком,— женский образ также окружен легкими светскими ассоциациями. Этот цикл характеризуется чисто лермонтовским психологическим анализом и уклоном к трагической тональности, которая контрастирует со светлым

тоном, преобладающим в любовной лирике Пушкина. И — что особенно важно — в этом цикле есть *намеки* на то, что причиной любовной трагедии являются некоторые особенности героини, сближающие ее с духом светского общества, и само светское общество («...и мук и слез Веселый миг тебе дороже!», «И слишком ты любезна, чтоб любить!», «мы с тобой разлучены злословием людским» и т. д.).

Так закрепленное традицией расстояние между любовной лирикой и изображением социального мира начинает в поэзии Лермонтова мало-помалу сокращаться. Русская действительность 30-х годов бросает свою тень даже сюда — в наиболее интимную область внутренней жизни лирического героя Лермонтова.

Иную характеристику получает женский образ в стихах, посвященных В. А. Лопухиной. В героине этого цикла не только не отмечены черты, обычные для светского круга, но, наоборот, она с ее «чудной простотой» и неспособностью «лицемерить» скорее противопоставлена идеалу светской красавицы («Она не гордой красотою...»; ср. «Посвящение» к «Демону», 1831). Герой этого небольшого цикла не случайно называет ее своим «товарищем» (дважды), «лучом-путеводителем» («Мы случайно сведены судьбою...») и своей «мадонной» — эпитеты, которые трудно было применить к Е. Сушковой и даже к Н. Ивановой. В связи с этим и чувство, выраженное в стихах к Лопухиной,— разделенное и просветленное — в корне отличалось от печального настроя предшествующих любовных циклов Лермонтова.

Индивидуализм, сказавшийся в стихах Лермонтова о любви, проявился и в лирической характеристике их героя. Выявление внутреннего мира этого героя не сводится к демонстрации его чувства. Мысли о любви смешиваются в его монологах с его заветными мыслями о себе и обо всем. Таким образом, и стихи Лермонтова о любви выходят из рамок своей непосредственной темы, воссоздают личность поэта в ее целостности и полноте.

В лирике молодого Лермонтова этой полноте и многообразию содержания, естественно, ставила предел прежде всего сама форма лирического жанра, затрудняющего широкое и объективное изображение реального «лермонтовского человека» во всей полноте. Поэтому драматические и эпические произведения, которые создавал молодой Лермонтов, были значимы не только сами по себе, но и как своего рода дополнения к лермонтовской лирике. Построенные в основном на том же содержании, что и лирика, они объективировали это содержание и тем самым — в границах романтического метода — приближали творчество Лермонтова к действительности.

Драматургия молодого Лермонтова представлена тремя пьесами

1830—1831 годов: трагедией в стихах «Испанцы» и драмами в прозе, построенными главным образом на автобиографическом материале: «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти») и «Странный человек». Эстетическая ценность этих произведений, незрелых и наивных, со слабо очерченными схематическими фигурами героев, невелика. Связанные с театром Лессинга и Шиллера, они в художественном отношении не представляют собой оригинальных явлений. Но как литературные документы, насыщенные яркими и существенными для Лермонтова идеями и горячим критическим пафосом, как попытка поэта проложить для себя важные творческие пути, эти драмы очень интересны.

Центральные фигуры юношеской драматургии Лермонтова — Фернандо в «Испанцах», Юрий Волин в драме «Menschen und Leidenschaften» и особенно Владимир Арбенин в «Странном человеке» — во многом соответствуют герою лермонтовской лирики. Но столкновение героя-романтика с миром развертывается в драматургии Лермонтова не так, как в лирике, где герой борется с действительностью, охарактеризованной обобщенно, главным образом в моральных категориях. В пьесах Лермонтова, в особенности прозаических, действительность, окружающая героя, раскрывается не только в морально-психологической, но и в социально-бытовой плоскости. В драме «Menschen und Leidenschaften» действие разыгрывается в крепостнической дворянской усадьбе. В «Странном человеке» семейная и любовная драма переносится в обстановку светских московских гостиных. И в основе лермонтовских драм лежит не отвлеченно-психологическое столкновение эгоизмов, а конфликты, имеющие социальные источники: имущественное неравенство, национальное притеснение, растлевающее действие крепостного права и пагубное влияние светских отношений. Таким образом, многое из того, что в лирике Лермонтова оставалось как бы недоговоренным (это вполне естественно для романтической лирики — от этого она становилась более емкой), здесь договаривается. Социальные причины «мировой скорби» «лермонтовского человека», обставленного в драмах реалистически изображенной прозаической средой, в известной мере обнажаются. В результате то, что условно можно назвать «реалистическим элементом» романтической системы молодого Лермонтова, получает в его юношеской драматургии большее развитие, чем в других его жанрах.

Романтизм Лермонтова выразился в его поэмах, к которым приближается и трагедия в стихах «Испанцы», еще более ярко, чем в его прозаических драмах. Это их качество и их многочисленность (до 1835 г. Лермонтовым было написано или начато восемнадцать поэм) заставляют видеть в них явление для молодого Лермонтова исключительно характерное и весомое.

В драмах Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек» представлены муки «лермонтовского человека», его обида, но не показана его способность к борьбе и протесту, его растущее мужество. Для того чтобы художественно воплотить эти потенциальные способности героя, нужно было представить его не только в «натуральную величину», со всеми его наличными особенностями, но и в его возможностях, а для этого перестроить его образ и ввести его в сферу, поднятую над прозаическим бытом. В своих романтических поэмах Лермонтов поступает именно так.

В них изображены могучие, волевые, непокорные, безудержные, свободолюбивые, жестокие, сумрачные герои и их «роковые» поступки. В поэмах Лермонтова находит себе выражение активная, наступательная линия его творчества. По своему содержанию лермонтовские поэмы не только оторваны от повседневной жизни эпохи, но и принципиально ей противопоставлены. В этом смысле они примыкают к байроновским восточным поэмам и пушкинскому романтическому эпосу, создавшим в русской литературе 20—30-х годов большую традицию. Действие поэм прикрепляется к экзотической почве (Кавказ, романтическая Испания и Италия) или переносится в древность (русская старина), а иногда и в «космическое пространство» (земля, небо). Почти все их сюжеты полностью или частично заимствованы из кавказских преданий, библейских текстов, исторических легенд или из позднейших книжных источников. Национальный колорит — иногда очень условный — имеет в них первостепенное значение.

Это относится к поэмам, основанным на изображении сильных, мужественных людей и феодальной России («Олег», «Последний сын вольности», «Литвинка», позже — «Боярин Орша»). Но еще важнее роль национального колорита в лермонтовских поэмах, посвященных Кавказу,— «романтической стране», которую, говоря в духе известного афоризма, Лермонтов должен был бы выдумать, если бы ее не было в действительности. Борьба кавказских народов за свободу, их «незапятнанная» цивилизацией, дикая простота и яркость их быта, их близость к природе, природа Кавказа сама по себе, могучая и величественная,— все это непреодолимо влекло Лермонтова и являлось для него неисчерпаемым источником поэтического волнения. Совпадение эстетической мечты поэта и реальной поэзии кавказской действительности придавало его изображению Кавказа особую прочность, предметность и художественную ощутимость (см. «Каллы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Хаджи-Абрек»).

В соответствии с романтической традицией Байрона и Пушкина композиционным центром лермонтовских поэм служит образ их ведущего героя. Вокруг него расположены другие, немногочисленные,

действующие лица этих немноголюдных поэм: возлюбленная героя и его противник, иногда соперник, и один-два второстепенных персонажа. Отношения между действующими лицами развиваются у Лермонтова с грозно нарастающим драматическим напряжением и в большинстве случаев приводят к кровавым развязкам. Герои поэм — стихийные бунтари, мстители-отщепенцы или отверженцы и скитальцы, которые в незавершенных поэмах сюжетно еще не успели стать мстителями, но по своему складу готовы в них превратиться.

Тема мщения — о ней говорилось уже выше — одна из самых настойчивых в стихотворном эпосе молодого Лермонтова. Можно сказать, что в своих поэмах он всесторонне исследует различные проявления мести и подразделяет их.

Лермонтов изображает целый ряд героев, мстящих за свое личное ущемление из ревности или по обычаю кровавой мести. Месть их оторвана от интересов остальных людей, эгоистически замкнута, античеловечна и не просветлена мыслью о добре, на которое «зло» может иногда надеяться. Они ведут себя так, как будто им все дозволено. Отсюда — зловещая атмосфера, окружающая образы мстителей в поэмах кавказского цикла и в «Боярине Орше».

Иначе выглядят герои юношеских поэм Лермонтова о «падшем ангеле». Этой темой объединены ранние редакции «Демона», «Азраил» и «Ангел смерти». Если исключить поэму «Азраил», в которой мотив мести отсутствует или еще не успел развиться, персонажи этих произведений также являются мстителями. Но зло рождается в их душах из высоких побуждений: они — высокие герои. Их конфликт с богом и с миром строится не только на личной обиде, он тяготеет к универсальной форме, имеет своим источником мысль о несправедливости, лежащей в основе всего мироздания. Они скорбят не только за себя, но и за весь обиженный богом мир и мстят не какому-нибудь отдельному обидчику, а всему существующему творению бога.

Третий вариант темы мстителя развит Лермонтовым в «Литвинке» (образ Клары) и особенно в «Последнем сыне вольности» и «Измаил-Бее». Герои этих поэм фактически противопоставлены мстителям-индивидуалистам, которых изображал Лермонтов в «Каллы» и «Хаджи-Абреке». Воля к мести, выношенная в душах прекрасной литвинки — гордой и лицемерной Клары, последнего сына новгородской вольности — Вадима и пасмурного вольнолюбца Измаил-Бея, порождена не только «малой» обидой, нанесенной им лично, но и «большой» обидой, от которой страдает их родина. Поэтому их месть возвышенна и по сути благородна, а поведение их служит образцом гражданской доблести. Самой большой и содержатель-

ной из этих поэм является стихотворная повесть «Измаил-Бей».

Тема одинокого мстителя, вступившего в союз с борющимся народом, поставлена также в романе «Вадим» — единственном прозаическом произведении молодого Лермонтова (не завершен). Исключительная смысловая насыщенность этого неоконченного романа и время его создания позволяют считать его своего рода идейной энциклопедией юношеского творчества Лермонтова. Пользуясь возможностями прозаического повествования, Лермонтов пытается ввести образ своего основного титанического, одинокого героя в более широкий контекст, чем в предшествующих произведениях. Поэт окружает этот образ и социально-бытовой обстановкой (как было в его драмах), и большой политической историей (как в «Измаил-Бее»), а также авторскими философско-психологическими комментариями (как в лирике). При этом материалом к роману служили Лермонтову не экзотический Кавказ, а русский быт и русская история недавнего прошлого — эпохи пугачевского восстания.

В лице горбуна Вадима Лермонтов показывает человека трагического сознания, обладающего огромными духовными возможностями и силами, превратившимися в нем в неистовую демоническую злобу и ненасытную жажду мщения. Эта злоба, вызванная человеческим коварством (разорение семьи Вадима, нищета) и «божьей несправедливостью» (его уродство), имеет прежде всего личные основания. Сближение Вадима с восставшим народом объясняется не столько его сочувствием к восставшим, которых он презирает и называет «подлыми рабами», сколько его желанием использовать их в своих целях (в этом отношении позиция его имеет нечто общее с позицией байроновского Люцифера). И автор, окруживший образ Вадима мрачной и дикой поэзией, не пытается тем не менее целиком оправдать поведение своего героя: холодные жестокости Вадима представлены безнравственными и антиэстетическими. Кроме того, из текста романа мы видим, что сам герой его начинает уже понимать моральную несостоятельность своего образа действий и критически относиться к своей роли «разрушителя жизни» (гл. 14).

Лермонтов с несравненной для того времени политической остротой показывает в своем произведении уродливую сторону поместного быта, античеловеческие проявления дворянской власти и моральную правомерность крестьянского мятежа. Но формы, которые принимали крестьянские восстания в России, отталкивали Лермонтова. Народный бунт изображается в «Вадиме» (как и в «Капитанской дочке») «бессмысленным и беспощадным» (Пушкин). При этом получилось, что концепция народной мести в романе не противопоставляется личной мести героя.

На материале «Вадима» еще яснее, чем в автобиографических драмах, обнаруживается стадиальная ограниченность романтического метода. Образ героя, проходя сквозь события и сцены романа, остается самодовлеющим и, в сущности, не соизмеренным с действительностью романа. Жизнь осталась в романе по одну сторону, герой — по другую. Отсюда роковая двойственность языка и стиля произведения — распадение его на ультраромантическую стилистику (Вадима, Ольги, нищих) и реалистическую стилевую сферу бытописания, в которую вошли образы помещика Палицына, крестьян и дворовых. Органической однородности стиля в «Вадиме» не было достигнуто. Здесь следует видеть один из недостатков этого характерного и интересного, но еще незрелого произведения Лермонтова.

3

Переход Лермонтова ко второму, зрелому периоду творчества совершился в 1835—1836 годах. В жизни Лермонтова началу этого нового периода непосредственно предшествовало время некоторого ослабления творческой работы, совпавшее с пребыванием поэта в юнкерской школе. Как известно, Лермонтов назвал годы юнкерства «страшными» и имел к тому достаточно оснований: пустая и распущенная жизнь юнкеров с ее цинизмом, непотребством и повесничеством, концентрировавшая на «малой площадке» душевные недуги лермонтовской эпохи, была способна развеять многие романтические иллюзии. Именно в этот период и начинаются поддержанные всем ходом развития русской словесности интенсивное движение Лермонтова к реальной действительности и его поиски новых способов ее изображения, реалистического по существу.

Герой юношеских произведений Лермонтова был связан прежде всего с традициями байроновского и пушкинского романтизма. Соответствующая этим традициям литература, не смешиваясь с творчеством декабристов, тесно соприкасалась с ним и первоначально возросла на русской почве, главным образом — декабристской идеологии. Но Пушкин, сумевший оценить русскую политическую обстановку еще до того, как ее трагически оценила история, т. е. до поражения декабристов, перешел на новые позиции. Продолжая сочувствовать декабристским идеалам, он уже не мог верить революционной теории декабристов и разделять их надежды на героев как вершителей истории и созидателей жизни. В пушкинских «Цыганах» и «Пиковой даме» — при всей разнородности этих произведений — романтический герой освещается в обоих случаях критически, а в «Евгении Онегине» и «Повестях Белкина» утверждается реализм и окончательно закрепляется

право писателя на изображение «простого человека». Образы исключительных героев, раскрываемые субъективно, сменяются у Пушкина выявлением «типических характеров» и объективно-исторических закономерностей повседневной жизни.

В произведениях *молодого* Лермонтова этот сдвиг, пережитый Пушкиным, и последующий творческий опыт Пушкина почти не отразились. Пушкинская поэма «Цыганы» явилась рубежом, которого молодой Лермонтов не мог перейти. Более того, юношеское творчество Лермонтова во многом противопоставлено пушкинскому творчеству периода «Евгения Онегина». Юный Лермонтов не снизил и не развенчал своего мятежного героя с его стихийным бунтом. И в этом была правда Лермонтова перед Пушкиным и перед эпохой, требующей тогда, в момент торжества самых косных исторических сил, более чем когда бы то ни было, вмешательства субъективного фактора, личных оценок. Но личность героя, возвышенная над людьми, была освобождена Лермонтовым от ограничения и контроля, ее свобода была доведена до произвола — и здесь таилась опасность изоляции личности: *в этом смысле* молодой Лермонтов был позади Пушкина.

С 1835—1836 годов творческие принципы Лермонтова существенно меняются. Не отказываясь от романтического мировоззрения и метода целиком, он начинает смотреть на своего героя и на действительность с большей объективностью и трезвостью. Во второй половине 30-х годов он ориентируется уже не на Пушкина-романтика, а на Пушкина-реалиста. И все же путь зрелого Пушкина не становится путем Лермонтова. В противоположность Пушкину, Лермонтов в основных произведениях и теперь сохраняет поэтический ореол над своим высоким романтическим героем, но, в отличие от Байрона, ставит его под контроль реальной действительности, корректирует его, вносит в его образ, если можно так выразиться, «шекспировскую поправку». Герой Лермонтова до конца остается могучим, романтически-беспокойным, свободолюбивым, мятежным и трагически противопоставленным окружающему миру. Но вместе с тем он теряет значительную часть своей автономности и в несравненно большей степени, чем до сих пор, сопоставляется с реальностями, стоящими вне его личности, и, следовательно, глубже раскрывается и оценивается. Этим и определяется то новое и едва ли не самое важное в творчестве Лермонтова, что отделяет его от Пушкина, с одной стороны, и от Байрона — с другой. Эта позиция Лермонтова и дает право видеть в нем великого и вполне оригинального писателя.

Изменения, которые обозначились в произведениях Лермонтова с 1835—1836 годов, исключительно важны. Есть основания говорить в первую очередь о трех существенных типах этих изменений. Можно сказать, что в это время в лермонтовском творчестве: 1) устанавливается суд над героями — индивидуалистами и своевольниками;

2) приобретают особое значение и получают право голоса герои, связанные с народным сознанием; 3) образы героя и действительности становятся объективней, в конечном счете реалистичней.

Рисуя в своих ранних произведениях персонажи мстителей, Лермонтов уже тогда резко разделял их в зависимости от характера их мести. Высокие мстители-борцы, Вадим Новгородский и Измаил-Бей, освещались Лермонтовым совсем иным светом, чем герой поэмы «Каллы» и «Хаджи-Абрек». Но сознание и поведение, соответствующие образу Вадима Новгородского, не отвечали потребностям и возможностям эпохи 30-х годов, и Лермонтов зрелой поры к изображению этих персонажей не возвращался. Гораздо актуальней для Лермонтова и его эпохи были образы Демона, Арбенина из «Маскерада» и Печорина. В этих образах выявлялись индивидуальные и индивидуалистические формы протеста «лермонтовского человека», которые в тот реакционный период истории, низводящей гражданские битвы до личной «партикулярной» борьбы одиночек, имели очень большое и по своим общим результатам положительное значение. В душах этих героев добро и зло находились в сложных диалектических взаимоотношениях, как «два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга» («Вадим», гл. 8), а иногда и в состоянии более простого и явного смешения.[1] Такие персонажи, как Вадим из юношеского романа Лермонтова, Демон, Евгений Арбенин и Печорин, живя в мире, «где преступленья лишь да казни», не могли не испытать влияния этого мира. Они должны были принять в себя его яд и даже сопротивлялись ему, применяя иногда его же неблаговидные средства или ограничивая свой протест наиболее бесперспективной из возможных форм протеста — мщением.

Для Белинского, например, сведéние борьбы к мести было неприемлемым. «Великий человек» — по его мнению — «разит своих врагов, но не мстит им; в их падении для него заключается торжество его дела, а не удовлетворение обиженного самолюбия».[2] У Лермонтова нет обобщающих признаний, которые продемонстрировали бы его отношение к мести и к своим героям-индивидуалистам и эволюцию этого отношения. Но произведения Лермонтова зрелого периода показывают, что он начинает подыматься над этими героями и судить их. Он принимает их «добро», их томление по совершенству, внутренний пафос

---

[1] Вопросу о «диалектике» добра и зла у Лермонтова большое внимание уделил в своих работах Б. М. Эйхенбаум, особенно в своих статьях: «Художественная проблематика Лермонтова» (Лермонтов М. Ю. Стихотворения. Л., 1940. Т. 1. Б-ка поэта, БС) и «Литературная позиция Лермонтова» («Литературное наследство». М., 1941. Т. 43—44).

[2] Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 523.

их протеста — и отвергает их «зло», эгоистическую и антиморальную форму этого протеста, в том случае, если их протест в нее облекался. И суд над ними осуществляется теперь у Лермонтова не с помощью субъективных оценок, подкрепляемых мелодраматическим раскаянием героев, которому отчасти предавались главные персонажи поэм «Джюлио», «Измаил-Бей» и стихотворения «Атаман», а «поручается» самой действительности с ее не зависящими от авторской воли объективными законами. Этот суд, ведущий к возмездию, совершается над высокими героями Лермонтова — «нарушителями морали»: Евгением Арбениным, Кирибеевичем, Демоном, Печориным, в которых зло, отрываясь во многом от его «добрых» источников, разрушает не только то, на что оно направлено, но также их собственные личности, по природе своей благородные и поэтому не выдерживающие своего внутреннего зла. Возмездие обрушивается также на героя и со стороны людей, которые, защищая себя от всего того, что выше их морали, обороняются также и от того, что ниже ее (месть Неизвестного *виновному* перед ним Арбенину).

Сам Лермонтов в своих произведениях говорил о возмездии много раз, чаще всего относя его за счет «божественной справедливости». Он утверждал существование земного и небесного суда для царей в стихотворении о французской революции, призывал «божий суд» покарать «наперсников разврата», вложил упоминание о божественном суде в монолог Демона («Надежда есть — ждет правый суд»,— редакция 1838 и 1839 годов), в стихотворение «Оправдание» («Скажи, что судит нас Иной») и в «Журнал Печорина», в который введено рассуждение о «правосудии божием» и о том, что душа «наказывает себя». Объективное содержание этих высказываний не умещается в их религиозную форму. Если взять произведения Лермонтова, в концепцию которых входит идея возмездия («Песня про ... купца Калашникова», «Маскерад», «Герой нашего времени», «Демон»), то все они, за исключением «Демона», в известной мере могут обойтись без мистики, да и в «Демоне» обобщающий знак небесного приговора соответствует вполне реальным, психологически объяснимым процессам, происходящим в человеческом сознании.

Идея возмездия, нашедшая отклик у просветителей XVIII века и у романтиков, принимала весьма различные формы, имевшие в ряде случаев противоположное общественное значение. В прогрессивной литературе она была связана с верой в разумный смысл человеческой жизни и истории. Эта идея приобретала тогда моральный пафос — свойство, в высокой степени присущее русскому прогрессивному искусству. Недаром идея возмездия явственно звучала в творчестве декабристов (например, у Рылеева в «Видении императрицы Анны», «К временщику», и особенно у Кюхельбекера — в «Аргивянах»). Еще бóльшую роль она играла у Пушкина: в «Цыганах», «Борисе Году-

нове», «Евгении Онегине», «Каменном госте», «Пиковой даме», «Русалке». Конечно, возмездие во многих из указанных произведений сильно отличается от лермонтовского варианта этой идеи, служившей в творчестве Лермонтова прежде всего ограничению и «очищению» индивидуалистической личности. И все же воплощение идеи возмездия у Лермонтова и в названных выше произведениях имеет много общего.

Сказавшееся в творчестве Лермонтова стремление ограничить право личного произвола своих мятежных демонических героев не исчерпывается тем, что поэт показывает тяготеющее над ними возмездие или, иначе говоря, саморазрушительные проявления их индивидуализма. Моральное право на своеволие этих одиноких и вознесенных над массой героев ограничивается у Лермонтова и другим путем. Рядом с ними в произведениях Лермонтова появляются корректирующие их образы «вторых персонажей» — людей, близких к народному мировоззрению. Ограничение основных героев «вторыми персонажами» имеет у Лермонтова первостепенное значение. Здесь возникает вопрос об отношении поэта к привилегированному обществу и к народу.

Лермонтов не был ни историком, ни социологом, ни теоретиком, и его общественные и политические взгляды не складывались в какую бы то ни было даже относительно упорядоченную систему. Но уже в ранних его произведениях определенно наметились те его симпатии и антипатии, сочетание которых дает право считать его одним из наиболее прогрессивных художников и мыслителей своего времени. Важнейшим показателем позиции Лермонтова является его враждебное отношение к светскому обществу, к крепостникам и его расположение и внимание к национальной почве, к народу, к простым людям.

Чувство родины — родной земли и родного народа — никогда не покидало Лермонтова. Уже в 1830 году в стихотворении «Булевар» он положительно противопоставляет народ светской черни. С того же времени начинается увлечение его русскими народными песнями, в которых, по его словам, «верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».[1] В 1831 году в стихотворении «Баллада» («В избушке позднею порою...») он прославляет простую женщину, юную славянку, которая учит ребенка мстить поработителям родины. В ранних автобиографических пьесах и в «Вадиме» с большим сочувствием он набрасывает образы крепостных мужиков и дворовых.

Но не только прямое изображение народной жизни и высказывания о ней у Лермонтова и не только национальная окраска его произведений дают право говорить о народной основе его творчества.

[1] Автобиографические заметки // Соч. Т. 6. С. 387.

Сама позиция «лермонтовского человека», о которой было сказано выше, позиция человека, с небывалой до того времени силой ощутившего себя *личностью*, обособившегося, задумавшегося, рефлектирующего и восставшего против окружающей действительности, предваряла процесс роста русского *народного* сознания и содействовала развитию этого процесса. Можно сказать, что «лермонтовский человек», в особенности лирический герой Лермонтова, не будучи «простонародным» (термин, обычный у Белинского), был причастен к народности, или, иначе говоря, являлся во многих отношениях выразителем народных, хотя еще не осознанных народом интересов и устремлений. И все же это обстоятельство не могло заменить «лермонтовскому человеку» и самому поэту поддержку широкого общественного коллектива, прямой осознанной близости к народу и ясного чувства идейной и психологической общности с народом. Более того, народность «лермонтовского человека», явившаяся результатом его высокой сознательности, без непосредственной связи его с простонародной стихией была неполной. Эта неполнота наиболее заметно обнаруживается в ранних произведениях Лермонтова, в которых носители непосредственного народного сознания, «простые люди», играют второстепенные роли, а в передаче народного национального колорита преобладает экзотика или условность.

Вместе с развитием и созреванием творчества Лермонтова это положение изменилось. Замедленная, но уже ощутимая в 30-х годах демократизация состава культурного общества и русской литературы, появление целого ряда произведений, посвященных изображению представителей низших общественных слоев (повести Н. Полевого, М. Погодина, Н. Павлова, стихотворения Кольцова и в первую очередь пушкинские «Повести Белкина»), несомненно оказали на Лермонтова большое влияние. Образы «простых людей» возникают уже в его юношеских произведениях, но только с 1835—1836 годов они становятся, как отмечалось выше, совершенно необходимой и характерной принадлежностью его творческой системы. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить таких героев Лермонтова, как плебей и разбойник Арсений из «Боярина Орши», в какой-то мере разночинец, хотя и не близкий к народной почве Красинский из «Княгини Лиговской», купец Калашников, Оленька из «Арбенина», Максим Максимыч, старый служака офицер из очерка «Кавказец», а также героев стихотворений «Бородино», «Умирающий гладиатор», «Казачья колыбельная песня», «Сосед», «Соседка» и «Завещание».

Это — люди из народа или так или иначе близкие к народной жизни по своему духу или судьбе. Некоторые из них являются носителями лучших качеств народного характера. Тогда они чисты сердцем, чутки к добру и злу, в большинстве случаев цельны, чужды рефлексии, трезвы и бодры и в этом смысле противопоставлены основным

героям Лермонтова, в значительной мере лишенным этих качеств,— его скорбникам, своевольцам и бунтарям-индивидуалистам. (Особенно рельефно это противопоставление дается в «Герое нашего времени», в котором антагонистами Печорина являются простой по духу Максим Максимыч и «естественный человек» Бэла.)

Конечно, главная роль в творческой системе Лермонтова до конца остается за его бунтующим интеллектуальным героем. Этот герой — выразитель пробуждающейся критической мысли — был нужен эпохе в первую очередь и принимался ею как *герой* со всей его интеллектуально-индивидуалистической ограниченностью. Но и «простые люди», изображаемые поэтом,— Максим Максимыч, солдат-рассказчик из «Бородина» и другие — по сравнению с этим центральным лермонтовским героем были тоже ограничены. Им не хватало критической зрелости, способности к бесстрашному мышлению, анализу и внутренней свободы — всего того, чем с избытком был наделен «лермонтовский человек» как целое. И все же Лермонтов, изображая «простых людей», отнюдь не стремится продемонстрировать их слабость, а обращается к ним для того, чтобы ярче выявить болезни души своих главных персонажей, показать, чего им недостает.

Основной *пафос* писателя может выражаться не только в утверждении той или другой целостной истины, но и в сочетании и даже в драматическом столкновении этих односторонних истин, во взаимодействии которых открывается истина более полная и высокая. Пафос зрелого Лермонтова нельзя сводить к безудержной поэтизации одинокой героической личности. Прославляя эту личность, Лермонтов вместе с тем напоминает о границах ее моральных прав и ее индивидуальных возможностей. И одним из путей к этому служат характерные для его творчества сопоставления его основного героя с «простым человеком» — хранителем народной правды, корректирующей правду этого героя. Именно в приближении «простого человека» к миру интеллектуального героя и в том внутреннем идейном комплексе, который с этим связан, и следует искать один из признаков самобытности зрелого Лермонтова, в чем, как уже было сказано, едва ли не главное его отличие от Байрона.

Выявление внутренних разрушительных процессов в личности главного героя Лермонтова («внутреннее возмездие») и ограничение моральных прав этого героя образом «простого человека» нельзя не рассматривать как важнейшие признаки движения Лермонтова от субъективного романтического изображения действительности к объективному, в котором моральное общенародное сознание играет роль одного из главных регуляторов. Но рост объективного содержания в творчестве Лермонтова второй половины 30-х годов, т. е., в конечном итоге, зарождение реализма в его творчестве, характеризуется не только этими признаками. Зарождение реализма у Лермонтова — это

универсальный, многосторонний процесс, повлиявший на бо́льшую часть произведений поэта.

Особенностью этого процесса является то, что он не зачеркивает романтического лиризма Лермонтова и мятежного романтического сознания лермонтовских героев, а, в известной мере, объективирует эту романтическую стихию. Пространство и время в произведениях Лермонтова становятся конкретнее, уточняются. Чаще всего он прикрепляет своих героев к определенной бытовой и социальной среде и в этом случае стремится охарактеризовать их внутренний мир и условия их жизни как явления, существующие в истории, связанные с современной ему эпохой. Характеры его героев, до сих пор во многом схожие друг с другом, становятся разнообразнее, богаче и там, где это позволяет художественная структура произведения, изображаются без идеализации, социально определяются и типизируются. И связь героя с действительностью в творчестве Лермонтова уже не сводится теперь к их полумеханическому сосуществованию, как это было, например, в «Вадиме». В «Княгине Лиговской», «Тамбовской казначейше», «Герое нашего времени», в таких стихотворениях, как «Дума» и «Завещание», у Лермонтова намечается изображение не только связи, но и обусловленности героев действительностью, сформировавшей их личность и направляющей их судьбу.

4

Художественная зрелость Лермонтова соответствует периоду его жизни в Петербурге накануне первой ссылки на Кавказ (в 1837 году), опять в Петербурге и во второй кавказской ссылке (с 1840 года), которая была прервана летом 1841 года гибелью поэта. Годы и месяцы, проведенные Лермонтовым в Петербурге после первой ссылки и позднее,— время литературной славы Лермонтова. В те годы и месяцы Лермонтов знакомится с целым рядом видных русских литераторов, а с 1837—1839 годов начинает систематически печататься в журналах (особенно в «Отечественных записках»). В 1840 году он публикует отдельным изданием «Героя нашего времени» (2-е издание — в 1841 году) и сборник своих избранных стихотворений и поэм (в 1841 году) — других книг Лермонтова при жизни его не выходило.

Творчество Лермонтова во второй половине 30-х годов образует, как и прежде, четыре жанровых потока: стихотворения, драмы, поэмы, проза. Но соотношение этих форм, их значение и наполнение у раннего и позднего Лермонтова очень различны. Преломляя в своем творчестве эволюцию русской литературы 30—40-х годов, Лермонтов вместе с этой литературой решительно движется к повествовательной прозе — форме, которая, как прояснило будущее, оказалась наиболее

пригодной для реалистического словесного искусства XIX века. Поэтому наряду с лирикой, сохранившей в лермонтовском творчестве свою прежнюю выдающуюся роль, проза становится в высшей степени ответственным и перспективным жанром зрелого Лермонтова. Не случайно «Герой нашего времени» является итогом художественного развития поэта, одним из самых основных его достижений. В лирике и прозе Лермонтова отчетливее, чем в других сферах его творчества, отразились новые принципы лермонтовской эстетики, открывавшей дорогу к реализму, к *будущему* русского искусства. Иное место занимают в художественной системе зрелого Лермонтова драмы и поэмы. Драматургия Лермонтова, по-видимому не без влияния цензурных запретов, обрывается в 1836 году, отдав существенную часть своего содержания вызревающей лермонтовской прозе. Поэмы Лермонтова представляют собой очень пеструю картину, но лучшие из них — «Демон» и «Мцыри» — высочайшие вершины русской романтической поэзии, по своим темам и стилю во многом связаны с юношеским творчеством поэта, с его недавним *прошлым*.

Каким же путем шел Лермонтов от прошлого к будущему в последнем шестилетии своей литературной жизни и какие вехи на этом пути он оставил?

Второй период в развитии Лермонтова открывается его новыми драмами, повестью «Княгиня Лиговская» (1836) и поэмой «Сашка», основная часть которой была, видимо, написана именно в эти годы.

Лучшей драмой Лермонтова, без сомнения, следует считать «Маскерад». Это — драма романтического стиля с мятежным романтическим героем, с бушеванием трагических страстей, с лирической партией чистосердечной и прелестной героини, с Мефистофелем, скрывающимся под маской бытового персонажа (Казарин), с таинственным Незнакомцем и отравлением. Яркость и сила характеристики основных действующих лиц этой драмы и, прежде всего, личности Евгения Арбенина, стремительность драматического движения, афористическая меткость и гибкость стиха, в котором грибоедовская разговорная речь бытовых героев совмещается с могучей энергией и страстью романтических арбенинских монологов,— все это заставляет говорить о «Маскераде» как о крупном явлении русской классической драматургии. Влияния романтиков В. Гюго, А. Дюма, шекспировского «Отелло» вполне уживались с национальной самобытностью пьесы и ее бытовыми сценами. Лермонтов поставил и до известной степени разрешил в «Маскераде» ту задачу изображения высокого романтического героя в бытовом окружении, которая имела прямое отношение к становлению его реализма и которую он не сумел разрешить ни в своих юношеских автобиографических пьесах, ни тем более в «Вадиме».

Арбенин, главный герой пьесы — Демон, сошедший в быт,— вкладывал в свою любовь к Нине такие же надежды на спасение и обновление, как его мифологический двойник Демон — в свою любовь к Тамаре. Этот гордый и страдающий герой лишен гражданской активности Чацкого. Но во всем обаянии своей зрелой силы и страсти, как Чацкий, он противопоставлен многоликой и разнузданной светской черни, в образе которой является перед ним зло «нынешнего века» и отчасти, как обычно у Лермонтова,— всего мира. Поэтому «Маскерад» есть социально-психологическая и философская драма, совмещающая в себе изображение светской среды с постановкой философской проблемы зла, разлитого в душах людей и прилепляющегося даже к тем, кто с ним борется. Социальная направленность пьесы выражается в резкой критике светского общества, в демонстрации того, как оно само сбрасывает с себя маски внешней благопристойности (отсюда и символическое название пьесы) и обнажает свою низменную сущность: развратную, жестокую, корыстную, лживую и циничную. Эта линия «Маскерада» и все, что говорится в нем о неблагополучии жизни, испугали петербургских цензоров и повлекли к запрещению пьесы (Лермонтов представлял в цензуру три варианта «Маскерада», но ни один из них не прошел).

Тема героя и его судьбы в продолжение работы Лермонтова над «Маскерадом» подвергалась очень серьезным и показательным для развития Лермонтова изменениям, которые нельзя сполна свести к стремлению поэта приспособить свою пьесу к цензурным условиям. В первой из представленных в цензуру трехактной редакции «Маскерада», близкой по своему духу к юношескому творчеству Лермонтова, Арбенин мстит Нине за ее мнимый обман, за мнимое оскорбление ею его достоинства и его идеала и не несет прямого возмездия за убийство Нины, или, вернее, это возмездие в пьесе не подчеркивается. В общеизвестной четырехактной редакции (1835) месть и мотивы к мести у Арбенина остаются те же, но в личности Арбенина, сохранившей и здесь свой высокий и благородный пафос, больше выделены теневые стороны (неблаговидный поступок, совершенный им по отношению к Неизвестному). В противоположность Чацкому, «рыцарю без страха и упрека», Арбенин в этическом отношении находится и вне, и внутри того общества, с которым он сталкивается. Зло, разъедающее светскую среду, проникло в душу героя. Он благородный шулер и авантюрист, но все-таки шулер и авантюрист, потерявший над собой моральный контроль и готовый поверить в плохое (в «измену» Нины) скорее, чем в хорошее (в ее невиновность). Но главное отличие этой основной редакции от предшествовавших заключается в том, что Арбенин оказывается в ней жертвой явного, реализованного в сюжете возмездия: нравственно разрушенный совершенным им преступлением, он сходит с ума. При этом сюжетной пружиной, способствующей действию «ме-

ханизма возмездия», становится — в четырехактной редакции — зловещая условно-романтическая фигура Неизвестного, призванного отомстить мстителю. Душевная низость Неизвестного и отвратительный способ его мести не должны приводить к отрицанию того, что в этой мести есть *доля* справедливости («...творец! — восклицает один из персонажей «Странного человека».—...Честные ли люди бывают на земле палачами?»)

В четырехактной редакции «Маскерада» значительно усиливается обвинение против Арбенина, но вместе с тем он подвергается в ней страшной казни. И эта казнь как бы противопоставляется приговору, который готов произнести над Арбениным зритель, т. е. в конце концов приводит к смягчению приговора, увеличивает сочувствие к герою, в известной мере «очищает» его. «Он так жестоко наказан оскорбленным им законом нравственности,— писал Белинский о герое пушкинских «Цыган» Алеко,— что чувство наше, несмотря на великость преступления, примиряется с преступником» [1]. Так в процессе работы над «Маскерадом» Лермонтов, повышая сочувствие к Арбенину, к его мятежному и гордому духу, осуждает в то же время дикий индивидуалистический произвол его действий, ставит их под контроль сил, прежде всего моральных, которые от его воли не зависят. Этот рост объективного содержания в основной редакции «Маскерада» соответствовал общему направлению творческой эволюции Лермонтова. Будучи романтической драмой, сохраняя художественное своеобразие этого жанра, его бурную поэтичность и подчеркнутую театральность, «Маскерад» содержит в себе тот реалистический элемент, которому в последующих произведениях Лермонтова суждено было еще более развиться и окрепнуть.

Накоплению реалистического опыта Лермонтова несомненно способствовали и последние его пьесы — переделанный из «Маскерада» «Арбенин» (1836) и «Два брата» (1836?). Хотя по своим художественным качествам эти пьесы сильно уступают «Маскераду», их роль в развитии поэта не следует преуменьшать.

Значительной интенсивностью и разнообразием отличалась работа Лермонтова над поэмами.

В большей части новых поэм Лермонтова, так же как и в поэмах предшествующего периода, художественно воплотились отдельные черты его лирического героя. Но по выбору персонажей и обстановки, по подходу к ним, по своим поэтическим средствам новые поэмы Лермонтова резко отличаются друг от друга и, в сущности, образуют целый ряд жанровых разновидностей. И тем не менее многообразие лирико-эпического творчества Лермонтова второй половины 30-х годов

---

[1] Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 396.

может быть сведено к двум господствующим, параллельно развивающимся формам. К ним относятся поэмы героического содержания, с одной стороны, и повести в стихах из современной жизни — с другой. Поэмы первой группы, объединенные образами высоких героев, имеют чисто романтический характер. К ней непосредственно относятся «Боярин Орша», «Мцыри» и «Демон». К ней примыкают в какой-то мере «Песня про... купца Калашникова» и «Беглец». Во второй группе поэм намечается пересмотр романтических позиций, а в некоторых поэмах — отход от романтизма. Герои их снижены или психологизированы, смыкаются с бытом или даже растворяются в нем. К этой группе принадлежат «Монго», «Сашка», «Тамбовская казначейша» и «Сказка для детей».

Поэмы Лермонтова героического содержания, относящиеся к 1835—1839 годам, создавались в тот период, когда русская романтическая поэма, оттесняемая романом и повестью, теряла свою актуальность в литературе и, мало-помалу, переходила в ве́дение эпигонов или вульгаризаторов. В своих поэмах Лермонтов вернулся к этой падающей традиции, поднял ее до огромной высоты и вместе с тем надолго исчерпал. Поэмы Лермонтова, выдвигающие образ высокого героя, явились одной из самых ярких вспышек русской романтической поэзии и вехой, обозначившей границу широкого наступательного движения этой поэзии. Лермонтов развивал в них свои юношеские образы и темы, которые еще сохраняли над ним власть и художественным воплощением которых в своем раннем творчестве он, естественно, не мог быть доволен. Но, опираясь в поздних поэмах на свою юношескую поэзию, Лермонтов вносил в них «поправки», характерные для его зрелого художественного мировоззрения.

Так, например, в поэме «Боярин Орша», близкой к раннему лирическому эпосу Лермонтова, уже начинает ощущаться влияние новых тенденций лермонтовского творчества. Не случайно злобному произволу главного действующего лица поэмы боярину Орше противопоставляется как положительный герой — безродный бунтарь Арсений. Художественное взаимодействие образов этих двух героев приводит к тому, что лирическое господство Орши в поэме ограничивается и он получает в ней критическую оценку.

Новые творческие устремления Лермонтова значительно сильнее, чем в «Боярине Орше», реализовались в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Она напоминает старинную легенду, сказанную скоморохами-гуслярами. Несмотря на то что действие этой поэмы приурочено ко времени Иоанна Грозного и она организована в стиле русского фольклора, концепция ее входит в идейную и образную систему Лермонтова и служит поэту для постановки основных, актуальных для него вопросов. Как и в «Боярине Орше», в этой стилизованной «Песне» — два централь-

ных героя. Один из них — опричник и царский любимец Кирибеевич — в какой-то мере близок к типу демонических персонажей Лермонтова. Это своего рода древнерусский индивидуалист. Кирибеевич — человек широкого размаха, удали и необузданного своеволия, готовый принести в жертву своим страстям честь и спокойствие окружающих его людей. Недаром дважды в поэме упоминается о знаменательной родословной Кирибеевича, происходящего из «славного» рода кровавого Малюты Скуратова (генеалогия, по-видимому, не случайная!). В лице другого героя — антагониста Кирибеевича купца Калашникова — Лермонтов рисует мощный характер носителя крепких устоев старозаветной народной жизни и вместе с тем человека, наделенного качествами основных лермонтовских персонажей — способностью к бесстрашному протесту и борьбе. В образе Калашникова развивается и наполняется национально-русским, народным содержанием давняя лермонтовская тема мстителя, лишенного демонических черт и борющегося за справедливость. Так, ломая традицию байроновского романтизма, Лермонтов, по существу, подымает образ простого человека над своим своевольным эгоистичным героем.

И высокая доблесть, человеческое достоинство Калашникова, и нравственное превосходство над его незаурядным противником Кирибеевичем утверждаются не только всей силой образа «удалого купца», но и замыкающими текст «Песни» стихами о той безотчетной лирической памяти и сочувствии, которыми народ окружил его безымянную могилу на распутье больших русских дорог. Здесь — лирический катарсис поэмы, утешающее *лирическое* разрешение неразрешимого.

В «Песне про... купца Калашникова» обнаруживается и другая тенденция: своевольный герой «Песни» ставится в ней под действие возмездия. И осуществляется это возмездие, кстати сказать отмеченное Белинским, не властью провидения и не одной лишь волей Калашникова, решившегося на месть, но силою совести самого Кирибеевича. Кирибеевич, который показан в «Песне», как и его антагонист Калашников, человеком, не лишенным морального сознания, почувствовал перед поединком роковое для него смущение («побледнел в лице...» и проч.) и был сражен: Калашников в народном сознании был прав. Подобным же, кстати, было и мнение Достоевского.[1] Таким образом, поединок в «Песне» — не удалая игра, а моральный акт.

Фольклор не был основой лермонтовского творчества в целом, но в «Песне про... купца Калашникова» Лермонтов с необыкновенным чутьем и художественным тактом воспроизвел стиль и приемы народной поэзии, поднявшись над тем, что было в ней ограниченным. В этой

[1] См.: Дневник писателя. 1877. Декабрь // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В тридцати томах. Л., 1984. Т. 26. С. 117—118.

поэме он отошел от условности и декоративности, характерных для его юношеских романтических произведений, и сумел изобразить, соблюдая чрезвычайную стройность композиции, своих эпических героев и окружающий их быт и эпоху с необычайной яркостью (с чуждым фольклору, но художественно оправданным психологизмом). Поэма ориентирована на многие фольклорные жанры, прежде всего на исторические песни о Грозном, который, под влиянием народно-поэтической версии, показан жестоким, беспощадным, но соблюдающим в сюжете поэмы формальную, хотя и бесчеловечную справедливость.

Лучшими поэмами Лермонтова и величайшими завоеваниями русского романтизма являются «Демон» и «Мцыри». Работа над «Демоном» (сохранившимся в восьми доведенных и не доведенных до конца редакциях) велась Лермонтовым в течение почти всей его творческой жизни — с 1829 по 1839 год. В тексте «Мцыри» широко использованы две предшествующие поэмы: «Исповедь» и «Боярин Орша». Эти факты показывают, что обе поэмы являются своего рода кристаллизацией и обобщением того, что было найдено Лермонтовым еще в юности. Прежде всего, это относится к главным героям поэм.

В образах Демона и Мцыри представлены самые яркие стороны личности «лермонтовского человека»: его смутные и высокие идеалы, его романтическая ненависть к несправедливому и прозаическому порядку жизни, его неизживаемое страдание и тоска, его страстные мечты и мятежные порывы. В едином сознании «лермонтовского человека» уже в ранних произведениях поэта определяются два аспекта, соответствующие двум типам героев. С одной стороны, это трагические герои-индивидуалисты, презирающие мир и не запрещающие себе любые действия, направленные против окружающих. К этому ряду героев относятся Евгений Арбенин и Александр Радин (из пьесы «Два брата»), родственные образу Демона. С другой стороны, мы имеем у Лермонтова таких героев, которые отрицают лишь конкретное зло и борются с ним — пассивно или активно — не выходя за пределы общечеловеческой морали. К ним принадлежат три главных персонажа юношеских драм Лермонтова: Измаил-Бей, герой «Исповеди» и Арсений. Последнее, наиболее яркое звено в этой группе — образ Мцыри.

В истории создания «Демона» исключительно важное значение имеет шестая редакция поэмы, законченная автором в сентябре 1838 года. Лермонтов внес в эту редакцию те определяющие поэму черты, которые почти полностью сохранились в последующих вариантах. Именно в этой редакции действие «Демона» из неопределенно-экзотической местности, где оно развивалось до сих пор, было перенесено на Кавказ, а сама поэма превращена в «восточную повесть», вобрав-

шую в себя описания кавказской природы, быта и кавказскую народную мифологию. Но для понимания образа Демона важны не только те кавказские легенды, которые помогли оформить этот образ, но и «предшественники» Демона в русской и мировой литературе.

Из ряда многочисленных литературных «предков» лермонтовского Демона, которые воплощали «дух отрицанья, дух сомненья», зародившийся в эпоху буржуазных революций, выделяются два наиболее объемных и монументальных образа — байроновского Люцифера (предшественник его Сатана изображен Мильтоном) и в значительно меньшей мере Мефистофеля — персонажа «Фауста» Гёте. К ним следует присоединить демонического героя «Элоа» — поэмы французского романтика Виньи. Байроновский герой олицетворяет страстную, наступательную и мятежную мысль, восставшую на бога и на установленный им порядок, ищущую разрушения, но уже смутно предчувствующую возможность созидания. Мефистофель — скептик и аналитик, лишенный чувств и идеалов, устремленный к разрушению и сам по себе к созиданию неспособный. Герой «Элоа» — печальный соблазнитель, сочетающий в своей личности красоту и коварство. Демон Лермонтова связан с этими образами лишь в самом общем смысле, пафосом своего отрицания, в глубине которого, как у Люцифера, таится «инстинкт идеалов». В сущности, Демон является вполне оригинальным созданием русского поэта. Он чужд мефистофельского скепсиса и одержим, в противоположность Люциферу, не столько мятежной мыслью, сколько мятежной страстью. Однако наиболее важным отличием Демона от его предшественников служит его внутренний трагизм, его страдание. Как и они, Демон не принимает действительности, но самая сильная его боль, им неизвестная, заключается в том, что он неудовлетворен не только богом и миром, но и своей позицией и хочет ее изменить. В библейском мифе об ангеле, который восстал на бога, мифе, легшем в основу произведений Мильтона, Байрона и Лермонтова, русского поэта интересует не самый бунт ангела, ставшего Демоном, и не та критика, которой подвергает Демон своего небесного врага и весь мир, а судьба Демона после бунта. В этом смысле «Демон», поскольку сюжет его соответствует одной лишь заключительной части мифа, представляет собой, наподобие байроновского «Манфреда», своего рода поэму-концовку.

Мне уже приходилось упоминать о загадочности и противоречивости поэмы «Демон».[1] Об этом писали и другие исследователи. Наиболее полно и последовательно вопрос о загадочности и логической несогласованности идейных решений в этой поэме Лермонтова поставлен в интересной и обогащающей наше восприятие статье И. Роднян-

---

[1] Максимов Д. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова. // «Русская литература». 1964, № 3. С. 9.

ской «Демон ускользающий». Автор этой статьи, наряду со многими меткими наблюдениями, приходит к выводу (с общетеоретической опорой на мысли А. Выготского и Вяч. Иванова) о том, что в «Демоне» нет идейно единой, концепционной основы, что в нем «множественность точек отсчета», что в нем «изобильная и мучительная запутанность содержания отливается в объективно убедительную форму», что в нем «жизненная раздвоенность находит пути к эстетически законченному целому».[1] Важные и тонкие соображения И. Роднянской, думается, слишком заострены. Многоголосие и несомкнутость многих смысловых линий поэмы (прежде всего, «правда» Демона, его богоборчество и «правда» ангела) в известной мере можно осознать как сложное духовно-эстетическое, хотя и не согласованное, но логически понятное единство.

В поэму о Демоне вложена центральная лермонтовская мысль о красоте и величии одинокого бунта и о том, что одинокий бунтарь, который противопоставлен *всему* миру, какая бы правда ни лежала в основе его протеста, неизбежно испытывает трагические последствия этого противопоставления. Ведь герой лермонтовской поэмы находится в состоянии разрыва не только с богом, но и миром, который назван в поэме «божьим миром» и который, по Лермонтову как автору, не только полон зла, но еще в большей мере и красоты (природа, прелестный образ Тамары). Поэтизируя Демона, давая возможность почувствовать светлые и высокие силы его души, Лермонтов не ставит вопроса об оправдании его демонизма и показывает, что и сам Демон своим демонизмом тяготится («и зло наскучило ему»). Этот основной мотив поэмы — разочарование во «зле», которое как таковое и вообще не вытекало из внутренней природы героя,— служит естественной предпосылкой любви Демона к Тамаре. В своей любви он пытается найти утраченную гармонию и восстановить разрушенную связь с мировым целым. Борьба Демона за обладание Тамарой и составляет сюжетную основу произведения. Финальная катастрофа, постигшая Демона,— его вечная разлука с полной любви и глубокого человеческого страдания Тамарой — должна продемонстрировать непреодолимую трагедию его одиночества — его вечную разлуку с миром.

Антагонизм Демона и окружающей его действительности раскрывается не только в сюжете, но и во всей структуре поэмы, в ее «музыкальном» строе.

В то время как Евгений Арбенин, герой близкий Демону, показан Лермонтовым в мелком и пошлом окружении петербургского света, космический образ Демона соотнесен с прекрасной и величественной природой Кавказа. Арбенин является, в сущности, преобладаю-

---

[1] Роднянская И. Демон ускользающий // «Вопросы литературы». 1981, № 5. С. 162.

щей, если не единственной поэтической силой в «Маскераде». Поэма «Демон» — двухголосая художественная система, в которой главный герой и прóклятый им мир, прежде всего природа, наделена равновеликим поэтическим могуществом. И эти две поэзии, направленные друг против друга, но единые в своей изначальной сути, представлены в «Демоне» во всем их богатстве и в их максимальной напряженности. Гордый Демон, «царь познанья и свободы», презирая землю и втайне тоскуя о космической гармонии, разрушает и губит все, что он встречает на своем пути. Проходящие перед Демоном то грозные, то праздничные картины «божьего мира» — таинственно дремлющие скалы, «блеск и шум» «сладострастного» полдня, долины «роскошной Грузии», знойная пляска пробуждающейся для любви Тамары — говорят о неиссякаемой силе, прелести, красоте земной жизни. Но в столкновении этих двух голосов, обусловливающем «диалогическую» структуру поэмы, голосом ясного сознания и стихийной мысли наделен лишь главный герой. Поэтому решающий перевес в произведении имеют страстные и длинные монологи Демона, подавляющие ответные реплики слабеющей Тамары и бессловесную мощь голосов природы.

Восстание Демона против несправедливости «мирового порядка», против человеческого общества, «где преступленья лишь да казни», питаясь в своей основе высокими, но смутными идеалами, было лишено осознанного созидательного начала и принимало форму индивидуалистического произвола. Презирая людские «пороки»,— понимаемые не в узкоморалистическом смысле! — Демон переносит свое презрение на весь человеческий род и пытается заразить этим презрением даже Тамару («Без сожаленья, без участья Смотреть на землю будешь ты»).

Здесь — источник воли Демона к разрушению, проявляющейся в нем, несмотря на то что «зло наскучило ему», и превратившей его в погубителя жениха Тамары и ее самой. Отсюда и те необратимые болезненные процессы в душе Демона, которые совершаются во всякой личности, противопоставившей себя человечеству. Одиночество, сознание бесприютности, бесплодности существования, мертвая скука («жить для себя, скучать собой»), «бессменная» и жгучая, «как пламень», печаль, обедняющее душу безразличие к красоте земли, беспощадность в любви — это не только страдания, причиненные «мировым злом», но и «внутреннее возмездие», постигающее Демона. Оно ясно намечено уже в 6-й редакции поэмы, а в последней ее редакции, 1839 года, осложнено и дополнено мотивом ангела, уносящего душу Тамары, т. е. «небесного суда», вторично осуждающего Демона на вечное одиночество. Мистический оттенок, сопровождающий в поэме этот суд, не может помешать видеть в нем символического изображения объективных явлений. Поэтому «возмездие» в финальной сцене «Демона» (редакция 1839 г.) и в 4-м акте «Маскерада» нельзя выводить, как это делают некоторые исследователи, из одного лишь жела-

ния Лермонтова приспособиться к цензуре или предстоящему придворному чтению. Мысль о возмездии, тяготеющем над героями-индивидуалистами, является одной из основных мыслей последних лет жизни поэта и вполне органична для него. И, показывая возмездие, совершающееся над его героями, прежде всего над Демоном, Лермонтов не только подчеркивает в них то, что само себя осуждает и не согласуется с «космической гармонией», но и примиряет с их личностью в целом, т. е. подымает сочувствие к благородным источникам ее тоски и ее мятежа. Поэтичность и человечность прекрасного и могучего образа Демона в поэме Лермонтова во многом зависят от того, что это Демон — страдающий.[1]

Поэма «Мцыри» — одно из самых поразительных созданий Лермонтова. В русском и мировом искусстве не часто встречаются произведения, в которых воля к свободе, трепетная мечта о родине, прославление земной природной жизни и борьбы — «мира восторг беспредельный» (Блок) — были бы доведены до такой остроты, до такого могучего напряжения, как в этой поэме.

Поэма «Мцыри», замыкающая у Лермонтова линию романтической героики, построена, как и «Демон», на кавказском материале. Однако, в противоположность «Демону» с его фантастическим сюжетом, вобравшим в себя легенды и авторский вымысел, поэма «Мцыри» основана на событиях, приближенных к реальной действительности: герой ее по происхождению горец, а во введении к ней содержатся краткие, как бы намеченные пунктиром исторические сведения. При этом сюжетная ситуация и образы в «Мцыри» не только «эмпиричны» и конкретны — насколько это может быть в романтическом произведении,— но и символичны. Так, образ томящегося в монастыре Мцыри, оставаясь реальным и отнюдь не превращаясь в рассудочную аллегорию, является вместе с тем подобием символа современного Лермонтову человека, едва ли не человека вообще, переживающего в жизни ту же драму, что и герой поэмы в своем заточении. Монастырь, ставший для Мцыри «тюрьмой» и «пленом», начинает осмысляться как символ всякого как бы «упорядоченного» человеческого общества, в котором отсутствует свобода. Гроза и буря, сопровождающие побег Мцыри,— не только подлинные гроза и буря, т. е. известные атрибуты романтической поэзии, но и отражение человеческих страстей и, прежде всего, бури в душе героя.

В образе «родной стороны», неотступно преследовавшем Мцыри, улавливается не только мысль пленного юноши о его реальной, «географической» родине, но и символическое представление об идеале, о стремлении героя к вожделенной, вольной, недоступной (пока? или

[1] Эти мысли о «Демоне» были подробно развиты в моей книге «Поэзия Лермонтова». Л., 1964. С. 78—86.

навсегда?) человеческой жизни, к своего рода «золотому веку». В рассказе о странствиях Мцыри потенциально намечается лирически обобщенная символическая картина человеческого бытия в целом, его стихий и ликов: стремление, опасности, томление по «душе родной», поиски, борьба, возможность любви. В какой-то мере присутствует в поэме и тема пути, не только сюжетная — конкретно-эмпирическая (путь на родину), но отчасти и символическая, выходящая за рамки конкретной фабулы произведения и актуальная для каждого духовно развитого человека. Невольный возврат Мцыри к своему исходу, к монастырским стенам, превративший его странствование в движение по кругу, соответствует угрозе, возникающей перед лицом современников Лермонтова, надеющихся спастись из духовного заточения своего времени.[1] Эта сверхфабульная широта обнажается в поэме и в прямом высказывании героя, придавая его мысли о побеге общефилософский смысл:

...задумал я...
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.

«Мцыри» — поэма с одним центральным героем, в отличие от «Демона» отнюдь не байронического типа, но оформленная, однако, не без влияния байроновского «Шильонского узника» — как исповедь этого героя, как его страстный рассказ-монолог. По сравнению с предшествующими произведениями Лермонтова эта поэма наиболее связана с его «Исповедью» и «Боярином Оршей». Герой «Мцыри» близок Демону своей мятежностью, непокорством и силою своего духа. Но фантастика легенды, мифологизм, естественно, ограничивали индивидуализацию образа Демона. Личность Мцыри индивидуализирована гораздо больше. В основе его образа — очень живое, парадоксальное и убедительное сочетание силы и слабости. Это юноша гордый, дикий, с «могучим духом его отцов», бесстрашный и пугливый, хрупкий, болезненный, как «в тюрьме воспитанный цветок». Мцыри чужд таких демонических качеств, как эгоистический индивидуализм, универсальное отрицание и жажда мести. Понятно, что и кризиса индивидуализма он не переживает. Одиночество Мцыри — вынужденное и ничего общего с индивидуализмом не имеет, а мстить ему некому, так как он понимает, что никто в отдельности в его трагедии не виноват. У Де-

---

[1] «Да, наше поколение,— писал Белинский В. П. Боткину 13 июня 1840 г.,— израильтяне, блуждающие по степи, и которым никогда не суждено узреть обетованной земли» // Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 11. С. 528.

мона все связи с миром разорваны, и в его душе сохранилось лишь воспоминание о них и смутное стремление к гармонии. Мцыри далек от враждебного отношения к действительности и морально с нею связан. В отличие от Демона, который отвернулся от красоты «божьего мира», Мцыри доступна поэзия жизни и природы. Он полон непреклонной воли к тому, чтобы найти свою потерянную и любимую родину. Близость Мцыри к патриархальному духу своих отцов, его детскость ставят его в один ряд с популярными в предромантической и романтической литературе образами «естественного человека», явившегося предшественником и отчасти прообразом «простого человека», социально очерченного. В изображении Мцыри ощутимы оттеночные иррациональные моменты. Личность Мцыри не исчерпывается волей, гордостью, страстью. В ней есть что-то еще: горячее, нежное, трепетное, почти женственное...

Трагически бесплодные результаты борьбы, которую ведет Мцыри, и ожидающая его гибель отнюдь не лишают поэму жизнеутверждающего героического смысла. Мцыри ни на минуту не отступает от своей путеводной идеи, за которую борется, пока может бороться, и перед смертью продолжает думать о своей вольной родине. Основные качества его личности демонстративно противостоят расслабленному реакцией «позорно-малодушному», *беспутному,* бездеятельному поколению, которое «в начале поприща» «вянет без борьбы» («Дума»).

Пафос жизни и свободы пронизывает художественную ткань произведения и просветляет его трагический лиризм. Образы всех царств природы введены в сюжет поэмы как действующие силы. Они наделены мощью внутренней жизни, таинственны, празднично приподняты, углублены и расширены авторской интуицией. При этом дымка таинственности окружает у Лермонтова не ночную, «мистическую», а скорее дневную природу, оттеняя в ее явлениях незримую глубину. Это, прежде всего, тайны утра и дня, «здешние» тайны — поэтическое указание на неисчерпаемое богатство земной жизни.

Такое же смысловое значение имеет и стиховая система «Мцыри». Смежные мужские рифмы, в которых еще Ломоносов находил «бодрость и силу», четкое и твердое звучание обрамляемых или разрываемых этими рифмами фраз («переносы») укрепляют энергичную и мужественную тональность произведения.

Важной и многообещающей для Лермонтова была его работа над поэмами из современной жизни, или, точнее, стихотворными повестями, которые он создавал почти одновременно со своим романтическим эпосом. Связь этих стихотворных повестей с реалистической русской литературой того времени вполне ощутима.

Первая из них — «Сашка» — была отчасти подготовлена циклом юнкерских поэм Лермонтова, написанных в фривольной манере. Тем

не менее стихотворная повесть Лермонтова значительно ближе к пушкинской и байроновской шутливой поэме, к «Сашке» Полежаева (1825—1826) и в особенности к «Евгению Онегину». Поэма Лермонтова «Сашка» объективно представляет собой попытку показать один из вариантов возможного измельчания и снижения «лермонтовского человека» под влиянием «низменной действительности». Существенной особенностью этой поэмы является изображение героя на широком фоне современной России с дополняющими этот фон экскурсами в историю Европы, с философскими и лирическими отступлениями. Главный герой поэмы связан с романтическими персонажами Лермонтова и с его лирикой. В поэме говорится, что он рожден «под гибельной звездой», что в нем живет «жадное сомненье», что он мечтателен, что желанья его «безбрежны», «как вечность», что он умеет презирать светскую толпу. Но эти черты, характерные для высоких героев, не покрывают всей личности Сашки, не являются в ней единственными. Грязная и грубая жизнь крепостнической усадьбы и московские «развлечения» наложили на Сашку свою печать.

Снижение романтического героя — явление, невозможное в первом периоде творчества Лермонтова,— сопровождается в поэме обильными бытовыми описаниями и обусловливает ее стилистическое своеобразие. Авторский лиризм в «Сашке», сталкиваясь с образами «низкой действительности», превращался в иронию, направленную против этой действительности и даже против самого себя, поскольку возвышенный лиризм на прозаическом фоне выглядел выспренним и неуместным. Все это приводило к преобладанию в «Сашке» иронического стиля, контрастирующего со строгим и серьезным тоном лермонтовских романтических поэм. Получалась свободная и непринужденная игра с бытом, легкий поэтический разговор, сопровождаемый неожиданными тематическими сдвигами и внезапными словесными переходами.

Поэма «Сашка», несмотря на ее блестящие стихи и ряд замечательных описаний и лирических пассажей, как целое не вполне удалась Лермонтову. Вероятно, поэтому она не была им закончена или была закончена искусственно, резко остановлена на полдороге. Живого и типического образа героя — а к созданию этого образа Лермонтов, очевидно, стремился — не получилось: противоречия, лежащие в основании личности Сашки, не были *художественно* осознаны поэтом и приведены к единству.

Значение поэмы «Сашка» — не столько в ней самой, сколько в том творческом пути, который был в ней намечен. На этом пути Лермонтов открыл новый, сниженный аспект «романтической личности» и по-новому ввел ее в большой мир русской действительности. На этом пути Лермонтов испробовал опыт иронии, облегчившей борьбу с банальностями и крайностями романтической поэтики. Этот путь в ко-

нечном счете должен был подвести Лермонтова к «Герою нашего времени».

Но и для развития лермонтовской стихотворной повести, построенной на современном материале, его поэма «Сашка» не прошла бесследно. Опираясь на нее, Лермонтов создал «Тамбовскую казначейшу» и начал работу над «Сказкой для детей». В первой из этих поэм Лермонтов, предваряя манеру «физиологических очерков», воссоздает мир провинциальной прозы, в котором события заменяются картежным анекдотом, а любовь измеряется пошлыми интригами предшественника Грушницкого — ротмистра Гарина. «Сказка для детей», совмещающая ироническую и лирическую тональности, ближе к «Сашке», чем к «Тамбовской казначейше», но превосходит их обеих психологической глубиной. Мечтательная героиня «Сказки», сохранившая некоторые черты лермонтовского героя, показана в процессе ее душевного формирования. Поэтическая правда, совершенство колорита и стиха, которыми отличается незаконченная «Сказка для детей», дают основание предполагать, что из этой поэмы, если бы она была завершена, могло бы получиться одно из самых лучших созданий Лермонтова. Именно так или почти так оценивали ее Гоголь и Белинский.

5

Зрелая лирика Лермонтова является высочайшим взлетом и достижением его творчества и всей русской литературы. В зрелых стихотворениях Лермонтова продолжается развертывание и углубление центрального для его лирики образа положительного героя того времени.

Стихотворениями, открывающими новый период в лирическом творчестве Лермонтова, следует считать «Бородино» (1837) и «Смерть поэта» (1837). Каждое из этих прославленных стихотворений посвоему знаменательно. «Бородино» представляет собой первое произведение Лермонтова, в котором с полным соблюдением национального и исторического колорита была развита тема русского народа как активной силы в истории и ярко очерчен образ «простого человека» — «рассказчика» стихотворения. В «Смерти поэта» с поразительной для того времени политической остротой и аналитической сложностью подымается вопрос о трагической судьбе Пушкина, ставшего жертвой светской черни и придворной олигархии. Для дальнейшего развития Лермонтова идеи и творческие принципы, реализованные в этих стихотворениях, имели первостепенное значение. Особенно важную роль они сыграли в магистральных для Лермонтова стихотворениях о поэте и толпе.

Создавая образ современного поэта, Лермонтов лишил его того выспренно-высокого ореола, которым он был окружен в романтической литературе и отчасти у самого Лермонтова в начале 30-х годов (ср.: «я или бог, или никто» в стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой...»). Лермонтов резко различает теперь возвышенный, пока еще недоступный идеал поэта и представление о реальном поэте, современнике Николая I и Бенкендорфа. Идеальный поэт для Лермонтова — это не мистик и не одинокий провидец, вдохновляемый божественными видениями, каким его воображали многие романтики, а народный трибун, который своим «простым и гордым» языком «воспламенял бойца для битвы» («Поэт», 1838). Правда, современный поэт в современных условиях, согласно поэтической мысли Лермонтова, не подымается до этого идеала и переживает глубокий кризис:

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье...

Трагедия поэта в том, что он разобщен с народом и даже с теми, кого Лермонтов называет толпой — смешанным, разноликим окружением поэта. Поэт, изображенный Лермонтовым, утратил свое назначение и превратился в изнеженного любителя «блесток» и «румян». Он разошелся с толпой не только потому, что она недостойна его и не может его понять, но и потому, что он сам, предавшись романтической мечтательности, перестал понимать простую и трагическую правду толпы («Не верь себе»). Здесь, как и в «Сашке», намечается снижение романтического героя (в данном случае — поэта). Лермонтов хочет, чтобы поэт «проснулся», вспомнил о своей гражданской пророческой миссии («Поэт»), и вместе с тем не видит реального в то время пути к ее *плодотворному* осуществлению («Журналист, Читатель и Писатель»; ср. «Пророк»).

Лирический герой Лермонтова является трагической фигурой не только тогда, когда он выступает как носитель литературной миссии. Зрелая, как и юношеская, лирика Лермонтова остается трагической во всех ее проявлениях. Любовь к свободе, порывы страсти, беспокойства и негодования сочетаются в его новых стихах, как и прежде, с голосами разочарования, одиночества и горькой безнадежности. Целый ряд поздних стихотворений Лермонтова, главным образом 1837 года («Я не хочу, чтоб свет узнал...», «Не смейся над моей пророческой тоскою...», «Расстались мы, но твой портрет...», «Гляжу на будущность с боязнью...» и другие), и по форме своей напоминают его прежние монологи-признания с их напряженным пафосом лирической исповеди и обнаженной эмоционально-логической структурой. Но эти стихотворения и их метод уже не характерны для творчества Лермонтова второй половины 30-х годов.

Зрелая лирика Лермонтова устремлена к тому, что было названо Белинским «поэзией действительности». Герой Лермонтова утратил в значительной мере свою традиционно-романтическую исключительность, стал проще и ближе к людям. Лермонтов уже не применяет теперь подчеркнуто субъективную форму «дневниковой» записи в стихах и не возвращается к созданию интимных автобиографических циклов (принципа циклизации он вообще избегал; даже юношеские циклы возникали у него стихийно, внесистемно). В лирике Лермонтова 1837—1841 годов субъективная тональность не теряет своей силы, но облекается в объективные образы, отражающие возросшее внимание поэта к внешнему миру. Сложный философско-психологический анализ, направленный у молодого Лермонтова главным образом на его лирического героя, сосредоточивается теперь и на явлениях общественных, стоящих как бы за пределами авторской личности («Не верь себе», «Дума», «Последнее новоселье»). Поэтические мысли и образы Лермонтова приобретают бо́льшую законченность, пластичность, типичность и смысловую объемность, а стихотворения становятся более выпуклыми, автономными, менее зависимыми от соседних и непохожими на них по форме и содержанию. Выражаясь образным языком, можно было бы сказать, что в своей поздней лирике Лермонтов, вырастая и вооружаясь художественно, переходит от сомкнутого строя стихотворений к строю более разреженному.

Кроме того, у Лермонтова изменилась и структура его стихов. От стихотворений многотемных, с многочисленными логическими поворотами, от извилистого движения поэтической мысли (например, в стихотворении «1831-го июня 11 дня») Лермонтов переходит теперь к прямому развертыванию единой лирической образно объединенной темы (например, «Есть речи — значенье...», «Тучи» и многие другие) или к сюжетному построению («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»). Переживания лирического героя в целом ряде оригинальных и переводных стихотворений Лермонтова, как уже говорилось, передаются в эти годы с помощью объективных образов, которые иногда получают благодаря этому обобщенное, иносказательное значение. Так возникают символические и аллегорические стихотворения: об одиноком утесе, на груди которого «ночевала тучка золотая», о такой же одинокой сосне, растущей «на севере диком», и о дубовом листке, оторвавшемся «от ветки родимой». К этому же типу стихотворений с субъективным подтекстом приближается «Умирающий гладиатор» и «Еврейская мелодия».

В непосредственном соседстве с ними находятся такие сюжетные философско-аллегорические опыты в лирике Лермонтова, как «Три пальмы» и «Спор» и его великолепные «эротические баллады»: «Дары Терека», «Тамара», «Морская царевна», «Свиданье» (ср. «Кинжал»). Элементы фантастики, условности, идеализации и экзотически яркая

образность этих стихотворений (иная реалистическая поэтика в «Свиданье») заставляют говорить об их причастности к романтической традиции. Но, оставаясь романтиком, Лермонтов обходится в своих романтических балладах без характерной для этого жанра мистики и не менее характерных средневековых сюжетов и аксессуаров.

Мифологически обобщенному и отодвинутому от истории содержанию баллад противостоит отражение исторической действительности в лермонтовских стихотворениях реалистического типа, в первую очередь — гражданских. Основные образы Лермонтова отмечены в этих стихотворениях резкими признаками эпохи или связаны с определенной бытовой средой. Образ среды присутствует, конечно, и в ранней лермонтовской лирике, но теперь, в период творческой зрелости Лермонтова, этот образ стал более конкретным и исторически осознанным. Лучшим ключом к новому, гражданскому, аналитически углубленному пониманию поэтом действительности служит стихотворение «Дума» (1838). Значение «Думы» как одной из важнейших поэтических и общественных деклараций Лермонтова — в развернутой критике современного ему поколения и в том, что к числу представителей поколения он относит и своего автогероя. Эта последняя черта становится особенно важной и знаменательной, если вспомнить, что, согласно романтической эстетике, лирический герой, в сущности, не зависел от среды и не подлежал критике.

Включение героя лирики Лермонтова в общественную среду конкретно и углубленно осуществляется также в стихотворениях «Смерть поэта», «Прощай, немытая Россия!..» (1841) и отчасти в «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840). Эти стихотворения и «Дума» принадлежат к одному и тому же литературному ряду, но Лермонтов разоблачает в них уже не современное поколение в целом, а наиболее реакционные силы русского самодержавия: придворную камарилью, николаевскую жандармерию и светскую «бездушную» толпу. Герой и среда, как было и у раннего Лермонтова, поставлены здесь в непримиримо-враждебные отношения между собой.

Чтобы убедиться в огромном сдвиге, происшедшем в лирике Лермонтова, достаточно сопоставить стихотворение «Прощай, немытая Россия!..» с ранним — «Жалобами турка». В «Жалобах турка» социальное зло почти целиком переводилось в психологический план, изображалось в отрыве от его реальных источников («хитрость и беспечность злобе дань несут»), а жертвами зла признавались в первую очередь не те, кто от него страдал особенно остро, а люди вообще («там рано жизнь тяжка бывает для людей»). В стихотворении «Прощай, немытая Россия!..» социальное зло названо по имени и корни его обнажены. В восьми строках стихотворения охарактеризован крепостнический строй старой России («страна рабов, страна господ»), и ее некуль-

турность («немытая Россия»), и воспитанная веками рабства покорность ее народа («послушный им народ»), и шпионская бдительность самодержавной власти (последние два стиха о «всевидящих глазах» и «всеслышащих ушах» власти). Этот новый, социально углубленный реалистический образ действительности становится едва ли не фоном зрелой лирики Лермонтова, договаривающим и проясняющим те стихотворения, в которых социально-политическая тема непосредственно не выдвигается, но которые с этой темой соизмеримы.

К таким же лирическим произведениям, тесно связанным с мыслями о современной жизни, принадлежат так называемый «тюремный цикл» («Узник», «Сосед», «Соседка»; ср. «Пленный рыцарь»), «Как часто, пестрою толпою окружен...», «Благодарность», «И скучно и грустно», «Тучи» и даже «Выхожу один я на дорогу...». В эту сторону направлены также многие стихотворения, в которых ведущей темой является дружба («Спеша на север издалека...», «Памяти А. И. О⟨доевск⟩ого», «Графине Ростопчиной») и любовь (в особенности «Ребенку», «Отчего», «Договор»). Во всей этой лирике господствует тема трагического разлада с действительностью, хотя герой и пытается иногда сопротивляться наплывающему на него мраку («Когда волнуется желтеющая нива...», «Из-под таинственной холодной полумаски...», «Есть речи — значенье...»).

Как говорилось, любовные стихотворения не циклизируются уже, как прежде, в стихийно организованные любовные новеллы, но зато содержат в себе — каждое порознь — скрытый новеллистический сюжет. Отличительной особенностью этих стихотворений являются затаенные в них намеки на какие-то внешние, едва ли не социально-бытовые причины беды героя и героини («молвы коварное гоненье», «людское предубежденье»). И лермонтовский герой не всегда довольствуется ролью внутренне непримиренной жертвы общественных условий, препятствующих его любви, но иногда и восстает против этих условий («Договор»).

В лирическом творчестве Лермонтова рядом с образом России — государства рабов, голубых мундиров, царедворцев, салонных болтунов и опустошенных душ — вырисовывается и другой ее образ — народный и демократический. В юношеской лирике Лермонтова этот образ имеет условную, декоративную форму («Поле Бородина», «Песнь барда»), и только в таких зрелых стихотворениях, как «Бородино», «Валерик» и «Родина», он лишается своих книжных атрибутов, становится подлинно конкретным и реалистическим. Эта лермонтовская Россия населена бодрым и мужественным, богатырским народом, в котором поэт видит вершителей истории. И глубокий патриотизм, проявившийся в этих стихотворениях, ничего общего не имеет с парадным патриотизмом апологетов официальной императорской России. Наоборот, в стихотворении «Родина» Лермонтов горячо полемизирует

с воззрениями тех, кто стремится к завоеваниям, к «славе, купленной кровью», а в «Валерике» и в «Завещании» изображает ужасные подробности войны и ее прозаическую изнанку. Россия, которой Лермонтов отдает свою любовь, это — Россия, освобожденная от романтических прикрас, крестьянская, деревенская, солдатская, великая в своей простоте, в своей моральной стойкости и в своей естественной поэзии.

Образ народной России становится в лирике Лермонтова как бы вторым фоном, оттеняющим и дополняющим отдельные стихотворения и существующим наряду с первым фоном — сумрачной картиной «страны рабов, страны господ».

Но устремление Лермонтова к народности в социальном и национальном смысле выразилось не только в том, что он сотворил в своей лирике огромный обобщенный образ России. Он создавал также и «малые» лирические образы «простого человека», принадлежавшего к народным массам или близкого к ним. Здесь следует сказать об образах «бедного соседа», живущего в скромном домике и чуждого «светскому веселью» («Сосед», 1830—1831), и другого соседа — арестанта, поющего грустные песни («Сосед», 1837), и дочери тюремщика, девушки-соседки, томящейся по воле не меньше, чем сидящий в тюрьме герой стихотворения («Соседка», 1840), и солдата-ветерана — рассказчика в стихотворении «Бородино», и поседелых в походах усачей из «Валерика», и казачки в «Казачьей колыбельной песне», и героя «Завещания», и даже о примыкающем к ним образе «естественного человека» — умирающего гладиатора. Лермонтов внимательно и сочувственно вглядывается в этих людей. В «Бородине» он доверяет солдату-повествователю суд над современным поколением («богатыри — не вы») и верит в справедливость этого суда. В «Завещании» образ героя стихотворения, заурядного армейского офицера, по существу, сливается с образом автора.

Этот знаменательный процесс, происходящий в лермонтовской лирике,— приближение ее к миру общенародного сознания — захватил в какой-то мере даже такие стихотворения, где тема «простого человека» как особая тема вовсе не ставилась. Сюда относятся «И скушно и грустно», «Памяти А. И. О⟨доевск⟩ого», «Благодарность», «Выхожу один я на дорогу...», «Ребенку». Герой этих стихотворений уже не выглядит исключительной, избранной личностью, противопоставленной всем на свете. Он является здесь человеком простой души, способным относиться к окружающим его людям сердечно и проникновенно («Памяти А. И. О⟨доевск⟩ого», «Ребенку», «Я, матерь божия...»). И тот мир, в который вступает здесь лермонтовский герой, теряет последние признаки былой условности и наполняется образами обиходными, почерпнутыми из привычной, близкой к поэту действительности. В стихах Лермонтова возникают «поля родные», «просе-

лочный путь», «дымок спаленной жнивы», изба с соломенной крышей, солдаты с *покрытыми пылью ресницами,* лазарет с плохими лекарями, ребенок любимой женщины, журналист и читатель, с которыми поэт может разговаривать на литературные темы.

Существенно, что и языковый стиль этих стихотворений Лермонтова — а они составляют последнее логическое звено в развитии его лирики — вполне соответствует указанному выше характеру их содержания. Особенностью их является тот «язык простой», в котором сам Лермонтов видел (см. «Журналист, Читатель и Писатель») одно из качеств подлинной поэзии. «Несвязный и оглушающий язык» («Из альбома С. Н. Карамзиной») уже перестает его привлекать. Привычные когда-то изобразительные средства поэтической речи — метафоры, метонимии, сравнения, эпитеты — в этих стихотворениях употребляются сравнительно редко. Поэтический язык Лермонтова лишается прежнего напряженного патетизма и является, как «безыскусственный рассказ» («Валерик»), в своей «нагой простоте», в разговорной обыденности и почти бытовой непосредственности:

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил...

Все основные процессы, протекающие в поэзии Лермонтова, и, прежде всего, самый главный из них — процесс художественного проникновения в окружающий мир,— были связаны с эволюцией и совершенствованием лермонтовской прозы. В развитии ее отчетливо намечаются три стадии, соответствующие трем центральным прозаическим произведениям Лермонтова. Первое из них — «Вадим» (1832—1834) — является романтической повестью. Второе — повесть «Княгиня Лиговская» (1836), незаконченная, как и «Вадим»,— знаменует, наряду с произведениями, написанными в то же время, крутой поворот Лермонтова к действительности и открывает новый этап в развитии поэта, крепко связывая героев с бытом. Третье произведение — «Герой нашего времени» (1838—1839) — как бы подытоживает *все* предыдущее лермонтовское творчество, реализует скрытые в нем возможности и прокладывает пути в будущее русской литературы.

«Герой нашего времени» — первый классический проблемный роман в русской прозе, стоящий на грани романтического и реалистического периодов истории русской литературы и сочетающий в себе характерные черты обоих этих периодов. Как и «Евгений Онегин», «Герой нашего времени» — роман о России, о судьбе и трагедии русского человека с пробудившимся сознанием («Княгиня Лиговская» как бы подготовляла «Героя нашего времени»).

Художественным открытием в основном романе Лермонтова, составляющим его суть, является углубленный и детализированный, почти научный анализ человеческой души, ее горьких, философски проецированных отношений с действительностью. В «Герое нашего времени» на основе накопленного реалистического опыта органически объединяются и переосмысляются все главные линии и аспекты творчества Лермонтова — содержание и колорит его кавказских поэм, аналитический логизм и критицизм таких его стихотворений, как «Дума», и ранней лирики, демократизм «Бородина» (образ Максима Максимыча), элементы бытописания, закрепленные в драматургии и в «Тамбовской казначейше», и, главное, различные виды лермонтовских демонических героев-индивидуалистов. Многое в романе Лермонтова как бы недосказано, предназначено не для того, чтобы *показать*, а для того, чтобы читатель *угадывал*. Но эта особенность («вершинная композиция») не снижает, но даже увеличивает содержательную емкость произведения, его смысловое пространство.

Печорин, по выражению Белинского,— «внутренний человек». В его личности господствует присущий героям Лермонтова романтический комплекс — авторское субъективное начало — неудовлетворенность действительностью, высокое беспокойство и скрытое стремление к лучшей жизни. Поэтизируя эти качества Печорина, его острую критическую мысль, мятежную волю и способность к борьбе, выявляя его трагически вынужденное бесплодие и вынужденное одиночество, Лермонтов отмечает и резко отрицательные, откровенные проявления печоринского индивидуализма, не отделяя их от личности героя в целом. Для понимания зрелого творчества Лермонтова содержащаяся в романе критическая оценка эгоистического индивидуализма Печорина представляется особенно важной. Без всякого нарочитого морализма и механического размежевания добра и зла Лермонтов показывает моральную несостоятельность поведения Печорина по отношению к Бэле, к Мери и к Максиму Максимычу.

Вместе с тем Лермонтов выявляет — опять-таки без поучающего подчеркивания — разрушительные процессы, происходящие в Печорине и вытекающие из его индивидуалистических позиций («внутреннее возмездие»): его тоску, бесплодные метания, измельчание интересов. Наконец, сопоставляя «героя» эпохи Печорина с теми, кто отнюдь не мог претендовать на это звание,— с «естественным человеком» Бэлой и с «простым человеком» Максимом Максимычем, лишенными интеллекта Печорина и его зоркости, Лермонтов и здесь демонстрировал не только интеллектуальное превосходство, но и духовное неблагополучие и неполноту своего главного персонажа.

При этом личность Печорина в ее эгоистических проявлениях, вытекающих, прежде всего, из условий эпохи, согласно логике романа,

не освобождается и от своей индивидуальной ответственности, суда совести.

Эта широта, многосторонность и рост художественной диалектики Лермонтова в подходе к основному герою его романа могли явиться и явились результатом длительной эволюции поэта, о которой говорилось выше.

Творчество Лермонтова, вызывая протест реакционной критики, привлекало горячее сочувственное внимание передовых современников поэта и их потомков. Представители русской революционной мысли — Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — высоко ценили Лермонтова и были многим ему обязаны. Чернышевский в своем дневнике называл Лермонтова и Гоголя «нашими спасителями», а в другом месте заявлял о том, что Лермонтов «самостоятельными симпатиями своими принадлежал новому (т. е. демократическому.— *Д. М.*) направлению и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Белинского и его друзей».[1] Некрасов оценивал демократические возможности лермонтовской поэзии почти так же. «Лермонтов,— говорил он одному из своих знакомых,— кажется, вышел бы на настоящую дорогу, то есть на мой путь, и, вероятно, с гораздо большим талантом, чем я, но умер рано».[2]

Лермонтовский опыт был унаследован революционно-демократической культурой, переработан ею и развит. Но духовное и эстетическое наследство Лермонтова было усвоено не только революционными демократами. Оно вошло в русскую литературу во всем ее объеме как ее органический элемент, как одна из ее живых действующих сил. «Лермонтовский звук» отчетливо различается в творчестве таких писателей, как Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Александр Блок и другие. Связь с Лермонтовым поддерживалась и советскими писателями и поэтами, которые, начиная с Маяковского и Пастернака, пристально всматривались в Лермонтова и во многом на него опирались. Не случайно «Сестра моя жизнь» Пастернака была посвящена Лермонтову.

Слава и великая роль Лермонтова в потомстве достались ему не случайно. Как и все гениальные художники, Лермонтов работал не только для своего времени, но и для будущего. У Лермонтова, как уже говорилось, не было стройной философской и тем более политической

---

[1] Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 658.

[2] Безобразов П. [Григорьев П. В.]. Воспоминания. Цит. по статье: Евгеньев-Максимов В. Е. К вопросу о революционных связях и знакомствах Некрасова в 70-е годы // «Звенья». М.; Л., 1934, № 3/4. С. 658.

программы, но он умел вглядываться в глубину жизни и улавливать те ее подводные течения, которые несли в себе будущее. Не «темная старина», не ее «заветные преданья» притягивали Лермонтова. «...Она вся в настоящем и будущем» [1],— записывает он о России незадолго до своей гибели.

Лермонтов вынашивал это будущее, мечтал о свободном и гордом человеке, связанном со своей страной и народным сознанием. Эта «тайная дума», сквозящая в лермонтовском творчестве, то разгоравшаяся в нем, то отступающая в сумерки эпохи, и является опознавательным знаком, который помогает и будет помогать читателям всех поколений узнать Лермонтова, понять его и принять.

Д. Е. Максимов

---

[1] [Планы, наброски, сюжеты, 25] // Лермонтов М. Ю. Соч. Т. 6. С. 384.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1828—1836

1. ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

1828

2. ЗАБЛУЖДЕНИЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремит.
«Ваш подлый род один!» — безумный говорит.

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смирней, на тех падет вина!..

1828

3. ЦЕВНИЦА

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций
И куст прелестных роз, взлелеянных весной;
Там некогда, кругом черемухи млечно́й
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир, и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так поутру туманы
От солнечных лучей редеют средь поляны.
Исчезло всё теперь, но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!

1828

4. ПОЭТ

Когда Рафа́эль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал,—
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его младой,
И, утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!

И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призра́к бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1828

5. К П⟨ЕТЕРСО⟩НУ

Забудь, любезный П⟨етерсо⟩н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостоин бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть — струны порва́нной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет,—
Везде утехи есть толпе простонародной.
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..

1829

6. К Д⟨УРНО⟩ВУ

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей,—
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!

Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незваный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю —
И больше им не доверяюсь!..

1829

7. ПОСВЯЩЕНИЕ N. N.

Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел...
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда — беги, не трать пустых речей,—
Ты осужден последним приговором!..

1829

8. ПИР

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;

Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.

1829

9. ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне,
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий ⟨и⟩ старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!

Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она — давай бог ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.
. . . .
. . . .
Тогда я припеваю
. . . .
. . . .
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»

1829

10. К ДРУЗЬЯМ

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

1829

11. ЭПИГРАММА

Дурак и старая кокетка — всё равно:
Румяны, горсть белил — всё знание его!..

1829

12. МАДРИГАЛ

«Душа телесна!» — ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовию дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное, как душа!..

1829

13. РОМАНС

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас,— сказал он,— други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?

Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей:
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?

Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

1829

14—19. *ПОРТРЕТЫ*

1

Он некрасив, он невысок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они —
Лиют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где, вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,—
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так, жертву средь сухих степей,
Мчит бури ток сухой листок.

2

Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.

Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет,
А щечки — полненькие сливы,—
Так говорит докучный свет.

3

Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья — слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает,—
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

1829

20. К ГЕНИЮ

Когда во тьме ночей мой, не смыкаясь, взор
Без цели бродит вкруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня невольно к вспоминанью,—
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу, забывшись, им. Но, полный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает предо мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный *Гений:*
Дай раз еще любить! Дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пускай остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,—
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья...
...И я приду сюда и не узнаю вас,
О струны звонкие! . . . .
. . . .
. . . .
Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонял —
И был ответом вздох, твою я руку жал —
И был ответом взгляд, и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! Покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. Пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,

И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..

1829

21. ПОКАЯНИЕ

Дева

Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

Если дух твой изнемог
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданьи,—
Грех простит великий бог!..

Дева

Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде,—
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молися:
Недостойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней,
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,

И гееннскому мученью
Предала меня она!..
Но любови тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье —
Не простит великий бог!..

1829

22. ПИСЬМО

Свеча горит! Дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилося — и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...
Далёко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!

Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть может, я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или в часы беспечного досуга
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собранья
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало, и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огнь на девственны ланиты,
К груди младой прильнет безвестный дух,
И над главой мелькнет призрáк забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катанье,
Проедешь ты на паре вороных,
И за тобой в любви живом страданье
Стоит гусар, безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела,—
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю,
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..

1829

23. ВОЙНА

Зажглась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!

1829

24. РУССКАЯ МЕЛОДИЯ

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья.
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой —
И рушилось неверное созданье!..

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный, и свободный!..

Он громкий звук внезапно раздает
В честь девы, милой сердцу и прекрасной,—
И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни — но напрасно! —
Никто конца ее не допоет!..

1829

25. ПЕСНЯ

Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять былое счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!

1829

26. К ...

Не привлекай меня красой!
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
Брожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скользящей!..

1829

27. РОМАНС

Невинный нежною душою,
Не знавши в юности страстей прилив,
Ты можешь, друг, сказать с какой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладившись,
Живет, в душе негодованье скрыв,
Тот может, друг, еще сказать, забывшись:
Я был счастлив!..

Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я был счастлив!

1829

28. ТРИ ВЕДЬМЫ

Из «Макбета» Ф. Шиллера

Первая

Попался мне один рыбак:
Чинил он, весел, сети!
Как будто в рубище бедняк
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что всё сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался.
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался.
Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Другие две

Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он, там пир горой,
Толпа увеселений —
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пустой!

Вторая и третья

Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..

Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду
Свободною минутой,—
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отвращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
И забелели волны.

1829

29. К НИНЕ

Из Шиллера

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но, как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.

Пусть навек с златым мечтаньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!

Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар
Как земли ничтожный дар?..

1829

30. К N. N.

Ты не хотел! Но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь,
Но он тебе, как меч, как яд, опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь —
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне.
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы,—
Но прйдет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участье!..

1829

31—36. *ЭПИГРАММЫ*

1

Есть люди странные, которые с друзьями
Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук, в чести — а там
Забыт и подарён слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

3

Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
Ругать, и льстить, и лгать в одно и то же время,
Признаться,— очень мудрено!

4. Г-ну П...

Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастием бежит,
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.

5

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной — всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
Когда тот кончил жизнь; поныне он грустит
(Но не о том, что жизни друг лишился):
Пять раз забыл он взять *билеты за визит!..*

1829

37. К ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой приятель,
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! Коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы — женщины; итак,
Кто ж видел женщин благодарных?..

1829

38. НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полнóчь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный,
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?

С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил гражда́н спокойных кровью,
Презрел и дружбой, и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.
. . . .

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты. И в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день, усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
. . . .

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь
С хвалой иль язвою упрека.
Мне всё равно: в могиле вечно ночь —
Там нет ни почестей, ни счастия, ни рока!

Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я пре́зрю песнопенья громки —
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

1829

39. ПАН

В древнем роде

Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшися лесов в таинственную сень
Или под ве́твями пустынныя рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов
И пляшут вкруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье.
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня, и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

1829

40. ЖАЛОБЫ ТУРКА

Письмо. К другу, иностранцу

Ты знал ли дикий край под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы, и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки.
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы человеки!..

1829

41. К N. N.***

Не играй моей тоской,
И холодной и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,
Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..

Я хладею и горю,
Сам с собою говорю,
Внемлю смертному напеву.
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!

Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах
Искру муки, угрызенья.
Но напрасно! Злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое спокоить мщенье!..

1829

42. ЧЕРКЕШЕНКА

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал,
Взор девы сердце приковал,—
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид;
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

1829

43. ОТВЕТ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лесной,
Постигнут молньей, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает —
На нем печать оставил рок.

1829

44. ДВА СОКОЛА

Степь, синея, расстилалась
Близ Азовских берегов.
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, тряхнувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел,
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».

— «Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
— «Что ж ты видел там худого?»
— «Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милóго,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся, как игрой,
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
— «Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена,
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой,
Но измена девы страстной —
Нож для сердца вековой!..»

1829

45. ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая.
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился.
Ах, ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины,
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день,
И что же? —
Скрываются красы, как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены,
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился,
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенесть!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

1829

46. МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших
Стоит его недвижный трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он пре́зрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,—
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.

1829

47. ЖЕНА СЕВЕРА

Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час,
И, пробужден немым виденьем,
Был строен их невнятный глас!..

1829

48. К ДРУГУ

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой,
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна,
Не буду я счастливым близ прекрасной.
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ — нож кровавый!..

Стремится медленно толпа людей
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые,
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

1829

49. ЭЛЕГИЯ

О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствова́ний,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

1829

50

Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой, прозрачной рекой
Он с удой беспечно
Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.

1829

51. К С. С⟨АБУРОВ⟩ОЙ

Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами
Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в младой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить —
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..

1829

52. В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N. N.

Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть сча́стливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...

1829

53. К ***

Мы снова встретились с тобой,
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня,
Ищу в душе своей волненья.
Ах, как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..

1829

54. МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша, так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша,
И уж ничто души не веселит.

1829

55. ВСТРЕЧА

Из Шиллера

1

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой.
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел, дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.

Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья,
И страсти юные, и вдохновенья.

1829

56. БАЛЛАДА

Над морем красавица дева сидит
И, к другу ласкаяся, так говорит:

«Достань ожерелье, спустися на дно,
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят, и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят, и о́ берег бьют,
Но милого друга они не несут.

1829

57. ПЕРЧАТКА

Из Шиллера

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали,
    Меж них сидел
Король величаво на троне,
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают,
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
    Тяжелой стопой.
    И молча вдруг
    Глядит вокруг.
    Зевая лениво,
    Трясет желтой гривой
    И, всех обозрев,
    Ложится лев.

    И царь махнул снова,—
    И тигр суровый
    С диким прыжком
    Взлетел, опасный,
    И, встретясь с львом,
    Завыл ужасно.
    Он бьет хвостом,
        Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...

Но, раб пред владыкой своим,
Тщетно ворчит и злится,
И невольно ложится
Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И, к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад —
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но, досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

1829

58. ДИТЯ В ЛЮЛЬКЕ

Из Шиллера

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему, но дай время
Сделаться мужем — и тесен покажется мир.

1829

59. К ***

Из Шиллера

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь —
На кой мне черт душа твоя!..
1829

60. МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор.
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

1829

61. ⟨Н. Н. АРСЕНЬЕВУ⟩

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы младой,—
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят.
Вино поддельное, кокетка
Для головы и сердца — яд!

1829 или 1830

62

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я,
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлися пылкие друзья,
И я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь,
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участья,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Начало 1830

63. КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял,
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось — всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз,
И сердце лепечет, воспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

64. К ***

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,—
К нему лишь с чувством я глубоким
Бужу забытой лиры звон.
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик, не удалось — злодей.
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых,
Безумцем порицаем он.
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальном он погас —
И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..

1830

65. ОПАСЕНИЕ

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... Летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрáдутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

1830

66. СТАНСЫ

Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя,—
Так перед вихрем и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит,—
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.

Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим,—
Так, зря Спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.

1830

67. Н. Ф. И⟨ВАНО⟩ВОЙ

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье.

Счастливцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями.

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился, изумленный,—
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,—

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И, в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

1830

68

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...

1830

69. ВЕСНА

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,—
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Не молодеть лишь только ей,—

Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

1830

70. НОЧЬ. I

Я зрел во сне, что будто умер я.
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир — но было ей не до того:
Боязненное чувство занимало
Ее. Я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось, и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали.
И два противных диких звука,
Два отголоска целыя природы,
Боролися — и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья
Иль о добре свершенном возгордиться
Мешал мне мыслить, и летел, летел я
Далёко без желания и цели —
И встретился мне светозарный ангел
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха — ты грешил, и наказанье
Должно тебя постигнуть, как других:
Спустись на землю — где твой труп
Зарыт, ступай и там живи, и жди,
Пока придет Спаситель,— и молись...
Молись — страдай... и выстрадай прощенье...»
И снова я увидел край земной,
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
Лишь заглушенная боязнью, с новой силой
Огнем отчаянья возобновилась.

И (странно мне) когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,
Я чувствовал один холодный трепет
Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел,— воспоминанье
В меня впилось когтями — я вздохнул
Так глубоко, как только может мертвый,—
И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
Свое ничтожество и в чьих глазах
Всё, для чего трудился долго он,—
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп,— и там остался я;
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки,—
И я помочь ему желал — но тщетно:
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножались,
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли;
Остались кости — и они исчезли,
В гробу был прах... и больше ничего...
Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бренные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О, сколько б я тогда отдал земных
Блаженств, чтоб хоть одну — одну минуту

Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Они остались хладны — хладны
как презренье!
Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей,—
И мне блеснула мысль (творенье ада):
Что, если время совершит свой круг
И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?..
И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать . . . .
Но голос замер мой — и я проснулся.

1830

71. РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты,—
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледя́ную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людя́х, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

1830

72. НОЧЬ. II

Погаснул день! — и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них Земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятой тихим,
Уснуло всё — и я один лишь не́ спал.
Один я не́ спал... Страшным полусветом,
Меж радостью и горестью срединой,
Мое теснилось сердце — и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами —
Ничтожество за ними оставалось,—
И вот приблизился к земному шару
Гигант всесильный — всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило — единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...

И вот *он* поднял костяные руки,
И в каждой *он* держал по человеку
Дрожащему — и мне они знакомы были,—
И кинул взор на них я — и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался:
«Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал,— я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. Ты их знаешь — ты любил их...
Один из них погибнет. Позволяю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь —
И их нигде, нигде вторично не увидишь:

Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье,— только бог лишь вечен...
Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет
По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди,
И наконец, преодолев свой ужас
К скелету, я воскликнул: «Оба! оба!..
Я верю: нет свиданья — нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилося их наказанье.
Ах! — и меня возьми, земного червя,
И землю раздроби, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Всё, всё берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего — кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд — и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили — их не стало —
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И — так пошел на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась молиться!..

1830

73

В старинны годы жили-были
Два рыцаря-друзья.
Не раз они в Сион ходили,
Желанием горя,

С огромной ратью, с королями,
Его освободить...
И крест священный знаменами
Своими осенить...

1830

74. НЕЗАБУДКА

Сказка

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Всё дело перепортят вечно,
То я вам точный образец
Хочу представить наконец.
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно,—
Сказала дева,— верю я:
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный,
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна.
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»

Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув, полный весь огня,
Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!» —
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор,—
Он незабудкою зовется.
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья,
И цветом *неба* он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей.
Судите: быль иль небылица.
А виновата ли девица —
Сказала, верно, совесть ей!

1830

75. СОВЕТ

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.

Дев измены молодые,
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелых
И, покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых,
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не воображая,
Скоро ты полюбишь их.

Сердце — глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.

1830

76. ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет,— что ж медлить над землей?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

1830

77. В АЛЬБОМ

Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник могилы!..

1830

78. ГРОЗА

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется,—
И здесь стою недвижим я.

Стою... ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главой,—
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет незнаком со мной.

1830

79

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен —
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..

Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моленья, скрып снастей
Не трогают молчания его.

1830

80. ЗВЕЗДА

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда.
Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной.
Она к тебе летает высоко,—
И груди сей свободно и легко...

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу,
И хоть нельзя — смотреть его хочу...

1830

81. ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит,
Как трепещет в струях и серебряный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет на ней —
Отойди ж — и заблещет она.

Светлой радости так беспокойный призра́к
Нас манит под хладною мглой.
Ты схватить — он шутя убежит от тебя!
Ты обманут — он вновь пред тобой.

1830

82. ВЕЧЕР ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,—
Как будто перл, покинувший Восток,
На нем вода блистаючи дрожит.
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

1830

83. НАПОЛЕОН

Дума

В неверный час, меж днем и темнотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

Пред ним лепечут волны, и бегут,
И вновь приходят, и о скалы бьют.
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день,—
Там Франция! — там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший друг,
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон.
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,
Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на брегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал
И тайные желанья узнавал.

Он тот же всё, и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блеснул в струях...
Призра́ка нет, всё пусто на скалах.

Нередко внемлет житель сих брегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

1830

84. ЭПИТАФИЯ НАПОЛЕОНА

Да, тень твою никто не порицает,
Муж рока! Ты с людьми, что над тобою рок.
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог.
Великое ж ничто не изменяет.

1830

85. К ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Тобой пленяться издали́
Мое всё зрение готово,
Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека.
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною...

За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

1830

86. ОЧИ

Нет смерти здесь, и сердце вторит: «нет».
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука.
Их луч — с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

1830

87. КАВКАЗУ

Кавказ! Далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы́
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

1830

88. УТРО НА КАВКАЗЕ

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина,
Молчит табун, река журчит одна.

Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там,—
Так девушки, купаяся в тени,
Когда увидят юношу, они
Краснеют все, к земле склоняют взор,—
Но как бежать, коль близок милый вор!..

1830

89. СТАНСЫ

Я не крушуся о былом,
Оно меня не усладило.
Мне нечего запомнить в нем,
Чего б тоской не отравило!

Как настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый!

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Я к одиночеству привык,
Я б не умел ужиться с другом,—
Я б с ним препровожденный миг
Почел потерянным досугом.

Мне скучно в день, мне скучно в ночь,
Надежды нету в утешенье,
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.

На светлый запад удалюсь —
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет!..

Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть,— и провиденье
Заплотит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

1830

90

Прости, мой друг!.. Как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу,
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой.
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем его не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда,—
И я тебя забуду навсегда.
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастие убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней — свинец
Тоски на нем — и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидать
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты́,
Бедняк, теперь совсем, совсем оставлен ты!»

1830

91. ЧЕЛНОК

Воет ветр и свистит пред недальной грозой,
По морю, на темный восток,
Озаряемый молньей, кидаем волной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом,
И что-то у ног их под белым холстом.

И вихорь сильней по волнам пробежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал,
И бледный, как жертва гробов,
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.

В чалме он богатой, с обритой главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной,
Не держит опасности страх.
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.

Так с смертию вечно: чем ближе она,
Тем менее жалко нам свет.
Две могилы не так нам страшны, как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

1830

92. ОТРЫВОК

На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне,
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви, и славы путь —
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть.
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть —
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он,
В его речах нередко ложь,
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет,—
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь — на весь ничтожный плод —
И о прошедшем вспомяну.
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой;
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем,
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгибнем, наш сотрется след —
Таков наш рок, таков закон.
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

Не будут проклинать они,
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей.
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

1830

93

1

Оставленная пу́стынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит,
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов.

. . . .
Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствова́нье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..

1830

94. К ...

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке — могила
Передо мной. Но что ж? Всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу, но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви,— но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть, пишу — пока возможно —
Сей труд души моей, любимый труд!
Прими письмо мое. Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью — так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни много — много испытал,
Ошибся в дружбе — о! храни моих мучений
Слова — прости,— и больше нет волнений,
Прости, мой друг»,— и подписал:
«Евгений».

1830

95. НОЧЬ. III

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной,
Жужжа, в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне.
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле

Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж *он*? Кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О, если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О, если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

1830

96. FAREWELL[1]

Из Байрона

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы — вечный яд,—
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь,
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
Лишь чувствую: прости! — прости!

1830

97. ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питая,

[1] Прощай (англ.).— *Ред.*

Один, покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей,
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вкруг огонька
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный.
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? — слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
И этот взор, задумчивый и ясный,—
Твержу, твержу душе: забудь,—
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
О, если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность,
Как много бы я был судьбою одолжен,—
Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала.
Кто чувствовал, как я,— чтоб чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

1830

98. ЭПИТАФИЯ

Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил,
И верные черты природы
Он часто списывать любил.

Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.

И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.

1830

99. SENTENZ [1]

Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное — как тетрадь
С давно известными стихами.

1830

100. ГРОБ ОССИАНА

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

1830

101. ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним.
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!

---

[1] Сентенция (нем.).— *Ред.*

Уж нет ее, и слез уж нет,
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал.
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принесть тебе лишь может он
Любимые труды свои.

1830

102. КЛАДБИЩЕ

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладби́ще, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося... Там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
Вкруг тихо, сладко всё, как мысль о *ней;*
Краснеючи, волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа, со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Существ с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?..

1830

103. ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был — ты это знал —
И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властию страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.

И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы.
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..

1830

104. МОЯ МОЛЬБА

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.

1830

105. К СУ⟨ШКОВОЙ⟩

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор —
Не билось сердце у меня.

И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать,—
Нет, нет, он не предвестник мук:
Я не люблю — зачем скрывать!

Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.

1830

106. ГОСТЬ

Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?» —
Мужу говорит жена,
Сидя рядом в вечер поздный
Возле тусклого окна...

Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.

И ему ночлег дается,—
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.

Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.

Но рыдания звучали
Вплоть до белыя зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый,
Как замученный, лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

1830

107. 1830. МАИЯ. 16 ЧИСЛО

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж *вами*
По разрушении! — Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,
И там, и там его не будет,—
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..

108. К ***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны,— нет,
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо больших бед.

Я молод, но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки,—
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пеня́щиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!

1830

109. ЭПИТАФИЯ

(Утонувшему игроку)

Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал — гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак:
Топил людей — и утопился.

1830

110. ДЕРЕВУ

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвесть.
Я жизнь его купил бы кровью,—
Но как переменить, что *есть*?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратимо с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет,— мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.

1830

111. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать,
И зарево окрасит волны рек,—
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830

112

Всё тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным ре́звится лучом.

1830

113

Никто, никто, никто не усладил
В изгнанье сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.

1830

114. 1830 ГОД. ИЮЛЯ 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
«Он будет друг мне!» — боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон,
И не привет — упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но, эту грудь страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?

Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.

Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь! —
Когда б я знал, не мог бы перенесть.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старалися они
Так отравить ребяческие дни?

Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит — но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил.
Что ж. Ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.

1830

115. БУЛЕВАР

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо — и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскерад;
Сатиров я, для помощи призвав,
Подговорю — и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то... ко всем чертям твое перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу — и ты кричи «дурак».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в сорок лет —
Пятнадцати тебе всё нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,—
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: «Как он мил!»
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч **** извинить!..

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли.
Он как знаток глядит в лорнет двойной,
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив — буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил — чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! — опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд,— как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты:
Всё так высоко, так взгромождено,
Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет.*
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет.
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! — в уме моем
Головка та ничем не изгнана́,
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши — вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкой объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет,
И это всеми признано у нас,
Хотя — что́ в нем, никто не разберет;
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду.
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен, на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он,
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот:
Лишь своему язы́ку обучен,
Он этим край родной не выдает,
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

1830

116. ПЕСНЬ БАРДА

Я долго жил в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гуслями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! — Князь земли родной
Приказу ханскому внимал...

В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
Окровавлённую траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.

Кто мог бы песню спеть одну?
Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук,—
Но умирал так скоро он!
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.

Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой,
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.

1830

10 Июля. (1830 г.)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачной знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

× × ×

117. 10 ИЮЛЯ (1830)

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой,
Суворов был его сильнейший враг.
. . . .

Август? 1830

118. БЛАГОДАРЮ!

Благодарю!.. Вчера мое признанье
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холóдность мне твой взор покажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И всё, что в сердце возродила ты,—
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

1830

119. НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

1830

120. К . . .

Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?..

1830

121. ЧУМА В САРАТОВЕ

Чума явилась в наш предел;
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.

Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг,
Уста волшебницы очей
Не приманят к себе других.

Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладость их испив,
Я деву некогда забыл.

15 августа 1830

122

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю.
По крайней мере есть *один,*
Который всё с ней потерял,—
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..

1830

123. 30 ИЮЛЯ. (ПАРИЖ) 1830 года

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец,—
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой,
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждáн.

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призра́к, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
«Он виноват! он виноват!»

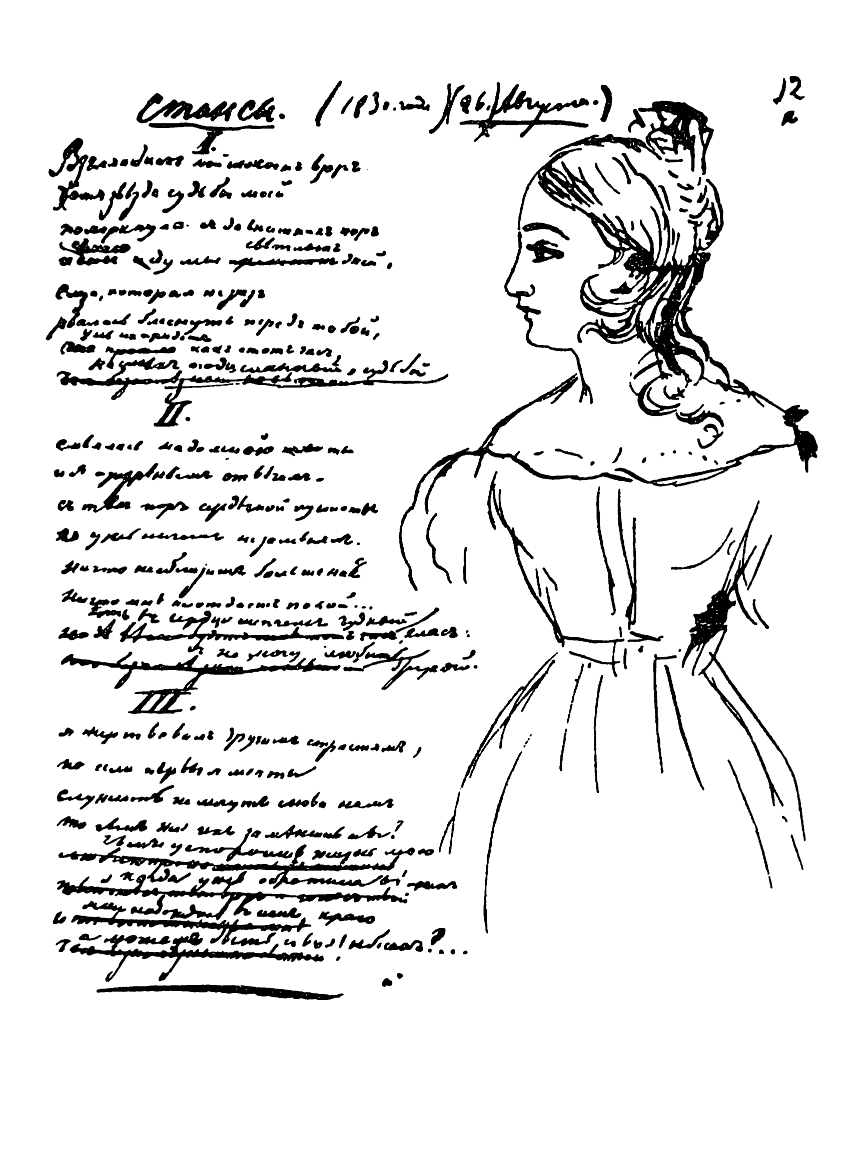
Август 1830

124. СТАНСЫ

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал,—
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..


12

Стансы. (1830 года) (26 Августа)

I.

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с ней думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот раз,
К ресницам, осушенной судьбой.

II.

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

III.

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?
Чем успокоишь жизнь мою,
И когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?...

Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?..

26 августа 1830

125. ЧУМА

Отрывок

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род
Незнания, хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы,— и страна
Веселья — стала гроб, и в эти дни
Без страха обнималися они!..

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он и день и ночь,
Отталкивал и сон и пищу прочь!

Другой узнал, казалось, жизни зло
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,
Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
И он как бы невольно жить хотел.

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась кровь.
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
Ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
Ломал в безумье руки — но молчал.

Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимый час!

И час пробил! Его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть говорить
Не мог уж юноша, его недуг
Не отнимал еще надежду жить;
Казалось, судрожным движеньем рук
Старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
Закрыл — хотя б один последний стон!

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
Холодный труп, к высокой груде тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

Август 1830

126

Нередко люди и бранили
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.

И начал рок меня томить,
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело,
И я не мог ему простить.

Я снова меж людей явился
С холодным, сумрачным челом,
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!

1830

127. РОМАНС

В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших вежд
И легче на груди страданье.

1830

128. ОТРЫВОК

Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блестят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,
Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

1830

129. БАЛЛАДА

Из Байрона

Берегись! берегись! Над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда *мавр* пришел в наш родимый дол,
Оскверняючи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов,
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слыхал не один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине;
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

1830

130. НОЧЬ

Один я в тишине ночной.
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... Но нет — с тех пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призра́к;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О боже! вот что, наконец
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить,
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет —
Кто устоит противу них?

28 августа 1830

131. К ***

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет;
Когда мне пищей будет кровь
И стану жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей,—
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя и вспомнишь ты,
Что при разлуке я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если, если наконец
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.

1830

132

Передо мной лежит листок,
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж страдал!

1830

133

Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!

1830

134

Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть букв приносят столько мук!
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И, может быть, как знать... в последний раз!

1830

135. НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

3 октября 1830

136. ГЛУПОЙ КРАСАВИЦЕ

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина,—
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя,— пуста.

4 октября 1830

137. МОГИЛА БОЙЦА

Дума

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.

Седые кудри старика
Смешалися с землей.
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.

Они белы, как пена волн,
Биющихся у скал.
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.

И бледны щеки мертвеца,
    Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
    Один средь их рядов.

Сырой землей покрыта грудь,
    Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
    Ползет через чело.

На то ль он жил и меч носил,
    Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
    Пустынные орлы?

Хотя певец земли родной
    Не раз уж пел об нем,
Но песнь — всё песнь, а жизнь — всё жизнь!
    Он спит последним сном.

5 октября 1830

138. СМЕРТЬ

    Закат горит огнистой полосою,
    Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мною
    Безжизненным, холодным мертвецом.
    Одна лишь дума в сердце опустелом,
    То мысль об *ней*. О, далеко она,
    И над моим недвижным, бледным телом
    Не упадет слеза ее одна.
    Ни друг, ни брат прощальными устами
    Не поцелуют здесь моих ланит,
    И сожаленью чуждыми руками
    В сырую землю буду я зарыт.
    Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! О, пожалей о мне, краса моя!
    Никто не мог тебя любить, как я,
    Так пламенно и та́к чистосердечно.

9 октября 1830

139. ⟨ИЗ ДРАМЫ «MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN» [1]⟩

Посвящается...

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный.
На зло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в пре⟨д⟩мете:
Всю душу посвятить тебе,
И больше никому на свете!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти — он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнешь об нем.

1830

140. ЧЕРНЫ ОЧИ

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят.
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.

Очи юга, черны очи!
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!

1830?

---

[1] «Люди и страсти» (нем.).— *Ред.*

141. К ***

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет.

Он был рожден для мирных вдохновений,
Для славы, для надежд, но меж людей
Он не годился — и враждебный гений
Его душе не наложил цепей,
И не слыхал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней.

И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрек, оправданный толпой,
И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

Между 1830 и 1832

142. ЗВЕЗДА

Вверху одна
Горит звезда,
Мой ум она
Мани́т всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Мне радость льет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек.

Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал!

1830 или 1831

143. РАСКАЯНЬЕ

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.

Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.

Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя.
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.

О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.

Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврату,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

1830 или 1831

144. ВЕНЕЦИЯ

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! И вновь гитары звон!
О, бойтеся, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен,
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья, да будет мир меж вами!

И мир с тобой, прекрасный чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситеся по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина.
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильней прижать к устам.
Меж тем вдали, то грустный, то веселый,
Раздался звук обычной баркаролы:

«Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит.
Опять сровняется вода,
Страсть не воскреснет никогда».

1830 или 1831

145

Я видел раз ее в веселом вихре бала.
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен, когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

1830 или 1831

146. ПОДРАЖАНИЕ БАЙРОНУ

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить.
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.

Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет,
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.

И вынесть мог сей взор ледяный я,
И мог тогда ей тем же отвечать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унесть любовь!..

1830 или 1831

147. К ДУРНОВУ

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
    Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
    Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна,
    Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
    Брожу беспокоен, один.

Тогда ты глаза и лицо примечай,
    Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
    Я больше не мог бы сказать.

1830 или 1831

148. АРФА

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытием,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоем;
Когда друзья младые на пирах
Меня не станут поминать вином,—
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней.

Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

1830 или 1831

149

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое.
Деревцо мое ветер ни ночью ни днем
Не может оставить в покое
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой:
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить, одинок, под луной
Обломки сей жизни остылой,
Он должен надежды свои пережить
И с любовию в сердце бояться любить!

1830 или 1831

150. ПЕСНЯ

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастием, мне неизвестным,—
О, прости мне мою любовь.

Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.

И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.

1830 или 1831

151. ПИР АСМОДЕЯ

Сатира

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий ⟨Павел⟩,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам предвечное доставил).
Сидят. Вдруг настежь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-й демон

(говорит)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.

«C'est trop commun! [1]— воскликнул бес
державный
С презрительной улыбкою своей.—
Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалося недавно,
И как не быть приятных мне вестей.
Я думаю, слыхали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-й демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить.
Но как помочь? Кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольно взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Боязь, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг,
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.

3-й демон

В Москву болезнь холеру притащили,
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили, и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовре́мя вспомнил нас,
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторско́й.

---

[1] Это слишком банально! (фр.).— *Ред.*

Благодарю. Хотя с полночи дальной,
Но мне милее всех подарок твой»,—
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

1830 или 1831

152. СОН

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем.
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветр не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце, меж двух колонн,
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна,
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... Ах! рано начал он любить.
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел, и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес.
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

1830 или 1831

153. НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрóн.

Я вижу лик полуоткрытый,
Означен резкою чертой,—
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит.
Всё темно вкруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

1830 или 1831

154. К ***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира,
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой.
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни.
Боясь лишь вечного суда
И, чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

1830 или 1831

155. ПРОЩАНЬЕ

Прости, прости!
О, сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека.
О, лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

1830 или 1831

156. К ПРИЯТЕЛЮ

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь

Тоску любови легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь..
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалося бедой.

1830 или 1831

157. СМЕРТЬ

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог.

Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

1830 или 1831

158. ВОЛНЫ И ЛЮДИ

Волны катя́тся одна за другою
С плеском и шумом глухим,
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их неволя и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же? —
Души в них волн холодней!

1830 или 1831

159. ЗВУКИ

Что за звуки! Неподвижен, внемлю
Сладким звукам я,
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ, милый мне.
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

1830 или 1831

160. 11 ИЮЛЯ

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепию холмов,
Краснея, ярко заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!

1830 или 1831

161. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В ребячестве моем тоску любови знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной.
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампады образно́й,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был как лед,
И очи — этот взор в груди моей живет;
Как совесть, душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный

На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.

1830 или 1831

162. ПОЛЕ БОРОДИНА

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета.
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды —
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слыхал.

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь:
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

Марш, марш! Пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена́, как тени,
Я спорил о могильной сени,
    В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
    Гора кровавых тел.

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
    Противник отступил,
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: «Помилуй боже!» —
На труп застывший, как на ложе,
    Я голову склонил.

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
    Гремит *Бородино*.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
    Изгладится оно.

1830 или 1831

163. МОЙ ДОМ

Мой дом везде, где есть небесный свод,
    Где только слышны звуки песен.
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
    Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей досягает,
И от одной стены к другой —
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, теченье века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

1830 или 1831

164. СМЕРТЬ

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал, и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон.
И, думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить.
Не часто сердце билося, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! Я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство

Иль горькие страдания далёко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознанья,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
    И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно,
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное, краткое изгнанье.

Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
«Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю». Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое —
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

    Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидать ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей,
И тайных мук ничтожные причины,
И к счастию людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.

Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет — могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелося мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? Каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную сырую кожу грызли.
Остались кости — и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.

Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бренные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью.
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно.
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье.

Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,

Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся.*

1830 или 1831

165. СТАНСЫ

Мне любить до могилы творцом суждено!
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.

На пустынной скале незабудка весной
Одна, без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
И, как прежде, недвижна скала,
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.

Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду — несчастлив один.

1830 или 1831

166. СОЛНЦЕ ОСЕНИ

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней

Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь,
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?

1830 или 1831

167. ПОТОК

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный:
Песок серебряный на дне,
Поверхность — лик небесный.
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крути́т песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает.
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.

1830 или 1831

168. К ***

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.

Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.

Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся.
Вослед за тобой побежит мой укор,
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.

1830 или 1831

169. НОЧЬ

В чугун печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночною мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скучно,
Мне тяжко бденье, страшен сон,
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты,—
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенесть мученье

Глубоких дум, сердечных ран,
Всё — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
⟨Шуми⟩, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

1830 или 1831

170. К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой —
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

1830 или 1831

171

Душа моя должна прожить в земной неволе
Недолго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный для других,

Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно
За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно.
Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою,—
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!

1830 или 1831

172. ПЕСНЯ

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы
Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

1830 или 1831

173

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ,
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

1830 или 1831

174. СЛАВА

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.

Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство.
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

1830 или 1831

175. ВЕЧЕР

Когда садится алый день
    За синий край земли,
Когда туман встает и тень
    Скрывает всё вдали,—
Тогда я мыслю в тишине
    Про вечность и любовь
И чей-то голос шепчет мне:
    «Не будешь счастлив вновь».
И я гляжу на небеса
    С покорною душой,
Они свершали чудеса,
    Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
    Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
    Небесных всех наград.

1830 или 1831

176

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладби́ща пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.

Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.

1830 или 1831

177

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей,
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унизить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.

Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

1830 или 1831

178. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
        С крыльца сойти,
        Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
            Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
            И лает...

Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный
        Рождают страх
        В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
            И скажет:
«Ты изменила» — ей в лицо
И ей заветное кольцо
            Покажет!..

1830 или 1831

179. ЗВУКИ И ВЗОР

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катúтся из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.

Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.

1830 или 1831

180. ЗЕМЛЯ И НЕБО

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно.
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит,
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль,
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

1830 или 1831

181. К ***

Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей.
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла —
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.

На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою.
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою.
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.

1830 или 1831

182. ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец,
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят,— в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.

1830 или 1831

183. К ***

Не медли в дальной стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.

И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.

И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

1830 или 1831

184. СОСЕД

Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет.
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампады,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давных лет.

1830 или 1831

185. СТАНСЫ

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любови,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду, как ратник в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там, в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить,—

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

1830 или 1831

186. МОЙ ДЕМОН

Собранье зол — его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

К ничтожным, хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон.
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глотает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица.
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства —
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

1830 или 1831

187. РОМАНС

Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
Они не от сердца бегут,
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
Где черные мысли живут.

Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Чтó в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.

Не смейте искать в сей груди сожаленья,
Питомцы надежд золотых.
Когда я свои презираю мученья,—
Чтó мне до страданий чужих?

Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать.
Я б много припомнил минут пролетевших,
А я не люблю вспоминать!

Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрáк,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,

Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном
И с криком пловец, без надежд воротиться,
Жалеет о крае родном.

1830 или 1831

188. КРЕСТ НА СКАЛЕ

M-lle Souchkoff [1]

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

---

[1] М⟨адмуазе⟩ль Сушковой (фр.).— *Ред.*

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О, если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда,
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!

1830 или 1831

189. ГОСТЬ

Быль

Посвящается.....

Кларису юноша любил
Давно тому назад.
Он сердце девы получил,
А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудет,
И в церкве поп с венцами ждет.

И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отечества сыны —
И ноги в стремена!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девой молодой.

«Клянись, что вечно,— молвил он,—
Мне не изменишь ты!
Пускай холодной смерти сон,
О дева красоты,
Нас осеняет под землей,
Коль не венцы любви святой!»

Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой!»

«Итак, прости! Жалей меня:
Печален мой удел!»
Калмар садится на коня
И вихрем полетел...
Дни мчатся... Снег в полях лежит...
Всё дева плачет да грустит...

Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забыт, забыт Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.

С невестой под руку жених
Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит,
Лишь молча гость один сидит.

На нем шелом избит в боях,
Под хладной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...

«Что гость любезный наш не пьет,—
Клариса вдруг к нему,—
И что он нить не перервет
Молчанью своему?
Кто он? Откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стон, не вздох он испустил —
Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлец
Лицо свое: то был мертвец.

Трепещут все, спасенья нет,
Жених забыл свой меч.

«Ты помнишь ли,— сказал скелет,—
Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!

Калмар твой пал на битве — там,
В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.

В том доме каждый круглый год
Две тени, говорят
(Когда меж звезд луна бредет
И все живые спят),
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..

1830 или 1831?

190. 1831-го, ЯНВАРЯ

Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют, и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад,—

Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.

191

Послушай! Вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презренный.

И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;

И молвишь ты: «Когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!»

23 марта 1831

192. 1831-го, ИЮНЯ 11 ДНЯ

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнию иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал, но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава — что они? А есть
У них над мною власть, и мне они
Велят себе на жертву всё принесть,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок,
Но верю им! Неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
Боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему конец.

Немного долголетней человек
Цветка, в сравненье с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой.
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть, что незабвенно! Женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давных пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить — и небеса молю
О новых муках, но в груди моей
Всё жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим.
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд, и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет — и снова в облаке укрыт.
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? Они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я,— порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! — любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман,
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней.

Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда.
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа,—
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует. Мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами. Каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор.

О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал,— ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, чтó значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка,
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! Жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпленье дум,
Меж радостью и горем полусвет.
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей.

И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец.
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно,
Способное любить — хоть не меня.
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн,

32

И мой курган! Любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось,— есть красоты
В таких картинах, только перенесть
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

193. РОМАНС К И⟨ВАНОВОЙ⟩

Когда я унесу в чужбину,
Под небо южной стороны,
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. О, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том,— чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
«Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог».

1831

194—195. ⟨*ИЗ ДРАМЫ «СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК»*⟩

1

К чему волшебною улыбкой
Будить забвенные мечты?
Я буду весел, но — ошибкой:
Причину — слишком знаешь ты.
Мы не годимся друг для друга:
Ты любишь шумный, хладный свет —
Я сердцем сын пустынь и юга!
Ты счастлива, а я — я — нет!
Как небо утра молодое,
Прекрасен взор небесный твой,
В нем дышит чувство всем родное,
А я на свете всем чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ее надежды — бред больного,
Им верить — значит верить сну.
Мне одинокий путь назначен,
Он проклят строгою судьбой,
Как счастье без тебя — он мрачен.
Прости! прости же, ангел мой!..

2

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
Наместо славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?

Он жил с людьми как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,
Тебе он верен был всегда.
Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор,—
Верь! Не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

1831

196. ЗАВЕЩАНИЕ

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну,
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону:
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи.
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечет
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

1831

197

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. А как узнать? Быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох
В развалинах... и крик! — но нет!
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет,
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.

Ничто... Волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою:
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен *твоей* рукою!

Лето 1831

198. К ***

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И, мне польстив любовию сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сóрвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья,—
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес,
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастием моим
И, услыхав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! — вот всё, что я желаю...
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!

1831

Желание (Средниково. Вечер на бельведере) (29 июля)

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

64

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?...

199. ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
    Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
    И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
    Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
    Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
    И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
    И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
    И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
    Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
    Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
    Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
    Увядает средь чуждых снегов.
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
    О! зачем я не ворон степной?..

29 июля 1831

200. К ДЕВЕ НЕБЕСНОЙ

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой,
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.

Спокоен твой лазурный взор,
Как вспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет и твой укор —
Всё полно, дышит божеством.

Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить.
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

1831

201. СВ. ЕЛЕНА

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Воспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков и потомства,
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случайной
И пролетел, как буря, мимо нас.
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья — и паденья час!

1831

202. К ДРУГУ В. Ш⟨ЕНШИНУ⟩

«До лучших дней!» — перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

Мой милый! не придут они,
В грядущем счастия так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.

Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночною
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,

Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит — берег недалекий
И ближе видит свой конец.

Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!

1831

203

Блистая, пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старою березой. Он молчит,
Но грудь его подъемлется порой,
Но бледный лик меняет часто цвет.
Чего он ищет здесь? — спокойствия? — о нет!

Он смотрит вдаль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет, надев могильный свой наряд —
Поблекнувшие листья. Жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир,
И люди все к ничтожеству спешат,—
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. «О! когда б одно «люблю»
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» — так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!

7 августа 1831

204. АТАМАН

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Собирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут,
И веслами дружными плещут,
И песни поют.

Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит.
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна — он молчит;
И краса молодая,
Как саван бледна,
Перед ним стоит на коленах.
И молвит она:

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой,
Ты поверил злой клеветнице,—
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан.
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

«Горе девице лукавой,—
Атаман ей, нахмурясь, в ответ,—

У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Всё знаю!.. И вновь не могу я,
Девица, любить!..

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — Лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?»

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!

1831

205. ИСПОВЕДЬ

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал,
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,

Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее чем сон!..

Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг,
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших, но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.

1831

206. НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем.
Лазурь небес — ее спина,
Головка — пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна,
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой.
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю,
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!

1831

207. ВИДЕНИЕ

Я видел юношу: он был верхом
На серой борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах,
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье,— тёмно, смутно
Являлося минувшее ему —
При́зрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер. Вот идет прохожий,
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляяся, в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? О! нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня — и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они.
Плывет могучий конь — и ближе — ближе...
И вот уж он на берегу друго
И на гору летит. И на крыльцо
Соскакивает юноша — и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял,

Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгну́л в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гналося вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна,— так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться,— но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в душе,
И, как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

Мой сон переменился невзначай:
Я видел комнату, в окно светил
Весенний, теплый день, и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами, полными душой и жизнью,
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойный, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливалися под ними...
И сердце сильно билось — без причины,—
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести.

На голубое небо он смотрел,
Следил сребристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья,— так боялся
Он услыхать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!

1831

208. ЧАША ЖИЗНИ

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами.

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает —

Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

1831

209. К Л.—

Подражание Байрону

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней,—

Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой,
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной.
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим.
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

1831

210. К Н. И⟨ВАНОВОЙ⟩

Я недостоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто, но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сóрвал с нежных уст твоих,—

Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я,
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном сostраданье
Вновь обвиняемой не быть!

1831

211. А. Д. З⟨АКРЕВСКОМУ⟩

О ты, которого клеврет твой верный Павел
В искусство ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян,
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, а́лырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что черт тебе не брат?

1831

212. ВОЛЯ

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться,
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,

Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья:
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой —
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами.
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

1831

213. СЕНТЯБРЯ 28

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой.
И мне былое, взятое могилой,
Напомнил голос твой.
К чему? — Другой лобзает эти очи
И руку жмет твою.
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритворны
Лобзания твои?
Они правам супружества покорны,
Но не правам любви.
Он для тебя не создан; ты родилась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаенный
В присутствии твоем;
Умел ли презирать он мир презренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... Тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастью,
Но нежной, как любовь.

1831

214. К *

Не верь хвалам и увереньям,
Неправду — истиной зови,
Зови надежду сновиденьем,
Но верь, о, верь моей любви!

Тебе нельзя мне не поверить,
А взор не скроет ничего;
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того.

1831

215

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда,
Но этот снег, летучий, серебристый
И для страны порочной слишком чистый,
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.

1831

216

Метель шумит, и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон,
Порой прорвавшися, гудит,—
То отголосок похорон.

То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.

Пугает сердце этот звук,
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

1831

217. ПЕСНЯ

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!
На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.
Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать
Плу́там!
Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не может мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
В чаше!
И даже в других больше нежных местах
У Параши.
На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

1831

218. НЕБО И ЗВЕЗДЫ

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка.
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

«Чем ты несчастлив?» —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают:
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

1831

219. СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине.
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну — согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну — скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоем
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей,
Так скорее ж... я дрожу.

О! как полны, как прекрасны
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман.

Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что мнится,
Я, любя тебя,— злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем,
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой,
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

1831

220

Когда б в покорности незнанья
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней,—
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

1831

221. К кн. Л. Г⟨ОРЧАКОВ⟩ОЙ

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,
Всё — даже люди, жизнь и свет,—
Тогда, измучен вспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена.
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!

1831

222

Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?

1831

223

Я видел тень блаженства, но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив,— как знать? —
Быть может, я б его стал презирать
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как звук.

Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;

И с каждым годом шире то пятно,
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; но до этих дней
Я волен — даже если раб страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне. Я родину люблю,
И больше многих: средь ее полей

Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшися с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах?
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! — звезды говорят,
Но где же? — вот вопрос — и в нем-то яд.
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.

1831

224. К ***

О, не скрывай! Ты плакала об нем —
И я его люблю. Он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.

И я бы мог быть счастлив, но зачем
Искать условий счастия в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

1831

225. К **

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастие б могла,
Но счастливой самой тебе не быть.
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

1831

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря?
В борьбе с порывным ветром этот звон
Далёко им по небу унесен,—
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.

И этот звон люблю я! Он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастия людей
Его не заглушат. Всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам —
Сам чужд всему — земле и небесам.

1831

227. АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел,
    И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
    Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
    Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
    Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
    Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
    Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
    Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
    Ей скучные песни земли.

1831

228. СТАНСЫ К Д***

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжко это слово
Мне услыхать в устах другого.

Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволенó?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена,—
То гордости была б измена,
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви.
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет — но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась,
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне.
Так! всё прекрасное, святое
В тебе — мне больше чем родное.

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастием не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не́ взял вечность.

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран,—
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!

1831

229

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет.
Ты светом осужден? Но что такое свет?

Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслужённых
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты сча́стливей меня, перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

1831

230

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она, как чу́мное пятно
На сердце, жжет, хотя темно.
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

1831

231. К ДРУГУ

Забудь опять
Свои надежды,
Об них вздыхать —
Судьба невежды.
Она дитя:
Не верь на слово,
Она шутя
Полюбит снова,

Всё, что блестит,
Ее пленяет;
Всё, что грустит,
Ее пугает.
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно,
Но чужд для них
Прошлец свободный,
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

1831

232

Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.

1831

233. ИЗ ПАТКУЛЯ

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей.
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает всё выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

1831

234

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен,
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой.

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

1831

235. ПОРТРЕТ

Взгляни на этот лик: искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна,— и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.

1831

Настанет день — и, миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою.
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час.
Что смерть? — Лишь ты не изменись душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастия из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей
И как победе станут веселиться
Толпы других людей,—
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень,— не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А всё не будешь жить.

1831

237. К Д.

Будь со мною, как прежде бывала.
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно.

Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой.

О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!

1831

238. ПЕСНЯ

Желтый лист о стебель бьется
    Перед бурей,
Сердце бедное трепещет
    Пред несчастьем.

Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;
    Пожалеет ли об нем
        Ветка сирая?

Зачем грустить мóлодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
    Пожалеет ли об нем
        Красна девица?

1831

239. К НЭЕРЕ

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед,
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

1831

240. ОТРЫВОК

Три ночи я провел без сна — в тоске,
В молитве, на коленах,— степь и небо
Мне были храмом, алтарем — курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?

Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь.
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно.
Мой час настал — час славы иль стыда,
Бессмертен иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели.
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился.
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца,
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной,
Но как надежда чистой и прекрасной,
Как вольность сильной и святой.

1831

241. БАЛЛАДА

В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосою
На небе зарево горит...

И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! Иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! И я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах,
Им чужд и стыд и страх цепей,
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он.—
Свершилось! Торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертию бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

1831

242. СИЛУЭТ

Есть у меня твой силуэт;
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней.

В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

1831

243

Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла.
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?

Моя душа — твой вечный храм:
Как божество, твой образ там.
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.

1831

244

Я не люблю тебя — страстей
И мук умчался прежний сон,
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он,
Другим предавшися мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

1831

245. СТАНСЫ

Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было,—
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.

Как настоящее, оно
Страстями бурными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест, в степи забытый.

Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.

Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши всё мне на земле,
Как всё земное — обманула.

1831

246—262. 〈*НОВОГОДНИЕ МАДРИГАЛЫ И ЭПИГРАММЫ*〉

1

Н. Ф. И〈ВАНОВОЙ〉

Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!

2

БУХАРИНОЙ

Не чудно ль, что зовут вас Вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..

Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь
И старовером прослывешь!

3

ТРУБЕЦКОМУ

Нет! мир совсем пошел не так;
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: «Ты дурак» —
За комплимент уж принимают!
Всё то, на чем ума печать,
Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!

4

Г⟨ОСПОДИНУ⟩ ПАВЛОВУ

Как вас зовут? ужель поэтом?
Поймет ли мир небесный глас!
Я вас прошу в последний раз:
Не называйтесь так пред светом —
Фигляром назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:
«Вот стихотворец, вот поэт».
Вас этот титул только свяжет
И будет целью всех клевет,—
С ним привилегий вовсе нет.

5

АЛЯБЬЕВОЙ

Вам красота, чтобы блеснуть,
Дана.
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?

6

НАРЫШКИНОЙ

Всем жалко вас: вы так устали!
Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцевали!
Как наконец не перестать?..
Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов —
Клянусь бессмертием богов,—
Тогда б мазурки опустели.

7

ТОЛСТОЙ

Недаром она, недаром
С отставным гусаром.

8

БАРТЕНЕВОЙ

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзы́вы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я!

9
МАРТЫНОВОЙ

Когда поспорить вам придется,
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается.
Кто с вами раз поговорил,
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое всё забыл!

10
ДОДО

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в *Талисмане* стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!

11
БАШИЛОВУ

Вы старшина собранья, верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,

Когда один в собранье целом
Ему навстречу не солжет;
Итак, я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!

12

КРОПОТКИНОЙ

Я оклеветан перед вами.
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..

13

ЩЕРБАТОВОЙ

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы?
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет, как мудрец, скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.

14

БУЛГАКОВУ

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки.
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке.
За службу долгую и труд
Авось наместо класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса.

15

САБУРОВОЙ

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..

16

УВАРОВОЙ

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить,—
Не спорю в этом, но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают,— вы душой,
И что у них слова пустые —
То не обман у вас одной!

17

Вы не знавали князь-Петра?
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою.
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.

Декабрь 1831

263

Возьми назад тот нежный взгляд,
Который сердце мне зажег
И нынче бы зажечь не мог,—
Вот для чего возьми назад,
Возьми назад.

Слова любви возьми назад,
Другого ими успокой!
Я знаю, лгут они порой,
Хотя б не знать был очень рад!
    Возьми назад.

1831?

264

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч
И уступить всё медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяц. Две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволенó.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер волен и один.
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей,
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускори́ть.

И долго так мой конь летел...
И вкруг себя я поглядел:
Всё та же степь, всё та ж луна...
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспоривать у ней!

1832

265. СОЛНЦЕ

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..

Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит,
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?

1832

266

Я счастлив! Тайный яд течет в моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. Ни любви,
Ни мук умерший уж не знает.
Шести досток жилец уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

1832

267. ПРОЩАНЬЕ

«Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой,
А здесь тебе и кровля и покой —
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей?
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда,
Под мокрой буркой, с горестным лицом.
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем?

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор;
Мы вольны и добры; зачем твой взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят нас;
Тебя не встретит средь родных долин,
Ты сам сказал, улыбка милых глаз:
Побудь еще со мной хоть день, хоть час,
Послушай! час один!»

«Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня.
Я счастлив был любовию твоей,
Но всё-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ».

1832

268

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран.
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,

Или большие очи? Но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. Я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегающих с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал.
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд!

1832

269

Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след,—
Так всё бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..

Неужли́ ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,
Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.

Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых,

Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.

1832

270

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! Ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь — а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? — я тебя люблю, люблю!..

Ты так хорош! Бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да,—
Ты помнишь? — Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младых
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы,
Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день от дня.

Мне мил мой стыд! Он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот!
О, наслаждайся! — ты мой господин!
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя.
Мой друг! Чего не вынесешь любя!

1832

271

Девятый час; уж тёмно; близ заставы
Чернеют рядом старых пять домов,
Забор кругом. Высокий, худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; дождя не будет, небо ясно,—
Весь город спит. Он долго ждал напрасно;
Темны все окна — блещут только два —
И там — чем не богата ты, Москва!

Но, чу! — к воротам кто-то подъезжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. Слезает,
Одет плащом, проказник молодой.
Скрыпит за ним калитка, под ногами
Стучат, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)
Дверь отворилась,— свечка. Кто тут? — Он.

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ведет.
В шандале медном тускло догорая,
Свеча на них свой луч последний льет,
И на кровать с высокою периной,
И на стену с лубошною картиной,
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены.

Она была прекрасна, как мечтанье
Ребенка под светилом южных стран.
Что красота? Ужель одно названье?

Иль грудь высокая и гибкий стан,
Или большие очи? Но порою
Всё это не зовем мы красотою:
Уста без слов — любить никто не мог,
Взор без огня — без запаха цветок!

Она была свежа, как розы Леля,
Она была похожа на портрет
Мадонны — и мадонны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать лет,
Лишь святости черты не выражали.
Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь, волнуясь, поцелуй звала,—
Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева *молодая,*
Которой всё богатство — красота!..
И впрочем, замуж выйти не желая,
Что было ей таить свои лета?
Она притворства хитрости не знала
И в этом лишь другим не подражала!..
Не всё ль равно? Любить не ставит в грех
Та одного, та многих — эта всех!

Я с женщиною делаю условье
Пред тем, чтобы насытить страсть мою:
Всего нужней, во-первых, мне здоровье,
А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец нежный:
Он снял сертук, сел на постель небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!

1832

272

Как в ночь звезды падучей пламень,
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но всё под ним змея.

Меня спасало вдохновенье
    От мелочных сует,
Но от своей души спасенья
    И в самом счастье нет.

Молю о счастии, бывало,
    Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
    Как для царя венец.

И, все мечты отвергнув, снова
    Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
    Ничтожный властелин.

1832

273. К ***

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам,
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!

Я горд! Прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил,—
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

1832

274. ⟨В АЛЬБОМ Н. Ф. ИВАНОВОЙ⟩

Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.

И стих безумный, стих прощальный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печальный,
Который здесь оставлю я.

1832

275. ⟨В АЛЬБОМ Д. Ф. ИВАНОВОЙ⟩

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.

1832

276

Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадонны Рафаэля,
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?

1832

277

Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу всё темно, возвещали прохожему утро. И розовый

цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

[Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрываяся пеной, бежит безыменная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно]

Воздух там чист, как молитва ребенка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы, и чистят оружье, и шьют серебром, в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

1832

278. РОМАНС

Стояла серая скала на берегу морском,
Однажды на чело ее слетел небесный гром.
И раздвоил ее удар — и новою тропой
Между разрозненных камней течет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись,— но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злословием людским,
Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим.
И мы не встретимся опять, и, если пред тобой
Меня случайно назовут, ты спросишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никак из памяти своей
Не только чувств и слов моих — минуты прежних дней!..

1832

279. ПРЕЛЕСТНИЦЕ

Пускай ханжа глядит с презреньем
На беззаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего,
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат;
Мы будем счастливы как можем,
Они пусть будут как хотят!

1832

280

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день, твои блистают очи
При встрече радостных очей.

Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку, гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То всё тебе покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далёко от надежд былых,
Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных,

Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты их узнаю.

И время их не изменило,
Они всё те же! — Я не тот:
Зачем же гибнет всё, что мило,
А что жалеет, то живет?

1832

281. HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY [1]

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

1832

282. ЭПИТАФИЯ

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! Итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведал...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

1832

---

[1] Если б мы не любили так нежно (англ.).— *Ред.*

283

Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как с другом,
Но хладен был прощальный твой привет;
Но ты не веришь мне, ты притворилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты решилась,
Чтоб с сожаленьем не явить любви.
Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? Но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез,
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

1832

284

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадный
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней,—
Тогда я буду всё с тобою,
И берегись мне изменить;
. . . .

1832

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум не много совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!

1832

286. РОМАНС

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
    Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет,—
    В дальной стороне
    Вспомни обо мне.

Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
    При ночном огне
О девице обольщенной,
Позабытой и презренной,—
О, тогда, мой друг бесценный,
    Ты в чужой стране
    Вспомни обо мне.

Время прежнее, быть может,
Посетит тебя, встревожит
    В мрачном, тяжком сне;

Ты услышишь плач разлуки,
Песнь любви и вопли муки
Иль подобные им звуки...
    О, хотя во сне,
    Вспомни обо мне!

1832

287. СОНЕТ

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них — как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.

Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями.
Что ж пользы для меня — я не любим тобой

Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ее молениям внимаешь,
Так мраморный кумир на берегу морском

Стоит, у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

1832

288

Болезнь в груди моей, и нет мне исцеленья,
    Я увядаю в полном цвете!
Пускай! Я не был раб земного наслажденья,
    Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей владело,
    Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захотело,
    Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: догорает,
    Краснея, гордое светило;
Мне хочется за ним: оно, быть может, знает,
    Как воскрешать всё то, что мило.

Быть может, ослеплен огнем его сиянья,
    Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
    За мной бегущие повсюду.

1832

289. К *

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою,
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойно он сияет,
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,—
Я рожден, чтобы не жить без них.

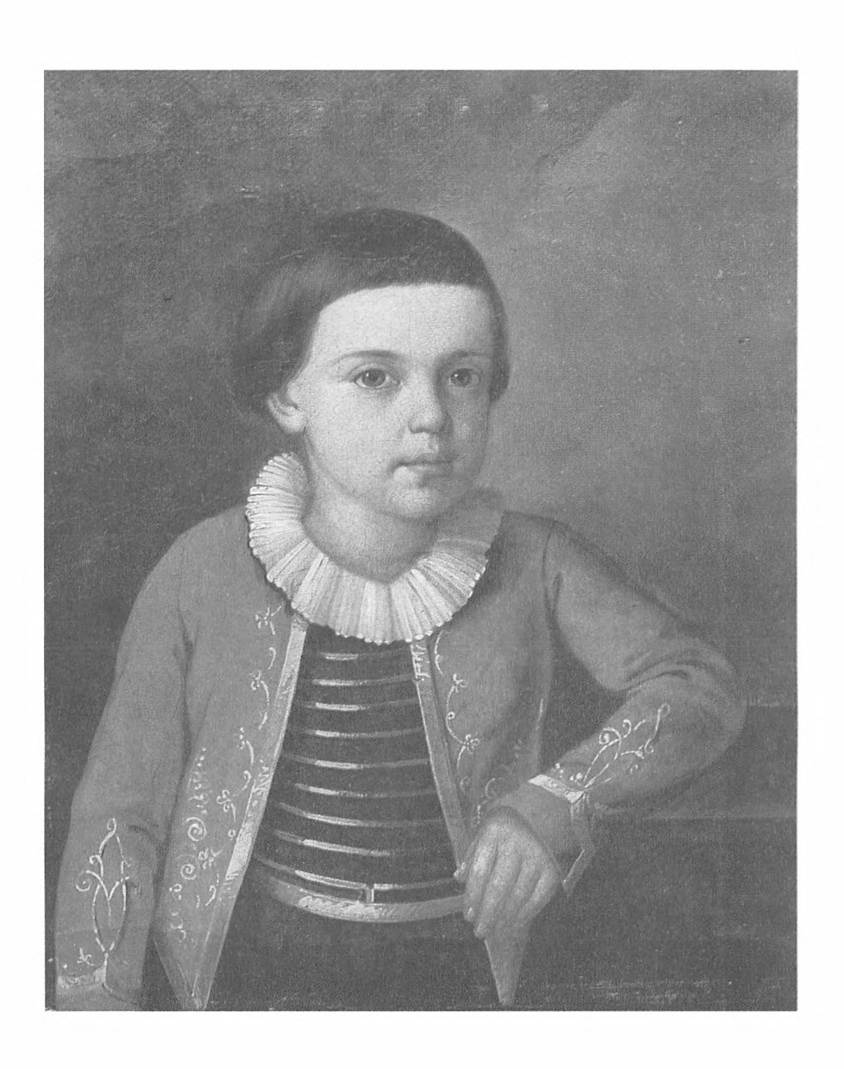
Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Чтó хвала иль гордый смех людей!

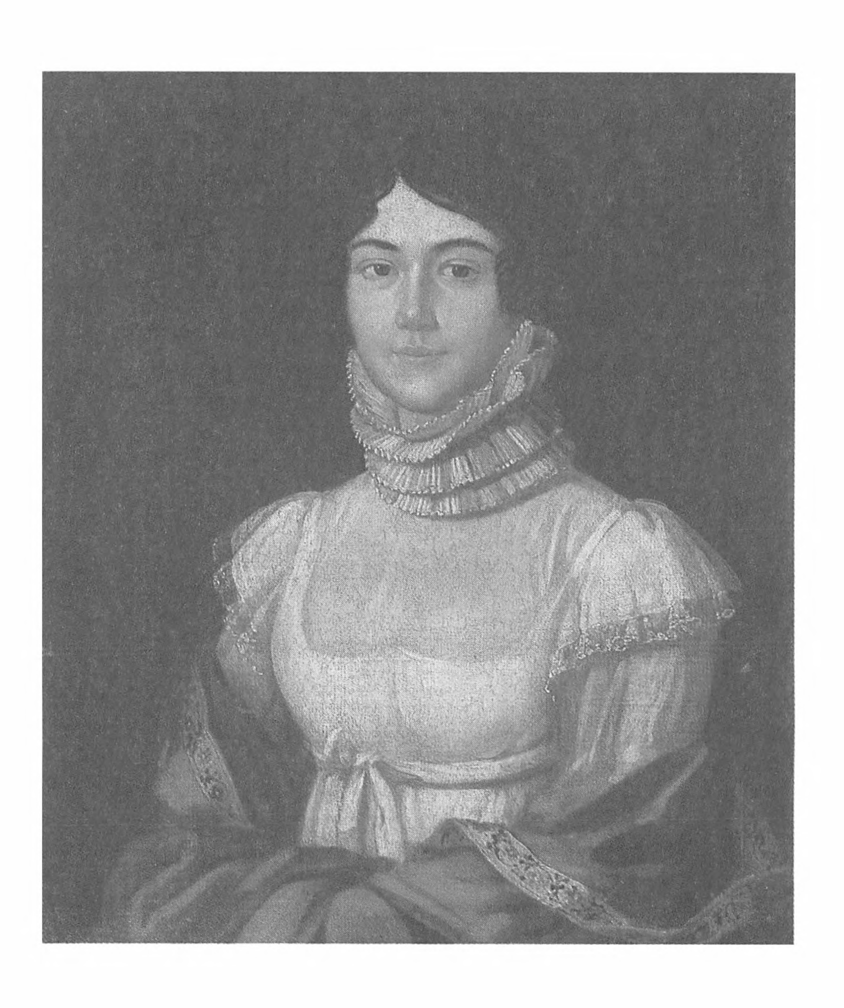
Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

1832

290

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.





Юрій Петровичъ Лермантовъ
Отецъ Автора М. Лер.

Е. А. Сушкова

Н. Ф. Иванова

В. А. Лопухина в образе монахини

С. А. Раевский

Э. К. Мусина-Пушкина

А. К. Воронцова-Дашкова

И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал,
А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унесть бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

1832

291

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга всё счастие рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — вселенной!

1832

292. К *

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого — ты ведать не должна,
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоин я участья,
Что сам ничем не дорожу;
Что всё, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль брат.

Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою,
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю.

1832

293. БАЛЛАДА

С немецкого

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки вослед им глядят:
прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла — и девичья любовь
прости!
Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

1832

294. БОЙ

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан бахромою,
Другой — в одежде чернеца.
И, видя злость противника второго,
Я пожалел о воине младом:
Вдруг поднял он концы сребристого покрова,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь,
Но вихорь отступил перед громами,
И пал на землю черный конь.

1832

295

Я жить хочу! Хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман.
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.

Июль 1832

296

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.

Всё на свете редко стало:
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука,
То — блаженство, это — мука.

Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?

1832

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И сколько гордых душ увлек в свое паденье!
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?
. . . .

1832

298. ЖЕЛАНЬЕ

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.

Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пущуся в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.

Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;

Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...

1832

299. К *

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье —
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том,
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

1832

300. К *

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, никогда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и тоскую.

К тебе не домчится ни слово, ни звук,
Отзыв беспокойный неведомых мук.
Певца твоя ласка утешить не может:
Зачем же он сердце твое потревожит?

О нет! одна мысль, что слеза омрачит
Тот взор несравненный, где счастье горит,
Безумные б звуки в груди подавила,
Хоть прежде за них лишь певца ты любила.

1832

301. ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал;
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

302. К *

Прости! — мы не встретимся боле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь názванье
Того, кто погиб так давно!

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой,
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто былое
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!

Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истощили,
Сожгли поцелуем одним.
Прости! — не жалей безрассудно,
О краткой любви не жалей:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!

1832

303

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя,
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! Будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

1832

304

Безумец я! Вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на *поэта!*
Я обманулся, вижу сам,
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю,
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Всё то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

1832

305

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

1832

306

Примите дивное *посланье*
Из края дальнего сего;
Оно не *Павлово* писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей.
Всё удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

И, наконец, я видел море,
Но кто поэта обманул?..

Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул.
Нет! как оно, я не был волен,
Болезнью жизни, скукой болен
(Назло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

Начало августа 1832

307

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка.
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине — Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Всё веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок. А потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас,
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет по крайней мере
Названье ваше сохранит.
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девица нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

Август 1832

308

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О, как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальнем северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

27 августа 1832

309. ЧЕЛНОК

По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти,
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок.
Пускай прилив его ласкает —
Не слышит ласки инвалид,
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит.
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой.
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!

Август 1832

310. ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Увы, он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Август 1832

311

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — Но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной.
И мир не пощадил — и бог не спас!

Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз,
И час их красоты — его паденья час!

И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем как нежные подруги
Колеблются на ветках — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги.
Ужасно стариком быть без седин.
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою.
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И всё, что чувствует, он чувствует один!

1832

312. ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,

И много слез горючих
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок-любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честны́х людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он —
Я денег не брала.
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом.

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей младой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

1832

313. РУСАЛКА

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной,
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И, шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака.
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у меня
    Играет мерцание дня,
Там рыбок златые гуляют стада,
    Там хрустальные есть города,

И там на подушке из ярких песков,
    Под тенью густых тростников,
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
    Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелкóвых кудрей
    Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
    Целовали красавца не раз.

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
    Остается он хладен и нем.
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
    Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
    Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
    Отраженные в ней облака.

1832

314. БАЛЛАДА

Куда так проворно, жидовка младая?
    Час утра, ты знаешь, далек...
Потише — распалась цепочка златая,
    И скоро спадет башмачок.

Вот мост! Вот чугунные влево перилы
    Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче — устала, нет силы!..
    Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
    Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
    И кто-то взглянул из окна!..

И, страхом и тайной надеждой пылая,
    Еврейка глаза подняла;
Конечно, ужасней минута такая
    Столетий печали была.

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
    Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
    Избавь от ножа и огня...

Отец мой сказал, что закон Моисея
    Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
    Затем, что внимала любя...

И мне обещал он страданья, мученья,
    И нож наточил роковой,
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья —
    Он будет как тень за тобой.

Отцовского мщенья ужасны удары,
    Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
    Под хладной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
    Блеснул неожиданный свет,
И что-то сверкало в руке обнаженной,
    И мрачен глухой был ответ.

И тяжкое что-то на камни упало,
    И стон раздался под стеной —
В нем всё улетающей жизнью дышало,
    И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
    Кричал и шептал об одном:
Там, в доме, был русский, кинжалом пронзенный,
    И женщины труп под окном.

1832

315. ГУСАР

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан,
Но знай: покой души не вечен
И счастье на земле — туман!

Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров,
Но берегися думы черной —
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит
И страсть безумная смешит,
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой,—
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

1832

316. ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1833

317

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезженных коней.

Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны.

В наше время кормят, холят,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней — бог весть!..

1833 или 1834

318

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал — и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера́ над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билося сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы всё, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.
Прощай, наш товарищ, недолго ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе заслужил
Да вечную память меж нами!

1833 или 1834

319. ⟨ЭПИГРАММА НА Н. КУКОЛЬНИКА⟩

В Большом театре я сидел,
Давали «Скопина»: я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
«Что, братец! жаль! — Вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился».

1835

320

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять, шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает, вам обидна
Величья нашего заря,
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно,
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

⟨4⟩

Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!
. . . .

⟨5⟩

Но честь России невредима.
И вам, смеясь, внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

1835 или 1836

321. ПОСЛАНИЕ

Катерина, Катерина!
Удалая голова!
Из святого Августина
Ты заимствуешь слова.

Но святые изреченья
Помрачаются грехом,
Изменилось их значенье
На листочке голубом.

Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;

Лишь начнет — хоть плачь заране...
А смотри, как силен Враг!
Только кончит — все миряне
Отправляются в кабак.

1835 или 1836

322. УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...
Byron [1]

Ликует буйный Рим... Торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена,
А он, пронзенный в грудь,— безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что́ знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт...освистанный актер.

И кровь его течет,— последние мгновенья
Мелькают — близок час... Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край.
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой...
Напрасно — жалкий раб, он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим,— прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд,— игралище детей,
    Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:

---

[1] Я вижу пред собой лежащего гладиатора... *Байрон* (англ.).— *Ред.*

Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

2 февраля 1836

323. ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Из Байрона

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая;
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

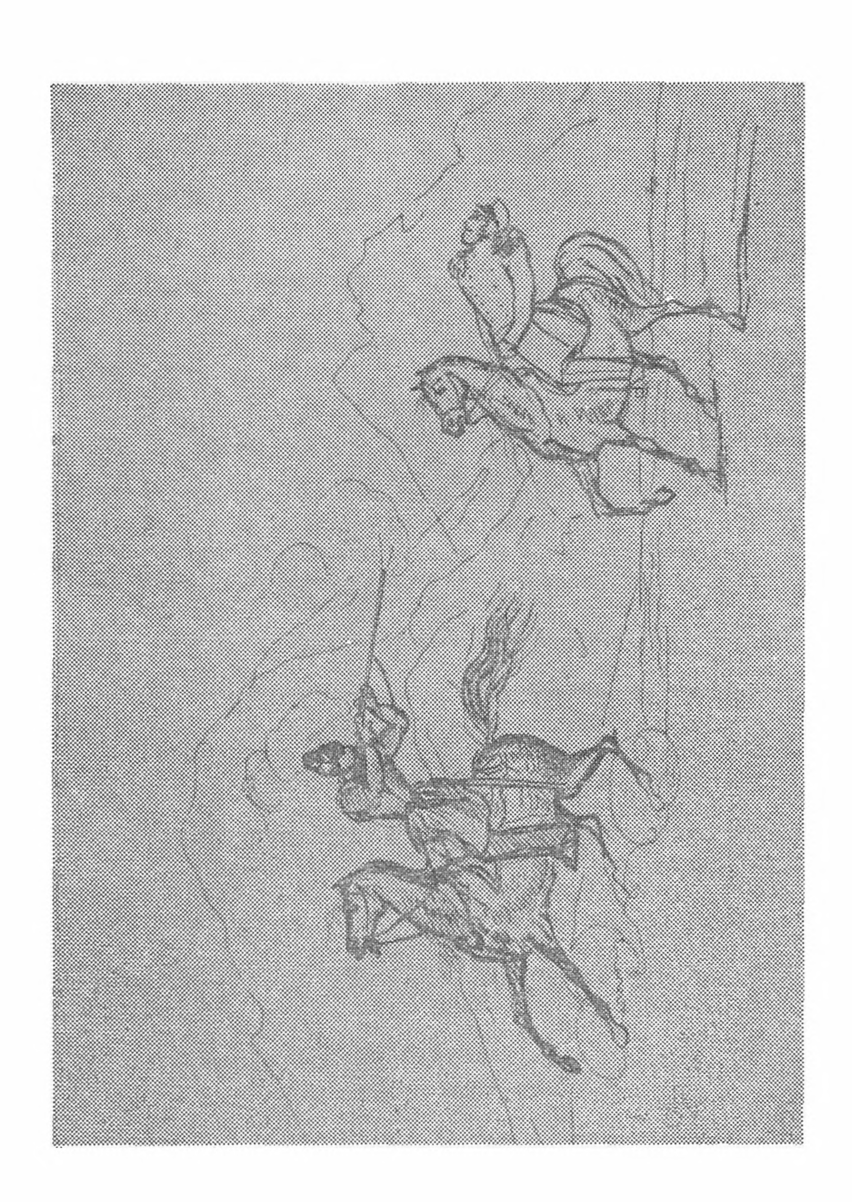
Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

1836

324. В АЛЬБОМ

Из Байрона

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.



И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт;
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

1836

325. ⟨ЭПИГРАММА НА О. И. СЕНКОВСКОГО⟩

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак:
Бранится пошло — ясно немец;
Похвалит — видно, что поляк.

1836?

326

. . . .
Великий муж! здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услыхав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

1836 или 1837

327

Никто моим словам не внемлет... Я один.
День гаснет... Красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. Я полон весь мечтами

О будущем... И дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

1836 или 1837

328

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?

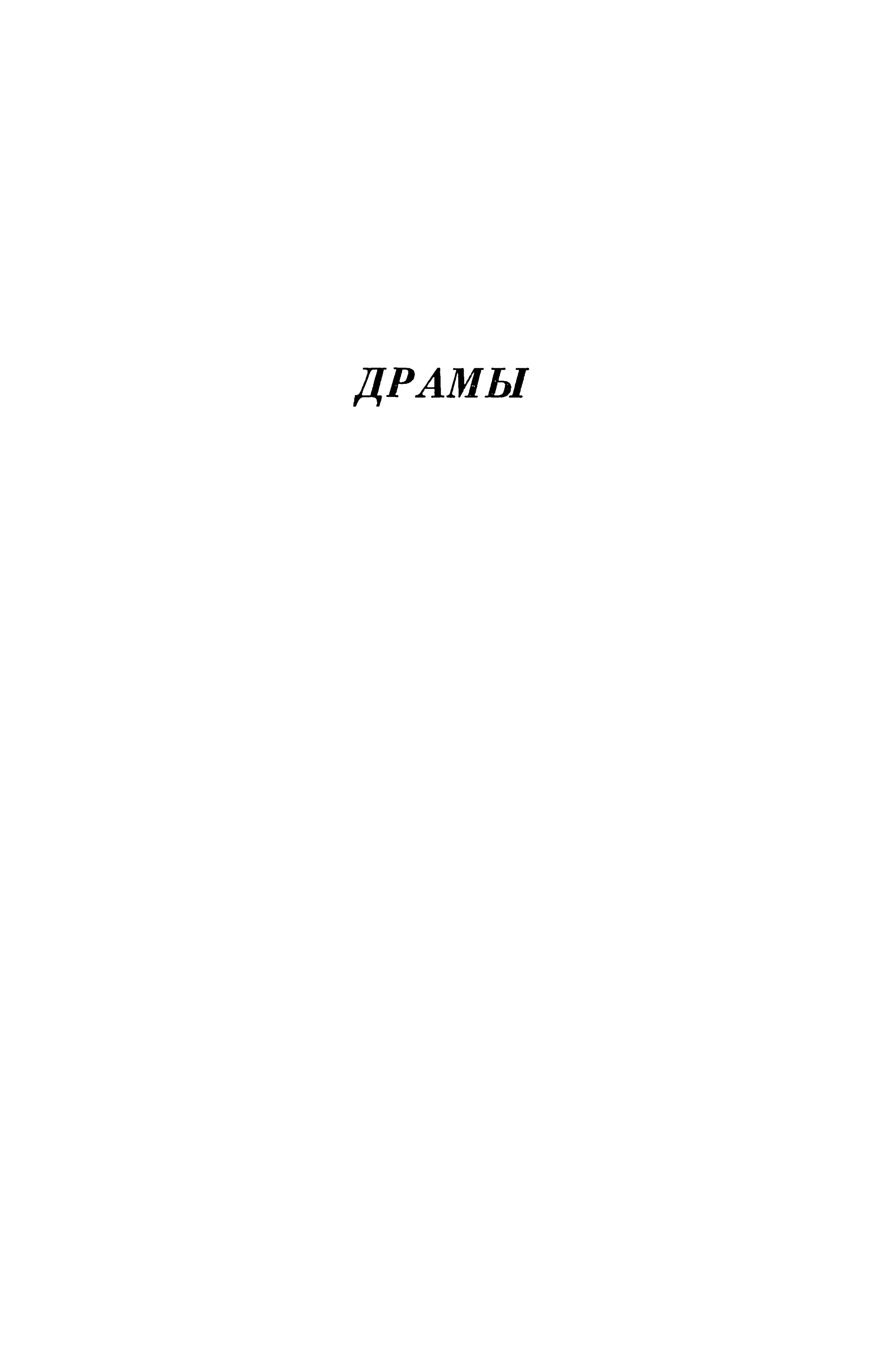
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: «Я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..»

И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей.
С святыней зло во мне боролось —

Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я.
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

1836 или 1837



ДРАМЫ

329. ИСПАНЦЫ

ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Не отвергай мой слабый дар,
Хоть здесь я выразил небрежно
Души непобедимый жар
И дикой страсти пыл мятежный.

Нет! не для света я писал —
Он чужд восторгам вдохновенья.
Нет! не ему я обещал
Свои любимые творенья.

Я знаю: всё равно ему,
Душе ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живые струны отвечали.

Но ты меня понять могла,
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла,—

Так над гробницею стоит
Береза юная, склоняя
С участьем ветки на гранит,
Когда ревет гроза ночная!..

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Алварец, дворянин испанский.

Эмилия, дочь его.

Донна Мария, мачеха ее.

Фернандо, молодой испанец, воспитанный Алварецом.

Патер Соррини, итальянец-иезуит, служащий при инквизиции.

Доминиканец, приятель Соррини.

Моисей, еврей.

Ноэми, дочь его.

Сара, старая еврейка.

Испанцы, бродяги, подкупленные Сорринием.

Жиды и жидовки.

Служители инквизиции.

Слуги Алвареца, слуги Сорриния, народ, гробовщики.

Действие происходит в Кастилии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена I

Комната у Алвареца. Стол. Портреты на стенах и зеркало на стене. Донна Мария сидит на креслах. Эмилия стоит и перебирает четки.

Донна Мария

Да, с этих пор тебе я запрещаю
С Фернандо говорить. Во-первых, он
Неблагородный. Оттого мой муж
Тебе с ним не позволит съединиться
Супружеством, и я в том настою!

Эмилия

Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце.

Донна Мария

Так, уж верно от него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..

Эмилия

Немудрено, что мне Фернандо много
Прекрасных чувств помог узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, он,
Безвестный сирота, был взят моим отцом;
И с этих пор я под одной с ним кровлей
Жила как с братом — и бывало,
Вдвоем гуляли мы в горах кастильских,
Он был подпора и вожатый мне;
И не было на тех вершинах розы,
Которой для меня не мог бы он достать.

Донна Мария в рассеянье как бы поправляет что-нибудь в своем одеянье — и не слушает.

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый ветерок свежее становился,
И месяц по небу катился.
Пред нами быстрый был поток, Фернандо,
Чтоб перенесть, взял на́ руки меня.
Мы перешли, но я всё оставалась
В его объятьях. Вдруг, я помню,
Он странным голосом спросил меня:
«Эмилия меня не любит?» — «Нет! люблю!» —
Сказала я, и уж с того мгновенья
Люблю его нежней всего на свете!..

Донна Мария

Вот это именно меня и заставляет
Тебе советовать не говорить с ним.
Тебе я заменяю мать, могу,
И мне дано от Алвареца право,
Смотреть как можно строго за тобою.
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилия

А может быть, гаданья ваши ложны.

Донна Мария

Поверь, тебя я не глупее, потому,
Что уж за третьим мужем, опытность
Рассудок заменяет, знаю, как
Несчастливы супружества, когда
Муж и жена не равны состояньем.

Эмилия

Неужели умершие мужья
Рассудку придают?..

Донна Мария

(будто не слыхав)

Звонят к обедне!

Эмилия

Звонят!

(в сторону)

а он ⟨всё⟩ не приходит.

Донна Мария

Взяла ли ты молитвенную книжку?..

Эмилия

Ах! позабыла,

(берет со стола)

о! как долго!..

Фернандо входит. Донна Мария не видит его, выходит в дверь. Эмилия из-под мантельи, следуя за мачехой, роняет записку. Фернандо, глядевший вслед за нею, подымает.

Фернандо

(открывает)

«Я знаю, что батюшка слышал об нашей любви и о твоем намерении жениться на мне. Он тебе, верно, станет говорить об этом. Ради бога, не горячись с ним, иначе мы никогда не будем счастливы».

Ты много требуешь, Эмилия!

Молчание.

Кто б мог подумать, что такой глупец,
Такой бесчувственный... чудна природа!..
И это милое, небесное созданье.
Эмилия!.. нет, нет! она не дочь его.
Мне скажут: благодарность! —
благодарность!..

За что? — за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состоянье, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше,
За то ли, что ломо́ть вседневний хлеба,
Меня питавший, должен был упреком
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность от меня?
О, лучше бы от голода погибнуть,
Чем выносить такие укоризны!..

И как он мог узнать мои желанья! странно!..
Но что ни будь, а даже для нее
Малейшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьмет свое... но не теперь...

Алварец входит тихими шагами и садится в кресла.

Фернандо

Какой же гордый вид, как будто в нем
Соединилися все души предков.

(Обращаясь к портретам.)

О вы! вы, образы людей великих
Своею мудростью и силой,
Скажите мне, ужель гниющие,
Немых гробов бесчувственные жертвы
Отнимут у меня мою Эмилию?..
Смешно! — я не могу себе представить,
Чтоб мертвые имели предрассудки!..

Алварец

Фернандо! до меня доходят слухи,
Что ищешь ты войти в мое семейство!..
Безумец ты! — клянусь святою девой! —
И мысль одна, мой милый, быть мне зятем
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо

Желательно, чтобы моя обида
Могла вам заплатить за ваши...

Алварец

Мои обиды!.. Слушай же, глупец,
Что я скажу тебе, да со вниманьем.

Фернандо

(насмешливо)

Как счастлив тот, кто может, оказав
Добро один раз в жизни человеку,
Бранить его глупцом сто раз — и каждый день!

Алварец

Узнать ты должен наконец,
Кто ты! Доселе содержал я
Тебя почти совсем как бы родного,
Но с этих пор переменилось всё!
Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса
(Тогда еще я только что женился);
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. Иду через кладби́ще,
Среди которого стояла церковь
Забытая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач — и на крыльце
Находим бедного ребенка — то был ты.
Я взял тебя, принес домой — и воспитал.

(Насмешливо.)

Но для чего тебя там положили
И кто родители твои — бог знает!
А я так не хочу и знать, да, да!

Фернандо

(пораженный, про себя)

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не́ спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей.

Молчание.

(Ходит взад и вперед. Потом опять приходит в спокойное положение.)

Алварец

О чем печален! — точно вот как было.
Возможно ли тебе теперь жениться
На дочери моей? Что после скажут
Другие благородные испанцы?

Фернандо

Поговорят — и замолчат.

Алварец

Не замолчат, не слыхано у нас,
Чтобы на улице найденный человек
С семейством очень древним, благородным
Мог сблизиться.

Фернандо

Сказать вам отчего?
Боятся эти люди, чтоб тогда
Их равенство скорей не увидали...

Алварец подходит к портретам.

Алварец

Вот этот, здесь, мой первый предок, жил
При Карле Первом, при дворе, в благоволенье
У короля, второй при инквизиции
Священной был не в малых людях.
Вот тут написано, что сделал он:
Три тысячи неверных сжег и триста
В различных наказаниях замучил.

Фернандо

(насмешливо)

О, этот был без спору муж святой.
Конечно, он причислен к лику?

Алварец

(равнодушно)

Нет еще!..
Вот третий здесь, в военном одеянье,
С пером на шляпе красным и с усами:
Вторым служил на флоте он — и утонул
В сраженье против англичан проклятых.

Еще ж пятнадцать прадедов моих ты видишь
(Дай бог, чтоб и меня сюда вписали
И род наш до трубы последней продолжи́лся);
И ты — ты захотел вступить в число их?
Где, где твои родители, бродящие
По свету негодяи — подлые... или...
Несчастные любовники, или какие-
Нибудь еще похуже... Дерзкий! Что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все, тогда я замолчу.

Фернандо

О, если б только я хотел молчать
Заставить вас,

(трогая шпагу)

то без пергаментов
Я б это мог.

Алварец

Уж слишком ты забылся,
Бродяга! Покажи ж сейчас,
Как ты меня молчать заставишь, а не то
Велю тебя прибить, и это верно,
Как то, что папа есть апостолов наместник!
Как ты меня молчать заставишь?
Бедняга, плут, найденыш!.. ты не помнишь,
Что я, испанский дворянин, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду.

(Топнув.)

Видишь ты перед собою
Изображения отцов моих?
Кто ж твой отец? Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви? — Верно уж жидовка,
А с христианкой быть сего не может.
Итак, смирись, жидовское отродье,
Чтоб я тебя из жалости простил!..

Фернандо

(в беспокойстве)

Послушай, Алварец! теперь — теперь я
Ничем тебе не должен! — Алварец,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй от меня,— кровь благородная
Текла поныне в жилах этих...

Минута молчания.

Вот эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставит.

Алварец

Вон! вон скорей из дома моего,
Чтоб никогда ни сам, ни дочь моя
Тебя близ этих мест не увидали.
Но если ж ты замыслишь потихоньку
Видаться с нею, то, клянусь Мадритом,
Клянусь портретами отцов моих,
Заплотишь кровью мне.

Фернандо

Ты можешь кровь мою
Испить до капли, всю, но честь... но честь
Отнять не в силах, Алварец!

Алварец

Вон! вон, глупец! Когда ты хлеба
Иметь не будешь — к моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.

(В сторону.)

Каков же негодяй Фернандо стал!..

Фернандо

О! ад и небо!.. Ну, прощай!..
Но бойся, если я решусь на что-нибудь!..

Убегает в бешенстве и сталкивается в дверях с патером Соррини**ем**, которого не замечает. Соррини на минуту поражен, но наконец сгибает спину и с поклоном входит. Алварец идет радостно иезуиту навстречу.

Алварец

А! добрый день отцу Сорринию!

(Он его сначала в беспокойстве не заметил.)

Как поживаете, святой служитель божий?

Соррини

(кланяясь, с притворством глаза к небу)

Помилуйте, я лишь смиренный раб его
И ваш слуга покорнейший.
Да что у вас за шум в дому случился?
Как бешеный тут кто-то пробежал
И даже мне не поклонился.

Алварец

Да, я теперь лишь и́з дому прогнал
Питомца своего: давно пора уж было.

Соррини

И я давно уже заметил это,
Но не хотел лишь беспокоить вас...
Повеса он большой и пылкий малый,
С мечтательной и буйной головой.
Такие люди не служить родились,
Но всем другим приказывать.
Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно в прахе,
Чтоб чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми делами
Купить себе прощенье за грехи.
А что он сделал, должно ли мне знать?
Быть может, против церкви или короля —
Так мне не худо знать...

Алварец

Бедняга этот...

Соррини

Бедняга?

Алварец

Как же! я его нашел
Ребенком, брошенным на улице.

Соррини

Таким бы людям надобно прощать,
Они наказаны уж богом.

Алварец

Как прощать?
Да я вам расскажу, что сделал он.

Соррини

(в сторону)

Как жалко, что его карманы пусты,
А то набил бы я свои потуже.
Так в мире всё из рук в другие переходит.

Алварец

(с таинственным видом)

Когда он был еще ребенком, позволял
Ему я с дочерью моей играть.
Они играли — да, играли: я не думал,
Что выйдет что-нибудь из этого худое.
Бывало, спросишь: «Что вы, дети?» — «Мы играем».
— «Во что?» — «В любовь!» — и нежно целовались,
Как горлицы. Фернандо, став постарше,
Уж понял, что нейдет так вольно обращаться,
И начал думать, как бы продолжать
Игру когда-нибудь,— из слов его я видел
Нередко, что желал бы он жениться
На дочери моей. Как я взбесился,
Вы можете понять, отец Соррини!..
С тех пор я стал с ним груб, суров, хоть против воли:
Как вы ни говорите, взял его
Еще ребенком я под эту крышу,
Он жил со мною двадцать лет,
Был будто первенцем моим... Недавно
Я вновь хотел с ним показаться нежным —
Как вдруг узнал я от жены моей,
Что хочет у меня просить Фернандо
Эмилию в замужество... Ну ж, меня
Вы знаете,— хоть сед — но как взбешусь...
Ну!.. я и уговаривал его,

И представлял все важные причины,—
Он много мне грубил — и я решился
Прогнать его из дома наконец.
И не увидит христианская душа
Его ноги в дверях моих. В том я уверен!..

Соррини

Хм! хм! что ж ваша дочь?

Алварец

Не знаю. У обедни
Она теперь сидит с моей женою
И, верно, молится о нем. Да как вы
Мальчишке этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже он?..
Как вы его не удержали тотчас,
Чтоб должного потребовать почтенья?

Соррини

Слепым дорогу должно очищать!

Алварец

Слепым? Да он глядел ведь в оба глаза.

Соррини

(с презрительной улыбкой)

Конечно, вы не поняли меня:
Покуда ни одной сединки не видать
На голове, пока огнем живым,
Как розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнели,
Пока трепещет сердце от всего,
От радости, печали, ревности, любви,
Надежды — и пока всё это
Не пронеслось — и навсегда,— есть страсти, страсти
Ужасные; как тучею они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной — и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы. Ваш Фернандо
Из их числа. Так что ж мне было делать?
Я должен был дорогу уступить
Совсем не оттого, чтоб я боялся...

А... без причин с опасностию спорить
Нейдет ни званью моему, ни чину.
Вы согласитесь,

(показывая на крест)

этот крест смиренью учит
Меня. Тот, кто на нем был распят,
Моим примером должен быть — и я
Как мог свою обязанность исполнил!..

Слуга Сорриния входит с письмом и отдает его своему господину.

Слуга

Отец Соррини! вот письмо от бедной.
Лишь только вы ушли, она явилась в дом наш.

Соррини

Да от кого письмо, какая крайность?

Слуга

От бедной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини

(прерывает его)

И нынче приходить велел.

Слуга

О господин мой, как она жалка;
Я, слыша речь ее, расплакался.
Шесть, семь ребят в лохмотьях,
Лежащих на соломе без кусочка хлеба
Насущного. Как я вообразил их крик:
«Мать! дай нам хлеба, хлеба... мать!
Дай хлеба!» —
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини

Молчи, молчи — не то и я заплачу!..
О боже мой, пошли благословенье
На бедную, забытую семью.
Услыши недостойного молитву.

(Слуге, громко.)

Дай пять серебряных монет — да от меня.

Слуга смотрит на него.

(Соррини подходит и говорит тихо.)

Ступай, дай ей одну!..

Слуга

Да сжальтеся!..

Соррини

(топнув, громко)

Как? много?
Добра не делаем мы никогда довольно...

Слуга в смущении уходит.

Алварец

Я удивляюсь вам, святой отец.

Соррини

Ах, замолчите — я молю вас — слышать страшно...
Я самый-самый бедный грешник.

Алварец

(глядит в окно)

Вот и жена моя идет из церкви,
А с ней Эмилия с своими четками.

Соррини

(в сторону)

Идет прелестная! Пусть бережется; если
Заронит искру пламя в эту грудь,
Оледеневшую от лет... то нелегко
Она избегнет рук моих — мне трудно
Носить поныне маску — и что ж делать?
Того уж требует мой сан. Ха! ха! ха! ха!..

Эмилия и донна Мария входят.

Как счастлив я, что вижу наконец
Прелестную Марию — и тебя,
Невинную Эмилию. О! Алварец!
Не должен тот роптать на провиденье,

Кто обладает этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было от солнца
Их защитить.

Алварец

Эмилия, поди сюда.
Я объявил отцу Сорринию,
Что влюблена ты.

Эмилия

(покраснев)

Батюшка!

Алварец

Молчи.
Отец святой тебя наставить хочет
В том, как вредна любовь,— а ты,
Ты слушай со вниманьем, чтоб ни слова
Не кинул он на воздух,— сердце
Твое запутано, не знаешь ты,
Чего ты хочешь,— он тебе откроет
Опасность страшную любви.

Соррини

Да, если мне позволил ваш родитель,
То я готов неопытность ввести
На лучший путь. Там нет цветов,
Там терния, но цель, к которой мы
Приходим, веселит нас, а былое
Печально или весело, смотря по тем
Мгновениям, когда о нем воспоминаешь.
Итак, всего важней последствие.
Коль к доброму концу деянья наши,
То способы всегда уж хороши,
Какие б ни были,— страшись Фернанда!
Он льстит тебе, обманет — или,
Положим, на тебе он женится,—
Но это для того, чтоб быть богаче.

Алварец

Да этого не будет никогда.
Скорей все мертвые воскреснут.

Соррини

Не говорите этого — бывают
Такие случаи. Но вас, Эмилия,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть может, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вам случай,
Которому свидетель был в Мадрите,
При инквизиции святой.
У девушки одной любовник был,
Красивый, молодой и умный малый
И, так сказать, на всё удалый.
И он красавицу мою любил,
И очень долго это продолжалось,
Как наконец заметила она,
Что, от нее без грусти удаляясь
Под разными предлогами, не стал
Он находить веселья в разговоре нежном,
Что к ней он вовсе охладел,
Что не дивился уж красе ее наряда
И призывающего взгляда
Он понимать уж не умел.
Как женщине всё это не заметить,
Когда вся жизнь ее в том только состоит?..
Вот ревность в грудь ее, как червь, закралась
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто без обиняков скажу,
Она любимца отравила,
И он скончался в двое суток,
Но так как бедный сей испанец
Служил при инквизиции писцом,
То в дело все вошли по праву мщенья:
Преступницу наказывали долго,
Именье в пользу церкви обратив,—
И наконец замучили до смерти!

Все содрогаются.

Вот следствия любви!.. Страшись, Эмилия.
На мячик сердце в нас походит: положи
Ты на крутой горе его тихонько,
И он не тронется — но раз толкнув,
За ним хоть бросишься, но не догонишь.
Не так ли говорю я?

Алварец

Точно так.
Вы совершенно справедливо поступили
С несчастною преступницей! — Как? отравить
Служителя священной инквизиции?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини

Нет! я совсем не говорю сего.

(Кидая взор на Эмилию.)

Я слишком жалостлив — насильно
Меня заставили бумагу подписать,
Все члены у меня, хладея, трепетали,
И осуждал мой ум, что пальцы написали!..
Но такова судьба судей земных!
Все люди мы; и ослепленье страсти,
Безумное волнение души должны мы
Прощать, когда мы излечить не в силах.

Донна Мария

Ах! я и прежде так судила.

Алварец

И в самом деле правда это!

Соррини

(радостно, в сторону)

Они меня боятся!

Эмилия

Позволь тебя спросить мне, батюшка,
К чему всё это клонится?

Алварец

К тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Об том, что более Фернандо не увидишь —
Он нагрубил мне нынче. И навеки
Его из дому я прогнал.
Не смей с ним видеться тихонько — и́наче
Страшися оскорбленного отца...

Прощаю я твою любовь, как бы порок,
В котором ты исправилась. Надеюсь,
Что это будет так, по крайней мере.

Соррини

Утешьтесь, нежная Эмилия!
Любовь пройдет, самим вам будет легче.

Эмилия

(сквозь слезы)

Довольно и того, что сделали,
Но для чего смеяться надо мной?..

(Плачет.)

Эмилия уходит, закрыв глаза платком. Все в изумлении.

Соррини

Как резко вы сказали, Алварец!
Нечаянный удар вослед себе
Ведет раскаянье нередко.

Алварец

Э, нужды нет, отец Соррини,—
Ведь надо было бы открыть,
А чем скорей, тем лучше...

Соррини

Не всегда.
Вы знаете ли: женщина — цветок,
Который, если вы его согнете вдруг,
Изломится.

Донна Мария

Да не угодно ль вам
Позавтракать, отец Соррини?

Соррини

Благодарю, прекрасная Мария!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владеет. До свиданья! Донна, до свиданья!
И вы, почтенный друг мой Алварец!

Желаю, чтоб небес благословенье
Сошло на дом ваш... и... чтоб ваша дочь
Утешилась скорей. Я думаю,
Она и не замедлит. Ха! ха! ха! прощайте!

(Уходит, низко кланяясь.)

Алварец

Когда еще нам сделать честь придет
Вам в голову, то, верьте мне,
Открыты будут ежедневно двери
Мои для вас... как сердце...

(Кланяясь.)

Одолжите!

Соррини, провожаемый до двери, уходит наконец.

Ну, слава богу!.. Он такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему.
Боюсь таких людей, которые всегда
На языке своем имеют: да! и да!
Хоть сердятся они — не знаешь извиниться,
Затем что с виду всем довольны.
Но с кем бранился я — с тем можно
помириться!..

Уходят все.

Сцена II

Ночь. Театр являет сад и балкон с левой стороны. На него выходит Эмилия. Балкон соединен ступенями с садом. Эмилия сидит. Месяц над деревьями.

Эмилия

Всё тихо! — только это сердце беспокойно,
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня он удержался.
Ужели для меня не мог он? — Вот мужчины!
Ужели мненье моего отца
Ему дороже, чем любовь моя?
Теперь уж некому меня утешить.

Молчание.

Уж эти мачехи! — презлобные творенья,
И этот иезуит! Ведь надобно ж
Мне окруженной быть таким народом!..
О! если б мог прекрасный месяц озарить
Хотя последнее свиданье наше.
Фернандо разлюбил меня, конечно,
А то бы он пришел проститься; я прощаю
Его горячность, но зачем нейдет
Он извиниться в этом предо мною...
Ему грозил отец мой, это правда!
Попробую сойти!..

(Сходит с балкона.)

Там кто-то шевелится!
Как бьется сердце!.. Но чего бояться:
Ведь я одна... а если кто-нибудь!..
Кто там?.. Тень шевелится на земле...
Ах! боже мой!.. куда уйду...

Слышен голос

Эмилия!..

Эмилия

Ах! ах! святой Доминго, помоги!
Злой дух ко мне идет.

(В страхе не знает, что делать.)

Фернандо

(выходит в черном плаще)

Эмилия!..
Мой голос страшен для тебя... ты испугалась!..

Эмилия

Нет! нет!.. ах, сядем! я дрожу!..

Фернандо

(берет ее за руку)

Ты пра́ва!
Но отчего я испугал тебя так сильно?..

Они садятся на скамью.

Эмилия

Ну что ж ты скажешь?

Фернандо

Я пришел проститься!..
Проститься! — в первый раз такое слово
Должно меня печалить... знаешь ли,
Я думаю, что был бы сча́стливей,
Когда бы не с кем было мне проститься...
Ты будешь плакать — мне двойная мука...

Эмилия

Сам виноват! ведь я тебя просила...
Ты не хотел. Кто ж виноват? кто ж виноват?..

Фернандо

Нет, я не мог, клянуся небом!
Ты знала нрав мой — для чего писала?..
Но всё уж кончилось — не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватым
Мне было б тяжело — ты это знаешь!..
Что сделано — то сделано...

Эмилия

Где будешь
Ты жить теперь, Фернандо?..

Фернандо

Где! где жить?..
Ты мне напомнила ужасное!..
Зачем такой вопрос?.. Ты знала,
Что не имею я ни друга, ни родни,
Ни места в целом королевстве, где б
Я мог найти приют. Последний нищий
Имеет то, чего я не имею:
Он равнодушно и спокойно просит хлеба.
Вообрази: лишь ты одна на свете
Сказала мне «люблю», тебе одной
Я поверял все мысли, все желанья;
Ты для меня родня, друзья — ты всё мне!..
Гордися этим!.. Так, Эмилия:

Мы созданы небесным друг для друга,
Ты — всё для сердца этого — и бог
Не так жесток, чтоб всё отнять
У человека!

Молчание.

Эмилия

Знаешь, говорят, не должно
С мужчиной девушке сидеть в полночь...

Фернандо

Со мной сидеть не бойся никогда.

Эмилия

(кидается ему на шею)

О! милый! — как мне грустно! Будто
Свинец в груди наместо сердца...
Как вспомню, что в последний раз тебя
Здесь вижу — слезы остановятся, дыханье
Редеет... То боюсь, чтоб не пришел отец мой,
То — чтобы час прощанья не пришел...
Ко мне ужасные теснятся мысли;
Вчерась я видела во сне, что ты
Меня хотел зарезать.

Фернандо

(мрачно и быстро)

Перестань.
Взгляни на тихую луну! О, как прекрасна!
И облачка вокруг нее! — луна,
Луна! — как много в этом звуке чувств,—
Что будет, что теперь и что прошло — всё в нем
Соединяется,— и что прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
Которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах — ты помнишь?
Что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде
Под дымкою сребристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,

Горящие любовью; и, когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах — помнишь —
помнишь —
В тот вечер всё так было — кроме
Судьбы Фернандо — небо и земля
Всё те же — только люди! — если б ты
Не причислялась к ним, то я б их проклял...

Эмилия

Да разве ты не человек же?

Фернандо

О! я себя бы вместе с ними проклял!..

Эмилия

За что это?

Фернандо

За то, что не могу
Я видеть хладнокровно, как они
Стараются друг другу делать зло,
С притворной добротой, когда совсем
Не просят их; за то, что не могу
Я видеть общего стремленья к ничему
Или для золота разбитые сердца!..
За то... Эмилия... о! я злодей —
Я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым...
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать
Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
Которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил... но! — не люби меня...
Ты видишь нрав мой — позабудь меня...
Забудешь ли?

Эмилия

Что, если б я сказала: *да*?
Не говори в другой раз то, чего не мыслишь...

Фернандо

Мой ангел, ангел... ты понять не можешь, как
Любовь твоя меня терзает.

Фернандо обнимает ее, и она его.

О, если счастье неба будет
Иметь так много горечи, как этот
Единый поцелуй, то я бы отказался
От рая добровольно. Ах! Эмилия!
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель — скрой себя от света,
Умри!.. Предвижу много страшного!..
О, если б никогда ее не знал я!

Звон.

Полночь!.. прости!.. Но что за шорох...

Молчанье.

Мы пропали!
Я позабыл калитку затворить...
Беги!.. беги!..

Эмилия

Спаси нас царь небесный!

(Уходит на балкон и скрывается.)

Фернандо

(вынимает шпагу)

Кто там! Заплатишь дорого
За это любопытство мне!

(Ударяет по кусту.)

Вскрикнув, выползает жид седой и бросается на колени.

Моисей

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо

Вздор, вздор... ты слышал — и умрешь.
Признайся, ты подослан.

(Шпагу подставляет к горлу.)

Моисей

(на коленях)

Нет.

Фернандо

Ты лжешь...

Моисей

Страшись убить напрасно старика.

(Кидается в ноги, обнимает колени.)

Спаси меня... у нас ведь бог один...
Меня преследуют... быть может, твой
Отец в живых... я сам отец... о, для него
Спаси меня от инквизиции...
Возьми именья половину... но зачем
Ругаться попусту над сединами —
Тебе заплотит бог твой... у меня
Есть дочь, что будет с нею, если ты
Меня не пощадишь... что будет с нею...
О! сжалься, сжалься!

Фернандо

У тебя есть дочь!..
А я хотел?.. О... нет! Довольно в свете
Сирот и без нее... возьми

(кидает ему не глядя плащ и шляпу)

наденьl..
Иди за мной — ни слова... или смерть!..
Ни слова — я хочу тебя спасти!..

Моисей

Как!.. как!..

Молчание. Жид в изумлении. Испанец с презрением глядит на него.

Клянусь Иерусалимом,
Что он не христианин... это верно.

(Надевает плащ и шляпу.)

Фернандо

Собака! что сказал ты... что сказал ты?..
Не смей закон мой поносить при мне...
Пойдем.

Являются издали факелы и люди с другой стороны.

Моисей

(тихо про себя)

Но если он меня предаст,
Но если он...

Фернандо

Ты видишь факелы! пойдем.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена I

В доме Соррини. Комната, где он угощает бродяг, чтоб они ему служили. Несколько испанцев сидят за двумя столами, кричат, смеются и пьют. Слуги разносят вины.

1-й испанец

(бродяга)

Да, если инквизиция святая
На тот конец учреждена была,
Чтоб нас кормить, то дай бог ей здоровья...
Соррини, впрочем, очень добрый малый,
Хотя ханжит немного — но с летами
Когда придет пора рассудка, можно
Надеяться на исправленье.

2-й испанец

Ты, конечно,
Ослеп и белое за черное берешь,
Как все слепые... ха! ха! ха!.. не так ли?

(Пьет.)

1-й испанец

Могу заверить вас, друзья мои,
Что молод патер наш: не телом, так душой.
Как любят женщины его поныне,
И как он сам их любит, вопреки закону!

3-й испанец

Он женщинами столько же любим,
Как нами!..

1-й испанец

Разве ты его не любишь?

3-й испанец

Ну да! когда накормит хорошо.
Но, ergo,[1] эта нежная любовь
Проходит с голодом и с жаждой!..

4-й испанец

А я готов побиться об заклад,
Что наш Соррини плутни затевает
Опять. Уж эти угощенья не к добру.
Так, помнишь ли: ему хотелось,
Чтоб мы зарезали дон Педро
И дом его сожгли?.. Уж то-то пиршество
Он задал нам,— или в другой раз,
Пред тем чтоб нам велеть похитить для него
Красавицу бургосскую, от тетки.
Вот дьявольское было дело! positum: [2]
Теперь он также затевает плутни!..

1-й испанец

Эх! что нам в том! ведь надо ж есть и пить,
притом же
Он наш заступник в инквизиции.

3-й испанец

Однако же не худо бы ему
Своим гаремом поделиться с нами,

[1] Следовательно (лат.).— *Ред.*
[2] Нужно полагать (лат.).— *Ред.*

Не то все гурии завянут — или
Им будет слишком тесно наконец.

5-й испанец

(за другим столом)

Вина!

(Кричит.)

Слуга

Сейчас... в минуту...

5-й испанец

К черту ждать! Вина!
Будь проклят ты с своим Сорринием!..

Слуга

(подает стакан)

Вот вам вино.

5-й испанец

Прегадкое, с водой.
Поди ты к черту с ним, ракалия!..

(Бросает стакан на пол и обливает 2-го испанца.)

2-й испанец

(горячо)

Послушай! Будь вперед поосторожней!
За это бьют у нас.

5-й испанец

(вскочив)

Чего ты хочешь, ты?

2-й испанец

Я говорю, чтоб ты вперед остерегался!..
Не то...

(схватывает стул)

я стулом рассчитаюсь!..

5-й испанец

Клянуся честью, ты в живых не будешь.
Я вырву твой язык... и псам
Голодным на обед отдам!..

(Вынимает кинжал.)

Уж я тебя достану...

(Бросается на него.)

3-й испанец

Погодите.

Другие удерживают их.

Оставь кинжал, а ты — свой стул, и станьте,
Как должно в поединке, шпаги выньте,
А секундантов будет уж довольно.

Они вынимают шпаги и становятся.

Вот так... начните,

Начинают.

хладнокровней только...
А ты уж слишком близко наступаешь...
Зачем так горячишься ты?..

2-й испанец

(перестав)

Я тронул.

5-й испанец

Нет!..

1-й испанец

Смотрите, чтоб при первой крови кончить.

5-й испанец

(нападая)

Он жизнью мне своей заплотит.

1-й испанец

(четвертому)

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый!..

2-й испанец отступает, тот на него нападает и вдруг ранен в плечо, их разнимают.

3-й испанец

Товарищи, довольно — помиритесь!..

4-й испанец

Конечно,— мир за бранью следует всегда.

5-й испанец

Пожалуй, я готов... твоя победа.

2-й испанец

Итак, мы вновь друзья.

5-й испанец

Но знаешь ли,
Когда б они меня не удержали,
То я сдержал бы обещанье,
И верно б твой язык собаки съели!

Входит Соррини, они все низко ему кланяются.

Соррини

Какой я слышал шум!

5-й испанец

Да! мы немножко
Повздорили, почтенный патер, но
Всё кончилося примиреньем...

(К другим.)

Так ли?

Соррини

А я пришел вам дать препорученье:
Столь важного давно не исполняли вы!..
Вопрос: вы знаете ли Алвареца?

Все

Знаем!

Соррини

Есть у него жена.

Все

Жену?

Сорри ни

Нет! нет!.. не то!..
Я к ней подделаться хочу, чтобы она
Не помешала вам похитить дочку,
Она на это, верно, согласится,
Затем что если дочери не будет,
То ей именье всё достанется
По смерти мужа... а его кончины час
Она приближит уж по-своему.
Но дело не о том теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы уж знаете! Зачем
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мне ужасно... я горю
Любовью к ней!.. готов я всю казну
Мою отдать вам... только б вы
Эмилию мне привезли! Что только можно —
Яд, страх, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите...
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца.
Тогда, друзья мои... вы не видали
Такого пиршества... какое будет.
Но слушайте! — я вверил тайну вам —
Страшитесь изменить — о! если
Хоть искра заговора выскочит...
То всех под инквизицию отдам.

3-й испанец

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который в доме их воспитан...
Он молодец... я видел, как в арене
Пред ним ужасный буйвол упадал.
Его ты не подкупишь... и не так-то
Легко с ним будет справиться.

4-й испанец

Конечно!
Да он же и влюблен в Эмилию...

Соррини

(вспоминая)

Фернандо! — кто такое? да!.. Фернандо!..
Знакомо это имя что-то мне!
А!.. вот судьба!.. он выгнан и́з дому
Два дня тому назад безмозглым Алварецом,
За вздор какой-то!.. нечего бояться!..
Но... правда... может он узнать... предостеречь..
Ну, если эта буйная душа
Испортит дело всё... Нет!.. прежде
Убейте мне его... найдите... справьтесь...
Как вам тогда придет на ум...
Потом Эмилию похитить можно...
Клянусь... я выдумал прекрасно!..

Все

(кричат)

Пожалуй!.. Как ты хочешь, патер!

Соррини

Прощайте! Я надеюсь на вашу скромность.

Половина уходят.

(Про себя.)

Когда ты хочешь непременно,
Чтоб что-нибудь не сделали иль сделали,
То говори, что ты уверен в людях,
И самолюбие заставит их
Исполнить трудное твое желанье.

Остальная половина уходит. Соррини садится в кресла.

Что значит золото? — Оно важней людей,
Через него мы можем оправдать
И обвинить, через него мы можем,
Купивши индульгенцию,
Грешить без всяких дальних опасений
И, несмотря на то, попасть и в рай.
И вот последний год мой уж настал.
Однако ж не уйдет Эмилия
Из рук моих. Я отомщу ей
За смех вчерашний — о, поверь мне,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на коленях

И плакать и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмеешься ты, когда скажу
Что и старик любить умеет сильно;
И в том признаешься невольно ты...
Любить! — смешно, как это слово
Употребляю я с самим собою.
Но я ей отомщу за гордый смех.
Хотя б она была моей последней жертвой —
Последней?.. Будто нету денег у меня,
Чтобы купить еще на десять лет
И больше отпущение грехов!
Грехов! ха! ха! ха! ха! —на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтиться.

Входят с радостью толпой испанцы и ведут певца с гитарой.

Испанцы

Вот мы певца пымали на дороге,
Не хочешь ли послушать, он споет
Про старину, про гордых наших предков,
Не хочешь ли, почтенный патер?

Соррини

(поглядывая на певца)

Благодарю я вас, друзья мои. Нейдет
Мне быть свидетелем мирских веселий
И юности пиров гремящих.
Сединам этим преклоняться должно в прахе
Перед распятым, а не украшаться
Венками радости. Не петь я должен, но
Рыдать, моляся за грехи свои
И ваши — ибо стадо с пастырем едино!..

(Уходит нагнувшись.)

5-й испанец

(в сторону)

Что ж! без тебя так нам еще вольнее.

3-й испанец

Признаться, я не верю, чтоб у нас
У каждого одни грехи с ним были.

Мы делаем злодейства, чтобы жить,
А он живет — чтобы злодейства делать!..

Певец

Что ж мне вам спеть, ей-богу, я не знаю!..

2-й испанец

Ну полно, брат. Садись и начинай играть,
А песни выльются невольно.
Люблю я песни, в них так живо
Являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
И слезы на глаза влекут они;
Как будто в них мы можем слезы возвратить,
Которые должны мы были проглотить.
Пусть слезы те в груди окаменели,
Но их один разводит звук,
Напомнив дни, когда мы пели
Без горькой памяти, без ожиданья мук.

3-й испанец

Ха! ха! ха! ха! разнежился опять...
Опять понес ты вздор давнишний,
Опять воспоминанья, черт бы с ними...

5-й испанец

Баба!..

4-й испанец

(показывает на певца)

Тс, тс...

1-й испанец

Он начинает!.. слушать!..

БАЛЛАДА

Гвадьяна бежит по цветущим полям,
В ней блещут вершины церквей,
Но в прежние годы неверные там
Купали своих лошадей.

На том берегу, поклянусь, что не лгу,
Хранимый рукой христиан,
С чалмой и крестом, над чугунным столбом
Стоит превысокий курган.

Недалеко отсюда обитель была.
Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пир садились ночной.
Вот чаши гремят, и поют, и кричат,
И дверь отворяется вдруг:
Взошел сарацин, безоружен, один,—
И смутился пирующий круг.

Неверный, склоняся челом, говорит:
«Я желаю проститься с чалмой,
Крестите меня, как закон ваш велит!
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обман из далеких стран
Привели меня к вашим стенам.
Я узнал ваш закон, мне понравился он:
Я жизнь свою богу отдам!»

Но монахи его окружили толпой
И в сердце вонзили кинжал.
И с золотом сняли алмаз дорогой,
Который на шее сиял.
И ругались над ним, со смехом пустым,
Пока день не взошел молодой.
И кровавый труп на прибрежный уступ
Был брошен злодейской рукой.

Не прошло трех ночей, как высокий курган
Воздвигся с крестом и чалмой,
И под ним тот пришлец из восточных стран
Зарыт — но не силой земной!
И с тех пор каждый год, только месяц взойдет,
В обитель приходит мертвец
И монахам кричит (так молва говорит),
Чтоб крестили его наконец!..

Многие хлопают в ладоши.

1-й испанец

Прекрасно! Очень хорошо.

Все испанцы

Благодарим.
Не хочешь ли вина, искусный трубадур?

Ему подают, и он пьет.

Певец

За здравье папы!.. а потом за ваше!

3-й испанец

Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу...
Пойдемте, с помощью святого Доминика!
Нам бог простит!.. ведь надо людям жить!..

Уходят все с громким хохотом.

Сцена II

Комната у жида, богатые ковры везде и сундуки. Тут стоит на столбике лампа горящая. В глубине сцены две жидовки нижут жемчуг. Всё богато. Ноэми входит и садится у стола, облокотившись.

Ноэми

Нет! — не могу работой заниматься!
Шитво в глазах сливается, и пальцы
Дрожат, как будто бы иголка тяготит их!
Молиться я хотела — то же всё!
Начну лишь... а слова мешаются;
То холод пробежит по телу вдруг,
То жар в лицо ударится порой,
И сердцу так неловко, так неловко!..
И занимает всё воображенье
Прекрасный образ незнакомца,
Который моего отца избавил
От гибели вчера. Дай бог ему всё счастье,
Отнятое у нас несправедливо.
Как будто бы евреи уж не люди!
Наш род древней испанского, и их
Пророк рожден в Ерусалиме!
Смешно! Они хотят, чтоб мы
Их приняли закон — но для чего?

Чтоб в гибель повергать друг друга, как они?
Они так превозносят кротость,
Любовь к себе подобным, милость —
И говорят, что в этом их закон!
Но этого пока мы не видали.

Молчание.

Однако ж есть и между ними люди!
Вот, например, вчерашний незнакомец.
Кто б ожидал? Как жалко, что его
Я не увижу — но отец мой
Его так живо описал, так живо!..
Высокий стан, и благородный вид,
И кудри черные как смоль, и быстрый взор,
И голос... Но зачем об нем я мыслю?..
Что пользы!.. Ах! какой же я ребенок!

Молчание.

Мне скучно! — вся душа расстроена,
И для меня суббота поневоле
Сегодня!.. Сердце бьется, бьется,
Как птичка пойманная в сетке!
Зачем нейдет отец мой? Он опять
Злодеям в руки попадется...
Как скучно быть одной весь день.
Всё песнь одна: низать и распускать свой жемчуг,
Читать и перечитывать, одеться
В парчу и вновь раздеться, есть, и пить,
И спать... Однако ж эту ночь
Мой сон был занимателен и страшен!

Молчание.

Что пользы?

(Кличет.)

Няня! Сара! Сара!
Поди ко мне! поди сюда! ну что же!..

Сара

(старуха идет)

Что, милая Ноэми, что тебе!
Иль жемчуг распустила? Но ведь я
Стара — мои глаза всю бойкость потеряли.

Тебе вредит неосторожность,
А мне так невозможность! Так ли?

Ноэми

Нет, Сара! жемчуг я оставила низать.

Сара

Что! аль не нравится! Вот я
В свои года не тем была довольна!
А этой молодежи нынешней
Всё дурно! — Что ж меня звала ты?

Ноэми

Так!
Мне скучно!.. я больна!..

Сара

Больна! ах, боже мой!
Так я пошлю скорее за врачом...
Есть у меня знакомый, преискусный!..

Ноэми

Не надо... я не то чтобы больна!
А... так! не в духе!.. Всё нейдет на лад,
Что ни начну!.. Мне хочется того, чего
Сама определить не в силах я!..
Мне грустно! — Расскажи мне сказку
Про старину! — Садись и расскажи!..

Сара

Дай мне припомнить, милое дитя,
Вот видишь!.. память-то слаба,
Я столько слышала, видала, испытала,
Что из толпы моих воспоминаний
Навряд одно вполне перескажу!..

Ноэми

Я видела сегодняшнюю ночь
Ужасный сон! ужасный!.. Растолкуй мне:
Мне снилось, что приходит человек,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что он мой брат... но я не испугалась,
И стала омывать потоки крови,
И увидала рану против сердца

Глубокую... и он сказал мне:
«Смотри! Я брат твой»... Но клянуся,
В тот миг он был мне больше брата,
И я заплакала, и стала умолять
Я бога, чтобы жизнь его продлил,
Но этот человек захохотал
И вдруг воскликнул: «Перестань молиться!
Я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианин — и не брат твой,
Я над тобой хотел лишь посмеяться!»
И он спешил уйти... и я схватила
Его широкий плащ... но что ж? — в руках
Остался погребальный саван! — я проснулась...

Сара

Он братом называл себя твоим?

Ноэми

Но это вздор! — я не имела брата!
И никогда иметь не буду!..

Сара

О! Ноэми!
Не говори!.. Случиться это может!..

Ноэми

Как может!.. как? Нет, это невозможно!

Сара

Послушай — у тебя *был* брат.
Он старше был тебя... судьбою чудной,
Бежа от инквизиции, отец твой
С покойной матерью его оставили
На месте том, где ночевали,—
Страх помешал им вспомнить это...
Быть может, думали они, что я
Его держала на руках... с тех пор
Его мы почитали все умершим
И для того тебе об нем не говорили!
А может быть, он жив — как знать!
Ведь божья воля неисповедима!

Ноэми

Ах, Сара! Сара! нет, он умер!..
Увял он как трава пустыни и как цвет
Полей засохнул!.. так, он был рожден для жизни,
Он был рожден, чтоб быть мне другом,—
О Сара! если умер он — как счастлив
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше — всё не наше.
Но час придет, когда и мы восстанем!..
Так говорит Писанье, так я верю —
Зачем и нет? Что сделал мой отец
Сим кровожадным христианам? Деньги
Имеет он и дочь — вот всё его богатство,
И если б он уверен был найти
Отчизну и спокойствие, то верно б
Свои все деньги отдал людям,
Которые его поныне притесняли,
Однако ж и меж них есть добрые.

Сара

Да, да, вот тот испанец молодой,
Который спас намедни Моисея!
Родитель твой хотел вознаградить
Его звенящим кошельком — но он
Его ногами истоптал, сказав:
«Собака! жизнь твоя сего не стоит!
Я не наемник твой». Прости ему всевышний
Подобные хулы за то,
Что спас он одного из гибнущих сынов
Израиля!..

Ноэми

Прости ему всевышний!..

Сара

(подходит к окну)

Какая ночь! — В такую точно ночь
Я стала жертвою любви! Иосиф мой!
О, если б ты меня теперь увидел,
Ты испугался бы,— в то время я цвела,

Мои глаза блистали, как алмазы,
И щеки были нежны, точно пух!..
Увы! Ноэми, кто б тогда подумал,
Что этот лоб морщины исчертят,
Что эти косы поседеют! — то-то время!..

Ноэми

Что мой отец нейдет!..

Сара

Чу! вот сова кричит — ужасный крик!
Я не люблю его! — во мне все жилы
Кровь оставляет при подобном крике!..

Стучат в дверь.

Ах! верно, твой отец пришел!.. ну ж поздно!..

Голос

Скорее отоприте! отоприте!

Служанки, сидевшие за шитьем, бросаются и отпирают; входит Моисей, ведет Фернандо с перевязанной рукой, сей едва идет.

Моисей

Ноэми! Сара! помогите, помогите!..
Измучен я усталостью... и страхом.
Он истекает кровью... о! проклятье
Злодеям!.. Дайте кресло и подушки;
Он истекает кровью!..

Дают длинную подушку и кладут на пол, его сажают и поддерживают голову ослабевшую.

Будь Авраам свидетель, эта ночь
Ужасней той, когда я сына потерял,—
Тому *я* дал существованье,
А *этот* возвратил мне жизнь!..
О бог, бог иудеев, сохрани
Его, хоть он не из твоих сынов!..

Фернандо

Кто здесь моих убийц так проклинал?
Зачем? Они хотели сделать мне добро,
Освободить от мук! так земляки мои
Всегда добро друг другу делают!
О, перестаньте —

(как от сна)

где я? Кто со мной?

(Поднимает голову.)

Благодарю того, кто спас меня — но кто он?..

Моисей

Ты спас его недавно сам:
Он здесь перед тобой, еврей, гонимый
Твоим народом,— но ты спас меня,
И я тебе обязан заплатить,
Хоть я в твоей отчизне презираем.
Так, дочь моя, вот мой спаситель!..

Ноэми

(становится на колени и целует руку)

Еврейка у тебя целует руку,
Испанец!..

(Она остается на коленях и держит руку.)

Фернандо

(Моисею)

Что сказал ты, иноверный!
Отчизна! родина! — слова пустые для меня,
Затем что я не ведаю цены их;
Отечеством зовется край, где наши
Родные, дом наш и друзья,
Но у меня под небесами
Нет ни родных, ни дома, ни друзей!..

Ноэми

Когда ты не нашел себе друзей
Меж христиан, то между нас найдешь;
Ты добр, испанец,— небо справедливо!..

Фернандо

Я *был* добр!..

Моисей

(стоя над ним)

Кровь течет из раны.
Перевяжите — как он побледнел.

Фернандо

У волка есть берлога, и гнездо у птицы.
Есть у жида пристанище,
И я имел одно — могилу!..
Чудовище! зачем ты отнял у меня
Могилу!.. Все старанья ваши — зло!
Спасти от смерти человека для того,
Чтоб сделать зло! — безумцы;
Прочь!.. пусть течет свободно кровь моя,
Пусть веселит... о! жалко! нет монаха здесь!..
Одни евреи бедные — что нужды?
Они всё люди же — а кровь
Приятна людям! — прочь!

(Срывает перевязи.)

Ноэми

Отец мой!

(В отчаянье.)

Он сорвал перевязку! — Он умрет!

Все бросаются опять навязать.

Сара

О! как он ослабел, несчастный...
Какая бледность покрывает щеки.
Как жалко!..

Фернандо

Дайте пить мне, я горю,
Язык засох... Скорее, ради бога!

Сара уходит за питьем.

Ноэми

Испанец, успокойся! успокойся!
Ты был несчастлив, это видно,
Хоть молод. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говорим,
Что он несчастлив, то снимаем тягость
С его души!.. Ах! как бы я желала,
Чтобы ты стал здоров и весел!..

Фернандо

И весел!..

(Стонет.)

Ноэми

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тот еврей — отец твой,
И вображение тебя утешит:
Оно дано нам, людям, для того,
Испанец!

Фернандо

Девушка! ты дочь его?

Ноэми

Ты отгадал, ты спас отца мне!
И он тебя спасет. Я заклинаю
Тебя твоим законом, перестань
Тревожиться печальной думой:
Она вредит здоровью твоему,
Разгорячает кровь.

Сара приносит стакан.

На, выпей!

Фернандо

Благодарю! твои слова напитка лучше!..
Когда о мне жалеет женщина,
Я чувствую двойное облегченье!
Послушай: что я сделал этим людям,
Которые меня убить хотели?
Что не разбойники они, то это верно.
Они с меня не сняли ничего
И бросили в крови вблизи дороги...
О, это всё коварство!.. Я предвижу,
Что это лишь начало... а конец!..
Конец...

(Вздрагивает.)

Что вздрогнул я? Что б ни было,
Я уступлю скорей судьбе, чем людям...
Оставь меня покуда!

Она встает и отходит, но издали всё на него смотрит.

Сара

(подходит к Моисею)

Скажи, молю тебя, как ты его нашел?
Я это всё за сон принять готова!..

Моисей

Пошел к раввину я: он был мне должен.
Он задержал меня часа с четыре,
Хоть против воли; ночь уже была
Темна, и я, в сапог засунув
Свой кошелек, боясь воров, пошел
Домой. Луна вставала, над болотом
И между гор густой туман дымился.
Иду я, недалеко уж отсюда,
Густым леском — и слышу звук шагов!..
Все жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за куст.
Сижу — дрожу — передо мной была поляна,
И месяц ударял в нее лучами;
Шесть человек стояли на поляне,
И слышу: «Этой самою дорогой
Идти он должен ныне... ну ж не знаю,
Как он кинжалы наши выдержит.
Мне жалко бы его убить до смерти,
Он малый славный и к тому ж бедняк!
Да делать нечего, когда велел нам патер
Его отправить в дальную дорогу!..»
Едва окончена была такая речь,
Как вдруг я слышу крик и звук кинжалов;
Он долго защищался, наконец
Упал, и все они в минуту разбежались,
Как будто мертвый был страшней живого!..
Когда утихло всё, я вышел посмотреть,
Кто был несчастной жертвою злодейства,
И что ж? — Мой благодетель, мой спаситель! —
Я различил черты его при свете
Луны... он ранен был легко,
Но, странно, не узнал меня
И, будто по природному влеченью,
Встал... я понес его... он всё шептал,
Но я не понял слов... потоки крови
Бежали на меня... так я принес
Несчастного сюда!.. Бог сделал это чудо!..

Сара

И точно, это чудо, Моисей!..

Ноэми

(которая в то время опять села у ног Фернандо)

Что? утихает боль твоя иль нет?..

Фернандо

Дай руку мне! О нежное созданье,
Как обо мне она печется...

Моисей

(Саре)

Поди постель ему ты приготовь,
Я тотчас сам приду туда...

Сара

Да как
Его зовут, кто он такой, нельзя ль узнать?

(Уходит.)

Моисей

(подходит)

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и как тебя зовут?

Фернандо

Когда я жизнь свою подвергнул для твоей,
То спрашивал ли: как тебя зовут?..

Молчание.

Меня зовут Фернандо!
Вот всё, что я могу сказать, другое
Пусть спит в груди моей, как прах твоих отцов
В земле сырой!.. Я не скажу моих отцов.
Я ни отца, ни матери не знаю!..
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично об таких вещах!..
Ты этим ни отца, ни матери не дашь мне!

Ноэми

Я буду для тебя сестрой.

Фернандо

Ты для меня сестрой не будешь!

Ноэми

Зачем же отвергать так своенравно
Того, кому ты можешь вверить горесть
Души твоей? Ужель различье веры?
Ужели хочешь ты, чтоб я
Раскаялася в том, что иудейка?..

Фернандо

Бог сохрани меня от этой мысли.
Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты,— испанцы только
Без правил ненавидят ближних!..
У них и рай и ад — всё на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба,
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью к злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король — народом, а народ — свободой;
У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке!..
И сжечь за слово на костре, и под окном
Оставить с голоду погибнуть, для того
Что нет креста на шее бедняка,—
Есть дело добродетели великой!
О боже, сохрани меня от мысли,
Что ты должна принять их предрассудки.
⟨Нет! верь, что есть на небе бог — и только!
Я сам не верю больше этого!⟩
Но между них одно есть существо,
Но между демонов один есть ангел
Души моей... но замолчу об этом...

Ноэми

Ты горячишься, это увеличит
Твое страданье с болью ран твоих.

Не хочешь ли чего-нибудь?.. Усни...
Вот мой отец придет: он приготовил
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... Чего ни пожелаешь ты,
Мы всё достанем, только будь спокоен,
Иль кровь опять начнет течи из ран.

Фернандо

(в сторону)

Эмилия далёко от меня,
О, если б эта милая еврейка
Была Эмилия!.. Как скоро бы все раны
Закрылися, кроме одной,
Но рана эта так приятна сердцу!..
Эмилия! Эмилия!.. быть может,
Умру и здесь, далёко от тебя,
И ты моей могилы не найдешь,
И от последней от тебя я буду
Забыт!.. забыт!..

Моисей

Усни! постель уже готова...
Эй! Сара! помоги поднять его.

Две еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей подымают слабого Фернандо и уводят. Ноэми одна остается.

Ноэми

Проникло сожаленье в грудь мою;
Так вот кого я так желала видеть,
Не ведая желанию причины!..
Нет, нет, я не спасителя отца
Хотела видеть в нем,—
Испанец молодой, с осанкой гордой,
Как тополь стройный, с черными глазами,
С такими ж черными кудрями,
Являлся воображенью моему,
И мною овладел непостижимой силой,
И завладел моим девичьим сном;
Отец мой так его подробно описал.

Молчание.

О, как судьба людьми играет!..
Кто б отгадал, что этот человек,
Недавно спасший моего отца,

Сегодня будет здесь, у нас, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мне кажется, я чувствую любовь
К нему — не сожаленье, а любовь!
Как это слово звучно в первый раз!..
Когда он говорит, то сердце у меня
Трепещет, точно как боится,
Чтоб сердце юноши не перестало биться.
Когда ж произношу его названье,
Хотя бы в мыслях только я сказала:
Фернандо!.. то краснею, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!..
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви! Все любят — что же тут худого?
Так точно — ничего худого нет в любви.
К чему же совесть тут мешается
И будто сердце предостерегает?..
Но как же слушаться ее?..
Как не любить! Ах! без любви так скучно,
И даже думать не о чем! — о боже!
Храни его! храни обоих нас:
Прости любовь мою!.. я не могу иначе!..

(Она стоит в задумчивости.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Сцена I

В доме Алвареца. Спальня донны Марии. Большое зеркало, стол и стулья. Алварец в креслах, Мария перед зеркалом надевает что-то на голову.

Алварец

Желал бы я узнать, зачем сюда
Эмилия здороваться нейдет;
Уж верно, плачет о своем любезном
Иль с цитрою мечтает на балконе.
Вот дочери! — От них забот гора,
А нет ни утешенья, ни добра.

Донна Мария

(оборачиваясь)

Как думаешь, любезный мой супруг,
Идет ли мне вот это ожерелье
И можно ли так показаться в люди?
Оно не дурно!..

Алварец

Всё к тебе идет.
И если б ты явилась мне теперь
В измаранном и самом гадком платье,
То, я клянусь мечом отцовским,
Любил бы я тебя как прежде
И столько же прекрасна ты б казалась
Моим глазам.

Донна Мария

Неужли? ах, мой милый!..

(В сторону.)

Он думает, что только для него
Я одеваюсь, как прилично мне.
Возможно ль быть самолюбиву так,
Возможно ль быть так глупу — как мужья?..
Да странно, что так много требуют от нас.
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь в свете?

Алварец

Говорил я
Тебе уж о намеренье своем
Иль нет?..

Донна Мария

А что такое?

Алварец

Слушай:
Хочу я замуж выдать дочь свою,
Боюсь, чтоб не ушла она с Фернандо.
Жених готов: богат он и умен...

Донна Мария

Ах, милый друг, не рано ли?
Нет, погоди — она так молода.

Алварец

Да слушай: ведь жених-то редкий —
Он храбр, в честях, любезен и богат...

Донна Мария

Да хочет ли он сам жениться?

Алварец

Я покажу тебе письмо его,
Оно вот в этом ящике лежало.

(Хочет отпереть ящик у стола.)

Мария смущенная подходит. Он дергает.

Да что ж? — он заперт у тебя — дай ключ...

Донна Мария

Что хочешь ты?

Алварец

Дай ключ!

Донна Мария

Что?

Алварец

Ключ мне!

Донна Мария

Ключ?
Ах боже мой, я, верно, затеряла!
Да после мы найдем...

Алварец

Как после? Для чего
Не то́тчас?

Донна Мария

(в сторону)

Если он увидит, я пропала!

(Ему.)

Да после я найду письмо твое!..
Зачем сердиться из пустого — как смешно!..

Алварец

И ключ потерян? черт возьми! — досадно!

Слуга

(входит)

Ждет лошадь у крыльца. И всё готово...

Алварец

Да я совсем забыл, что надо ехать;
Прощай, моя Мария,— до свиданья.

(Целует ее и уходит.)

Донна Мария

(одна)

Ах! — наконец от сердца отлегло!..
Переложу в другое место я
Подарок патера Сорриния с письмом
Его.

(Вынимает ключ из пазухи и отпирает; взяв коробку с жемчугом.)

Прекрасный жемчуг, нечего сказать!..
Алмазы в кольцах точно звезды блещут!
За это мне не должно помешать
Увесть Эмилию!.. О старый сластолюбец,
Богат ты... оттого твои подарки малы,
Но так и быть, согласна я
На предложение твое, Соррини!..
Эмилия самой мне надоела.
Но, впрочем, этим ей не много зла
Я сделаю... невинной девушке
Приятно быть любимой стариком,
Как старой молодым, затем
Что пылкость одного бесчувствие другого
Обыкновенно заменяет!..

Наскучила уж мне Эмилия давно.
Покуда здесь она, боюсь
Я пригласить к себе кого-нибудь.
И хорошо, что патер захотел
Избавить от нее, и жалко только,
Что мужа моего увесть никто не хочет!..

(Смотрит на ящик Сорриния.)

Какое множество природных недостатков
Покроют эти малые алмазы,
Как много теней в блеске их потонет!..
И за подобное благодеянье
Мне не пожертвовать бессмысленной девчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? — ха! ха! ха! ха!

(Смотрит письмо Сорриния, которое было в ящике.)

Мой муж, я думаю, уехал надолго,
И нынче наш монах пришлет людей,
Которым и вручу подарок свой!
А для меня же лучше, чтоб Соррини
Ее имел, чем муж законный.
Алмазы, жемчуг градом на меня
Посыплются, и я поеду в город,
И удивленье поразит моих соперниц,
Когда явлюсь в арену,— я сто глаз
У них украду силой красоты...
Никто не отгадает, что сей жемчуг
Ценою слез невинных куплен!..
Но! — я придумала. В Мадрит отправлюсь,
Там получу прощение грехов,
И совесть успокоится моя...

(Ставит ящик с жемчугом на кровать и оборачивается.)

Эмилия входит бледная, в черном платье, в черном покрывале и ⟨с⟩ крестиком на груди своей.

Донна Мария

Здорова ли, моя Эмилия?
Как ты спала?..

Эмилия

Благодарю вас.
Спросите лучше, как я не спала.
Уж сон давно бежит моих ресниц...
С тех пор...

Донна Мария

О! знаю, знаю, милый друг.
Я чувствую вполне твое несчастье
И всё бы отдала, чтобы помочь тебе,
Клянусь душой!..

Эмилия

(с нежным упреком)

Итак, одно лишь слово
Всего дороже было вам.

Донна Мария

Ты мне простишь.
Не знала я, что любишь ты так сильно,
И только остеречь тебя желала.
Но ныне я ошибку ту заглажу...

Эмилия

Один спаситель мертвых воскрешал.

Донна Мария

Зачем ты так бледна, и в черном платье,
И в черном покрывале?

Эмилия

Я слыхала,
Что черный цвет — печали цвет.

Донна Мария

(берет ее за руку)

О, не грусти, я всё поправлю.

Эмилия

Что отнял бог, того не отдадут
Нам люди. А что люди взяли,
То может возвратить одна могила!..

Донна Мария

Ты от Фернандо это слышала, наверно!
О, памятлива ты!

Эмилия отворачивается.

Но успокойся!
Тот, кто достоин был воспоминанья,
Тот и тебя достоин. Испытанья
Пройдут. И я тебе клянуся,
Что упрошу жестокого отца.
Позволит он соединиться вам,
И счастие опять украсит
Твои ланиты пламенным румянцем.
Не плачь, не плачь — не всё гроза бушует,
Проглянет солнце, и цветок, измятый
Порывом ветра, встанет обогреться...

Эмилия

Не смейтесь над несчастьем, чтобы вам
Не заплатило небо тем же.

Донна Мария

Боже
Храни меня смеяться над тобой;
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будет муж твой,
Поверь: мои старанья совершат
Блаженство то, к которому так сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилия

(с рыданьем бросается к ногам Марии и обнимает колени)

Я не ищу блаженства — нет его,
Нет в свете ничего — Фернандо умер —
Он умер — умер — он погиб навеки.
О! плачьте обо мне все люди, все созданья,
Все плачьте — если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь с моими,
Мой стон могилу потрясет,— о плачьте! —
Он умер — умер — он погиб навеки.

Донна Мария

О, поднимись! Ты бредишь, ангел мой,
Встань, встань.

Эмилия

(всё на коленях, подняв голову)

Исполни просьбу сироты.

Донна Мария

Исполню, всё исполню, только встань;
И отдохни — встревожилась ты слишком.

Эмилия

(встает)

Так выслушай, о чем прошу тебя.

(Целует руку ей.)

Когда прощались мы в последний раз,
В ту ночь — он мне сказал: «Иди
Скорее в монастырь, иди в обитель,
Сокрой от света добродетель сердца».
Молю тебя, молю тебя, как нищий,—
Не помешай уйти мне в монастырь
Сегодня... помоги мне — заклинаю,—
Тебе заплотит тот, кто всем заплотит.

(Кинув умоляющий взгляд на донну Марию.)

Фернандо умер — я хочу исполнить
Его желанье!.. Он меня любил!..

Молчание.

Донна Мария

Но если он не умер, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станет он искать тебя,
Чтоб к алтарю вести невестою своей,
И вдруг увидит в черном покрывале
В ряду монахинь — что с ним будет?
Ужели ты об нем не пожалеешь?
Не пожалеешь ты о счастии,
Которого б могла дождаться?..
Какая слабость! — где твое терпенье?..

Эмилия

Мое терпенье?

(Поднимает глаза к небу. Тихо в сторону.)

Он был жив — и я
Терпела!

Донна Мария

Выкинь из ума
Твой глупый замысел. Поверь мне,
Пустые слухи обманули
Тебя... поверь мне... я уж знаю,
Что говорю.

Эмилия

(с укоризной)

Его не воскресить вам.
Вы не имеете подобного искусства!
Я вас просила об одном — вы не хотели
Исполнить просьбы самой униженной!..

Хочет уйти. Донна Мария удерживает ее.

Донна Мария

Так слушай же: вчера бродила я
В саду, и под вечер зашла я в рощу,
Вдруг вижу, человек ко мне подходит:
Он издали всё следовал за мною.
То был Фернандо... он упал к моим ногам,
Он плакал, обнимал мои колена
И сделал то, что обещалась я
Составить ваше счастье. Твой отец
Уехал на два дни — меж тем
Вы можете видаться — а потом
К ногам родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилия

О, это слишком!.. я не верю...

Донна Мария

Клянусь тебе, что жив он... и увидишь
Его ты скоро... Что с тобой?..

Эмилия

...Мне дурно!
О боже!.. голова кружится. Кто б подумал?

(Упадает в слабости на стул.)

Донна Мария

Какое детство! — Что с тобой?.. скрепися!..

(В сторону.)

Я заманю голубку в сети,
Я поведу на тайное свиданье,
Там будет шайка дожидаться, верно,—
И тут же схватят и умчат ее.
Благодари мой ум, Соррини! — Он искусен!

Эмилия

(встает)

Нет! ничего. Простительная слабость!
Так тяжело я мучилась, что счастье
Мне тяжело... Он жив! о боже!
Прости мой ропот!.. Как я легковерна:
Служанка мне сказала, и я тóтчас
Поверила обманчивым рассказам!
О! видно, что печаль родня нам, людям,
Когда мы ей скорей веселья верим.

(Марии.)

Благодарю вас... мой укор напрасный
Вас огорчил... простите вы меня?
Я слишком мучилась! Скажите,
Где я с ним встречусь?

Донна Мария

Сегодня мы пойдем в густую рощу.
Там на поляне есть высокий дуб,
С дерновою скамьей. И там увидишь ты
Фернандо. Не счастлива ль ты
Одной надеждой? Для чего
Смущала так предчувствием себя?
Поверь: невинную любовь
Хранят святые ангелы, как стражи!
Дитя! дитя! — и вот вся горесть
Рассеялась — и в монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячеством своим:
Оно есть добродетель, потому
Что, как всё доброе, недолговечно!..

Эмилия

И я его увижу?.. Он не умер?!

Донна Мария

Увидишь — и поверишь мне совсем.

Эмилия устремляет на Марию взор, хочет что-то сказать, но волнение мешает ей. Она целует крепко мачехе руку и, закрыв лицо, убегает.

(Глядит вслед.)

Ступай! ступай!.. и жди спокойно
Свиданья вместо гибели своей.
Ступай! — тебя старик излечит скоро
От бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься — но наслажденье
Прогонит ужас — после всё пройдет!
Создатель мой! ужели точно
Мое так дурно предприятье, что сама
Я это чувствую? — что ж тут худого?
Она счастливей будет у Соррини,
Чем здесь. Когда она ему наскучит,
С приданым выдаст замуж он ее;
Быть может, так случится, что Фернандо
Получит руку бедной девы...
Но — что бы ни было, я всё избавлюсь
От любопытных глаз, и мой любимец
Бесстрашней будет навещать меня...
Так всё взаимно в этом свете:
Соррини благодарен мне, а я ему!..

(Уходит.)

Сцена II

В горах перед жилищем Моисея. Дикое местоположение. Скамья направо под большим дубом, возле коего сделано вроде белой палатки, где сидят служанки и слуги жида и работают и поют свою печальную песню.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Плачь, Израиль! о, плачь! — Твой Солим опустел!..
Начуже в раздолье печально житье,

Но сыны твои взяты не в пышный предел:
В пустынях рассеяно племя твое.

Об родине можно ль не помнить своей?
Но когда уж нельзя воротиться назад,
Не пойте! — досадные звуки цепей
Свободы веселую песнь заглушат!..

Изгнáнное пеплом посыпьте чело
И молитесь вы ночью при хладной луне,
Чтоб стенанье израильтян тронуть могло
Того, кто явился к пророку в огне!..

Тому только можно Сион вам отдать,
Привесть вас на землю Ливанских холмов,
Кто может утешить скорбящую мать,
Когда сын ее пал под мечами врагов.

Фернандо

(медленно входит)

Что золото? Какая это вещь,
Когда оно могло б составить счастье
Мое?.. металл как и другой!
Или дал бог ему такое право,
Каким лишь редко люди обладают?..

Опять начинают петь.

Какой печальный голос! Эти люди
Поют об родине далёко от нее,
А я в моем отечестве не знаю,
Что значит это сладкое названье...
Я в мире не имею ничего почти,
А всё желал бы больше, но зачем?..
Чтоб новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нет! пусть останусь я, каков теперь,
Пусть никогда не буду счастлив, чтоб
Не сделаться похожим на других...
В страданьях жизнь; я в них живу, я к ним привык,
Никто их не разделит... и тем лучше

Для тех людей, которые б хотели
Их разделить.

Н о э м и входит.

Где твой отец?

Н о э м и

Ушел
По делу он... на что тебе отец мой?

Ф е р н а н д о

Хотел бы я благодарить его!..
Он спас мне жизнь... и я его стараньем
Теперь здоров, как прежде...

Н о э м и

(быстро)

Ты здоров?..

Ф е р н а н д о

Да, я здоров, как человек, который
Так часто болен был, что старую болезнь
Болезнью не считает!..

(Садится на скамью. Она возле него.)

Н о э м и

Ты должен долее у нас остаться!
Поверь, не вовсе залечились раны
Твои... и чем тебе здесь худо?..
Останься здесь еще. Ты сам ведь говорил,
Что у тебя пристанища нет в свете...
Ты, верно, здесь останешься, испанец?..

Ф е р н а н д о

Нет...
Я не хочу обременять вас больше
Моим присутствием — мне надо...

Н о э м и

Ужели благодарность тяготит
Тебя?.. Я этому не верю.
Не говорил отец мой так,
Когда от гибели его ты сам избавил...

Фернандо

Я раз уж был неблагодарным! и боюсь
Вторично быть таким. Но, впрочем,
Я не могу остаться здесь никак.
Я не могу... не должен... не хочу!..

Ноэми

(в сторону; встав)

Итак, нам разлучиться должно;
Итак, моя любовь... о, сжалься, небо!

(Ему.)

Послушай: я твои лечила раны,
Моя рука была в крови твоей,
Я над тобой сидела ночи, я старалась
Всем, чем могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, как раба, чтоб даже
Малейший стук тебя не потревожил...
Послушай, я за все мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебе не стоит ничего.
Исполни ж эту малую награду!
Останься здесь еще неделю...

Фернандо

Не искушай меня лукавой речью:
Я уж сказал, что не могу; мне должно прочь,

(сильно)

Ты хочешь знать, зачем?

(Показывая ей портрет Эмилии.)

О! на, взгляни сюда!..

Она отворачивается, взглянув, и закрывает лицо.

Вот женщина! она не может видеть
Лица, которое не уступает
Ей в красоте.

Молчание.

Так! так! я должен к ней.
С опасностию жизни я увижу
Эмилию!

(Ей.)

Где твой отец?

(Подходит и видит, что она плачет.)

О чем ты плачешь?..

Ноэми

Не думала я плакать!

Фернандо

Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,
О чем?.. скажи, не я ль виновен в том?
Остатком горьких слез, в груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
В лета надежд не прячут слез!.. О чем ты плачешь?..

Ноэми

О том, чего ты дать не можешь мне:
О внутреннем спокойствии...

Фернандо

Как рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь!..

Ноэми

(в сторону)

Скажу ему, что он
В том виноват, скажу, что я его
Люблю, и упаду в его объятья,—
Он не погубит, он великодушен...
Но что хотела я? — Другая уж владеет
Душой Фернандо... Что хотела я?
Но нет, нет — нет, она любить не может,
Как я, она не обтирала крови
С его глубоких ран, она не просидела
У ног его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сон не превратился
В сон беспробудный!.. нет! нет! нет!..
Она любить его, как я, не может!..

Входит Моисей. Ноэми примечает его, идет медленно навстречу. Он ее обнимает.

Моисей

(печально)

Ну, дочь моя. Скажу тебе я новость!..
Сегодня...

Фернандо

(подходит)

Моисей! благодарю тебя
За попечения твои...

(Протягивает руку.)

Моисей медлит.

Дай руку.
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца.
Ты человек... и ты мой благодетель.
Благодарю... я ухожу отсюда!..

Моисей

Так скоро? Как?..

Фернандо

Не возражай, еврей!
Я до тебя имею просьбу... лишь одну,
Одну: дай мне червонцев пять взаймы.
Я знаю, что жиды все деньги любят
И христианам не вверяют их;
И в этом правы. Но меня ты знаешь!
Я преступление свершу, но всё отдам
Твои червонцы... вот вся просьба.

Моисей

Куда ж ты хочешь? для чего идешь!..

Фернандо

Недалеко живет отсюда
Дон Алварец, в его саду когда-то
Мы встретились с тобою. Я к нему
Хочу идти просить гостеприимства:
Я был воспитан там, от юных лет.
Но здесь мне оставаться невозможно,
На это есть причины... Я клянусь,

Что возвращу тебе червонцы...
Ты знаешь, в свете деньги нужны,
Чтобы исполнить предприятье...
И в случае, что он меня не примет
В свой дом...

Моисей

(с удивлением)

Дон Алварец! Дон Алварец!..
Ах! боже мой! тот беден, кто постигнут
Твоим палящим гневом... у меня
Есть дочь... я понимаю это горе.
Невероятно... страшно!

Фернандо

Что случилось?

Моисей

Несчастие большое... Ах! злодеи!
Злодеи... ад не так искусен...
Мне нынче самовидец рассказал...

Фернандо

Зловещий ворон!

(В сильном движении.)

Моисей

Ада мало им...
Такого ангела... вот вы услышите!
Горою встанет волос ваш; не слезы — камни
Уроните из глаз вы... вот испанцы!

(К Фернандо.)

Вот ваша инквизиция святая!
Теперь не смейте презирать евреев...

Фернандо

Зловещий ворон!.. что такое?..
Сейчас скажи! гранитным этим небом
Клянусь, клянусь твоим законом, я, как тигр,
Тебя на части раздеру...

Еврей в изумлении, Фернандо хватает его за руку; тише, дрожащим голосом.

Ты видишь.
Я ума лишаюсь!.. Человек!..
Молю тебя, скажи мне, что случилось?..

Ноэми

Как он дрожит!.. Отец мой, говори
Скорей... взгляни, какая бледность!..

Моисей

У дона Алвареца дочь была!

Фернандо

(вскрикнув)

Была!..

Молчание.

Я тверд! Не бойся продолжать.
Какая мне нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свете...

(Принужденно.)

Ха! ха! ха!..
Я тверд!..

Моисей

Еврей знакомый рассказал мне
Печальный случай... (он подслушать где-то
Умел злодеев). Есть доминиканец,
Иль езуит, по-вашему не знаю,—
По имени Соррини... и, хоть стар,
Он любит женщин. Подкупив злодеев,
Он им велел похитить непременно
Дочь Алвареца... Ныне жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, как могли
Они успеть в своем ужасном деле!..
Отца-то дома не было, я слышал.
Погибнет девушка... а жалко! жалко!
Я четверть бы именья тотчас дал,
Чтобы ее спасти... но вряд ли можно!

Фернандо хочет что-то сказать, поднимает руки... вдруг с невольным стоном опускает и быстрыми шагами с отчаяньем уходит в горы.

(Пораженный.)

Куда?.. куда... остановите! Удержите
Его!.. он в бешенстве!..

Ноэми

(смотрит вслед)

Взгляни: вот он взбежал
Уж на гору... бежит, остановился...
Над самой пропастью... он упадет... но нет!..
...Идет сюда...

(Бросается отцу на шею.)

Зачем, зачем, отец мой,
Сказал ему ты эту новость?..

Моисей

Дочь моя!
Всё воля божия! — никто из нас не может
Противустать ей! Тот, кто сотворил нас,
Имеет право с нами поступать
Как хочет...

Ноэми

Для чего ж он дал нам душу?
Зачем способность дал любить, страдать,
Когда он верно знал, что муки есть
Неизлечимые, что можно обмануть
Любовь?.. Зачем нас бог оставил?..

Она уходит. Фернандо возвращается.

Фернандо

(подходит)

Ты думал, я заплачу, старый!
Ты этого хотел, но женская печаль
Не устыдит моих ланит! — бесчеловечный!
Я отомщу... чтоб целый мир... Я то свершу,
Что... я не знаю сам еще, но землю
Мой подвиг испугает... Ты подумал,
Что я заплачу? — Нет! клянусь:
Скорее разорвется это сердце,
Чем я заплачу...

Моисей

(берет его за руки)

Успокойся! объясни мне...
Твое отчаянье... не сожаленье
Одно...

Фернандо

Старик!.. старик!.. ты жил покойно,
Не знал страстей... во мне они кипели
Сильней, чем все земные бури. О! проклятье
Тому, кто дал мне жизнь. Несправедливый бог,
Зачем казнить меня через других
И ангела губить, чтоб наказать безумца
Ничтожного? Иль также в небесах
Есть пытки?.. Я терпел — и полно мне терпеть!
Повиновался я судьбе — довольно;
Я мог быть счастливым... довольно,
Довольно... никогда не буду счастлив...
Отныне отдаюся мести,
Союз с землей и небом разрываю...
Старик, дай денег!.. с этим я прорвусь
В его жилище.

Моисей

(дает денег)

Вот! возьми!..

Фернандо

Эмилия — моя!
В бесчестье иль невинная — моя;
Живая или мертвая — моя!..
О! как я отомщу... прощай, отец...
Я своего не знаю.

(Обнимает его крепко.)

Мстить прекрасно!
Благослови меня!.. иду на смерть... прощай.

(Уходит.)

Моисей

(поднимает руки)

Услыши, бог, молитву иудея,
Храни его от преступленья!
Ты можешь удержать порыв страстей,
Вселить покорность, веру так легко,
Как усмиряешь вихри гор... Ты бог
Израиля, ты бог Ерусалима!..

(Уходит.)

Сцена III

Комната в доме у жида, как во 2-м действии.

Ноэми

(за нею Сара)

Не утешай меня! Не утешай меня!
Злой дух меня сгубил! Он предвещал
Мне радость и любовь — любовь он дал,
А радость он похоронил навеки!
Теперь мы больше не увидимся с Фернандо,
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О! я люблю
Его, как бога... он один мой бог.
И небо запретить любить его не может.
Меня не понял он, другую любит,
Другую, слышишь ли, другую!.. Я умру!
Не утешай меня! Не утешай меня!

(Ломает руки.)

Сара

С тобою плакать вместе я хочу,
Когда тебя нельзя утешить...

Ноэми

Плакать!
Тебе ль со мною плакать?.. Любила ль ты,
Как я?.. Любила ль чужеземца,
Любила ль христианина, была ли
Им презрена, как я?.. Ах! Сара! Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вот плоды моих надежд, мечтаний,
Плоды недоспанных ночей и беспокойств!..

О, сжалься надо мною, небо!
Скорей в сырую землю, поскорей,
Покуда я себя роптаньем не лишила
Спокойствия, и там...

Сара

Старайся
Рассеяться!.. В твои лета позабывают
И самую жестокую печаль.
Вот твой отец придет! Теперь
С раввином он беседует
О чем-то занимательном и важном.
Он новостью тебя займет.

Ноэми

Я проклинаю
Все эти новости, одна уж
Меня лишила счастья... а другая
Мне не отдаст его. Ах, Сара!
Всё кончено! всё кончено!

Моисей вбегает как бешеный.

Моисей

Дочь! дочь! дочь!.. Он нашелся!
Зачем теперь? Зачем так поздно... Он нашелся!..
Твой брат... Мой сын!.. Сын!.. Я не знал...
Жестокий случай так... я не прижал
Его к груди и не прижму... найдéн,
И в тот же миг потерян. О судьба!
Земля и небо, ветры! бури! гром!
Куда вы сына унесли? Зачем отдать,
Чтобы отнять... и христианин!
Возможно ли? — Мой сын... Я чувствовал,
Что кровь его — моя... Я чувствовал,
Что он родной мой... о Израиль!
Израиль!.. Ты скитаться должен в мире,
Тебя преследуют стихии даже...
И бог твой от тебя отворотился.
Мой сын! Мой сын!..

Сара

Где ж он? зачем не здесь?
Кто ж он?.. и кто сказал... что сын твой!

Моисей

О горе! горе! горе нам! Он здесь был —
Раввин принес мне доказательства... я верю,
Что он — мой сын! Я спас... Он спас меня...
И он погибнуть должен... Не спастись
Ему вторично от руки злодеев...
Ноэми! горе! горе для тебя!
Фернандо — брат твой!
Испанец — брат твой!
Он гибнет: он родился, чтоб погибнуть
Для нас! — он христианин!.. он твой брат!

Ноэми упадает без чувств на пол. Сара спешит к ней.

Пускай умрет и дочь... и я!.. У бога
Моих отцов нет жалости... Мой сын! Мой сын!

(Ломает руки и стоит недвижен.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена I

В доме Соррини. На столе бумаги и книги и песочные часы.

Соррини

(входит)

Сегодня, может быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! — зачем же нет?
Она моя, так верно, как я плут.
Когда я сам с собою, то никак
Себя я не щажу. Зачем? — Я плут.
Я это знаю сам, зачем скрываться
Перед собой? Я плут, но умный плут.
Да, впрочем, я не вижу тут худого;
Я сотворен, чтоб жить и наслаждаться.
И всеми средствами я должен достигать
Предположенной цели. Я достиг —
И умный человек. Не удалось — глупец!
Так судят люди большей частью.

Великий инквизитор обещал
У нашего отца святого выпросить
Мне шапку кардинала, если я
Явлюсь ее достойным — то есть
Обманывать и лицемерить научусь!
О! это важная наука в мире!
Наука женщин! с нею прямо в папы;
И этому есть доказательства у нас.

Молчание.

В кровавый путь отправлен уж Фернандо...
Один лишь Алварец... да этот плох!
О! бедная Эмилия, давно ли
Сказала ты, что старику смешно
Любить и невозможно?.. Но сегодня
Ты мысли переменишь...

(Садится.)

Говорят,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья, что закон велит...
Ужель закон в сей толстой книге
Сильней закона вечного природы?
Безумец тот, кто думал удержать
Ничтожным правилом, постановленьем
Движение природы человека;
Он этим увеличил грех — и только,
Дал лишний совести укор и между тем
Желание усилил запрещеньем!
Пострижен был насильно я в монахи,
Почти насильно (в пылкой юности
Не можем понимать мы важной пользы),—
Пускай, пускай они за всё ответят,
Что сделал я; пускай в аду горят
Они... но что такое ад и рай,
Когда металл, в земле отрытый, может
Спасти от первого, купить другой?
Не для толпы ль доверчивой, слепой
Сочинена такая сказка? — я уверен,
Что проповедники об рае и об аде
Не верят ни в награды рая,
Ни в тяжкие мученья преисподней.

Да, впрочем, добрый смысл велит не верить,
Что души будет вечный жечь огонь,
Что черти за ноги повесят тех,
Которые ни рук, ни ног иметь не будут.

(Берет книгу, перо и бумагу.)

Займусь!

(Кладет.)

Нет, что-то я не в духе!
Кто бы поверил, что в мои лета
Хорошенькой девчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, беспокоить?
Я всё не понимаю, для чего
Мне не годится женщину любить?
Как будто бы монах не человек?

(Смотрит на часы.)

Часы бегут — и с ними время; вечность,
Коль есть она, всё ближе к нам, и жизнь,
Как дерево, от путника уходит.
Я жил! Зачем я жил? Ужели нужен
Я богу, чтоб пренебрегать его закон?
Ужели без меня другой бы не нашелся?..
Я жил, чтоб наслаждаться, наслаждался,
Чтоб умереть... умру... А после смерти?
Исчезну! — Как же?.. Да, совсем исчезну...
Но если есть другая жизнь?.. нет! нет!
О наслажденье! я твой раб, твой господин!..

(Звонит.)

Слуга входит.

Не позабудь, что я тебе сказал.
Когда подъедут близко удальцы
Мои, то киньтесь вы с оружием толпой
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорее приведите...
Да чур не забывать, что вы без языков,
А то... меня ты знаешь коротко!
Возьми ж себе заранее награду

(дает кошелек)

И раздели другим... ступай же.

Слуга берет кошелек и целует руку.

Слуга

Всё исполню.

Соррини подходит к окну.

Соррини

Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они спроворили всё дело? Донна
Мария лакома на жемчуг,
Как видно; впрочем, ей мешала
Моя красавица, как лишнее бревно
В строенье дома: сам его не дашь,
А как попросят, так легко расстаться!

(Глядит в окно.)

Они! так точно!.. Ближе подъезжают;
Вот и мои спасители бегут... сраженье!
Железо о железо бьется и стучит
Безвредно... искры сыплются кругом.
Так в споре двух глупцов хоть много шуму,
Да толку нет... Как кровь моя кипит
В полузасохшем сердце!.. ну,

(смотрит)

схватили
Эмилию и тащат... торжество!
Victoria!..[1] теперь я говорю
Отважно: veni, vici [2] — потому
Что я еще девицу не видал!..

(Отходит от окна.)

Слуга входит.

В лице твоем победу я читаю:
Веди сюда...

Слуга ушел.

Victoria, Соррини!..

(Потирает руками.)

Поплачет Алварец, поплачет, покричит,
Порвет седые волосы... и не узнает,
Где дочь его... ха! ха! ха! ха! победа!..

Вводят Эмилию; Соррини дает знак; люди уходят.

---

[1] Победа!.. (лат.) — *Ред.*
[2] Пришел, победил (лат.).— *Ред.*

Эмилия

Где мой спаситель!.. ах! отец Соррини,
Не вам ли я обязана спасеньем?
Вознагради вас боже так, как я
Желала бы!.. о мой спаситель!

Соррини

Я христианский долг исполнил только.

(Идет и запирает дверь.)

Эмилия

О, возвратите поскорей меня
Родительскому дому... мой отец
В отчаянии будет, если он
Узнает про ужасный этот случай!
Со мной гуляла мачеха моя
В саду, и вдруг злодеи ухватили
Меня, связали, повлекли с собою.
Окончите благодеянье ваше!..
Велите отвести меня домой
Как можно поскорей... Что мой отец
Подумает, что скажет он?..

(Плачет.)

Соррини

Эмилия! ты вся дрожишь. Как можно
Теперь тебе домой отправиться. Теперь?..
Ты так слаба... Нет, отдохни подоле здесь,
Побудь подоле у меня... зачем лишать
Меня такого счастья...

Эмилия

Ради бога!
Я не могу остаться здесь у вас!
Я не должна.

Соррини

Зачем же ты не можешь,
Мой ангел! Кто тебе мешает
День, два и три здесь отдохнуть?

Эмилия

День, два и три!..

Соррини

Чему дивиться тут?

Эмилия

Я вас не понимаю!

Соррини

День, два, три
И более останешься ты здесь,
И ежели понравится тебе,
То можешь ты остаться вечно... то есть

(в сторону)

Пока ланиты не поблекнут и глаза
Не потеряют пламень свой волшебный.

Эмилия

Отец Соррини!

Соррини

Да, я не шучу;
Ты там была рабой — здесь будешь ты царицей,
Мой дом и всё, что в нем, твое,
А ты моя.

Эмилия

Какое право?

Соррини

Силы...
Я спас тебя — вот право — и довольно!

Эмилия

Вы позабыли, кто вы! как могу
Я с вами жить! Что это значит?..

Соррини

Не горячись,

(держа ей руку)

красавица! Любовь

Не смотрит на лета своих печальных жертв.
Ты видишь, я был прав, когда сказал,
Что может и старик любить.

Эмилия

Соррини!

(Вырывает руку.)

Оставь меня... бесчестный человек!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостеприимство... Что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, святая дева!..

Соррини

Скажу тебе: святых здесь нет... итак...

Эмилия

Конечно, только демоны одни
Живут с подобным извергом... но бог
Услышит вопль невинной девушки!

Соррини

Нас опыт научает в свете
Не упускать благоприятный случай.
Ну, поцелуй меня на первый раз.

Эмилия

(отворачивается дрожа)

Так вот моя судьба.

(Ему.)

Прочь, прочь, злодей!..

Соррини

Ты думаешь, что ты теперь царица
В моем дому? Нет, это будет после,
Когда всё сделаешь, что я скажу,
Когда в мои объятья упадешь.

Эмилия

В твои объятья — никогда!

Соррини

Послушай.
Тебе слова пустые не помогут;
Да или *нет*... два слова могут только
Подействовать на сердце это. Если
Ты скажешь *да*... то для тебя ж приятней!
А если *нет*... то берегись упрямства!
Оно к добру не доведет. Покорность
Одна лишь облегчит твою судьбу!..
Но, впрочем, я не вижу твоего несчастья!..
Любовь мою нельзя назвать несчастьем...
Умею я любить и награждать,
И ни одна прекрасная девица
Не вырывалась из моих объятий,
Когда почувствовала пламень гру́ди
Моей. Поверь, старик, такой, как я,
Любить умеет лучше юноши:
Всё опытность, мой друг!..

Эмилия

(после минуты молча́ния)

Знавал ли ты
Спокойствие души, знавал ли ты
Надежду, радость... счастие...
Всем тем, что ты знавал и не знавал,
Чему ты верил, от чего страдал,
Всем тем, что страшно для души твоей,
Коль есть в тебе душа, бессовестный злодей,
Я заклинаю на коленях... пощади.

(Становится на колени.)

О, пощади... оставь меня! Я буду
Молчать о всем, что слышала, о всем,
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности — за это
Грехи твои и самые злодейства
Простит тебе всевышний. Так, Соррини!
Но если ты... тогда умру я! и к тебе
Придет моя страдальческая тень
И бледною рукой отгонит сон...
О, пощади... клянусь молчать до гроба!..

Соррини

Глупец, кто верит женским обещаньям,
А пуще женской скромности — да, да!
Не всё ль равно на нитку привязать
Медведя и надеяться, что он
Не перервет ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается язык твой...
Нет, я теперь в таком уж положенье,
Что предо мною смерть или победа
На волосе висят... а так как, верно,
Я изберу победу, а не смерть,
То все твои мольбы напрасны,
Эмилия...

Эмилия

Итак, спастися нечем.

(Плачет.)

Соррини

Мне кажется...

Эмилия

Пошли мне смерть, о боже,
А не бесчестье.

(Падает в кресла и закрывает лицо.)

Соррини

Всё притворство это!
Не верю я, чтоб девушка могла
С упрямостью такою защищаться.

(Хочет у нее поцеловать руку, она ему дает пощечину. Он, грозя пальцем, с тихою злостью говорит.)

Ты такова, сердитая девчонка!..
О! о!.. я справлюсь. Нет! я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себе спасенья.
Скорее эти стены все заплачут,
Чем я, твой стон услышав; так, скорей,
Скорей земля расступится, чтоб вмиг
Испанию со мною поглотить, чем сердце
Мое расступится, чтобы впустить одно

Лишь чувство сожаленья... ты увидишь,
Каков Соррини!.. он просить умеет,
Умеет и приказывать как надо.

Она открывает лицо и смотрит с ужасом.

Умею и кинжал употребить
При случае, чтобы заставить вас,
Сударыня, повиноваться мне.

(Злобно.)

Ха! ха! ха! ха!.. о! ты меня узнаешь!

(Подходит к ней.)

Вдруг слышен шум.

Эй! — кто там?

Соррини отпирает дверь, и входят испанцы толпою.

...Вы зачем? — какая дерзость.

Один испанец

Мы
Пришли за награжденьем.

Соррини

За каким?

Другой испанец

А как же, разве ты нам, патер, не велел
Дочь Алвареца увезти... иль позабыл?
Что? Видно, только пред услугой
Твой кошелек открыт издалека.

Третий испанец

А как достали мы твою красотку,
Так тотчас обеднял?

Соррини

Бездельники.

(Бросает большой кошель золота.)

Терпенья не было?..

Все

(берут золото и уходят)

Прощай, отец Соррини!..

Он уже не запирает дверь.

Соррини

Эмилия! решись же наконец...

Эмилия

(встает с кресел)

Так ты их посылал меня похитить!
О! верх злодейства в человеке! Я погибла,
Погибла... нет надежды.

Соррини

(насмешливо)

Нет надежды!

(Берет ее за руку.)

Пойдем со мной,

(целует)

мой друг бесценный!
Так долго защищаться, плакать,
Просить... чтоб наконец признаться побежденной!

Эмилия

Ты думаешь, я вынесу позор свой?
Нет, я умру, старик!..

Соррини

(с гордой улыбкой)

Старик! шути...
Старик тебе покажет, что довольно
Он пылок.

Эмилия

(сложив руки)

Матерь божия! ужель
Ты не спасешь меня!..

Соррини

Пойдем... пойдем...
Не скажут, что Соррини уступил
Кому-нибудь. О, я наедине
Не тот, каким кажуся в людях.

(Берет ее руку.)

Эмилия

Оставь меня, твое прикосновенье,
Как зараженного чумою, ядовито...

Соррини

(злобно)

Пойдем же; я велю...

Вдруг стучится кто-то в дверь. Оба останавливаются. Иезуит отходит прочь, отворяет дверь: человек, окутанный плащом пилигрима, сняв шляпу, ⟨входит⟩.

Неизвестный

Впустите ради

(он входит быстро, потом нагибается)

Христа!.. Я так устал! Прошу
Кусочка хлеба только. Здравствуйте,
Пошли вам бог свое благословенье,
Честны́й отец!.. я бедный, бедный странник...

Соррини

(в сторону)

Некстати он пришел. Зачем его пустили?

(Скрыпит зубами. Глядит.)

Он подозрителен.

(Ему.)

Садись... садись!
Тебе велю тотчас подать вина и хлеба.
Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвестный

Я бедный странник!
Ходил в Ерусалим... иду назад...
Устал... и голоден, иду домой.
Пока язык мой смерть не охладит,
Везде тебя я буду прославлять,
Кто б ни был ты, гостеприимный.

Соррини

Я исполняю только долг свой.

Неизвестный

Долг!
Немногие тебе подобно мыслят.
Благодарю! — и бог тебя благодарит!..

Соррини

(к Эмилии)

Сестра! вели принесть вина и хлеба...

(Страннику.)

Живем с сестрой мы вместе.

(Видя, что Эмилия нейдет,— дрожит и подходит к ней.)

Ступай! когда я говорю: иди.

Неизвестный

(про себя)

Меня ты не обманешь, крокодил!

Соррини

(громко)

Ступай же...

Неизвестный

Стой!

Соррини

(испугавшись)

Как! Кто ты?

Неизвестный

Я...

(Сбрасывает плащ с себя и вынимает кинжал.)

Эмилия

Фернандо!..

Фернандо

(берет быстро за руку Эмилию и уводит на другую сторону сцены. Становится пред ней, держа ее одной рукой)

Теперь я требую с тебя ответа...

Соррини

Кто ты? Фернандо не воскреснет!
Ты дух иль человек?

Фернандо

Я тот,
Кто не боится адских умыслов,
Кто может наказать тебя кинжалом
И чья рука не дрогнет пред убийством,
Когда оно ее спасет... отдай ее.

(Схватывает Соррини за горло.)

Я ничего не жду на небесах,
Я ничего не жду под небесами,
Я мести душу подарил; не жди,
Чтоб я помедлил отослать
Тебя туда — где ждет суд божий
Тебе подобных! Видишь этот нож —
Он над тобой. Оставь же добровольно
Свой умысел.

Соррини

Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилию нельзя
Спасти. Тебя не выпустят
Отсюда слуги — так пусти ж меня!
Я закричу...

Фернандо

(пускает его)

Ты прав: я не палач!..

(В сторону.)

Ужели я боюсь увидеть кровь?

(Ему.)

Отдашь ли мне Эмилию?

Соррини

Нет, не отдам...

(Подбегает к двери всё ближе.)

Фернандо

Отдашь!.. Ты, верно, содрогнешься
Пред тем, что я предпринял. А! Соррини!
Она моя... и честь ее моя.
Когда б ты дал мне тысячу миров
За эту девушку... я б их отвергнул все!
Не принуждай меня, не принуждай
К убийству.

Соррини

Не отдам ее.

Фернандо

Ты камень, но перед моим отчаяньем
Ты содрогнешься.

Соррини

Нет!..

Фернандо

Соррини,
Соррини! редко лишь прошу кого-нибудь
Я на коленах... но узнай сперва,
Что тот, пред кем стоял я на коленах,
Не долго проживет.

Соррини

(со смехом)

Опять за то же!

Фернандо

Ты мне отдашь Эмилию, не то
Я отниму... не доведи меня
До этой крайности. Я уж готов
На всё. Я с нею потерять готов
И небо, чтоб избавить от твоих когтей.
Я не шутить пришел... о! слушай! слушай
В последний раз... отдай ее.

Соррини

Посмотрим!

(Бросается в дверь и зовет на помощь.)

Сюда! сюда! сюда! разбой! Эй! слуги!

Шум и крик за сценой.

Эмилия

(бросив томный взор)

Фернандо!..

Фернандо

Ну! всё кончено! напрасно
Желал я крови не пролить. Прощай,
Мой друг,

(обнимает ее)

прощай! мы долго
С тобою не увидимся.

(Отворачиваясь.)

О боже!
Итак, ты хочешь, чтоб я был убийца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ее —
Моя! она другого не обрызжет.
Безумец! как искать в том сожаленья,
О ком сам бог уж не жалеет!
Час бил! Час бил! — последний способ
Удастся — или кровь! — нет, я судьбе
Не уступлю... хотя бы демон удивился
Тому, чего я не могу не сделать.

Эмилия устремляет молящий взор на него. Во время этого разговора входят слуги Сорриния и он. Все с оружием.

Соррини

Посмотрим, кто сильней из нас!.. Эй, слуги!..

Фернандо

Узнай же клятву: мы стоим пред богом...
Живая или мертвая — она
Моя — ты видишь.

(Показывает кинжал.)

Эмилия

Ах!..

(Склоняет голову на грудь Фернандо.)

Соррини

Меня не настращаешь!
Мне мертвую не нужно... Слуги! эй,
Схватите, бейте, режьте наглеца!..

Он сам защищен слугами.

Фернандо

Ни с места!

Все останавливаются.

Соррини

Что же вы?

Они опять хотят броситься.

Фернандо

Ни с места, вы, рабы!..

(Сорринию.)

В последний раз, в виду небес и ада,
Отдашь ли мне ее?

Эмилия

(едва слышным голосом)

Хранитель ангел мой!
Спаси меня!

Соррини

Живую не отдам!..
Что б ни было.

Фернандо

О!.. так смотри сюда!

(Прокалывает ей грудь.)

В эту минуту все поражены. Он подымает ее труп с полу и уносит сквозь толпу удивленную. Слуги хотят броситься вслед.

Соррини

(после молчанья, остановив слуг)

Оставьте! Иначе хочу я сделать!..

(Он дрожит. Дает знак, чтоб все ушли.)

Уходят.

Какая дерзость!.. да! Он мне заплотит.
Я сам в опасности. Он может...
Что может он?.. Я зол теперь,
Как дьявол... отомщу ж ему,
Сожгу его, сдеру с живого кожу,
Сорву железом ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздях
Его ходить заставлю, медь кипящую
Волью безумцу в горло и упьюсь,
Упьюсь, как сладким нектаром,
Его терзаньем, вздохами и визгом!..
Спади с меня личина скромности,
Пускай узнают все, что итальянец
Соррини, по его веселию и плескам,
Когда Фернандо будет издыхать
В огне иль под ударом палача.
Чем медленней конец его придет,
Тем будет счастие мое полней.
Оклевещу его, хоть сам не вывернусь,
Но всё же я упьюсь его мученьем.
О клевета! приди на помощь! — Никогда
Так не нуждался я в тебе, как ныне;
Дай тысячу мне жал змеиных, чтоб
Я мог облить врага холодным ядом
Твоим...

(Ударяет себя двумя пальцами в лоб.)

Мой план почти готов...
Да, да... вот так... а там! Богиня

Души моей, тебе с сих пор я отдаю
Себя!.. возьми! я твой — и за могилой!

Входит **доминиканец**, приятель Соррини.

Доминиканец

Соррини, здравствуй!

Соррини

Здравствуй! кстати ты пришел

Доминиканец

А что такое?

Соррини

Я тебе скажу
Сейчас.

Доминиканец

Должно быть, ты узнал
Пристанище богатого жида
Или, что всё равно, еретика.
Веселье на лице твоем блистает!
Так точно, ревностный служитель веры,
Я отгадал, что хочешь ты сказать.

Соррини

Ты отгадал. Знавал ли прежде
Ты дона Алвареца, у него
Воспитывался юноша Фернандо?..
Он еретик! Он верит Лютеру
И чтит его!.. Сегодня он убил
Дочь Алвареца в доме у меня.
Я спас ее от хищников, но — боже! —
Не мог спасти от острого кинжала!
Его сыскать нам надо и вести
На казнь преступника двойного!
Он труп несчастной девушки
Понес с собой!.. Да! я его найду,
Я по следам его пойду кровавым,
И жизнию заплотит он...

Доминиканец

Конечно!
Да, кажется, я на дороге встретил
Убийцу... но случайно не заметил,

Что нес он мертвую, так быстро
Он шел!.. так страшен он казался!

Соррини

(после минуты задумчивости)

Дай руку мне! Клянись быть заодно...

Доминиканец

(протягивает руку)

Возьми с моей рукою обещанье...

Соррини

Быть заодно во всяком случае!

Доминиканец

(кинув боязливый и подозрительный взгляд)

А разве ты виновен в чем-нибудь?

Соррини

Нет! нет! ведь знаешь ты: мы вечно правы.

Доминиканец

Брось шутки! Ты тут не виновен?

Соррини

Нет! нет! но если б даже был...

Доминиканец

Без *если,* просто:
Как с другом говори...

Соррини

Да нет!

Доминиканец

Простее!
Скажи: невинен ты?

Соррини

Как голубь!

Доминиканец

(с коварной улыбкой)

Вот так! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всем готов душой и телом
Пожертвовать. А еретик Фернандо
Погреется у нас, пока
Охолодеет прах его проклятый.

(Садится и берет перо с бумагой.)

Я напишу, как ты мне говорил,
А там и в суд с убивственной бумагой!
Умен был тот, кто изобрел письмо.
Перо терзает иногда сильнее,
Чем пытка! — Чтобы уничтожить царство,
Движения пера довольно, даже рай
Дает перо отца святого папы.
Ты веришь в эту власть?

Соррини

Как в добродетель!

Доминиканец

Итак, начну писать я свой донос.

(Начинает писать.)

Соррини

(пока он пишет, подходит к месту, где убита Эмилия Глядя вниз)

На этом месте кровь ее текла!
Вот пятна! Вот одно, другое!..
Впервые мне на кровь глядеть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещет,
И волосы невольно дыбом
Встают при мысли о убийстве!..
Жалеть ли мне Эмилию? Да что ж?
Всем должно умереть!.. но если тень
Ее предстанет мне во мгле ночной,
Как говорила дева, если я
Преследуем, терзаем буду
Ее рукой холодною повсюду,
Как совестью мятежной, если
Кровавое пятно и день и ночь

Глазам бессонным станет представляться!..
Как? я боюсь? — Соррини стал бояться!
Кого? — себя!.. стыдись... нет теней!
Нет призраков. Могила слишком крепко
Свою добычу держит, чтоб она
Могла исторгнуться из рук ее сырых.
Но совесть! — совесть вздор! Однако ж...
как, Соррини?
Ты совести боишься, и давно ль?

(Ударяет ногой в землю.)

Я презираю эту кровь как совесть.

Доминиканец

Донос готов!

Соррини

(подписывает)

Я подписал!

Доминиканец

И я!..

Соррини

Идем!

Доминиканец

Ужель донос подать боишься,
Товарищ? Ты дрожишь!..

Соррини

От радости!

(Берет шляпу и палку.)

Вот всё мое оружие, пойдем.

Доминиканец

И горе!
Врагам закона нашего и нашим!
Пощады нет,— клянемся!

Соррини

Нет пощады!
Какое же мучение избрать,
Чтобы мой еретик почувствовал
Всю тягость наших рук, всю тягость
Закона для отступника? — Не сжечь ли?
Он оскорбил закон, он осквернил мой дом.

Доминиканец

Нет, четверить.

Соррини

Свинца кипящего
Ему влить в горло.

Доминиканец

Или на гвоздях
Его заставить спать.

Соррини

О, если б он имел
Сто жизней, я бы каждую иным,
Ужаснейшим терзаньем истощил!..
Однако цель моя достигнута!..

(Потирает руками.)

Доминиканец

Пойдем!
И с помощью святого Доминика
Еретика без жизни в прах повергнем!

(Уходят в радости.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Сцена I

Дом Алвареца — стол. Свеча на столе.

Алварец

(сидит у стола)

Итак, она бежала от меня
С Фернандо — убежала с негодяем!

Донна Мария

Как я тебе сегодня объяснила;
Зачем ты не хотел позволить ей
За этого бродягу выйти замуж?

Алварец

Так не хочу же плакать об негодной,
Неблагодарной!..

Донна Мария

(насмешливо)

Плачь, нет, плачь!
Об дочери такой нельзя не плакать!

Алварец

И как она была привязана ко мне!

Донна Мария

Да! это видно!..

Алварец

Где тут стыд?
Покрыть седые волосы отца
Бесчестьем, посмеяться над отцом,
Любовницею быть бездомного бродяги,
В таких летах... А! это слишком много!..
Нет! звери благородней! звери лучше!..

Донна Мария

Побереги себя!..

Алварец

Пускай она с Фернандо,
Как нищая, под окнами блуждает:
Я отвергаю от себя ее!
Эмилия не дочь мне — пусть она
Найдет отца себе другого; я отвергнул
Бесстыдную от сердца своего.
Когда б она пришла к моим дверям,
Усталая, голодная, худая,
Как смерть, когда б она просила
Кусочка хлеба у меня, и этого
Я б не дал ей. Пускай она умрет
На обесчещенном моем пороге!..

Донна Мария

Ты болен, друг! — не хочешь ли прилечь?

Алварец

Так, мне покой необходим теперь,
Я чувствую, что я совсем расстроен.

Донна Мария

(в сторону)

Бедняк ведь точно весь измучен.

Алварец

Боже!
Зачем ты дал мне дочь, зачем послал
Ты с ней бесчестье на главу мою?
О! накажи ее! прошу тебя,
Молю тебя! Из древнего семейства —
И так бежать с Фернандо! — ныне вижу:
Я воскормил змею в дому своем...

(Уходит.)

Донна Мария

Что делает теперь любезный патер
Соррини? — Верно, он уж сорвал
Цветок невинности и наслажденья!..
Пришлет ли он еще подарок мне,
Его сотруднице!.. Конечно, он пришлет.
Мне кажется, что начинаю я
Жалеть о бедной жертве сластолюбья!

А я была ведь главною причиной?
О! совесть! для чего терзать меня
Некстати? — Прежде бы терзала,
Теперь помочь едва ли могут люди!

(Открывает ящик стола и вынимает подарки Сорриния, смотрит на них и кладет на место опять.)

Нет, не могу я видеть этот жемчуг
И камни дорогие! — Руки, пальцы
Мои дрожат, когда я их держу,
Какая-то невидимая сила
Весь этот жемчуг превращает в слезы.
Прочь! прочь!..

(Кладет в ящик.)

Как мог меня прельстить
Подобный гадкий жемчуг?.. Совесть! ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачем теперь? Что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постом, богатым подаяньем
Загладить я хочу проступок свой,
Лишь дайте сон мне, дайте мне покой!

Входит Алварец встревоженный.

Алварец

Жена! послушай! Здесь блуждают тени,
Мне кажется... сейчас я видел что-то,
Я слышал голос... голос мне знакомый!
Мне дурно...

(Садится.)

Донна Мария

Успокойся, друг мой.
Где тени! — Теней не бывало здесь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть может, эти призраки рождает!

Алварец

Мне дурно.

(Звонит.)

Эй, слуга! воды,

Слуга входит.

Воды!.. как можно поскорее.

Уходит слуга.

Жена! я говорю, здесь бродят тени;
Ужель ты не слыхала голос томный?
Ужель ты не могла приметить их?

Донна Мария

Твои глаза от слез устали!

Алварец

Как?
Нет! я не плакал и не стану плакать!..
Я проклинаю дочь свою.

Слуга приносит стакан; он пьет; слуга уходит.

Донна Мария

(в сторону)

Мне страшно!..
Есть мертвецы, есть тени, говорят
Ученые монахи... Мы должны
Им верить... это, право, страшно!

Алварец

Ну, если умерла Эмилия...
Ну, если в эту самую минуту
Ее душа рассталась с нею... если...

Донна Мария

Что говорит он! Небо!

Алварец

Нет, за гробом
Проклятие отцовское не тронет!
За гробом есть другой отец!.. прощаю
Тебя, когда тебя не будет
Между живых... пусть тень твоя не бродит
Вокруг меня, не отгоняет сон
От глаз моих, пусть ужас не подымет
Седые волосы, покрытые тобою

Стыдом и поношеньем,— нет! в могиле
Проклятие отцовское не тронет!
Там есть другой судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о небо! небо!

Открывается дверь настежь с шумом, является Фернандо, держа труп Эмилии, старик вскакивает. Ужас на всех лицах.

Донна Мария

Ах!.. всё пропало!

(Бросается в другую комнату.)

Алварец

Что такое значит?..

Фернандо кладет тело на стул.

Чья кровь? Чье это тело?

Фернандо стоит над нею, мрачен.

Кто она? Кто ты?

Фернандо

Я дочь тебе принес.

Алварец

Эмилия!.. — мертва!

Фернандо

Мертва!

Алварец

Так ты ее убийца!

Фернандо

Я!..

Алварец

Так ты!.. О, если б я имел довольно силы,
Чтоб растерзать тебя! Ты, похититель,
Убийца... и с такой холодностью!
Принес сюда... о, милое созданье!
Дочь! дочь моя! И кровь ее течет...
И я!..

Фернандо

Не правда ли, она прекрасна?..

Алварец

Чего ты ждешь! Ступай хоть в ад,
Но прочь от глаз моих, убийца! Кровь ее,
Пока ты здесь, течи не перестанет...
О, если бы не слаб я был... Прочь, демон,
Прочь, прочь от дочери моей!

Фернандо

Я здесь остаться
Решился...

Алварец

Ты решился?

Фернандо

Да! в живых
Она была твоя...— теперь моя!
Геройским преступленьем я купил
Кровавый этот труп... он мой!.. Смотри
На эти бледные черты и отрекись
От дочери...

Алварец

Так подожди! Ты скоро
Меня увидишь!.. тигр, змея коварства!
Я средство отыщу тебе отмстить,
Я инквизицию на помощь призову!

Фернандо

Кто не боялся уничтожить это,

(показывая на труп)

Того ничто не испугает в мире!..

Алварец убегает и запирает двери за собой.

Он запер двери! Ха! ха! ха! Прекрасно,
Старик, исполнил ты мое желанье!
Я с нею быть хочу наедине...
Как с другом... духи тишины!

Вы будете свидетелями свадьбы
Моей... здесь я клянусь любить
Ее одну, что б ни было... Вы, стены,
Смотрите на Эмилию мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Бледна! бледна! — мертва!..

(Бросается к ногам ее и плачет.)

Молчание.

Ты мне простишь? Не правда ли, мой ангел?
Я спас тебя!.. Смотрите: улыбнулась!
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!

(Берет за руку.)

Рука ее как лед!

(Целует руку.)

Позволь поцеловать!
О, как приятно мертвых целовать!..

(Встает.)

Что, ежели отрежу я косму
Волос и с ней умру, не легче ль будет мне
Терпеть последние мученья тела?

(Отрезывает косму волос кинжалом.)

Залог ее любви! Как я велик!
Пожертвовал собой, своей душой,
Пожертвовал таким созданьем, чтоб
Освободить Эмилию, хоть вечно
Я не увижусь с ней!.. один! один!
Как жил, так и умрешь, Фернандо.
Зачем же небо довело меня
До этого? Бог знал заране всё:
Зачем же он не удержал судьбы?..
Он не хотел!

Молчание.

Эмилия!
Теперь, как прежде, всеми ты забыта.

Но я с тобой!..

(Подходит ближе.)

Кровь на груди засохла!..
И предадут ее сырой земле;
Глаза, волшебные уста, к которым
Мой дерзкий взор прикован был так часто,
И грудь, и эти длинные ресницы
Песок засыплет, червь переползет без страха
Недвижное, бесцветное, сырое,
Холодное чело... никто и не помыслит
Об том... и, может быть, над той
Могилой проклянут мое названье,
Где будет гнить всё, что любил я в жизни!..
О! я тебя навеки потерял!
Рай не отдаст божественный твой образ
Душе моей; я навсегда простился
С тобой, когда удар судьбы свершился!
Я сам разрушил... сам отвергнул, сам
Свою надежду уничтожил... О! прощай!
Прощай! прощай! ты спящий ангел!..
Бледна! бледна!.. мертва...

Шум за дверями и голоса, но Фернандо стоит с поникшей головой и ничего не слышит. Входят служители инквизиции с начальником и веревками и прочими приготовлениями.

Начальник

Он здесь! Фернандо наш возлюбленный!
Здесь еретик! Схватите поскорей!

Подходят, берут. Он недвижим, ничего не чувствует.

Свяжите руки!

Фернандо

(как от сна)

Что вам надобно?

Начальник

Ты на костре пылающем увидишь,
Что хочет инквизиция святая!

Фернандо

За что?

Начальник

Мы не привыкли отвечать, за что!
Свяжите.

Фернандо

Я не дамся.

(Вырывается.)

Начальник

Мы увидим!..

Фернандо

Кто хочет жить?

Начальник

Я знаю: ты не хочешь!
Вот для чего пришли мы за тобой!

Фернандо

Не думайте, что я боюся вас.
Я не хочу оставить этот труп!..
Прочь от меня. Своим присутствием
Вы оскверните это место. Посмотрите:
Она святей, чем все святые ваши!
Своею кровию она купила рай,
А ваши кровию других мечтают
Его купить... Прочь! прочь отсюда!

Начальник

Я не люблю пустое толковать,
Схватите же его!

Фернандо

(вынимает кинжал)

Приди на помощь
Вторично, мой кинжал... Кто будет первый?

Они отступают.

Никто!.. да сколько вас?.. ужель один
Так страшен!

Начальник

(своим)

Что нам торопиться, други?..
Он не уйдет от наших рук наверно.
Пускай придет отец Соррини сам:
Он нас прислал... пусть он с ним справится,
А из чего нам жертвовать собой!

Становятся у двери.

Фернандо

Что, если брошусь я на них, как тигр,
И всех в крови к ногам своим повергну?
Но нет! — зачем лишить их бренной жизни,
Зачем лишить того, что им бесценно?
Я здесь один... весь мир против меня!
Весь мир против меня: как я велик!..

Входит доминиканец с бумагой в руках.

Доминиканец

Фернандо!

Фернандо

Что?

Доминиканец

Против тебя донос есть.

Фернандо

Немудрено!

Доминиканец

И суд уж подтвердил,
Чтоб взять тебя.

Фернандо

Где суд в Испании?
Есть сборище разбойников!..

Доминиканец

А ты,
Ты не разбойник?

Фернандо

Нет.

Доминиканец

(показав труп)

А это что?

Фернандо

Я спас ее!.. Она меня любила,
Любила!.. О! знавал ли ты любовь?
Нет, не знавал!.. Как воск бы ты растаял,
Взглянув на эти бледные черты!
Она меня любила!.. как еще любила!..

Доминиканец

Не о любви пришел я говорить:
Ты обвинен, что веришь Лютеру
И всем еретикам,— вот для чего
Пришли мы взять тебя, мой друг.
Ты веришь в Лютера?

Фернандо

Как странно:
Без пытки спрашивает он меня!
Я верю, что есть бог!..

Доминиканец

Что папа
Наместник бога?

Фернандо

Кто его поставил?

Доминиканец

Так ты не веришь?

Фернандо

Разве бог велел
Вам жечь людей?

Все

(кричат)

Он еретик! Он еретик!

Доминиканец

(к другим)

Зачем его вы тотчас не связали?

Начальник

Не сладили.

Доминиканец

Так смел он защищаться?

(К Фернандо.)

Ты должен умереть, мой друг.

Фернандо

Я это знаю!
Я это знал давно... И ты умрешь!..
О! не хвались своей минутной властью!
Вот образ смерти.

(Показывая на Эмилию.)

Если рок Эмилию
Не пощадил, то пощадит ли вас?..

Доминиканец

Ты слышал приговор, итак, сдавайся!..

Соррини входит и крадется дальше от Фернандо.

Фернандо

Соррини, здравствуй! Верно, ты пришел
Последний миг страдальца усладить!
Не бойся! Я тебе не сделаю
Вреда! Я прежнее забыл.
Я совершил свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совести.
Не вечно спят они. Граница есть
Всему... но полно уж об этом!

Соррини

Глупец, ты смеешь угрожать?

Фернандо

Соррини!
Ты победил... но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,
То на костре я буду за тебя
Молиться, в лютой пытке буду имя
Твое благословлять.

Соррини

(с улыбкой)

Скажи мне, что такое!

(Насмешливо.)

Скажи мне... если только можно!..

Фернандо

(вынимает косу Эмилии)

Ты видишь этот черный пук волос!
Пускай они сгорят со мной. Сегодня
Я их отрезал с головы ее!

(Указывая на тело Эмилии.)

Пред смертью не снимайте их с меня,
Они вам не мешают.

Соррини

Нет, нельзя!
Никак нельзя.

Фернандо

Последняя мольба!

(Скрежещет зубами.)

Поверь мне, эти волосы никак
Тебе не помешают слышать крики
Мои, которые железо пытки
Исторгнет!..

Соррини

Нет! никак нельзя!..
Их вид твои страданья облегчит,
Но этого не хочет суд.

Фернандо

Соррини!
Ты хочешь...

Соррини

Я хочу, чтоб ты повиновался!
Служители! еретика схватите
Сейчас и волосы из рук его
Нечистых вырвите. Канатами свяжите
Преступника! Он слышал приговор,
И глупо мешкать...

(В сторону.)

Ты заплотишь мне,
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умеет; впрочем, мы виновны оба,—
А кто взял верх, тому и слава!

В это время все приблизились к Фернандо. Но он отталкивает одного ближайшего, бросается на Соррини и ранит его в руку.

Фернандо

Издохни!

Соррини

(который упал от удара, встает)

Помогите!

Фернандо

(тихо и мрачно)

Жив!

Соррини

Я жив,
Чтоб насладиться муками твоими!

Доминиканец

Перевяжите руку!

(Перевязывает.)

Фернандо

Ныне вижу,
Что не исполнил ты свое предназначенье
И меру всех твоих злодейств. Творец
Свидетель мне: хотел очистить землю я
От зверя этого... железо обмануло...
И он живет... презренный человек!
Он отвратительнее для меня,
Чем все орудья пытки.

(Бросает кинжал на землю.)

Прочь, неверный
Металл! ты мне служил, как люди:
Помог убить невинность, притупился
О грудь злодея,

(топчет)

прочь, изменник!

Видя, что кинжал не в руках его, бросаются все на него, схватывают и связывают руки.

Доминиканец

Теперь он безопасен нам! Схватите,
Свяжите!

Соррини

Как мы мешкаем! — О! сердце
Мое трепещет, хочет увидать
Огонь, где этот еретик погибнет!
Во имя бога! Дети! ну, ступайте!

Начальник

Чтоб он не вырвался! Держите крепче!..

Фернандо

Не бойтесь! Я не стану вырываться.

(Насмешливо.)

Кто отослать хотел на небеса
Такого ангела,

(показывая на Сорриния)

заслуживает тот
Ужаснейшую казнь!..

Моисей

(за дверью)

Впустите! поскорее!

(Вбегает в отчаянье.)

Мой сын! Фернандо! Где он? Где он? Где он?
Фернандо, ты мой сын! Недавно я
Узнал. Раввин мне объявил. Что сделал ты?
Нашел! — И вновь теряю навсегда!
Мой сын! мой сын! о небо!

Фернандо

(вздрогивает)

Я твой сын?

Молчание.

Старик... неправда! Говори: неправда!
Что пользы мне найти отца в подобный час?
Старик... ты обманулся! Я не сын твой,
Никто не требуй больше от меня любви.

Моисей

Нет! я тебя спасу!

(Бросается к ногам Соррини.)

О! господин!..
Я сожаленья не прошу — у христиан,
Я знаю, господин, оно проступок!
Но вся моя казна твоя!

(Обнимает колена.)

Вот здесь червонцы!..

(Вынимает мешок.)

Спаси его! Позволь ему бежать!
Он сын мой!.. За него я всё отдам.

Фернандо

Встань! встань! Не унижай себя пред ним,
Будь горд, как я,— иль ты не мой отец!
Встань! И учися ненавидеть презирая.

Моисей

(на коленях)

Возьми мое богатство, всё! — оно
Перед тобой... я дочь еще имею!..

Фернандо

Старик, молчи! — когда б я не был связан,
Я б рот тебе зажал...

Моисей

Помилуй!..

(Обнимает колена.)

Соррини

Нет!

Моисей

На казнь?..

Соррини

Ну что ж?

Начальник

(одному из служителей)

Иди вперед.

Фернандо

(к Моисею и Эмилии)

Прощайте!

Его уводят.

Соррини

(Моисею)

Ну, что ты?

Моисей

Увели! — нельзя ль помочь!

Соррини

(берет мешок с деньгами)

Попробую! Все средства не исчезли!
В суде имею я довольно власти.
Да ты еврей — ага!.. зачем ты здесь?
О погоди! — я и с тобою справлюсь.

(Уходит, смеясь.)

Моисей

Ушел! И деньги взял, и сына взял,
Оставил с мрачною угрозой!.. О творец!
О бог Ерусалима! Я терпел,
Но я отец! Дочь лишена рассудка,
Сын на краю позорныя могилы,
Имение потеряно... о боже! боже!
Нет Аврааму было легче самому
На Исаака нож поднять... чем мне!..
Рвись, сердце! рвись! прошу тебя — и вы
Долой, густые волосы, чтоб гром
Небес разил открытое чело!

(Рвет волосы.)

Сын! дочь! имение! червонцы!
Всё, всё!..

(ломая руки)

потеряно навек!

Входят два человека с носилками.

О горе! горе мне! о горе! горе!

Жид убегает. Два человека с удивлением глядят.

1-й гробовщик

Везде одно отчаянье да казни;
Конечно, этот человек немало
Имел несчастья.

(Показывая на дверь, куда ушел Моисей.)

2-й гробовщик

Да! как волосы он рвал!

1-й гробовщик

Он жид, однако ж я его жалею!..

2-й гробовщик

Приметил ли, когда нас посылал
Дон Алварец за телом дочери,
Как он едва держался на ногах
И крупная слеза катилась по щеке?

1-й гробовщик

Да, это приключенье занимает
Весь город!

2-й гробовщик

(с помощью другого кладет на носилки тело Эмилии)

Мир душе твоей, девица!..

1-й гробовщик

Ей пышные готовят похороны,
Я слышал.

2-й гробовщик

Вот чего не понимаю!
Не всё ль равно усопшему, в парче
Или в холсте он будет съеден червем?

1-й гробовщик

Так принято.

2-й гробовщик

(обвивая покрывалом тело на носилках, чтобы оно не упало)

Вот брачная постель твоя,
Красавица!

Молчание.

Куда была она прекрасна!..
Хоть я привык к таким работам, а теперь
Мне как-то жалко, как-то тяжело
На сердце.

Подымают носилки с Эмилиею.

1-й гробовщик

Полно тут болтать! За дело!
Пойдем... вот так! Смотри, держать ровнее!

Уносят тело.

Сцена II

Улица в городе близко жилища Алвареца. Народ.

1-й испанец

А! здравствуй! Добрый день! Ты слышал ли
Печальную историю Фернандо?

2-й испанец

Он в город приведен сегодня, взят
В тюрьму; уж суд над ним окончен;
Костер стоит готов — я видел сам.
У нас не любят очень долго мешкать,
Когда какой-нибудь монах обижен,
Сейчас сожгут, хотя не виноват.

3-й испанец

Однако же Фернандо виноват, зачем
Он бедную Эмилию зарезал!
Жестокосердый!.. Нет! пускай горит он.

4-й испанец

Он смерть предпочитал позорной жизни
И думал сделать ей добро, не зло!..

2-й испанец

Народ валит толпой, чтоб посмотреть,
Как умирает человек.

(Показывая на толпу.)

Кто скажет,
Что эти люди сами смертные?

Сара

(за сценой)

О, помогите удержать ее!..

Ноэми входит с растрепанными волосами, а за нею Сара.

До самого до города она
Всё так бежала... Я измучилась!
Ноэми! ах! — она сошла с ума.

Ноэми

Пусти меня! — Мой брат! мой брат! мой брат!
Куда ты?.. Я тебя люблю, люблю так нежно.
Закон — тиран! — Какой уродливый
И гадкий вид! — Дай руку мне! — О нет:
Как? — эти пальцы пахнут смертью!
Отдайте ожерелье мне назад...
Мой брат! мой брат! мой брат!
Я знала, он погибнет, Сара,
Пойдем домой.

Сара берет ее за руку.

Нет! так я не хочу!

(Бросается на колена.)

О люди добрые! скажите мне,
Где брат мой?

2-й испанец

Кто она?

Сара

Ах! сжальтесь!
Вы видите, она сошла с ума,
Никто ее не может удержать...

2-й испанец

Когда бы все жиды с ума сошли,
Как эта девушка, нам было б лучше.

Ноэми

Где брат мой?

4-й испанец

Бедная еврейка!

Ноэми

(встав)

Вы думали, что я бедна,— но мой отец
Стократ богаче вас — и в столько ж лучше.
Вы думали, что долго буду я

Стоять пред вами на коленах,— так ошиблись!
Я буду петь, плясать и веселиться!

(Обтирает глаза.)

Прочь! прочь, вы, слезы! — Вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться.
Прочь слезы — мой отец богат!..

(Стонет.)

Сара

Что говорит она? — Всё бредит!
Мы *бедные* евреи!..

2-й испанец

(глядя на Ноэми)

Как жалка!

Ноэми

Где он?
Пылает небо, люди гибнут,
Земля трепещет... там, в огне, в огне,
Мой брат! мой брат! — Я не пойду к нему?
Пустите!..

Сара

Что ты делаешь?
Великий боже! Образумь ее!

5-й испанец

(вбегает)

Всё кончилось! Я был в суде, Фернандо
Ведут на казнь, его пытали долго,
Вопросы делали — он всё молчал, ни слова
Они не вырвали у гордого Фернандо —
И скоро мы увидим дым и пламя.

2-й испанец

Пойдемте посмотреть на казнь Фернандо!..

Некоторые идут. Народ толпится через улицу.

Ноэми

Чья казнь!

(Упадает на землю.)

Я... слышала, Фернандо.

(Тихо.)

Мой брат! Что ж? смейтесь! Казнь и смерть!
Как это больно!

Группа составляется вокруг нее.

Сара

Помогите ей!
Воды! — Я заклинаю богом, помогите.

(Становится на колени возле.)

Она еще тепла... о демоны, не люди!
Что я могу, бессильная старуха?
О, помогите, помогите ей!

6-й испанец

(сухо)

Жидовка умереть одна не может?
Пускай она издохнет!.. И Фернандо,
Как говорят, был сын жида.

Сара

Он сын
По крайней мере человека — ты же камень!
Проклятье на тебя, кто б ни был ты!

(Склоняясь к Ноэми.)

Ноэми! ты оставить хочешь нас!
Ужасная судьба отца: и дочь и сына
В одну минуту потерять!

Ноэми

(тихо)

Фернандо!..

Молодой человек из толпы подходит ближе.

7-й испанец

Прелестные черты! когда б печаль
И смерть не истощили их
Красы до половины,— что за бледность!

Сара берет ее за руку и вздрогивает.

Сара

Свинцу подобны сделалися губы,[1]

Конец лета — осень 1830

[1] На этом месте текст рукописи обрывается.— *Ред.*

330. МАСКЕРАД

ДРАМА В 4-Х ДЕЙСТВИЯХ, В СТИХАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арбенин, Евгений Александрович.
Нина, жена его.
Князь Звездич.
Баронесса Штраль.
Казарин, Афанасий Павлович.
Шприх, Адам Петрович.
Маска ⟨Неизвестный⟩.
Чиновник.
Игроки.
Гости.
Слуги и служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх.
За столом мечут банк и понтируют... Кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1-й понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастие поправить,
А семпелями плохо...

4-й понтер

Надо гнуть.

3-й понтер

Пусти.

2-й понтер

На всё?.. нет, жжется!

4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер

(тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

Эй, князь,
Гнев только портит кровь,— играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить.

2-й понтер

(насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал,— и вам их не купить.

2-й понтер

(сквозь зубы, уходя)

Скромней бы надо быть
С таким несчастием и в ваши леты.

Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.

Шприх

(подходит с участием)

Не нужно ль денег, князь... я тотчас помогу,
Проценты вздорные... а ждать сто лет могу.

Князь холодно кланяется и отворачивается, Шприх с неудовольствием уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и прочие.

Арбенин входит, кланяется, подходя к столу; потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат,— стал барин.
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят всё?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой по балам?

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. Я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам.
И столько я о вас слыхал того-сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего.
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... Видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек,— а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой, что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. Да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех язы́ках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожнико́м — безбожник,
С святошей — езуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей — да и мать
К тому ж строга,— потом, лет через пять,
Был вызван он опять
И тут дрался́ уж в самом деле.

Арбенин

А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..

Казарин

Трущов...
О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил.
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.

Арбенин

Да вы разборчивы на новые знакомства!

Игроки

(кричат)

Казарин, Афанасий Павлович, сюда!

Казарин

Иду.

(С притворным участием.)

Пример ужасный вероломства!
Ха, ха, ха, ха!

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокоиваются, Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? Ужель не в первый раз?

Князь

(недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком, и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, сча́стливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.

Князь

(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Вижу. Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаянье.

Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук;
Всё презирать: закон людей, закон природы.
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,

Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие.

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин

(вдруг берет его за руку)

Погодите.
Я сяду вместо вас. Вы молоды,— я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б...

(останавливается)

кто-нибудь меня остановил...
То...

(Смотрит на него пристально. Переменив тон.)

Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!

(Подходит к столу; ему дают место.)

Не откажите инвалиду;
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба!

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.

(Тихо.)

Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки,— вы хозяин,
Мы гости.

1-й понтер

(на ухо второму)

Берегись — имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается; все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола. Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх

(лукаво)

Столпились в кучку все,— кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был? А теперь...

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком, а, право, тот же зверь...
Мне скажут: можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг,

(ударив по плечу)

хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Два игрока в живом разговоре подходят.

1-й игрок

Я говорил тебе.

2-й игрок

Что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрил,— нет, всех как на подряд.
Подумать стыдно...

Казарин

(подходит)

Что, господа, иль не под силу? а?

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер

(в сторону)

Обрежется...

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин

(встает)

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги. Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.

(Горько.)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь.
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. Те дни блаженные прошли.
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, чтоб был к нему привязан,
А просто видел пользу в том.

Князь

Я вам не верю.

Арбенин

Кто велит вам верить!
Я к этому привык с давнишних пор.
И если бы не лень, то стал бы лицемерить...
Но кончим этот разговор...

(Помолчав.)

Рассеяться б и вам и мне нехудо.
Ведь нынче праздники и, верно, маскерад
У Энгельгардта...

Князь

Да.

Арбенин

Поедемте?

Князь

Я рад.

Арбенин

(сторону)

В толпе я отдохну.

Князь

Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...

Арбенин

Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,

У маски ни души, ни званья нет — есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

Уходят.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Те же, кроме Арбенина и князя Звездича.

1-й игрок

Забастовал он кстати... с ним беда...

2-й игрок

Хотя б опомниться он дал, по крайней мере.

Слуга

(входит)

Готово ужинать...

Хозяин

Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в потере.

Уходят.

Шприх

(один)

С Арбениным сойтиться я хочу...
И даром ужинать желаю.

(Приставив палец ко лбу.)

Отужинаю здесь... кой-что еще узнаю
И в маскерад за ними полечу.

(Уходит и рассуждает сам с собою.)

Сцена вторая

МАСКЕРАД

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Маски, Арбенин, потом князь Звездич. Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канапе.

Арбенин

(входит)

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!

Князь подходит, зевая.

Вот нынешнее поколенье.
И то ль я был в его лета, как погляжу?
Что, князь?.. не набрели еще на приключенье?

Князь

Как быть, а целый час хожу!

Арбенин

А! вы желаете, чтоб счастье вас ловило.
Затея новая... пустить бы надо в свет.

Князь

Все маски глупые...

Арбенин

Да маски глупой нет:
Молчит... таинственна, заговорит... так мило.
Вы можете придать ее словам
Улыбку, взор, какие вам угодно...
Вот, например, взгляните там —
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе... Венера в маскераде,

И также может быть, что эта же краса
К вам завтра вечером придет на полчаса.
В обоих случаях вы, право, не внакладе.

(Уходит.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Князь и женская маска.
Одно домино подходит и останавливается. Князь стоит в задумчивости.

Князь

Всё так,— рассказывать легко...
Однако же я всё еще зеваю...
Но вот идет одна... дай господи!

Одна маска отделяется и ударив его по плечу.

Маска

Я знаю...
Тебя!

Князь

И, видно, очень коротко́.

Маска

О чем ты размышлял,— и это мне известно.

Князь

А в этом случае ты сча́стливей меня.

(Заглядывает под маску.)

Но если не ошибся я,
То ротик у нее прелестный.

Маска

Я нравлюся тебе — тем хуже.

Князь

Для кого?

Маска

Для одного из нас.

Князь

Не вижу отчего?..
Ты предсказанием меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узнаю, кто ты...

Маска

Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится наш разговор?..

Князь

Поговорим и разойдемся.

Маска

Право?

Князь

Налево ты, а я направо...

Маска

Но ежели я здесь нарочно с целью той —
Чтоб видеться и говорить с тобой;
Но если я скажу, что через час ты будешь
Мне клясться, что вовек меня не позабудешь,
Что будешь рад отдать мне жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без названья,
Чтоб услыхать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья!..

Князь

Ты маска умная, а тратишь много слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таков?

Маска

Ты! — бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
Всё хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
Людей без гордости и сердца презираешь,
А сам игрушка тех людей.
О! знаю я тебя...

Князь

Мне это очень лестно.

Маска

Ты сделал много зла.

Князь

Невольно, может быть.

Маска

Кто знает! Только мне известно,
Что женщине тебя не надобно любить.

Князь

Я не ищу любви.

Маска

Искать ты не умеешь.

Князь

Скорей устал искать.

Маска

Но если пред тобой
Она появится и скажет вдруг: ты мой!
Ужель бесчувственным остаться ты посмеешь?

Князь

Но кто ж она?.. Конечно, идеал.

Маска

Нет, женщина... а дальше что за дело.

Князь

Но покажи ее, пусть явится мне смело.

Маска

Ты хочешь многого — обдумай, что сказал!

Некоторое молчание.

Она не требует ни вздохов, ни признанья,
Ни слез, ни просьб, ни пламенных речей...

. . . .

Но клятву дай оставить все старанья
Разведать — кто она... и обо всем
Молчать...

Князь

Клянусь землей и небесами
И честию моей.

Маска

Смотри ж, теперь пойдем!
И помни, шуток нет меж нами...

Уходят под руки.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и две маски.
Арбенин тащит за руку мужскую маску.

Арбенин

Вы мне вещей наговорили
Таких, суда́рь, которых честь
Не позволяет перенесть...
Вы знаете ль, кто я?..

Маска

Я знаю, кто вы были.

Арбенин

Снимите маску — и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.

Маска

К чему! Мое лицо вам так же неизвестно,
Как маска,— и я сам вас вижу в первый раз.

Арбенин

Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус — подите прочь.

Маска

Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.

(Исчезает в толпе.)

Арбенин

Постой... пропал... Кто ж он? Вот дал мне бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,
А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! прощай, приятель, добрый путь...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Шприх и Арбенин.

Шприх является. На канапе сидят две женские маски, кто-то подходит и интригует, берет за руку... одна вырывается и уходит, браслет спадает с руки.

Шприх

Кого вы так безжалостно тащили,
Евгений Александрыч?..

Арбенин

Так, шутил
С приятелем.

Шприх

Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и вас бранил.

Арбенин

Кому?

Шприх

Какой-то маске.

Арбенин

Слух завидный
У вас.

Шприх

Я слышу всё и обо всем молчу
И не в свои дела не сýюсь...

Арбенин

Это видно.
Так, стало быть, не знаете... Ну как не стыдно!
Об том...

Шприх

Об чем это-с?

Арбенин

Да нет, я так, шучу...

Шприх

Скажите!..

Арбенин

Говорят, у вас жена красотка...

Шприх

Ну-с, что ж?

Арбенин

(переменив тон)

А ездит к вам тот смуглый и в усах?

(Насвистывает песню и уходит.)

Шприх

(один)

Чтоб у тебя засохла глотка...
Смеешься надо мной... так будешь сам в рогах.

(Теряется в толпе.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

1-я маска, одна.

1-я маска входит быстро в волнении и падает на канапе.

1-я маска

Ах!.. я едва дышу... он всё бежал за мною,
Что, если бы он со́рвал маску... нет,
Он не узнал меня... да и какой судьбою
Подозревать, что женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви — но только сожаленья,
И дерзко скажет — я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает...
Пускай... я не хочу... но он желает
На память у меня какой-нибудь предмет,
Кольцо... что делать... риск ужасный!

(Видит на земле браслет и поднимает.)

Вот счастье. Боже мой — потерянный браслет,
С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно...
Пусть ищет с ним меня.

ВЫХОД ШЕСТОЙ

1-я маска и князь Звездич.
Князь с лорнетом торопливо продирается.

Князь

Так точно... вот она.
Меж тысячи других теперь ее узна́ю.

(Садится на канапе и берет ее за руку.)

О! ты не убежишь.

Маска

Я вас не убегаю.
Чего хотите вы?

Князь

Вас видеть.

Маска

Мысль смешна!
Я перед вами...

Князь

Это шутка злая!
Но цель твоя шутить, а цель моя другая...
И если мне небесные черты
Сейчас же не откроешь ты —
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска

Поймите же мужчину!..
Вы не довольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! Вам хочется всего.
Вам надо честь мою на поруганье,
Чтоб, встретившись со мной на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Примолвить: вот она... и пальцем указать.

Князь

Я вспомню голос твой.

Маска

Пожалуй,— вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом таким;
Вас пристыдят — лишь адресуйтесь к ним,
И это было бы нехудо!

Князь

Но счастие мое неполно.

Маска

А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... Какую мину
Вы сделали бы мне.

Князь

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоих лишь половину,
Как остальных не отгадать?

Маска

(хочет идти)

Прощай навеки!..

Князь

О! еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?

Маска

(отойдя два шага)

Вы правы, жаль мне вас — возьмите мой браслет.

(Бросает браслет на пол; пока он его поднимает, она скрывается в толпе.)

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь, потом Арбенин.

Князь

(он ищет ее глазами напрасно)

Я в дураках... есть от чего рассудка
Лишиться...

(Увидев Арбенина.)

А!

Арбенин

(идет задумчив)

Кто этот злой пророк...
Он должен знать меня... и вряд ли это шутка.

Князь

(подходя)

Мне в пользу послужил ваш давешний урок.

Арбенин

Душевно радуюсь.

Князь

Но счастье налетело
Само собой.

Арбенин

Да, счастье — вечно так.

Князь

Лишь только я схватил и думал: кончил дело,
Как вдруг...

(Дует на ладонь.)

Теперь себя могу уверить смело,
Что если всё не сон, так я большой дурак.

Арбенин

Не знаю ничего и потому не спорю.

Князь

Да вы всё шутите, помочь нельзя ли горю?
Я всё вам расскажу.

(Несколько слов на ухо.)

Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась — и вот

(показывает браслет)

как будто сон.
Конец прежалобный.

Арбенин

(улыбаясь)

А начали нехудо!..
Но покажите-ка... браслет довольно мил,
И где-то я видал такой же... погодите.
Да нет, не может быть... забыл.

Князь

Где отыскать ее?..

Арбенин

Любую подцепите,
Здесь много их — искать недалеко!

Князь

Но если не она?

Арбенин

А может быть легко,
Но что же за беда?.. Вообразите...

Князь

Нет, я ее сыщу на дне морском, браслет
Поможет мне.

Арбенин

Ну, сделаем два тура,—
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.

Сцена третья

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Евгений Арбенин входит; слуга.

Арбенин

Ну, вот и вечер кончен — как я рад.
Пора хотя на миг забыться,
Весь этот пестрый сброд — весь этот маскерад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..
Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты...
И за других мечтал, как делают поэты...
Ей-богу, мне такая роль
Уж не под леты!

(Слуге.)

Что, барыня приехала домой?

Слуга

Нет-с.

Арбенин

А когда же будет?

Слуга

Обещалась
В двенадцатом часу.

Арбенин

Теперь уж час второй,—
Не ночевать же там она осталась!

Слуга

Не знаю-с.

Арбенин

Будто бы? Иди — свечу
Поставь на стол, как будет нужно, я вскричу.

Слуга уходит; он садится в кресла.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин

(один)

Бог справедлив! И я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил;
Любим был часто пламенно и страстно
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И тяжко стало мне, и скучно жить!

И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену, покорное созданье,
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся:
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю,
И, стыдно молвить... ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе.
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
Вернусь ли к пристани я вновь?

(Задумывается.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и Нина.

Нина входит на цыпочках и целует в лоб сзади.

Арбенин

Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.

Нина

Неужели так поздно?

Арбенин

Я жду тебя уж целый час.

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь... глупец?..
Он ждет себе... а я...

Нина

Ах, мой творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.

Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся — ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как другу... Но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!

Арбенин

(улыбаясь)

Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно...

Нина

Конечно.

Арбенин

Ты сердишься?

Нина

Нет, я благодарю.

Арбенин

Ты опечалилась.

Нина

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенин

Нина?

Нина

Что вы?

Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть,—
Не мне и не тебе судить.

(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И ре́звясь, как дитя.
Но я люблю иначе: я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.

В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм.
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит по волосам.

Нина

Ты странный человек... Когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда,
Но часто...

Арбенин

Часто?

Нина

Нет, но иногда!

Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно.
И помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.

Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!

Арбенин

О нет... я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далёко,
Далёко от толпы завистливой и злой
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! Забвенье
Тяжелой, черной старине!
Я вижу, что творец тебя в вознагражденье
С своих небес послал ко мне.

(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... О боже!

Арбенин

(вскакивает)

Я? ничего! Где твой другой браслет?

Нина

Потерян.

Арбенин

А! потерян.

Нина

Что же?
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенин

(про себя)

Потерян... Отчего я этим так смущен,
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Нина

Тебя понять я, право, не могу.

Арбенин

(пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

Браслет потерян?

Нина

(обидясь)

Нет, я лгу!

Арбенин

(про себя)

Но сходство, сходство!

Нина

Верно, уронила
В карете я его,— велите обыскать.
Конечно б, я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и слуга.

Арбенин

(звонит)

Слуга входит.

(Слуге.)

Карету обыщи ты вдоль и поперек —
Потерян там браслет... Избави бог
Тебе вернуться без него!

(Ей.)

О чести,
О счастии моем тут речь идет.

Слуга уходит.

(После паузы, ей.)

Но если он и там браслета не найдет?

Нина

Так, стало быть, в другом он месте.

Арбенин

В другом? и где — ты знаешь?

Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы.
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу такой же точно, новый.

Слуга входит.

Арбенин

Ну что?.. Скорее отвечай...

Слуга

Я перешарил всю карету-с.

Арбенин

И не нашел там!

Слуга

Нету-с.

Арбенин

Я это знал... ступай.

(Значительный взгляд на нее.)

Слуга

Конечно, в маскераде он потерян.

Арбенин

А!.. в маскераде!.. так вы были там?

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме слуги.

Арбенин

(слуге)

Иди.

(Ей.)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей...
С кем были вы?

Нина

Спросите у людей,
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят:
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила.

И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад.

(Смеется.)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!

Нина

О, если ваши продолжа́тся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Кто знает, может быть...
Послушай, Нина!.. я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? У других на свете
Надежд и целей миллион:
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов — иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим.
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты,
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек — пока они мои,
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!

Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава,
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... Но плоха забава
С ее потоком встретиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам, без слез и сожаленья,
Две наши жизни разорву!

(Хочет взять ее за руку.)

Она отскакивает в сторону.

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

Неужели?..
Я страшен? Нет, ты шутишь, я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать? Скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскерада?
Пускай потешится, придет.
Вы дали мне вкусить почти все муки ада —
И этой лишь недостает.

Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет.
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

Арбенин

Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я,
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. Но ты, мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю всё.

(Ей.)

Прочь от меня, гиена!

И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... упавши на колена?
Да, я б смягчился, если б увидал
Одну слезу... одну... Нет! смех был мне ответом.

Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам; я не виновна в этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И, чтоб утешить вас, конечно не солгу.

Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно...

Нина

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажет бог,— послушай...

Арбенин

Наизусть
Я знаю всё, что скажешь ты.

Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю.
О боже, но чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь.

Нина

Не мне ль... Что ж медлишь ты?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

(с презреньем)

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умею
Просить, и ты неумолим... но я и тут
Тебе прощаю.

Арбенин

Лишний труд!

Нина

Однако есть и бог... он не простит.

Арбенин

Жалею!

Она в слезах уходит.

(Один.)

Вот женщина!.. О, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познанье мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..

И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и вид и голос грозный!..

(Подходит к двери жены и слушает.)

Что делает она? Смеется, может быть!..
Нет, плачет.

(Уходя.)

Жаль, что поздно!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.

Баронесса

Подумаешь: зачем живем мы? Для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый нрав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!
Что ныне женщина? Создание без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!
Имея свет судьей и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете.
Что женщина? Ее от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,
Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит,
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свет тут... он тайны знать не хочет! Он по виду,

По платью встретит честность и порок,
Но не снесет приличиям обиду
И в наказаниях жесток!..

(Хочет читать.)

Нет, не могу читать... меня смутило
Всё это размышленье, я боюсь
Его как недруга... и, вспомнив то, что было,
Сама себе еще дивлюсь.

Входит Нина.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Нина

Катаюсь я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour [1].

Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours.[2]

(Садятся.)

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза — конечно, не от слез?

Нина

Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Баронесса

Твой доктор нехорош — возьми другого.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Входит князь Звездич.

Баронесса

(холодно)

Ах, князь!

---

[1] Моя любовь (фр.).— *Ред.*
[2] Мысль превосходная, как и всегда у вас (фр.).— *Ред.*

Князь

Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник расстроен.

Баронесса

Прошу садиться, князь.

Князь

Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы,— но вид ваш так спокоен.

Баронесса

Мне, право, жаль.

Князь

А я так очень рад,
Пикни́ков двадцать я отдам за маскерад.

Нина

Вчера вы были в маскераде?

Князь

Был.

Баронесса

А в каком наряде?

Нина

Там было много...

Князь

Да, и там
Под маской я узнал иных из наших дам.
Конечно, вы охотницы рядиться.

(Смеется.)

Баронесса

(горячо)

Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,

Где всякий ветреник обидит, осмеет,
Рискнуть быть узнанной,— вам надобно стыдиться,
Отречься от подобных слов.

Князь

Отречься не могу, стыдиться же — готов.

Входит чиновник.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и чиновник.

Баронесса

Откуда вы?

Чиновник

Сейчас лишь из правленья,
О деле вашем я пришел поговорить.

Баронесса

Его решили?

Чиновник

Нет, но скоро!.. Может быть,
Я помешал...

Баронесса

Ничуть.

(Отходит к окну и говорит.)

Князь
(в сторону)

Вот время объясненья!

(Нине.)

Я в магазине нынче видел вас.

Нина

В каком же?

Князь

В а́нглинском.

Нина

Давно ль?

Князь

Сейчас.

Нина

Мне удивительно, что вас я не узнала.

Князь

Вы были заняты...

Нина

(скоро)

Браслет я прибирала

(вынимает из ридикюля)

Вот к этому.

Князь

Премиленький браслет.
Но где ж другой?

Нина

Потерян!

Князь

В самом деле?..

Нина

Что ж странного?

Князь

И не секрет,
Когда?

Нина

Третьего дни, вчера, на той неделе.
Зачем вам знать, когда?

Князь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.

(В сторону.)

Смущается она — вопрос ее тревожит!
Ох, эти скромницы!

(Ей.)

Я предложить хотел
Свои услуги вам... Он может отыскаться.

Нина

Пожалуйста... но где?

Князь

А где ж потерян он?

Нина

Не помню.

Князь

Как-нибудь на бале?

Нина

Может статься.

Князь

Или кому-нибудь на память подарен?

Нина

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

Князь

Будто в свете только муж —
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Ну пусть потерян он,— а тот,
Который вам его найдет,—
Получит ли от вас какое награжденье?

Нина

(улыбаясь)

Смотря.

Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал — и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! но поймите же.

Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

Князь

О боже! Я мечтал... Ужель вы рассердились?

(Про себя.)

Ты отвертелася! Добро... но будет час,
И я своей достигну цели.

Нина отходит к баронессе. Чиновник раскланивается и уходит.

Нина

Adieu, ma chère,[1] — до завтра, мне пора.

Баронесса

Да подожди, mon ange,[2] с тобой мы не успели
Сказать двух слов.

Целуются.

---

[1] Прощай, дорогая (фр.).— *Ред.*
[2] Мой ангел (фр.).— *Ред.*

Нина

(уходя)

Я завтра жду тебя с утра.

(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Нины и чиновника.

Князь

(в сторону)

Я отомщу тебе! Вот скромница нашлась,
Пожалуй, я дурак,— пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

Баронесса

Задумалися, князь?

Князь

Да, многое раздумать мне придется.

Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен,— о чем был спор?

Князь

Я утверждал, что встретил в маскераде.

Баронесса

Кого?

Князь

Ее.

Баронесса

Как, Нину?

Князь

Да!..
Я доказал ей.

Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

Князь

Из странности решаюсь иногда.

Баронесса

Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.

Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет.
И у нее такой же точно.

Баронесса

Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

Князь

Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.

После молчания.

Баронесса

Я завтра ж дам совет полезный Нине:
Не доверяться болтунам.

Князь

А мне совет какой?

Баронесса

А вам?
Смелее продолжать с успехом начатóе
И дорожить побольше честью дам.

Князь

За два совета вам я благодарен вдвое.

(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Баронесса

Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему, со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь, не мне вас выводить
Из заблуждения: о нет, избави боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет,— так! Нина там была —
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Мне будто слышится и смех толпы пустой,
И шепот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой,
От этого стыда,— хотя б ценой мучений
Пришлося выкупить проступок новый мой!..

(Задумывается.)

Какая цепь ужасных предприятий.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Баронесса и Шприх.

Шприх входит, раскланивается.

Баронесса

Ах, Шприх, ты вечно кстати.

Шприх

Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен,—
Покойный ваш супруг...

Баронесса

Всегда ль ты так любезен!

Шприх

Блаженной памяти барон...

Баронесса

Тому назад
Лет пять, я помню.

Шприх

Занял тысяч...

Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.

Баронесса

Скажи, что нового?

Шприх

У графа одного
Наслушался — сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Баронесса

А *ничего*
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Шприх

(в недоумении)

Нет... слышал... как же... нет —
Об этом говорил и замолчал уж свет...

(В сторону.)

А что, бишь, я не помню, вот ужасно!..

Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Баронесса

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценя́т
Настойчивость в мужчине,
Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболе!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра — а то б осталась с вами доле.

(Уходя. В сторону.)

Теперь я спасена — полезный мне урок.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Шприх

(один)

Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига... да, вмешаюсь в эту связь —
Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапо́ртом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

Сцена вторая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

КАБИНЕТ АРБЕНИНА.

Арбенин один, потом слуга.

Арбенин

Всё ясно ревности — а доказательств нет!
Боюсь ошибки — а терпеть нет силы —
Оставить так, забыть минутный бред?
Такая жизнь страшней могилы!

Есть люди, я видал,— с душой остылой,
Они блаженствуют и мирно спят в грозу —
То жизнь завидная!

Слуга

(входит)

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

Арбенин

Да от какой?

Слуга

Не разобрал-с.

Арбенин

Записка? К Нине!..

(Идет; слуга остается.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Афанасий Павлович Казарин и слуга.

Слуга

Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

Казарин

Хорошо.

Слуга

Я тотчас доложу-с.

(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, кстати

Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.
А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им как угодно,
Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А всё ведь отчего? — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Казарин и Шприх.

Входит Шприх.

Шприх

Ах! Афанасий Павлович,— вот чудо.
Ах, как я рад, не думал встретить вас.

Казарин

Я также. Ты с визитом?

Шприх

Да-с,
А вы?

Казарин

Я также!

Шприх

Право? А не худо,
Что мы сошлись,— о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Казарин

Бывало, ты всё занят был делами,
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot [1] вам нипочем,
А право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю... говори!

Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...

(Делает пальцами изображение рогов.)

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...

Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут,
Кому же знать?

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним

---

[1] Острота (фр.).— *Ред.*

Князьком — ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом всё поспело:
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тот же час доставил.

Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...

Казарин

И даже не был бит?

Шприх

У вас всё шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

Казарин

И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Шприх

Но это в сторону — ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

Казарин

Что ж это?

Шприх

Анекдот!
А дело вот в чем.

Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Шприх

Нет никого — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.

Шприх

Ваш брат — охотник, вот купить бы славно!

Казарин

Итак, Арбенин — как дурак...

Шприх

Послушайте.

Казарин

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.

Шприх

Ваш брат
Находке этой был бы рад.

Казарин

В женитьбе верность, счастие — всё враки!
Эй, не женися, Шприх.

Шприх

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот клад.

Казарин

Жена?

Шприх

Собака.

Казарин

Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю, как жену,— что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.

Задумчив и с письмом; узнать бы интересно.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

Арбенин

(не замечая их)

О благодарность!.. И давно ли я
Спас честь его и будущность, не зная
Почти, кто он таков,— и что же — о! змея!
Неслыханная низость!.. он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья.
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность!.. Много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.

(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно.
«Вы правы... чтó страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите — и это будет тайной!
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Шприх

Письмо! так, так, оно — пропало, всё как раз.

Арбенин

Ого! искусный соблазнитель — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.

(Казарину.)

А, ты был здесь?

Казарин

Я жду уж целый час.

Шприх

(в сторону)

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается как хочет.

(Приближается к двери.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Шприха. Шприх уходит незамечен.

Казарин

Мы с Шприхом... Где же Шприх?
Пропал.

(В сторону.)

Письмо! так вот что, понимаю!

(Ему.)

Ты в размышленье...

Арбенин

Да, я размышляю.

Казарин

О бренности надежд и благ земных?

Арбенин

Почти! о благодарности.

Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет,
Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.

Арбенин

Твое же мнение?

Казарин

Я думаю, мой друг,
Что благодарность — вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем иль сплю,
Всё думаю об нем.

Арбенин

Ты шутишь всё, Казарин.

Казарин

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно,
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт,
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример,
Для поясненья этих правил,
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию,— я в картах суевер!
Положим, что случайно, без обману
Он выиграл — я очень рад;

Но всё никак туза благодарить не стану,
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там итоги свел
И карту смятую — под стол!
Теперь... но ты не слушаешь, мой милый?

Арбенин

(в размышлении)

Повсюду зло — везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!

Казарин

(в сторону)

Задумался.

(Ему.)

Теперь мы перейдем
К другому казусу и дело разберем,
Но постепенно, чтоб не сбиться.
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат».
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты.
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

Арбенин

Ты славный моралист!

(В сторону.)

Так это всем известно...
А, князь... За ваш урок я заплачу вам честно.

Казарин

(не обращая внимания)

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть;
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал всё из страсти
И самолюбия, отчасти,—
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты всё,
А не для счастия ее.
Да,— пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

Арбенин

(расстроенно)

Да, да, ты прав: что́ женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смешон ей вид и голос твой плачевный.
Ты прав — глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!

Арбенин

А что же?

Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову — не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино — Рауля честь —
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть.
Потом в театр — душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе,
На картах золото насыпано горой:
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма,
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим
с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.

Арбенин отворачивается.

Арбенин

О! кто мне возвратит... вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные дни!
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства
И перед их лицом ни разу не дрожал?

Прочь, добродетель: я тебя не знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне разрываю —
Прощай — прощай!..

(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната у князя. Дверь в другую растворена. Он в другой спит на диване.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Иван, потом Арбенин.

Слуга смотрит на часы.

Иван

Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее.
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.

Арбенин входит.

Арбенин

Князь дома?

Слуга

Дома нет-с.

Арбенин

Неправда.

Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.

Арбенин

(прислушивается)

Лжешь! он тут

(показывает на кабинет)

И, верно, сладко спит,— прислушайся, как дышит.

(В сторону.)

Но скоро перестанет.

Слуга

(в сторону)

Он всё слышит...

(Ему.)

Себя будить мне князь не приказал.

Арбенин

Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать.

(Слуге.)

Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется!..

Слуга уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин

(один)

Удобный миг настал!.. Теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда.
Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, пред них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!
О нет, я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.

(Растворяет дверь.)

Он спит!.. Чтó видит он во сне в последний раз?

(Страшно улыбаясь.)

Я думаю, что он умрет ударом —
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!

(Входит в комнату. Минуты две, и выходит бледен.)

Не могу.

Молчание.

Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе, я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус... кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно;
О! жалко... право, жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещенья!
Любить... ты не умел... а мщенья
Хотел... пришел и — и не мог!

Молчание.

(Садится.)

Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь...
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде:
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе;
Язык и золото... вот наш кинжал и яд!

(Берет чернил и записку пишет; берет шляпу.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и баронесса.

Идет к двери, сталкивается с дамой в вуале.

Дама в вуале

Ах!.. всё погибло...

Арбенин

Это что?

Дама

(вырываясь)

Пустите.

Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.

(Ей, строго.)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье!.. Отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Дама

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.

Арбенин

Смущенье странно.. вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!
Всё знаю я... но убедиться
Хочу...

Дама

Всё знаете!..

Он откидывает вуаль и отступает в удивлении, потом приходит в себя.

Арбенин

Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Баронесса

О! что я сделала? Теперь всему конец.

Арбенин

Отчаянье теперь некстати —
Невесело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий,
С холодной встретиться рукой...
И то минутный страх... а нет беды большой:
Я скромен, рад молчать — благодарите бога,
Что это я, а не другой...
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса

Ах! он проснулся, говорит.

Арбенин

В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?
А... вы... вы здесь одни... вы, женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами...
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один, за слово?
Зачем... о, я глупец!
(В бешенстве.)
Зачем, зачем?

Баронесса

(решительно)

Я поняла, об чем вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

Арбенин

Как! — кто ж вам рассказал!..

(Опомнившись.)

А что вы знаете?..

Баронесса

О, я вас умоляю,
Простите мне...

Арбенин

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Баронесса

Ослеплена была я страстью;
Во всем виновна я, но слушайте...

Арбенин

К чему?
Мне, право, всё равно... я враг морали строгой.

Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арбенин

А! уж это слишком много!..
Письмо!.. какое?.. а! так это вы тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что́ вас понудило?.. Сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да,— признаюсь!.. вы клад в гостиных,
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..

Баронесса

О! боже мой...

Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?

Баронесса

(упадает в кресла)

Но вы бесчеловечны.

Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!

(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лишусь ума... постойте! Он идет,
Не слушает... О, я умру...

Арбенин

Что ж! продолжайте.
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде... на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся... то беда!
Я б вас убил... но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой.
Вы видите, я добр... взамен терзаний ада,
Вам оставляю рай земной.

(Уходит.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Баронесса, одна.

Баронесса

(вслед ему)

Послушайте — клянусь... то был обман... Она
Невинна... и браслет!.. Всё я... всё я одна...
Ушел, не слышит, что мне делать! Всюду
Отчаянье... нет нýжды... я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало,— буду
Просить и унижаться, обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал... идет... решуся, о мученье!..

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Баронесса и князь.

Князь

(в другой комнате)

Иван! кто там... я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!

(Входит.)

Ба, это что за посещенье!
Красавица! я очень рад.

(Узнает и отскакивает.)

Ах, баронесса! нет... невероятно.

Баронесса

Что отскочили вы назад?

(Слабым голосом.)

Вы удивляетесь?

Князь

(смущенно)

Конечно, мне приятно...
Но счастия такого я не ждал.

Баронесса

И было б странно, если б ожидали.

Князь

О чем я думал? О, когда б я знал...

Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

Князь

Свою вину загладить я готов,
С покорностью приму какое наказанье
Хотите... я был слеп и нем, мое незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я слов...

(Берет ее за руку.)

Но ваши руки... лед! В лице у вас страданье!
Ужель сомнительны для вас слова мои?

Баронесса

Вы ошибаетесь!.. Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам,
Забыть и стыд и страх, всё свойственное нам.
Нет, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная,
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла!
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.

Князь

Что это значит?

Баронесса

Не мешайте мне!
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я вас должна спасти... зачем? за что?

Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!... сегодня я узнала,
Как? это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно, ложно!
Не верьте — ради неба... эта мысль одна...
Нас всех погубит — всех! *Она*
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он —
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К злодейству... вы так молоды.

Князь

Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил,— и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он — и в этом нет беды:
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.

Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,
Но если вас убьют — убьют!..— о боже!
И я всему виной.

Князь

Вы?

Баронесса

Пощадите.

Князь

(подумав)

Я обязан драться;
Я виноват пред ним — его я тронул честь,

Хотя не знал того; но оправдаться
Нет средства.

Баронесса

Средство есть.

Князь

Солгать? Не это ли? Другое мне найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Баронесса

Минуту!.. не ходите
И слушайте меня.

(Берет его за руку.)

Вы все обмануты!.. Та маска

(облокачивается на стол, упадая)

это я!..

Князь

Как вы? О провиденье!

Молчание.

Но Шприх!.. Он говорил... он виноват во всем.

Баронесса

(опомнясь и отходя)

Минутное то было заблужденье,
Безумство странное — теперь я каюсь в нем!
Оно прошло — забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет,— он был найдён случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.
Вас он простит... меня простить не в вашей воле!
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.

(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.

(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Князь, один.

Князь

(после долгого размышления)

Я, право, думать что́ не знаю
И только мог понять из этого всего,
Что случай сча́стливый, как школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.

(Подходит к столу.)

Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... прочитаю!

«Любезный князь!.. приезжай сегодня к N. вечером; там будет много... и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы дремал целый вечер — прощай. Жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль?

Сцена четвертая

КОМНАТА У N.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Казарин, хозяин и Арбенин, садятся играть.

Казарин

Так в самом деле, ты причуды все оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои направил!..
Мысль превосходная... ты должен быть поэт
И, сверх того, по всем приметам, гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.

Арбенин

Я ваш! Былого нет и тени.

Казарин

Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне,
Приличия для них ужаснее цепей...
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?

Хозяин

А князя надо пощипать слегка.

Казарин

Да... да.

(В сторону.)

Забавна будет стычка.

Хозяин

Посмотрим. Транспорт!..

Слышен шум.

Арбенин

Это он.

Казарин

Рука
Твоя дрожит?..

Арбенин

О, ничего! — отвычка!

Князь входит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Прежние и князь.

Хозяин

Ах, князь! Я очень рад — прошу-ка без чинов,
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.

Князь

О! я смотреть готов.

Арбенин

А всё играть с тех пор еще боитесь?

Князь

Нет, с вами, право, не боюсь.

(В сторону.)

По светским правилам, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы там,— а здесь пусть проиграю!..

(Садится.)

Арбенин

Я нынче был у вас.

Князь

Записку я читал
И, видите, послушен.

Арбенин

На пороге
Мне кто-то встретился в смущенье и тревоге.

Князь

И вы узнали?

Арбенин

(смеясь)

Кажется, узнал!
Князь, обольститель вы опасный,
Всё понял я, всё отгадал...

Князь

(в сторону)

Он ничего не понял — это ясно.

(Отходит и кладет саблю.)

Арбенин

Я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.

Князь

(рассеянно)

Почему же?

Арбенин

Так — добродетелью, которой ищут в муже
Любовники, не обладаю я.

(В сторону.)

Он не смущается ничем... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью.
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей — поставил бы свою.

Играют. Арбенин мечет.

Казарин

Я ставлю пятьдесят рублей.

Князь

Я тоже.

Арбенин

Я расскажу вам анекдот.
Который слышал я, как был моложе;
Он нынче у меня из головы нейдет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек,— твоя взяла, Казарин,—
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвенье сладком,—
Внимательны вы что-то слишком, князь,
И проиграетесь порядком,—
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем,
И, к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель... важную услугу
Ему он оказал когда-то — и притом
Нашел, казалось, честь и совесть в нем.
И что ж? Мне неизвестно,
Какой судьбой,— но муж узнал,
Что благодарный друг, должник уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.

Князь

Что ж сделал муж?

Арбенин

(будто не слыхал вопроса)

Князь, вы игру забыли.
Вы гнете не глядя́.

(Взглянув на него пристально.)

А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. Придрался к пустякам
И дал пощечину... Вы как бы поступили,
Князь?

Князь

Я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?

Арбенин

Нет.

Казарин

Рубились?

Арбенин

Нет, нет.

Казарин

Так помирились?

Арбенин

(горько улыбаясь)

О нет.

Князь

Так что же сделал он?

Арбенин

Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной оставил.

Князь

(смеется)

Да это вовсе против правил.

Арбенин

В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и месть?

Играют. Молчание.

Взяла... взяла.

(Вставая.)

Постойте, карту эту
Вы подменили.

Князь

Я! послушайте...

Арбенин

Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы
(задыхаясь)
шулер и подлец.

Князь

Я? я?

Арбенин

Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

(Бросает ему карты в лицо.)

Князь так поражен, что не знает, что делать.

(Понизив голос.)

Теперь мы квиты.

Казарин

Что с тобой?

(Хозяину.)

Он помешался в самом лучшем месте.
Тот горячился уж, спустил бы тысяч двести.

Князь

(опомнясь, вскакивает)

Сейчас, за мной, за мной —
Кровь! Ваша кровь лишь смоет оскорбленье!

Арбенин

Стреляться? С вами? Мне? Вы в заблужденье.

Князь

Вы трус.

(Хочет броситься на него.)

Арбенин

(грозно)

Пускай! но подступать
Вам не советую — ни даже здесь остаться!
Я трус — да вам не испугать
И труса.

Князь

О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш каков,
Что вы — не я подлец...

Арбенин

На это я готов.

Князь

(подходя ближе)

Я расскажу, что с вашею женою —
О, берегитесь!.. Вспомните браслет...

Арбенин

За это вы наказаны уж мною...

Князь

О, бешенство... да где я? Целый свет
Против меня,— я вас убью!..

Арбенин

И в этом
Вы властны,— даже я вас подарю советом
Скорей меня убить... а то, пожалуй, в вас
Остынет храбрость через час.

Князь

О, где ты, честь моя!.. Отдайте это слово,
Отдайте мне его — и я у ваших ног,
Да в вас нет ничего святого.
Вы человек иль демон?

Арбенин

Я? — игрок!

Князь

(упадая и закрывая лицо)

Честь, честь моя!..

Арбенин

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добром и злом,
И от тебя весь свет с презреньем отвратится.
Отныне ты пойдешь отверженца путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тягость
Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекрасного погаснут и умрут,
И счастья не отдаст тебе ничье искусство!
Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви, и, краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь проходить,—
И будет больше стыд тебя томить,
Чем преступление — злодея!
Теперь прощай...

(уходя)

желаю долго жить.

(Уходит.)

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

БАЛ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка

Я баронессу жду, не знаю,
Приедет ли,— мне, право, было б жаль
За вас.

1-й гость

Я вас не понимаю.

2-й гость

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..

Многие

Куда? зачем? давно ли?

2-й гость

В деревню, нынче утром.

Дама

Боже мой!..
Каким же случаем? Ужель из доброй воли?

2-й гость

Фантазия! — романы!.. хоть рукой
Махни!

Расходятся, другая группа мужчин.

3-й гость

Вы знаете, князь Звездич проигрался.

4-й гость

Напротив, выиграл — да, видно, не путем,
И получил пощечину.

5-й гость

Стрелялся?

4-й гость

Нет, не хотел.

3-й гость

Каким же подлецом
Он показал себя!..

5-й гость

Отныне незнаком
Я больше с ним.

6-й гость

И я! — какой поступок скверный.

4-й гость

Он будет здесь?

3-й гость

Нет, не решится, верно.

4-й гость

Вот он.

Князь подходит, ему едва кланяются.
Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя. Потом и они отходят.
Нина садится на диване.

Князь

Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.

(Ей.)

Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.

Нина

Должна?

Князь

Для вашего же счастья.

Нина

Какое странное участье.

Князь

Да, странно, потому, что вы виной
Моей погибели... но мне вас жаль: я вижу,
Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; не унижу
Себя ничтожной местью никогда,—
Но слушайте и будьте осторожны:
Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вам грозит беда,
Прощайте же навек, злодей не обнаружен,
И наказать его теперь я не могу,—
Но день придет — я подожду...
Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.

Арбенин смотрит на них издали.

Нина

Князь, вы сошли с ума — на вас
Теперь сердиться было б стыдно.

Князь

Прощайте навсегда — прошу в последний раз...

Нина

Куда ж вы едете, далёко очень, видно?
Конечно, не в луну?

Князь

(уходя)

Нет, ближе: на Кавказ.

Хозяйка

(иным)

Почти все съехались, и здесь нам будет тесно,
Прошу вас в залу, господа!
Mesdames,[1] пожалуйте туда.

Уходят.

[1] Сударыни (фр.) — *Ред.*

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин

(один, про себя)

Я сомневался? я? А это всем известно:
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... Я жалок им, смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?..
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут...
Нет, людям я ее не уступлю...
И нас судить они не станут...
Я сам свершу свой страшный суд...
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут.

(Показывает на сердце.)

Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... Жить розно?

(Как бы испу⟨гавшись⟩ себя.)

Решено:
Она умрет — я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем, и любить
Другого... это ясно!.. Как же можно жить
Ей после этого!.. Ты, бог незримый,
Но бог всевидящий,— возьми ее, возьми;
Как свой залог тебе ее вручаю —
Прости ее, благослови,
Но я не бог — и не прощаю!..

Слышны звуки музыки.

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата:
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл,—
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.

Я был в отчаянье — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик:
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик;
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался!
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.

(Уходит быстро.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров. Во время последних строк входят.

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.

Дама

(другой)

Так жарко здесь, что я растаю.

Петков

Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Нина

Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.

Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Нина

(садясь за пиано)

Но слушать со вниманьем мой приказ,
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!

(Поет.)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И целый ад в груди моей.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

В конце 3-го куплета муж входит и облокачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.

Арбенин

Что ж, продолжайте.

Нина

Я конец совсем
Забыла.

Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.

Нина

(в смущении)

Нет, зачем?

(В сторону, хозяйке.)

Мне нездоровится.

(Встает.)

Гость

(другому)

Во всякой песни модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

2-й гость

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.

3-й гость

Вы правы. Как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.

Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем. Неизвестный показывается в глубине театра.

Нина

(хозяйке)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!

(Мужу.)

Мой ангел, принеси мороженого мне.

Арбенин вздрагивает и идет за мороженым; возвращается и всыпает яд.

Арбенин

(в сторону)

Смерть, помоги.

Нина

(ему)

Мне что-то грустно, скучно,—
Конечно, ждет меня беда.

Арбенин

(в сторону)

Предчувствиям я верю иногда.

(Подавая.)

Возьми, от скуки вот лекарство.

Нина

Да, это прохладит.

(Ест.)

Арбенин

О, как не прохладить!

Нина

Здесь ныне скучно.

Арбенин

Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми — то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот всё, на чем вертúтся свет!

Нина

Ты прав! ужасно!..

Арбенин

Да, ужасно!

Нина

Душ непорочных нету...

Арбенин

Нет.
Я думал, что нашел одну, и то напрасно.

Нина

Что говоришь ты?

Арбенин

Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал я.
...Тебя.

Нина

Ты бледен.

Арбенин

Много танцевал.

Нина

Опомнись, mon ami! [1] ты с места не вставал.

Арбенин

Так, верно, потому, что мало танцевал я!

Нина

(отдает пустое блюдечко)

Возьми, поставь на стол.

Арбенин

(берет)

Всё, всё!
Ни капли не оставить мне! жестоко!

(В размышлении.)

Шаг сделан роковой, назад идти далёко,
Но пусть никто не гибнет за нее.

(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

Ничего, я болен;
Поедем поскорей домой.

Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! Ты мною недоволен?

Арбенин

Нет, нынче я доволен был тобой.

Уходят.

---

[1] Мой друг! (фр.) — *Ред.*

Неизвестный

(оставшись один)

Я чуть не сжалился,— и было тут мгновенье,
Когда хотел я броситься вперед...

(Задумывается.)

Нет, пусть свершается судьбы определенье,
А действовать потом настанет мой черед.

(Уходит.)

Сцена вторая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Спальня Арбенина.

Входит Нина, за ней служанка.

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина

(снимая серьги)

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина

(в сторону)

Мой муж меня пугает, отчего —
Не знаю! Он молчит, и странен взгляд его.

(Служанке.)

Мне что-то дурно: верно, от корсета,—
Скажи, к лицу была сегодня я одета?

(Идет к зеркалу.)

Ты пра́ва, я бледна, как смерть бледна,—
Но в Петербурге кто не бледен, право?

Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! Свет лукавый!

(Снимает букли и завертывает косу.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(Садится в креслы.)

Как новый вальс хорош! В каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося; не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость,— Саша, дай мне книжку.
Как этот князь мне надоел опять —
А право, жаль безумного мальчишку!
Что говорил он тут... злодей и наказать...
Кавказ... беда... вот бред.

Служанка

Прикажете убрать?

(Показывая на наряды.)

Нина

Оставь.

(Погружается в задумчивость.)

Арбенин показывается в дверях.

Служанка

Прикажете идти?

Арбенин

(служанке тихо)

Ступай.

Служанка не уходит.

Иди же.

Уходит. Он запирает дверь.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и Нина

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.

Нина

Ты здесь?

Арбенин

Я здесь!

Нина

Я, кажется, больна,
И голова в огне,— поди сюда поближе,
Дай руку — чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда —
Не правда ли?

Арбенин

(рассеянно)

Мороженое? да...

Нина

Мой милый! я с тобой поговорить хотела!..
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор.
И всё за маскерад — о, я их ненавижу,
Я заклялася в них не ездить никогда.

Арбенин

(в сторону)

Немудрено! теперь без них уж можно!

Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.

Арбенин

Неосторожно! о!

Нина

И в этом вся беда.

Арбенин

Обдумать всё заране надо было.

Нина

О, если бы я нрав заране знала твой,
То, верно б, не была твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой —
Как это весело и мило!

Арбенин

И то: к чему тебе моя любовь!

Нина

Какая тут любовь? На что мне жизнь такая?

Арбенин

(садится возле нее)

Ты пра́ва! Что такое жизнь? Жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? Давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое — рожденье! где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Нина

(показывая на грудь)

Здесь что-то жжет.

Арбенин

(продолжая)

Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль!.. Жизнь как бал —

Кружи́шься — весело, кругом всё све́тло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных ле́тах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,
Покуда с смертию легка еще борьба,—
Но это счастие не всем дает судьба.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

К чему?

Нина

Евгений,
Я мучусь, я больна.

Арбенин

А мало ли мучений,
Которые сильней, ужаснее твоих?

Нина

Пошли за доктором.

Арбенин

Жизнь — вечность, смерть — лишь миг!

Нина

Но я — я жить хочу!

Арбенин

И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Нина

(в испуге)

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

Арбенин

(встает, холодно)

Не пошлю.

Нина

(после молчания)

Конечно, шутишь ты — но так шутить безбожно:
Я умереть могу — пошли скорей.

Арбенин

Что ж? разве умереть вам невозможно
Без доктора?

Нина

Но ты злодей,
Евгений,— я жена твоя.

Арбенин

Да! знаю — знаю!

Нина

О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

Арбенин

Так скоро? Нет еще.

(Смотрит на часы.)

Осталось полчаса.

Нина

О, ты меня не любишь.

Арбенин

А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила? О нет, я рад, я рад
Твоим страданьям, боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?

А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей —
И что ж нашел: коварство и измену.
Возможно ли! меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить? мне? и так скоро!..

Нина

О, если бы вину свою сама
Я знала,— то...

Арбенин

Молчи иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!

Нина

Браслет мой — князь нашел,— потом
Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.

Арбенин

Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. Возмечтал,
Что я могу быть счастлив... думал снова
Любить и веровать... но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде,—
Ты не хотела, ты!
Плачь! плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Нина

(в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу)

Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но ты всё слышишь — ты всё знаешь,
И ты меня, всесильный, оправдаешь!

Арбенин

Остановись — хоть перед ним не лги!

Нина

Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он, твой судья, защитник будет мой.

Арбенин

(который в это время ходит по комнате, сложив руки)

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.

Нина

Как? умереть! теперь, сейчас — нет, быть не может.

Арбенин

(смеясь)

Я знал заранее, что это вас встревожит.

Нина

Смерть, смерть! Он прав — в груди огонь —
весь ад...

Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.

Молчание.

Нина

Не верю, невозможно — нет, ты надо мною

(бросается к нему)

Смеешься... ты не изверг... нет! В душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такою
Меня ты не погубишь в цвете дней —
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассей мой страх...
Взгляни сюда...

(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)

О! смерть в твоих глазах.

(Упадает на стул и закрывает глаза.)

Он подходит и целует ее.

Арбенин

Да, ты умрешь — и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду всё один! Ужасно!
Но ты! не бойся: мир прекрасный
Тебе откроется, и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.

(Плачет.)

Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвенью,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой...

Молчание.

Нина

(вырывается и вскакивает)

Сюда, сюда... на помощь!.. умираю —
Яд, яд — не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... нейдут...
Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.

(Не добежав до двери, упадает без чувств.)

Арбенин

(горько смеясь)

Проклятие! Что пользы проклинать?
Я проклят богом.

(Подходит.)

Бедное созданье,
Ей не по силам наказанье...

(Стоит сложа руки.)

Бледна!

(Содрогается.)

Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений...
Ужель?

Нина

(слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...

Арбенин

Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовию моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможет, ты умрешь...
И будет для людей всё тайно — будь спокойна!..

Нина

Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна перед богом.

(Умирает.)

Арбенин

(подходит к ней и быстро отворачивается)

Ложь!

(Упадает в кресла.)

Конец третьего действия

Сцена первая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Арбенин

(сидит у стола на диване)

Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий...
И чувства наконец вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой!..
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце ноет, будто ждет чего-то.
Не всё ли кончено — ужели на земле
Страданье новое вкусить осталось мне!..
Вздор!.. Дни пройдут — придет забвенье,
Под тягостью годов умрет воображенье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..

(Задумывается, вдруг поднимает голову.)

Я ошибался!.. Нет, неумолимо
Воспоминание!.. Как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. О! мимо, мимо
Ты, пробужденная змея.

(Упадает головою на руки.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Казарин

(тихо)

Арбенин здесь? Печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.

(Ему.)

Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоем несчастье.

Как быть — угодно так судьбе.
У всякого свои напасти.

Молчание.

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.
Ведь это хорошо с людьми,
Для публики,— а мы с тобой актеры.
Скажи-ка, брат... Да как ты бледен стал,
Подумаешь, что ночь всю в карты проиграл.
О, старый плут — да мы разговориться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.

(Уходит.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Родственники приходят.

Дама

(племяннице)

Уж видно, есть над ним господнее проклятье:
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне заехать в магазин
Купить материи на траурное платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.

Племянница

Ma tante! [1] какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама

А та, сударыня, что глуп ваш модный свет.
Уж доживете вы до бед.

Уходят.

---

[1] Тетушка! (фр.) — *Ред.*

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Выходят из комнаты покойницы доктор и старик.

Старик

При вас она скончалась?

Доктор

Не успели
Меня найти... я говорил всегда:
С мороженым и ба́лами беда.

Старик

Покров богат — парчу вы рассмотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.

(Уходит.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Доктор

(подходит к Арбенину и берет его за руку)

Вам надо отдохнуть,

Арбенин

(вздрагивает)

А!..

(В сторону.)

Сердце сжалось!

Доктор

Вы слишком предались печали эту ночь.
Усните.

Арбенин

Постараюсь.

Доктор

Уж помочь
Нельзя ничем, но вам осталось
Беречь себя.

Арбенин

Ого! я невредим.
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я всё жив... Я счастия желал,
И в виде ангела мне бог его послал;
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное созданье,—
Смотрите — холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё — и через час.

(Уходит.)

Доктор

Он болен не шутя — и я не сомневаюсь,
Что в этой голове мучений было тьма —
Но если он сойдет с ума,
То я за жизнь его ручаюсь.

(Уходя, сталкивается с двумя.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Входят Неизвестный и князь.

Неизвестный

Позвольте вас спросить — Арбенина нельзя ль
Нам видеть?

Доктор

Право, утверждать не смею,
Жена его вчера скончалась.

Неизвестный

Очень жаль.

Доктор

И он так огорчен.

Неизвестный

Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?

Доктор

Он? дома! — да.

Неизвестный

Я дело до него преважное имею.

Доктор

Вы из друзей его, конечно, господа?

Неизвестный

Покамест нет — но мы пришли сюда,
Чтоб подружиться понемногу.

Доктор

Он болен не шутя.

Князь

(испугавшись)

Лежит
Без памяти?

Доктор

Нет, ходит, говорит.
И есть еще надежда.

Князь

Слава богу!

Доктор уходит.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь

О, наконец!

Неизвестный

Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решенье?

Князь

А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозренье?

Неизвестный

Послушайте — у нас обоих цель одна.
Его мы ненавидим оба,
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, как двери гроба,
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подозренья
Ей стоят доказательств — ни прощенья,
Ни жалости не знает он,—
Когда обижен — мщенье! мщенье! —
Вот цель его тогда и вот его закон.
Да, эта смерть скора не без причины.
Я знал: вы с ним враги — и услужить вам рад.
Вы драться станете — я два шага назад
И буду зрителем картины.

Князь

Но как узнали вы, что день тому назад
Я был обижен им?

Неизвестный

Я рассказать бы рад,
Да это вам наскучит,
К тому ж — весь город говорит.

Князь

Мысль нестерпимая!

Неизвестный

Она вас слишком мучит.

Князь

О, вы не знали, что такое стыд.

Неизвестный

Стыд? — нет — и опыт вас забыть о нем научит.

Князь

Но кто вы?

Неизвестный

Имя нужно вам?
Я ваш сообщник, ревностно и дружно
За вашу честь вступился сам.
А знать вам более не нужно.
Но, чу! идут... походка тяжела
И медленна. Он! точно. Удалитесь
На миг — есть с ним у нас дела.
И вы в свидетели теперь нам не годитесь.

Князь отходит в сторону.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Арбенин со свечой.

Арбенин

Смерть! смерть! О, это слово здесь
Везде — я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно
Смотрел я целый час на труп ее немой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
В чертах спокойствие и детская беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцвела,
Когда пред ней открылась вечность
И там свою судьбу душа ее прочла.
Ужель я ошибался? — Невозможно
Мне ошибиться — кто докажет мне
Ее невинность? Ложно! ложно!
Где доказательства — есть у меня оне!
Я не поверил ей — кому же стану верить.
Да, я был страстный муж — но был судья
Холодный — кто же разуверить
Меня осмелится?

Неизвестный

Осмелюсь — я!

Арбенин

(сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу)

А кто же вы?

Неизвестный

Немудрено, Евгений,
Ты не узнал меня — а были мы друзья.

Арбенин

Но кто вы?

Неизвестный

Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой,
Всегда с другим лицом, всегда в другом наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой,
Остерегал тебя недавно в маскераде.

Арбенин

(вздрогнув)

Пророков не люблю — и выйти вас
Прошу немедленно. Я говорю серьезно.

Неизвестный

Всё так — но, несмотря на голос грозный
И на решительный приказ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узнал меня. Я не из тех людей,
Которых может миг опасный
Отвлечь от цели многих дней.
Я цель свою достиг — и здесь на месте лягу,
Умру — но уж назад не сделаю ни шагу.

Арбенин

Я сам таков — и этим сверх того
Не хвастаюсь.

(Садится.)

Я слушаю.

Неизвестный

(в сторону)

Доселе
Мои слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..

Посмотрим далее.

(Ему.)

Семь лет тому назад
Ты узнавал меня, Арбенин. Я был молод,
Неопытен, и пылок, и богат.
Но ты — в твоей груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым ты гордился всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать не буду
Твоей души — ее поймет лишь бог,
Который сотворить один такую мог.

Арбенин

Дебют хорош.

Неизвестный

Конец не будет хуже.
Раз ты меня уговорил — увлек
К себе... Мой кошелек
Был полон — и к тому же
Я верил счастью. Сел играть с тобой
И проиграл,— отец мой был скупой
И строгий человек. И чтоб не подвергаться
Упрекам — я решился отыграться.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях — и я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью — тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. О! лучше бы пронзить
Меня кинжалом. Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.

Арбенин хочет вскочить, но задумывается.

И я покинул всё, с того мгновенья,
Всё, женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,

Самолюбивых дум, и ледяных страстей,
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им. Года прошли,
Всё скоро унеслось: богатство и здоровье,
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условье —
И вот стал тем, что я теперь.
А! ты дрожишь — ты понимаешь
И цель мою, и то, что я сказал.
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенин

Прочь — я узнал тебя — узнал!..

Неизвестный

Прочь! разве это всё? Ты надо мной смеялся,
И я повеселиться рад.
Недавно до меня случайно слух домчался,
Что счастлив ты, женился и богат,
И горько стало мне — и сердце зароптало,
И долго думал я: за что ж
Он счастлив,— и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди, встревожь!
И стал я следовать, мешаяся с толпой,
Без устали, всегда повсюду за тобой,
Всё узнавал — и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай — я узнал — и — и открою
Тебе я истину одну...

(Протяжно.)

Послушай: ты... убил свою жену!..

Арбенин отскакивает. Князь подходит.

Арбенин

Убил? — я? — Князь! — О! что такое...

Неизвестный

(отступая)

Я всё сказал, он скажет остальное.

Арбенин

(приходя в бешенство)

А! заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?
Никто... вы здесь цари... я смирен: я сейчас
У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя
И против ваших слов ответа не имею.
Я мигом побежден, обманут я шутя
И под топор нагну спокойно шею.
А вы не разочли, что есть еще во мне
Присутствие ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что всё взяла ее могила?
Что я не заплачу вам всем по старине?
Так вот как я унижен в вашем мненье
Коварным лепетом молвы!
Да, сцена хорошо придумана — но вы
Не отгадали заключенье.
А этот мальчик — так и он со мной
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины — нет, хочется другой,
Вы всё получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! Не странно — жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — с именем и смертью подлеца.

Князь

Увидим — но скорей.

Арбенин

Идем, идем.

Князь

Теперь я счастлив.

Неизвестный

(останавливая)

Да — а главное забыли.

Князь

(останавливая Арбенина)

Постойте — вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно... что ни в чем
Не виновата ваша жертва — оскорбили
Меня вы вовремя... я только обо всем
Хотел сказать вам — но пойдем.

Арбенин

Что? что?

Неизвестный

Твоя жена невинна — слишком строго
Ты обошелся.

Арбенин

(хохочет)

Да у вас в запасе шуток много!

Князь

Нет, нет — я не шучу, клянусь творцом.
Браслет случайною судьбою
Попался баронессе и потом
Был отдан мне ее рукою.
Я ошибался сам — но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда б я знал, что от одной ошибки
Произойдет так много зла,
То, верно б, не искал ни взора, ни улыбки,
И баронесса — этим вот письмом
Вам открывается во всем.
Читайте же скорей — мне дороги мгновенья...

Арбенин взглядывает на письмо и читает.

Неизвестный

(подняв глаза к небу, лицемерно)

Казнит злодея провиденье!
Невинная погибла — жаль!
Но здесь ждала ее печаль,
А в небесах спасенье!

Ах, я ее видал — ее глаза
Всю чистоту души изображали ясно,
Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный
Сомнет минутная гроза.
Что ты замолк, несчастный?
Рви волосы — терзайся — и кричи —
Ужасно! — о, ужасно!

Арбенин

(бросается на них)

Я задушу вас, палачи!

(Вдруг слабеет и падает на кресла.)

Князь

(толкая грубо)

Раскаянье вам не поможет.
Ждут пистолеты — спор наш не решен.
Молчит, не слушает, ужели он
Рассудок потерял...

Неизвестный

Быть может...

Князь

Вы помешали мне.

Неизвестный

Мы целим розно.
Я отомстил, для вас, я думаю, уж поздно!

Арбенин

(встает с диким взглядом)

О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил,
Я так был оскорблен, я так уверен был...
Прости, прости меня, о боже — мне прощенье.

(Хохочет.)

А слезы, жалобы, моленья?
А ты простил?

(Становится на колена.)

Ну, вот и я упал пред вами на колена:
Скажите же — не правда ли — измена,
Коварство очевидны... я хочу, велю,
Чтоб вы ее сейчас же обвинили.
Она невинна? Разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она молила.
Ошибка — я ошибся — что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это *ложь*.

(Встает.)

Я это ей сказал.

Молчанье.

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.

(Взглядывает пристально на Неизвестного.)

Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О милый друг, зачем ты был жесток?
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее,— когда бы мог,
Не уступил — но я тебе прощаю!

(Упадает на грудь ему и плачет.)

Неизвестный

(отталкивая его грубо)

Приди в себя — опомнись...

(Князю.)

Уведем
Его отсюда... он опомнится, конечно,
На воздухе...

(Берет его за руку.)

Арбенин!

Арбенин

Вечно
Мы не увидимся... прощай... Идем... идем...
Сюда... сюда...

(Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.)

Князь

Остановите!..

Неизвестный

И этот гордый ум сегодня изнемог!

Арбенин

(возвращаясь с диким стоном)

Здесь посмотрите! посмотрите!..

(Прибегая на середину сцены.)

Я говорил тебе, что ты жесток!

(Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами.)

Князь и Неизвестный стоят над ним.

Неизвестный

Давно хотел я полной мести,
И вот вполне я отомщен!

Князь

Он без ума... счастлив... а я? — Навек лишен
Спокойствия и чести!

1835

331. ⟨АРБЕНИН⟩

ДРАМА В 5-ТИ ДЕЙСТВИЯХ

⟨ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА⟩

Евгений Александрович Арбенин

Нина, жена его.

Оленька, ⟨компаньонка.⟩

⟨Афанасий Павлович⟩ Казарин.

Князь Звездич.

⟨Адам Петрович⟩ Шприх.

Игроки.

Гости.

⟨Служанки.⟩

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх. За столом мечут банк и понтируют... кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1-й понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастие поправить...
И не мешало бы загнуть.

2-й понтер

На всё?.. Нет, жжется!

4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер

(тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

Эй, князь,
Гнев только портит кровь — играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить...

2-й понтер

(насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что сто́ят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал,— и вам их не купить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Арбенин.

Арбенин входит, кланяется, подходит к столу, потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший,— женат, богат,— стал барин
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят всё?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой, по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам,
И столько я о вас слыхал того-сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек — а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой, что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. Да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжи́т.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех язы́ках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век.
Был бит не раз, с безбожником — безбожник,
С святошей — иезуит, меж нами —
злой картежник,

А с честными людьми — пречестный человек,
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот, высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях,
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.

Арбенин

А этот маленький каков?
С крестом, растрепанный...

Казарин

Трущов?
О, малый необыкновенный!
Не знаю, в штатской иль военной,
Но в Грузии когда-то он служил
Иль послан был туда с каким-то генералом,
Кого-то там из-за угла хватил;
Пять лет за то был под началом
И крест на шею получил.

Игроки

(кричат Казарину)

Пожалуйте сюда!

Казарин

Иду.

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокоиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Князь, как вы здесь? Ужель не в первый раз?

Князь

(недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, сча́стливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь!

Князь

(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаянье.

Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтоб у них выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям

Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук;
Всё презирать: закон людей, закон природы;
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие...

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин

(вдруг берет его за руку)

Погодите,
Я сяду вместо вас. Вы молоды,— я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б...

(останав⟨ливается⟩)

кто-нибудь меня остановил,

То...

(Смотрит на него пристально. Переменив тон.)

Дайте мне на счастье руку смело,
...А остальное уж не ваше дело!

(Подходит к столу, ему дают место.)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба.

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.

(Тихо.)

Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки,— вы хозяин.
Мы гости.

1-й понтер

(на ухо второму)

Берегись, имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола. Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх

(лукаво)

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,

Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был, а теперь...

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком — а, право, тот же зверь.
Мне скажут, можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит:
Пусть ангелом и притвори́тся,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг,

(ударив по плечу)

хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Подходят игроки.

Что, господа, иль не под силу? а?..

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да эдак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер

(в сторону)

Обрежется.

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин

(встает)

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола. Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руки князя и отдает ему деньги. Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.

(Горько.)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь,
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. Те дни блаженные прошли.
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, что был к нему привязан,
А просто видел пользу в том.

Арбенин уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, кроме Арбенина.

Князь

Мне кажется, он говорил с презреньем.
Досадно! Деньги я не должен был принять.

Казарин

Задумались — об чем, нельзя ль узнать?

Князь

Смущен я странным приключеньем.
Великодушием...

Казарин

Арбенин не таков —
Он никого без видов не обяжет!
Зато вы можете сегодня ж без чинов
В пух обыграть его — он ничего не скажет.

Князь

Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться неприятно
Тому, кто пó сердцу для нас совсем чужой.

Казарин

Особенно когда он знатный
И требует покорности немой!
Или когда хотим мы волочиться
За дочерью его иль за его женой.
Всё это может же случиться?
Жена Арбенина собою недурна
И, кажется, в него не очень влюблена,
И я заметил вот недавно,
Как у〈Печориных〉 движеньем томных глаз
Она кругом искала вас... да, вас,
Э! — князь! да вы себя ведете славно.
По нашим вы ступаете следам!
Мое благословенье вам!
Что нынче молодежь! Трудя́тся, изнуряют
Себя для службы и наград,
О добродетели кричат
И возле женщины порядочно〈й〉 зевают!

Жить не умеют, мой отец,
Стыдятся неудач, боятся приключений
И чем кончают наконец...
Лет в двадцать пять все женятся — от лени!

Князь

Да кто же вам сказал? Как догадаться вам?

Казарин

Когда Арбенин был в деревне,
Вы ездили к Настасье Алексевне
По вечерам и по утрам.

Князь

Вы правы! Что же тут дурного?

Казар⟨ин⟩

Напротив...

Князь

Я боюсь молвы
И потому надеюся, что вы
Об этом никому ни слова...

Казарин

Мне изменить вам! Вас предать?

Князь

Но вы Арбенину приятель.

Казар⟨ин⟩

Ха! ха! ха! ха! о мой создатель!
Да, он мой друг,— вам не угодно ль знать
Начало дружбы нашей: я был молод,
Двенадцать лет тому назад,
Неопытен, и пылок, и богат,
Но он — в его груди уж крылся этот холод,
То адское презрѐнье ко всему,
Которым он гордится всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать не буду.
Раз он меня завел под вечерок
К себе — я верил счастью! Кошелек

Мой полон был... я сел играть (признаться,
Страстишка эта уж владела мной)
И проиграл. Отец мой был скупой
И строгий человек: я вздумал отыграться!
Но он меня в когтях своих держал.
И я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью: тут были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... они в нем возбудили
Один холодный смех — о! лучше бы пронзить
Меня кинжалом!
И с того мгновенья
Покинул я забавы юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет:
Мир безобразных, странных ощущений,
Мир обществом отвергнутых людей,
Самолюбивых дум, и ледяных страстей,
И увлекательных мучений!
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им.— Года прошли,
Всё снова унеслось — богатство и здоровье,
Навек передо мной закрылась счастья дверь,
Я заключил с судьбой последнее условье
И вот стал тем, что я теперь,—
Умеренный игрок и наблюдатель строгой,
Не действую нигде, зато уж вижу много.

Князь

Послушать вас: Арбенин ваш — злодей.

Казарин

Однако ж явно мы поныне
Не ссорились, хотя в душе, ей-ей,
Я не терплю его.

Князь

⟨*(про себя)*⟩

Поеду завтра к Нине!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

⟨Бал у Арбенина. Музыка в другой комнате.⟩

ЯВЛЕНИЕ 1

1-й гость

Угодно ли?

Нина

Я ⟨эту⟩ не танцую,
А вас сейчас рекомендую
Премилой даме.

1-й гость

Жертвую собой
Для вашей прихоти.

Нина

Вы истинный герой!

Князь

Охота вам так много суетиться!

Нина

Всем надо угодить.

Князь

Нельзя ли, хоть на смех,
Меня в число поставить всех?..

Нина

Неблагодарный! Есть за что сердиться.
Подумайте, мы не одне...

Князь

Для света всё — а мне
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нежного промолвить...

Нина

Погодите.

Уходят.

Арбенин

(Оленьке)

Где Нина? Отчего ты не танцуешь?

Оленька

С кем?

Арбенин

А! не охотница до пляски!..
Послушай, Оленька, когда приедут маски,
Вели отказывать не всем.

Оленька уходит.

(Гостю.)

Вот истинная компаньонка!..
Как не скучает с ней жена!
Всегда молчит: бледна, грустна,
Зато послушнее ребенка!

Гость

Давно ль у вас она живет?

Арбенин

Уж скоро третий год:
Я взял ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сироткой, с ранних дней.

Гость

Да, если так, а то я б подивился.

Арбенин, пожав плечами, уходит. Гость выходит из залы к даме.

Дама

Вы с некоторых пор на мир, как на Содом,
Глядите, строгим мудрецом!..

2-й гость

Премудрость нынешнего света
Не смотрит за предел балета!
Балет на сцене — в обществе балет,
Страдают ноги и паркет,
Куда как весело, ей-богу!

Захочется ль у нас кому
В beau monde [1] открыть себе дорогу,
Работы нет его уму,
Умей он поднимать лишь ногу,
И всё, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду там... есть из чего стараться.
Тоска!

Дама

Зачем же вы сюда
Приехали?

2-й гость

Куда же мне деваться?

Дама

Вам не понравится, боюся, мой совет.

2-й гость

Здесь от передней до гостиной
Всё так высоко, холодно и чинно,
Так приторно и так невинно,
Что мочи нет!

Дама

Тем лучше.

3-й гость

Об заклад побиться не хотите ль,
Что он московский житель?
Но, впрочем, не дивлюсь, что здесь скучает он;
Блестящий бал, да что за тон,
La société est si mêlée
De ces figures qu'on voit passer
Au boulevard, à l'assemblée.[2]

Музыка.

Madame, voudrez-vous bien valser? [3]

Все уходят.

---

[1] Большой свет (фр.).— *Ред.*

[2] Общество столь смешанное, состоящее из лиц, которых видишь на бульваре, на сборище (фр.).— *Ред.*

[3] Мадам, не хотели бы вы повальсировать? (фр.).— *Ред.*

ЯВЛЕНИЕ 2

Оленька

(одна)

Им весело, для них судьбою
Жизнь так роскошно убрана́,
А я одна, всегда одна...
Всем быть обязанной, всем жертвовать собою
И никого не сметь любить —
О! разве это значит жить?..
Счастливые царицы моды!
Им не изменит свет, их не изменят годы...
За что же? Красота моя
Их красоте поддельной не уступит,
Жемчу́г, алмазы, кисея
Морщин и глупости собою не искупит!
Но счастье их! Восторга своего
Несут им дань мужчины ежечасно,
Я лучше, я умней — напрасно!
Никто не видит ничего.

Сзади проходит несколько гостей и между ними маска.

И он, он так же, как другие,
Бежит за ветреной толпой
И мимоходом лишь порой
Мне кинет взгляд — мечты пустые...
И как его винить? И как ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземного,
Что я ему готова жизнь отдать
За миг один, за слово?..
Всё ждать да ждать, о боже!.. Это он,
Расстроен кажется, смущен...

ЯВЛЕНИЕ 3

Князь

(быстро подходя)

Ах, извините! Я вас принял за другую.

Оленька

И потому лишь подошли...

Князь

Вы размышляли — от земли
Мечты вас, верно, унесли
В мир лучший, жизнь другую?
Я не прощу себе! Так дерзко помешать.

Оленька

Чему?

Князь

Мечтам.

Оленька

Дай бог вам не мечтать,
Вдаваться вредно в заблужденье.

Князь

Вы правы, чувства, страсти — всё обман...

Оленька

О! для чего ж от них такое нам мученье!

Князь

Вас взволновал какой-нибудь роман!

Оленька

(в стор⟨ону⟩)

Нет! истинное приключенье!

Князь

Не верьте сердцу, ни уму,
Когда они бывают в споре.

Оленька

Чему же верить?

Князь

Ничему.

(Отходя в сторону.)

Не в духе я болтать о вздоре,
А компаньонка мне нужна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Нина

(входит)

Измучилась...

Князь

Но к вам идет усталость.

Нина

Я думала найти в вас жалость...

Князь

Где есть любовь — там жалость уж смешна!

Нина

О! вы не знаете, как тягостно, как скучно
Жить для толпы, всегда в ее глазах,
Не сметь ни перед кем открыться простодушно,
Везде с улыбкою являться на губах,
Для выгод мужа быть с одним любезной,
Холодностию мстить другому за него
И слышать: «Нина, это мне полезно,
Благодарю тебя!» — и больше ничего.

Князь

Восторг толпы и света удивленье
Заменят счастие легко!

Нина

К толпе я чувствую презренье.

Князь

Чего ж вам надобно?

Нина

Любви — хоть на мгновенье!

Князь

О, вам искать недалеко!..
Любви вы ищете глубокой, сильной, страстной.
Она пред вами здесь в груди моей,
Вы это знаете,— и сколько, сколько дней
Я мучился и думал: всё напрасно!..

Но я любим, я был любим всегда,
О, я молю, скажите: «Да!..»
Когда, вы помните, на бале
Мы увидались в первый раз,
Лежало облако печали
На светлом небе ваших глаз.
Они усталые, без цели
Бродили медленно вокруг,
И не искал их встречи ваш супруг,
И на него поднять вы их не смели,
И он стоял близ вас, бесчувственный как сталь,
С лицом, исполненным бесстрастья,
Как неизбежная печаль
Близ неожиданного счастья.
Тогда во мне проснулся чудный звук,
Я поклялся́ любить и клятву не нарушу.
Я чувствовал: вам нужен друг,
И в жертву я принес вам душу.

Нина

Нас могут слышать, умоляю вас,
Уйдите.

Князь

Нет, скажите мне хоть раз,
Что я любим, скажите, обещайте!

Нина

Да... я люблю вас! боже мой! ступайте.

Князь

(хватает ее руку)

Один лишь поцелуй на счастие, в залог,
Один, не больше, видит бог.

Нина

(не вырывая руки)

Неблагодарный! Вот мужчины:
Похожи все на одного!
Теперь вам мало сердца Нины,
Теперь вам хочется всего!
Вам надо честь мою на поруганье!

Чтоб, встретившись на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Промолвить: вот она — и пальцем указать.

Маска в дверях.

Князь

Обидно ваше подозренье,
И я вас должен наказать,

(срывая браслет)

Вот мне залог любви, доволен я, прощайте.

Нина

(в испуге)

Ах! что вы сделали, отдайте мне, отдайте,
Мой муж заметит, он меня убьет!
Да нет, вы шутите, о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь рассудка...
Вы так-то любите? Все обещанья вот?
Вот за доверенность как нынче отвечают!

Оленька

(становится между ними)

Скорей, скорей, за вами примечают!

Нина

(убегая)

Хоть пощадите честь мою.

Князь

(задумываясь)

Мне кажется... что я ее люблю...

Оленька

⟨*(в сторону)*⟩

Хотя б сказал: благодарю!
Ни взгляда, ни привета.

Он, верно, думает, что плотят мне за это!
Нет, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки жертвовать собой.

Уходит.

ЯВЛ⟨ЕНИЕ⟩ 5

Князь

Что делаешь ты здесь, таинственная маска?

Маска

⟨*(в полукитайском костюме)*⟩

Смотрю на ваш роман,
Завязка дельная, да будет ли развязка?

Князь

Узнать нельзя ль, кто вы?

Маска

Из дальних стран
Приезжий — вам знакома Уналаска?

Князь

Пусть так на этот раз.
Там, верно, принято у вас
Подсматривать, подслушивать стараться
И не в свои дела мешаться!
Но это здесь, мой милый друг,
Не так свободно сходит с рук.

Маска

Угрозы?.. И еще какие?
Гостеприимства нет в России!

Князь

(увидав Арбенина)

Теперь не время... но...

⟨*(Уходит скоро.)*⟩

ЯВЛЕНИЕ 6

Арбенин подходит. Казарин снимает маску и хохочет.

Арбенин

Что Звездич так взбешен?..
Уж, верно, зацепил его ты эпиграммой.

Казарин

Нет, сердится за то, что видел я, как он
Любезничал с одною дамой!

Арбенин

С кем, с Оленькой?

Казарин

Быть может... не совсем.

Арбенин

Ты для друзей и слеп и нем,
А помнится, глаза-то были зорки...
Бывало, тотчас различат
Хоть за версту пятерку от шестерки,
Подобный глаз для мужа клад!
Вот я так ничего не вижу и не знаю,
Жене свободу полную даю,
Мечтаю, что любим, о верности мечтаю
Лишь потому, что верен и люблю.

Казарин

Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна,
Беспечность редкая в таких, как ты, мужьях.

Арбенин

Ты прав, ⟨не молод я⟩.

Казарин

И опытен. Обидно
С таким умом...

Арбенин

Ну что же?

Казарин

Ах!

Не спрашивай.

Арбенин

Уж, верно, подозренье...

Казарин

Нет, я тебя оставлю в заблужденье,
Тебя, мой старый, первый друг.
Вступил ты в новый, лучший круг,
И знанье сердца, знанье света
Ты прéзрел для любви — законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрета!
Я не дивлюся, бог с тобой,
Ведь это иногда бывает,
Кто в детстве рассуждал, тот в старости мечтает,
Но я всё тот, каков и был...

Арбенин

Чужого счастия отчаянный зоил!
Ну! что же, продолжай! Ведь целый час хлопочешь!
Обманут я женой моей!
Прищурься, ха! ха! ха! поохай, пожалей.

Казарин

Так... если сам ты этого уж хочешь.

Арбенин

Уж эти мне разносчики вестей!

Казарин

Я рад, что ты, как прежде, хладнокровен,
И стану говорить смелей.
Союз ваш несколько неровен,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе без расчета.
Пожалуй, есть мужья!
Им подражать кому охота;
Ревнуют, бесятся, шумят.
Провел меня ты славно, брат.
И надо б отомстить, да штука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!

Великодушием прямым
Князька ты одурачил славно,
Началом пользуясь таким,
Ты оберешь его исправно.
Пускай жене в отсутствии твоем
Он плотит нежные визиты,
Тебе же плотится за карточным столом,
И дело слажено, вы квиты!

Арбенин

(в негодованье)

Казарин!

Казарин

Видел я сейчас,
Как нежничал, шептался здесь он с нею;
Я издали смотрел, и, утверждать не смею
(Трельяж их закрывал от любопытных глаз),
Два вздоха слышал я да звуки поцелуя,
И больше ничего, поклясться в том могу я.

Арбенин

Ты видел, слышал? Помни, что сказал.
Я доберусь до истины — терпенья
Достанет у меня, но если ты солгал,
Казарин... О! тогда не жди спасенья,
Ты в десять лет успел меня узнать;
Я в жизни раз лишь был обманут, раз — не боле,
И отомстил — и отомщу опять,
И страшно отомстить — в моей, ты знаешь, воле.

Казарин

Мой бедный друг, всё тот же он,
Всё тот же черт, когда взбешен.
Дни, об которых я тоскую,
Невольно мне напомнил ты теперь,
Жизнь беспокойную, кипучую, лихую.
Тогда ты был не человек, а зверь...

(Смеясь, уходит.)

Арбенин

⟨(один)⟩

О, кто мне возвратит вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но сладостные дни.
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль! который испытал
Все ужасы и сладости злодейства
И с ним лицо к лицу ни разу не дрожал?..

(Погружается в задумчивость, му́зыка играет ⟨в другой комнате,⟩ и он садится.)

В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил,
Любим был часто, нежно, страстно
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И скучно стало мне, и тяжко жить,
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену — покорное созданье.
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье
Мной к алтарю она приведена.
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул — и увидал, что я ее люблю,
И стыдно молвить... ужаснулся...
И снова ревность, бешенство, любовь
В пустой груди бушуют на просторе.
Изломанный челнок, я снова брошен в море,
Вернусь ли к пристани я вновь?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

〈Кабинет Арбенина.〉

ЯВЛЕНИЕ 1

Арбенин

(один)

Ночь, проведенная без сна,
Страх видеть истину — и миллион сомнений!..
С утра по улицам бродил, подобно тени,
И не устал — и в сердце мысль одна...
Один лишь злой намек, обманчивый, быть может,
Разбил в куски спокойствие мое!
И всё воскресло вновь... и всё меня тревожит,
Былое, будущность, обман и правда... всё!..
Но я решился, буду тверд... узнаю прежде,
Уверюсь... доказательства... да! да...
Мне доказательств надо... и тогда...
Тогда... конец любви, конец надежде!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Входит Нина.

Арбенин

〈*(холодно)*〉

А! здравствуй, Нина... наконец...

Нина

Недавно я проснулась...

Арбенин

Поздно,
Я жду тебя уж целый час...

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь, глупец...

Нина

Вот ты опять не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь...

Арбенин

Скучаю я с тобою розно.

Нина

А встретимся — ворчишь.

(Ласкаясь.)

Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это, я готова.
В деревне молодость свою я схороню:
Но что — меня умчало
Воображенье... и к чему?..
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому.

Арбенин

Как быть? Я жить привык беспечно,
А ревновать смешно.

Нина

Конечно.
Ты столько видел, испытал,
И ревность и любовь тебе не новы...
Ты отдыхаешь...

Арбенин

В продолжение этого монолога он по временам останавливается и наблюдает Нину.

(В сторону.)

О! не долго отдыхал!

(Ей.)

Послушай, нас одной судьбы оковы
Связали навсегда, ошибкой, может быть.
Не мне и не тебе судить!
Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой:
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,—
Но безотчетно, чувствами играя
И ре́звясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли;
Так годы многие прошли!
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный.
Но ныне черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный;
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,

Ни звук, исторгнутый мученьем,—
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.

Нина

Тебя понять, ей-богу, трудно,
Чего ты требуешь, могу ль я отгадать?

Арбенин

Да, требовать любви, конечно, безрассудно,
Я и не требую — мне поздно покупать
Лукавый поцелуй признаньями и лестью.
Моя душа с твоей душой
Не встретились... Что делать — бог с тобой...
Позволь мне дорожить, по крайней мере, честью!..
Честь, имя — вот чего я требую от вас.
Вы их толпе на поруганье дали.
Я внятно говорю?.. Вы всё не понимали.
Поймите же меня хотя на этот раз.

Нина

Мне отвечать вам было б стыдно.

Арбенин

Стыд? Так — пора — его давно не видно...
Зачем явился он теперь!
Гоните прочь его скорей в окно иль в дверь,
Откуда входит к вам любезный,
Чувствительный, услужливый князек.

Нина

Так вот что? Это мне урок...

Арбенин

И, верно, бесполезный.

Нина

Не знаю, кто оклеветал меня,
Я это заслужила,
Смеялась, ре́звилась, шутила,
Нет, с нынешнего дня

Не будет сметь ко мне приблизиться мужчина
На расстоянье в три аршина!

(С иронией.)

Решусь не говорить, решуся не смотреть,
Не танцевать, за картами сидеть,
Как кукла, как стату́я,
Тогда на вас, конечно, угожу я!
Тогда вы скажете: вот верная жена!
Как зло на всех глядит она.

(Смеясь.)

Смешно, смешно, ей-богу,
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех.

Нина

О! если ваши продолжа́тся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Увидим.

Нина

Я тебя люблю.
Мне жаль тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю,
Я оправдаюсь.

Арбенин

Нет.

Нина

Чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь!

Нина

Не мне ль?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

О, это нестерпимо!.. Что ж он сам
Не явится сюда, мой тайный обвинитель,
Пусть повторит при мне — пускай покажет вам
Все доказательства... вы этого хотите.
А если он не явится? Какой
Найдете вы предлог, чтоб оправдаться?

(Плача.)

Но, право, вы слезы не стоите одной.
И мне приличнее смеяться!

Арбенин

Так суждено мне, может быть,
Весельем оскорблять, страданием смешить!
И что за диво? У других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь.

Я странствовал, играл, был верен и трудился:
Постиг друзей, коварную любовь;
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша, был скукою томим.
Везде я видел зло и гордый перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты,
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье;
Я человек — пока они мои...
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета, если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно?
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава,
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... Но плоха забава
С ее потоком встретиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!

(Хочет взять ее за руку.)

Она отскакивает в сторону

Нина

Не подходи... О, как ты страшен.

Арбенин

Неужели!
Я страшен? Нет! ты шутишь, я смешон!..
Да, ты своей достигла цели.
Зачем же не пришел полюбоваться он
Моим отчаяньем!.. Теперь бы очень кстати
Вчерашний разговор вам повторить живой,—
Чай, в промежутках ласк, объятий
Смеялись вы жестоко надо мной.

Нина

Вчера?

Арбенин

Вчера, на бале.

Нина

(в сторону)

Он всё знает.

(Ему.)

Так вот причина! А ты видел сам?..
Ты видел?.. Нет! Кто ж обвиняет
Меня! Никто... Ты следуешь мечтам,
Тебе спокойствие и счастье надоело,
Прекрасно! Продолжай же смело!..
Ты хочешь правды? Верь или не верь,
Тебе я всё скажу теперь.
Князь любит Оленьку... Давно ли, я не знаю.
И без тебя он для нее одной
Езжал сюда... он не бывал со мной,
Он избегал меня... Вчера, я понимаю!..
Вчера он с ней, от бала удалясь,
Был здесь... И на меня подумать?.. Этот князь!..
Хвастун, мальчишка... Да, я их застала...
Вчера вдруг Оленька, краснея, убежала...
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозренья.

Арбенин

Я верю... и сейчас за Оленькой пошлю.

Нина

Избавьте хоть ее от пыток и мученья,
Чего еще вам надо?

Арбенин

Убежденья!

Нина

Но не теперь!.. в другой хоть раз.

А р б е н и н

(звонит)

Л а к е й входит.

Поди и позови мне Оленьку — сейчас...

Н и н а

Евгений, я прошу: не говори с ней строго,
Она так молода... вина ее скорей
Простая ветреность.

ЯВЛ⟨ЕНИЕ⟩ 3

Те же и О л е н ь к а.

Н и н а

(подбегая к Оленьке, тихо ей говорит)

Не бойся — будь смелей!

О л е н ь к а

Что вам угодно?

А р б е н и н

Много! Очень много!..

О л е н ь к а

Что сделалось?

Н и н а

(ей тихо)

Не погуби меня,

(упадая в кресла)

Молчи, молчи!

О л е н ь к а

Готова слушать я...

А р б е н и н

Скажи мне, Оленька... на сердце руку смело,
Всю правду, как пред богом — всё скажи.

Оленька

Я не охотница, вы знаете, до лжи.

Арбенин

О! да, я знаю, ты всегда умела
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить,
Ты чувствовать умела одолженья,
Не замечать, не помнить зла.
Как ангел-примиритель ты жила
В семействе нашем... Но!.. ужасные мученья
Столпились к сердцу моему.
И я теперь не верю ничему.
Клянись... Но, может быть, моленье
Отвергнешь ты мое,
И что мудреного! Кому моей судьбою
Заняться!.. Я суров! Я холоден душою...
Один лишь раз, один, пожертвуй ты собою
Не для меня — нет — для нее...

Оленька

О, мне, конечно, ничего не стоит
Собой пожертвовать для вас.
Вы точно знаете: вас это успокоит?
Извольте... где? Когда? Сейчас?..

Арбенин

Вот видишь, это дело важно: в свете
Смеюсь над этим сам...
А в сердце целый ад... так знай: в твоем ответе
Жизнь ил⟨и⟩ смерть обоим нам.
Я был в отлучке долго... слух промчался,
Что Звездич в Нину был влюблен.
Он каждый день сюда являлся,
Но для кого? Свет часто ошибался,
Его сужденья не закон,
Вчера здесь слышали признанья, объясненья,
Вы обе были тут — с которой же из вас? —
Я должен знать сейчас,
О, если не с тобой — то нет ему спасенья!..

Оленька

⟨(в сторону)⟩

Теперь я понимаю... он убьет,
Убьет его.

Арбенин

Ты видишь, речь идет
О жизни, счастии и чести.
Я истины хочу: она сказала мне,
Что с князем здесь вы оставались вместе.

Оленька

Она сказала? С ним? Наедине?

Арбенин

Она! А ты молчишь?

Оленька

Что делать, боже!

Арбенин

Я вашу связь не осуждаю... Что же,
Но если это так, то дом оставить мой
Должна ты завтра же, не ссорюсь я с тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку света я пред светом обнаружу!..

Оленька

А я? Куда я денусь?.. Ни родных,
Ни друга на земле; чем жить... в презренье,
У всех... в мои лета... за что? — о! в этот миг

(Нине)

От вас я требую, да, требую спасенья,
Защиты,— вы должны, вы можете одне!..

Арбенин

(на ухо Нине)

Она не признаётся. Для терпенья
Граница есть...

Нина

Но что же делать мне?..

Арбенин

Подумай, Оленька, одно лишь средство
Окончить всё: скажи мне да иль нет;
Скорей, скорей, какой-нибудь ответ.
Но также вспомни время детства.
Заботы, ласки матери ее
Тебя не покидали ни мгновенья,
Чужая ей, ты с ней делила всё.
Есть сердце у тебя? Смущенье,
Страх, обморок!.. Ну, право, я не зверь,
Прошу лишь слово правды... Не хотите?..
Ошибся я! Не надобно — идите.

Оленька

(чрез силу)

Минуту — погодите.
Да, я всему виной — довольны ль вы теперь?

Арбенин

О! наконец!

(После молчания. Жене.)

Здесь на колена
Я упадаю пред тобой,
Прости, прости меня... глупец я злой
И недостойный! Может ли измена
Такую душу омрачить?
Я чувствую: я недостоин жить.
Здесь, здесь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветник,
Как я перед тобой теперь, у ног моих
Не будет умолять о жизни и прощенье,
На божий суд пойду я с ним...
Скажи мне: я прощен? я вновь тобой любим?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨Комната Казарина⟩

ЯВЛЕНИЕ 1

Казарин

Я утверждал всегда:
Чего судьба упрямая захочет,
Пусть целый мир хлопочет,
А сбудется наверно,— да!
Князь Звездич, например,— была ему острастка,
А нынче сам ко мне на вечер назвался́.
Играть не станет он, посмотрит только... Сказка!
Уж быть тому, за что я раз взялся́!
Вот, кажется, он сам, какое нетерпенье!
Явился прежде всех.

(Отворяет двери.)

А, князь! мое почтенье!

ЯВЛЕНИЕ 2

Казар⟨ин⟩ и Арбенин

Казар⟨ин⟩

(оправившись)

Ну, брат, не ждал я, виноват.
Я, впрочем, очень рад.

Арбенин

Не торопись заране веселиться!

Казарин

Мой бедный друг! Как приуныл...
Да что ж могло с тобой случиться?
Ах, помню! Видишь ли, я правду говорил!
Из благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умерь себя, ко мне сегодня будет князь,
Хоть нонче помолчи, его я обыграю,
А завтра делай с ним, чего душа
Попросит...

Арбенин

Мысль отменно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казарин

Вот сердце доброе — да в свете нет такого!

Арбенин

Тебе же я скажу всю правду, как привык,
Ты, милый мой, презренный клеветник.
Клеймом стыда я вас, судáрь, отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

Казарин

Ах боже мой!.. Меня?.. За что ж меня?
Вот хлопочи, советуй другу!
Зло за добро — брань за услугу!..
Что? Этак делают друзья...

Арбенин

Да, да, я помню, время было,
Когда с тобой одним путем
Стремление страстей нас уносило;
Я нужен был тебе, искусством и умом
Я защищал тебя в опасные мгновенья,
С тобой добычу я делил,
И только,— вот твое о дружбе мненье!
Иначе в жизни ты ни разу не любил.
Когда всю ночь я в шумном круге
Сидел и хохотал с истерзанной душой,
Искал ли я в тебе, как в друге,
Надежды, жалости?.. Бывал ли я с тобой
Таков, как иногда бываю
Один с моим творцом, когда под гнетом бед
За преступленья юных лет
Я, горько плача, умоляю?
Нет, нет!
Ты мне завидуешь, тебя ж я презираю!

Казарин

Пусть так! Возьми назад, возьми
Ты дружбу глупую — всё кончено меж нами,

Я никогда не дорожил людьми,
Тем боле гордецами!
А чем же лучше ты меня?
Тем, что беснуешься, кричишь ты без разбору.
А я, рассудок свой храня,
Не много говорю, да в пору!..
Чем виноват я, что жена
Тебе немного неверна...
С такою совестью измученной и грозной
Тебе бы в монастырь,— а уж влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощение грехов —
Молчи, терпи...

Арбенин

О нет! Я не таков!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья
При первом подозренье.
Тебе я это уж сказал —
И всё ж ты на нее бесстыдно клеветал!
Но я открыл глаза... и будешь ты наказан,
Да,— совестью моей не так еще я связан,
Как ты, быть может, полагал.

Казарин

Твоих угроз я не пугаюсь, право!

Арбенин

Посмотрим! Помнишь ли, советник мой лукавый,
Второе сентября семь лет тому назад...

Казарин

(смущаясь)

Что ж, помню.

Арбен⟨ин⟩

Очень рад.
Я стану говорить короче.
Дольчини, ты и Штраль, товарищ твой,
Играли вы до поздней ночи,
Я рано убрался домой,
Когда я уходил, во взорах итальянца
Блистала радость, на его щеках
Безжизненных играл огонь румянца...

Колода карт тряслась в его руках,
И золото пред ним катилось, вы же оба
Казались тенями, восставшими из гроба.
Ты это помнишь ли?..

Казарин

Ну что ж...

Арбенин

Сейчас
Я кончу мой рассказ.
Пред вашим домом утром рано
Дольчини был найдён на мостовой
В крови, с разбитой головой,
Вы всех уверили, что, пьяный,
Он выскочил в окно,—
Так это и осталось! Но
Волшебной сказкою меня не обморочишь,
И, кем он был убит, скажу я, если хочешь!

Казар⟨ин⟩

Ты доказать не можешь ничего.

Арбенин

Конечно! Вот письмо. Кто написал его?

Казар⟨ин⟩

(упадая на стул)

Злодей, ведь я погиб...

Арбенин

Твой друг мне проигрался
И отдал свой бумажник — в нем
Нашел я этот клад... Кто в дураках остался?
Ты мне хотел вредить... За зло плачу я злом.

Казар⟨ин⟩

Помилуй, сжалься, я твой раб отныне,
Конечно, что уж делать, согрешил,
Но я клянусь...

Арбен⟨ин⟩

Какой святыней?

Казар⟨ин⟩

(плача)

Я уж раскаялся.

Арбенин

А! Плачешь, крокодил!

Казарин

(вскакивая. В сторону)

Одно осталось средство для спасенья.

(Громко.)

Постой, смотри... вот шкаф и от него ключи,
Там тысяч пятьдесят — с условием, молчи!
Тебе всё, всё мое именье!

Арбен⟨ин⟩

Ха-ха-ха-ха, смешное предложенье!..

Казар⟨ин⟩

Не хочешь?

Арбен⟨ин⟩

Я богат.

Казар⟨ин⟩

⟨*(в отчаянье)*⟩

Он прав, но если так,
Я остаюсь при первом мненье.

Арбенин

Что? Что?

Казар⟨ин⟩

Я просто был дурак,
Что испугался. Докажи сначала,
Что я солгал... Да, докажи сперва,
Что мне вредить имеешь ты права
И что жена тебе не изменяла,
Ты муж, каких на свете мало,

Всем верил! Прежде мне,
Потом проказнице жене.
С тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбен⟨ин⟩

Изволь, тебя утешить можно.
Ты знаешь Оленьку — она,
Бедняжка, в князя влюблена.
Он для нее езжал ко мне, меж ними
Что было, я не знаю, только всё
Упало на жену, намеками своими
Ты очернил ее!
Но я хотел знать правду... и не много
Трудился — Оленька призналась: строго
Я поступил, но требует нужда —
Она мой дом оставит навсегда.

Казар⟨ин⟩

Сама призналась?

Арбенин

Да!

Казарин

Заставили признаться!

Арбен⟨ин⟩

Сама!..

Казар⟨ин⟩

Не может быть! Уговорить легко!

Арбен⟨ин⟩

Мне любопытно знать, как может далеко
Такая дерзость простираться.

Казар⟨ин⟩

Я милости прошу: минут чрез пять
Князь будет здесь — дай слово не мешать.

Арбенин

В чем?

Казар⟨ин⟩

Ради бога!

Арбен⟨ин⟩

Про жену ни слова.

Казар⟨ин⟩

Пусть, ни гугу!

Арбен⟨ин⟩

Посмотрим, это ново,
Последнее то будет шельмовство.
Песнь лебедя... а там к расчету.

Казар⟨ин⟩

⟨(в сторону)⟩

Заплатишь, милый, за охоту
Знать верх искусства моего.

(Ходит по комнате.)

Он скоро будет... кажется, идет,
Нет, если он не будет — право,
Злой дух меня толкнет
С ним заключить расчет кровавый.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и князь.

Казарин

(тихо)

Насилу! Кажется, еще на этот раз
Судьба меня спасти взялась.

(Князю.)

Князь, поздно, поздно что? Откуда?

Князь

Я был в театре.

Казар⟨ин⟩

Что дают?

Князь

Балет.

Казар⟨ин⟩

А я про вас здесь слышал чудо
И верить не хотел.

Князь

Конечно, не секрет?

Казар⟨ин⟩

Сказать бы рад — да мудрено решиться,
Не вздумали бы рассердиться.

Князь

За правду не сержусь — а если ложь,
На вас сердиться мне за что ж?

Казар⟨ин⟩

Люблю за это нашу молодежь:
Рассудит прежде, после скажет;
Бывало, нам ничто язык не свяжет.
Врут, хоть сердись, хоть не сердись,
Зато и доврались!

Князь

Да что ж вы про меня узнали?

Казар⟨ин⟩

Да! вот что! Бедная, ее вы наказали
За жертвы, за любовь... люби вас, шалунов,
Потом терпи,— кто ж виноват, она ли?
Ан нет! Чай, сколько просьб и слов,
Угроз и ласк, и слез, и обещаний
Вы расточили перед ней,
И все зачем? Из сущей дряни
Повеселиться пять, шесть дней.
Прекрасно, князь, прекрасно.
Скажите-ка: она вас любит страстно?
Вы долго волочились!.. О, злодей!..

Князь

Позвольте хоть узнать, о ком вы говорите?

Казар⟨ин⟩

Не знает! О, невинность! Посмотрите,
Какой серьезный вид и недовольный взор.
Да я не знал, что вы такой актер;
А для кого, скажите-ка по чести,
Езжали вы к нему так часто в дом,
А кто с утра ждал под окном,
Как вы проедете... Уж я на вашем месте
Теперь, когда открылося, когда
Она без крова, жертвою стыда,
Осуждена искать дневного пропитанья,
Уж я женился бы... хотя б из состраданья.

Князь

Да ради бога, кто ж она? И в чем
Я виноват?

Казар⟨ин⟩

Нашли же вы на ком —
На компаньонке пробовать искусство,
И трудно ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя.
За это я возьмусь шутя!

Князь

Послушайте, зашли вы дальше шутки.

Казарин

Да я и не шучу... Я правду вам сказал —
Арбенин Оленьку прогнал...
Что ж делать, у него свои есть предрассудки.

Князь

Помилуйте, да вы сошли с ума!
Кто-так наклеветал безбожно?

Казар⟨ин⟩

Она сама призналась.

Князь

Как?

Казарин

Она сама.

Князь

Не может быть.

Казар⟨ин⟩

Случилось — так возможно.

Князь

Не может быть. Ее признанье ложно.
Я не хочу, чтоб за меня она
Страдала. Я помочь не в силах, право...
Я не люблю ее... Жениться — мысль смешна.

Арбенин

И то зачем? Уж вы покрылись славой.

Князь

С чего вы вздумали, что я женюсь на ней?

Арбенин

Ну, князь, я думал, вы честней...

Князь

Вы это думали?.. А, это оскорбленье.
Останьтесь же при первом мненье.
И прежде чем решит свинец,
Я докажу, что я не трус и не подлец.
Хотите ль правду знать?

Арбен⟨ин⟩

Посмотрим — что же?

Князь

Вы не раскаетесь?

Арбен⟨ин⟩

У вас спрошу я то же.

Князь

Хотите?

Арбен⟨ин⟩

Да!

Князь

Скажите лучше: нет.

Арбенин

Хочу.

Князь

(подавая браслет)

Смотрите, чей браслет!
Узнали ль?

Арбен⟨ин⟩

Да — узнал!

Князь

Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись.

Арбен⟨ин⟩

⟨*(помолчав, с бешенством)*⟩

Нет! вы его украли!
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, как с мальчиком... Глупцы, вы оба дети...
Вы видите, как ваши сети
Я разорвал одной рукой...
А! князь, вы сами захотели
Себя достойно наказать,
Как вы решились, как вы смели
В глаза всё это мне сказать?
Скорее на колени, на колени!
Нет! очень рад! Тем меньше затруднений!
Вам жизнь наскучила — не странно! Жизнь глупца,
Жизнь площадно́го волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете с именем и смертью подлеца.

Князь

Скорее час и место!

К а з а р ⟨и н⟩

⟨(в сторону)⟩

Ну, насилу
Избавлюсь от него, не в крепость — так в могилу.

А р б е н ⟨и н⟩

Я жду вас завтра к девяти часам,
И у себя.

(Подходит к Казар⟨ину⟩).

К а з а р ⟨и н⟩

(смеясь)

Не спорь со мною.

А р б е н и н

Не веселись по пустякам.
Твои дела сегодня ж я устрою.

(Уходит быстро.)

ЯВЛЕНИЕ 4

К а з а р и н

(несколько времени поражен, потом вскакивает)

Князь, я ваш секундант... угодно?

К н я з ь

Очень рад.

(В сторону.)

Я глупо поступил — да уж нельзя назад.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната Арбенина. Нина спит на канапе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арбенин

(входя, оборачивается ⟨к двери⟩)

Князь Звездич скоро должен быть. Ко мне
Его проси,— ступай. Как ты сюда попала?

Служанка

Тихонько-с! Барыня сейчас започивала.
Ждала вас целу ночь и бредила во сне...
Потом чем свет оделась, встала,
Изволила прийти к вам в кабинет,
Да и уснула здесь на креслах.

Арбенин

Я исправить
Хочу вину свою... Ты можешь нас оставить.

Уход служанки.

ЯВЛЕНИЕ 2

Арбен⟨ин⟩, Нина

Арбен⟨ин⟩

(подходя к Нине)

Спит, точно спит, сомненья нет,
Улыбка по лицу струится,
И грудь колышется, и смутные слова
Меж губ скользят едва-едва...
Понять нетрудно, кто ей снится.
О! эта мысль запала в грудь мою,
Бежит за мной и шепчет: мщенье! мщенье!
А я, безумный, всё еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомненье!
И кто подумал бы, и кто смел ожидать?

Меня,— меня,— меня продать
За поцелуй глупца,— меня, который
Готов был жизнь за ласку ей отдать,
Мне изменить! Мне — и так скоро.

(Задумывается.)

Да. Да — я этого хочу;
Я вырву у нее признанье
Угрозой, страхом. Я ей отомщу,
Как прежде мстил — без состраданья.

Молчание.

Бывало, я искал могучею душой
Забот, трудов, глубоких ощущений,
В страданиях мой пробуждался гений,
И весело боролся я с судьбой.
И был я горд, и силен, и свободен,
На жизнь глядел как на игрушку я,
И в злобе был я благороден,
И жалость не смешна казалася моя,
Но час пришел — и я упал, ничтожный,
Безумец, безоружен против мук и зла.
Добро, как счастие, мне стало невозможно.
И месть, как жизнь, мне тяжела...

ЯВЛЕНИЕ 3

Ар⟨бенин⟩, Нин⟨а⟩, Олен⟨ька⟩

Оленька

(входя, увидав)

Ах, боже мой!.. он здесь...

Арбенин

Не разбуди...

(Увидав узел.)

Что это значит?

Оленька

Я пришла проститься...

Арбенин

К кому же ты пойдешь?

Оленька

К кому случится.
Прощайте!

Арбенин

Погоди!
Мне жаль тебя... Бедняжка, ни родного,
Ни друга на земле.

Оленька

Что ж? Я на всё готова.

Арбенин

Легко сказать... Презренье, нищета...
Ужасно.

Оленька

Да, ужасно!..

Арбенин

Тебе упреком будет красота
Пройдут и скажут: да, она прекрасна;
С подобным личиком невинность сохранить
Задача трудная — к тому ж ведь надо жить!..

Оленька

О, я умру.

Арбенин

Кто виноват? не ты ли?..
Подумай!..

Оленька

Я одна.

Арбенин

Признайся мне, вы в заговоре были.
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь! Если нет — признайся — спасена.
Есть время...

Оленька

О, не искушайте!

Арбенин

Я жду последний твой ответ.

Оленька

(уходя)

Прощайте!

Арбенин

Постой... войди сюда... И через час
Я кликну... может быть, и прежде.

Оленька

Для чего же?

Арбенин

Узнаешь.

Она уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Арбенин, Нина.

Арбенин

Боже! боже!
Дай твердость мне в последний раз.

Арбенин подходит к Нине.

Проснись... пора...

Нина

Ах, это ты, Евгений!
Какой тяжелый сон... толпа видений
В уме моем еще теснится. Снилось мне,
Что ты ласкал меня так страстно!
А говорят, что всё во сне
Наоборот... и верить им опасно...
Боюсь, что ждет меня беда!

Арбенин

Предчувствиям я верю иногда.

Нина

Тебя я жду всю ночь — была готова
Послать искать.

Арбенин

О, редкая жена...

Нина

Послушай, милый друг, я что-то нездорова.

Арбенин

(в сторону)

Судьба мне помогает снова.

Нина

Я очень, кажется, больна.

Арбенин

Мне жаль.

Нина

Послушай, я сказать тебе должна.
Со мною ты ужасно изменился.
Стал холоден и принужден.
И отчего?

Арбенин

Как быть, мне также снился
Зловещий сон!..

Нина

Всё грустен, всё ворчишь — мне в тягость жизнь такая.

Арбенин

Ты пра́ва — что такое жизнь? Жизнь — вещь пустая,
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада;
Пройдут года желаний и страстей —
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? Давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое — рожденье, где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть последнее... а целое — обман.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

Пустое!

Нина

И умереть боюсь.

Арбенин

Жизнь — вечность, смерть —
лишь миг

Нина

Нельзя ль от шуток мне твоих
Избавиться? Я слушать всё готова,
Но не теперь... Евгений, я молю,
Пошли за доктором... Я очень нездорова,
И голова кружи́тся...

Арбенин

Не пошлю.

Нина

О, ты меня не любишь...

Арбенин

А за что же
Тебя любить... За то ль, скажи,
Что был обманут я, ты требуешь любви.
Насмешка горькая...

Нина

О боже!..

Арбенин

Тому лет десять я вступал
Еще на поприще разврата,
Раз в ночь одну я всё до капли проиграл.
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.
Я был в отчаянье. Ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь,

В одной руке держал я лимонаду
Стакан, в другой — четверку пик;
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик,
Но счастье вынесло, и в час я отыгрался!
Заветный порошок я долго сберегал
Среди волнений жизни шумной;
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и этот день настал.

Нина

Что хочешь ты сказать? Не мучь меня, Евгений.
Но ты дрожишь, ты стал бледнее тени?

Арбенин

Тут был стакан, он пуст — кто выпил лимонад?

Нина

Я выпила — смеешься?

Арбенин

Да — я рад.

Нина

Что ж было в нем?

Арбенин

Что? Яд!

Нина

⟨(вскочив)⟩

Не верю! Невозможно! И с такою
Холодностью смеяться надо мною.
И в чем виновна я — ни в чем;
Что балы я люблю — вот вся беда в одном.
Яд — это было бы ужасно.
Нет, поскорей рассей мой страх,
Зачем терзать меня напрасно?
Взгляни сюда, о, смерть в твоих глазах!

Арбенин

(бросая браслет на стол)

Ты изменила мне — вот обвиненье.

Нина

Не верь — не верь... из сожаленья!

Арбенин

Признайся!

Нина

Не могу!..

Арбенин

Пожалуй, ты умрешь.

Нина

Но я невинна.

Арбенин

Ложь!

Нина

Так нет спасенья!..

Арбенин

Нет спасенья!..

Нина плачет.

Да, горько я ошибся — возмечтал
О счастье — думал снова
Любить и веровать — но час судьбы настал
И всё прошло, как бред больного.
Я мог бы воскресить погибшие мечты.
Я мог бы, веруя надежде,
Быть снова тем, чем был я прежде.
Ты не хотела, ты!
Плачь, плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женские? Вода!
Я ж плакал? Я мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в груди.

Нина

(упадая на колени)

О, ты ужасен! О, помилуй, пощади!
Я всё исполню, я признаюсь,— поскорее,
Еще есть время, говори, чего
Ты хочешь... смерть всего страшнее,
Смерть, смерть,— да, я люблю его,
Нет, нет — то было заблужденье,
Ребячество, обман, воображенье,
Я не любила никого...
Позволь обнять твои колени...
Ты видишь, я у ног твоих, Евгений.
Скажи, скажи, какой ценой
Купить мне жизнь... ценой мучений?
Чем хочешь буду я — твоей рабой...
Я молода — жизнь так прекрасна;
О, ты меня спасешь — ты не злодей.
Я знаю, жалость есть в душе твоей,
Помучишь и простишь. Напрасно, всё напрасно,
Мне кажется, я чувствую в груди
Огонь,— огонь,— о, сжалься, пощади!

(Бросается к дверям.)

Сюда, сюда... на помощь — умираю.
Яд, яд, не слышат, понимаю,
Ты осторожен... Никого, нейдут,
Но помни, я тебя, жестокий, проклинаю,
И ты придешь на божий суд!

ЯВЛЕНИЕ 5

Ар⟨бенин⟩, Нин⟨а⟩, Оленька

Оленька

Я здесь! Что с вами?

Нина

Ах, скорее, ради бога,
Покуда время есть! Я жить хочу, жить, жить,
Ужели и тебя мне надо так молить?

⟨(Становится перед нею на колени.)⟩

Оленька

О, что вы сделали...

Арбенин

(помолчав)

Перепугал немного!
Хотел знать правду и узнал...
Опомнитесь и встаньте, я солгал,
Я не ношу с собою яда...
В вас сердце низкого разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыд.
Что вы дрожите? Будьте вновь спокойны,
Вам долго жить на свете суждено,
И счастье вам еще возможно. Но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да, ныне чувствую, я стар,
Измучен долгою борьбою,
Последний на меня упал судьбы удар,
И я поник покорной головою.
Желаний нет, надежды нет,
Я выброшен из круга жизни шумной
С несносной памятью невозвратимых лет,
Страдалец мрачный и безумный.

(Садится.)

〈Нина почти без чувств на креслах;〉 входит князь с пистолетами.

ЯВЛЕНИЕ 6

Арб〈енин〉, Нина, Олень〈ка〉, князь и Казарин.

Князь

Что это значит, смею вас спросить?
Дуэль в кругу семейства — очень ново.
Тем лучше! Случая такого
Мне, верно, больше не нажить.

Казарин

По чести, странный выбор секундантов.
Где о дуэли речь, там я в числе педантов.

Князь

Мне всё равно, без дальних слов.
Вот пистолеты, я готов...

Арбенин

(встает и подходит к нему)

День, час тому назад, хотел я крови, мести;
Защитник прав своих и чести,
С надеждой трепетной в груди
Я думал отразить позор и обвиненье,
И я ошибся; с глаз слетело заблужденье —
Вы правы, торжествуйте — впереди
Вас ждут победы славные, как эта,—
Отчаянье мужей, рукоплесканье света,
И мало ль женщин есть, во всем подобных ей?
Они того, кто посмелей!!!
Смотрите, как бледна, почти без чувства,
А отчего — не отгадаешь вдруг,
Что это — стыд, раскаянье, искусство?
Ничуть! Испуг — один испуг!
Ни вы, ни я, мы не имели власти
В ней поселить хоть искру страсти.
Ее душа бессильна и черства.
Мольбой не тронется — боится лишь угрозы,
Взамен любви у ней слова,
Взамен печали — слезы,
За что ж мы будем драться — пусть убьет
Один из нас другого — так. Что ж дале?
Мы ж в дураках: на первом бале
Она любовника иль мужа вновь найдет.
Теперь стреляться вы хотите,
Вот грудь моя обнажена.
Возьмите жизнь мою, возьмите,
Она ни мне, ни миру не нужна!..

Казарин

⟨(*тихо князю*)⟩

Стреляйте же скорей — скорей.

Арбенин

Молчите?
Задумались? Итак, оставьте нас!
Мы квиты.

Князь уходит.

Казарин

Обманул, еще раз увернулся,
Скорей и мне убраться с глаз,
Покуда не очнулся.

⟨(*Хочет уйти.*)⟩

Арбенин

(останавливая)

Куда ⟨спешишь? Постой:⟩
Расчет у нас не кончился с тобой.
⟨Не даром моего позора
Ты был свидетелем!..

(Насмешливо.)

Так, вежливость храня,
Прошу я, поклонись Камчатке от меня...

Казарин

(в испуге)

Как?.. Что?.. Когда?..

Арбенин

(выталкивает его)

Утешься! — очень скоро!⟩

⟨ЯВЛЕНИЕ 7⟩

⟨Арбенин, Оленька, Нина.⟩

Арбенин

Я еду, Оленька, прощай!
Будь счастлива, прекрасное созданье,
Душе твоей удел — небесный рай,
Душ благородных воздаянье,
Как утешенье образ твой
Я унесу в изгнание с собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущает.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бедность вновь тебе не угрожает...

Оленька

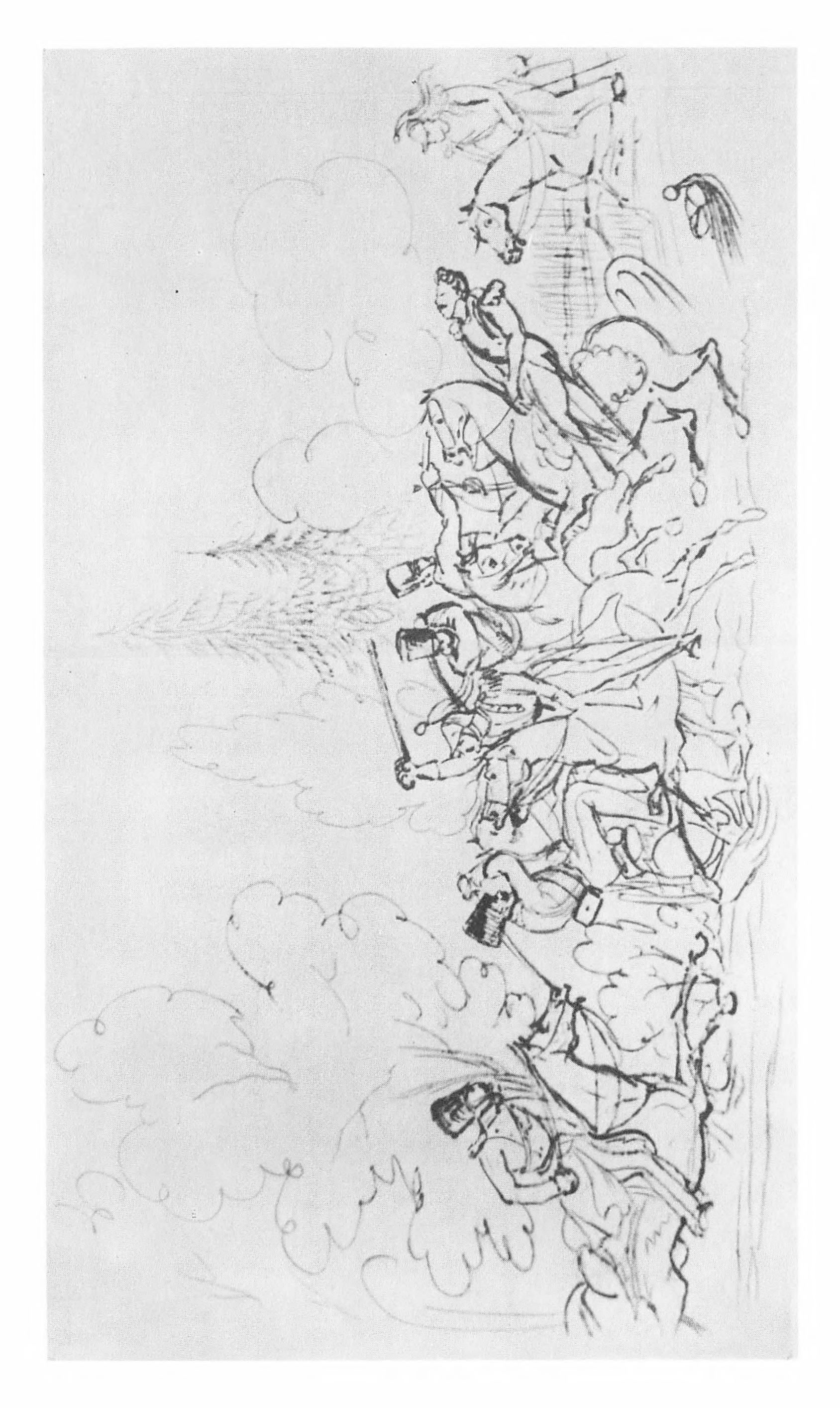
Вы возвратитесь?..

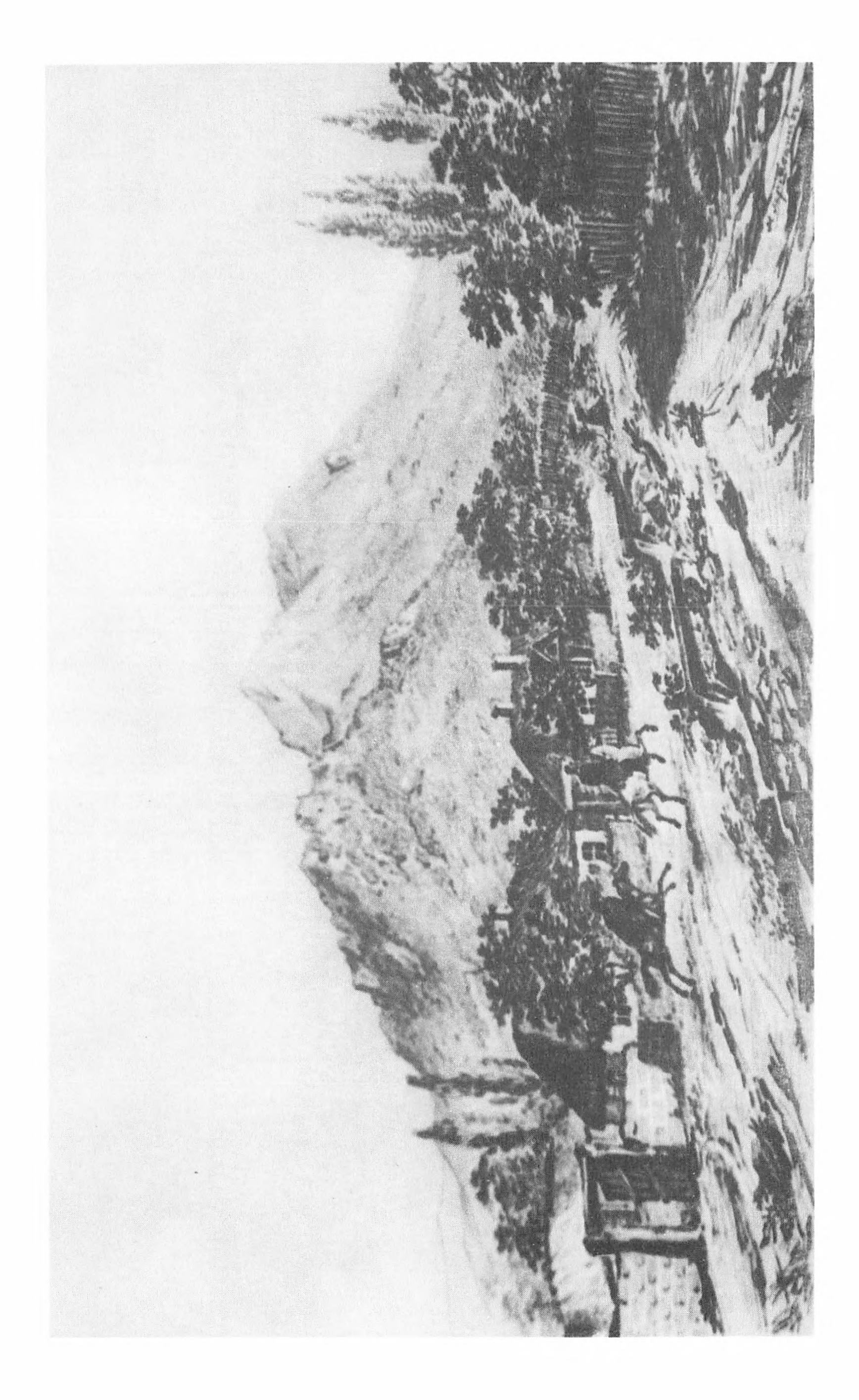
Арбенин

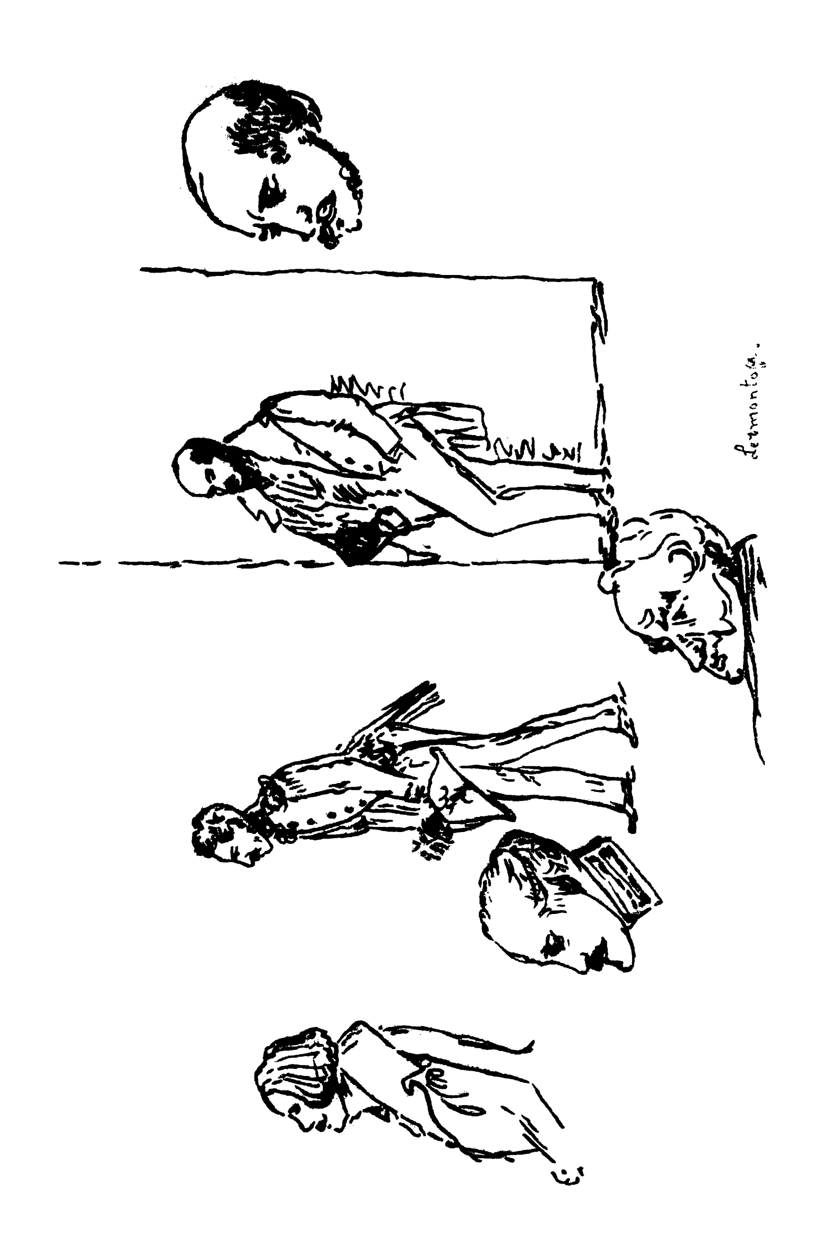
⟨*(помолчав)*⟩

Никогда!..

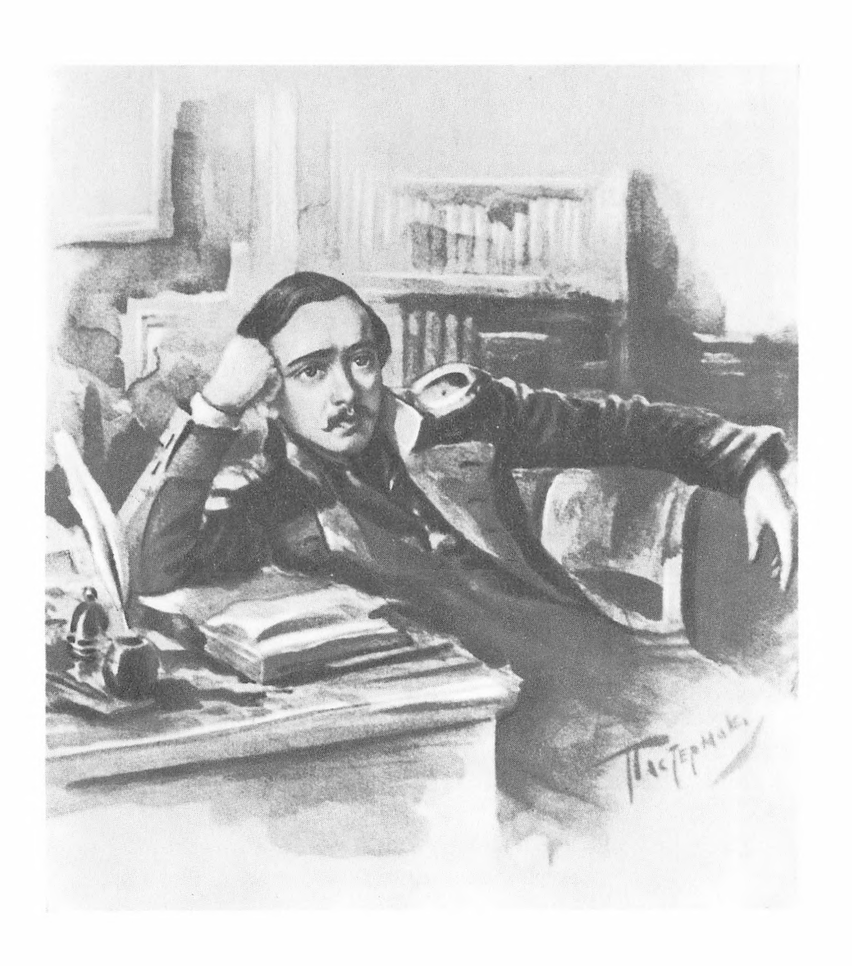
1836

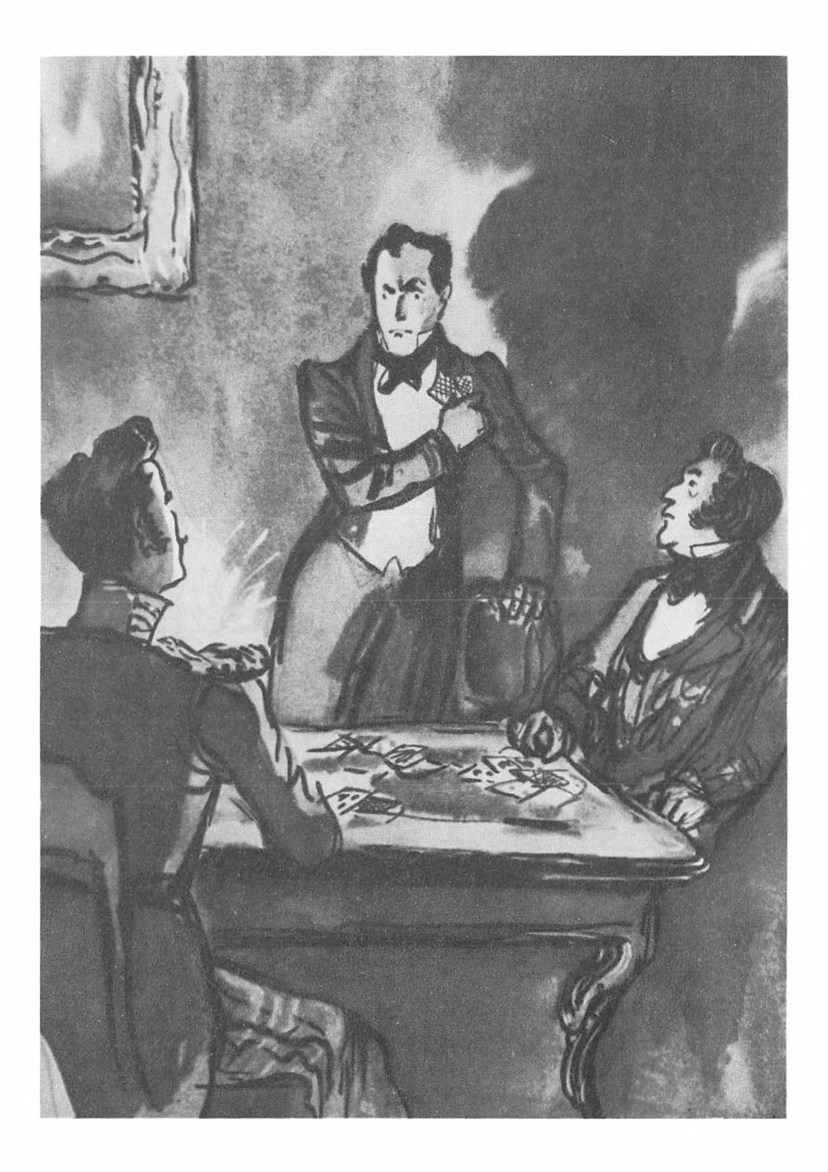






ouf !
c'est terrible


Пастернак



ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСЬ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

332

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят,
То тому, то сему по добру коню.
А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело — гусей пасти,
А второе дело — бел кужель прясти
А третье дело — дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кужель пряду,
И я ноженьками дитя качаю.
Ты баю-ба́ю, мило дитятко,
Ты по батюшке злой татарчонок,
А по матушке родной внучонок,
У меня ведь есть приметочка —
На белой груди что копеечка.

Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
«Ты родная моя матушка,
Ах, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованые ларцы
И бери казны сколько надобно,
Жемчугу да злата-серебра».

Ах ты милое моя дитятко,
Мне не надобно твоей золотой казны,
Отпусти меня на святую Русь,—
Не слыхать здесь петья церковного,
Не слыхать звону колокольного.

1830 или 1831

II

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

333—336. *ИЗ БАЙРОНА*

1. МРАК. ТЬМА

Я видел сон, который не совсем был сон. Блестящее солнце потухло, и звезды темные блуждали по беспредельному пространству, без пути, без лучей; и оледенелая земля плавала, слепая и черная, в безлунном воздухе. Утро пришло и ушло — и опять пришло и не принесло дня; люди забыли о своих страстях в страхе и отчаянии; и все сердца охладели в одной молитве о свете; люди жили при огнях, и престолы, дворцы венценосных царей, хижины, жилища всех населенцев мира истлели вместо маяков; города развалились в пепел, и люди толпились вкруг домов горящих, чтоб еще раз посмотреть друг на друга; счастливы были жившие противу волканов, сих горных факелов; одна боязненная надежда поддерживала мир; леса были зажжены — но час за часом они падали и гибли, и треща гасли пни — и всё было мрачно.

Чела людей при отчаянном свете имели вид чего-то неземного, когда случайно иногда искры на них упадали. Иные ложились на землю и закрывали глаза и плакали; иные положили бороду на сложенные руки и улыбались; а другие толпились туда и сюда, и поддерживали в погребальных кострах пламя, и с безумным беспокойством устремляли очи на печальное небо, подобно савану одевшее мертвый мир, и потом с про-

клятьями снова обращали их на пыльную землю, и скрежетали зубами и выли; и птицы кидали пронзительные крики, и метались по поверхности земли, и били тщетными крылами; лютейшие звери сделались смирны и боязливы; и змеи, ползая, увивались между толпы, шипели, но не уязвляли — их убивали на съеденье люди; и война, уснувшая на миг, с новой силой возобновилась; пища покупалась кровью, и каждый печально и одиноко сидел, насыщаясь в темноте; не оставалось любви; вся земля имела одну мысль: это смерть близкая и бесславная; судороги голода завладели утробами, люди умирали, и мясо и кости их непогребенные валялись; тощие были съедены тощими; псы нападали даже на своих хозяев, все, кроме одного, и он был верен его трупу и отгонял с лаем птиц и зверей и людей голодных, пока голод не изнурял или новый труп не привлекал их алчность; он сам не искал пищи, но с жалобным и протяжным воем и с пронзительным лаем лизал руку, не отвечавшую его ласке,— и умер. Толпа постепенно редела; лишь *двое* из обширного города остались вживе — и это были враги; они встретились у пепла алтаря, где грудой лежали оскверненные церковные утвари; они разгребали и, дрожа, подымали хладными сухими руками теплый пепел, и слабое дыханье немного продолжалось и произвело как бы насмешливый чуть видный огонек; тогда они подняли глаза при большем свете и увидали друг друга — увидали, и издали вопль и умерли, от собственного их безобразия они умерли, не зная, на чьем лице голод начертал: враг. Мир был пуст, многолюдный и могущий сделался громадой безвременной, бестравной, безлесной, безлюдной, безжизненной, громадой мертвой, хаосом, глыбой праха; реки, озера, океан были недвижны, и ничего не ворочалось в их молчаливой глубине; корабли без пловцов лежали, гния, в море, и их мачты падали кусками; падая, засыпáли на гладкой поверхности; скончались волны; легли в гроб приливы, луна, царица их, умерла прежде; истлели ветры в стоячем воздухе, и облака погибли; мрак не имел более нужды в их помощи — он был повсеместен.

1830

2. THE GIAOUR[1]

Нет легкого дуновения воздуха, рассекающего волну, которая катится под могилою афинян; сей блестящий гроб на крутой, навислой скале первый приветствует возвращающуюся домой ладью; он высоко господствует над страною, тщетно им спасенною,— когда снова увидит такого героя?..

Прекрасный климат! где каждое время года улыбается над сими благословенными островами, кои, видные издалека, с высоты *колонны*, радуют сердце восхитительной картиной и представляют убежище уединенью. Там нежно рябится ланита океана, отражая *краски* многих утесов, пойманные смеющимися приливами, которые омывают этот восточный Эдем.

И если иногда мгновенный зефир взволнует голубой кристалл моря или сметет цвет с дерева, да будет благословен милый ветерок, пробудивший и разнесший здесь благоухание.

Ибо здесь — *роза*, на скале или в долине, любовница соловья, дева, для которой его звуки, тысячи его песней слышны в высоте, цветет, краснея от рассказов соловья: его царица, царица садов, его роза, не сгибаемая ветрами, не оледеняемая снегами, далеко от зимы западной, благословляемая каждым временем года и каждым зефиром, подарок природы,— аромат отдает небу в сладчайшем благоухании. Она признательно возвращает и лучшие свои цветы улыбающемуся небу, с благовонным вздохом.

И много здесь летних цветов, и много тени, которую любовь желала бы разделить, и многие есть пещеры, манящие к отдохновенью, которые служат вертепом для разбойника, коего ладья, пристав к скрытой здесь гавани, ждет мирного корабля, пока не услышит гитару веселого моряка, пока не увидит вечернюю звезду. Тогда, укрываясь с своим веслом под тенью скалистого берега, кидается ночной грабитель на добычу свою и переменяет песни с гитарой на отчаянные крики. Странно, что где природа создала жилище, достойное богов, и смешала, истощила все прекрасное в этом раю, здесь человек, живущий разрушением, хочет обращать его в дикую пустыню и попирает, подобно бессловесному

[1] Гяур (англ.).— *Ред.*

животному, каждый цветок, который не сто́ит ниже часа трудов и не требует помощи ничьей руки, дабы расстилаться в волшебной стране сей, но выходит, растет, отвергая всякое старание, и только молит, чтоб его пощадили.

Странно, что где господствует тишина, там страсти беспредельны в гордости своей и жадность и хищность дико бушуют, дабы помрачить прелестную землю. Это как будто злые духи взяли верх над ангелами и укрепили на небесных престолах освобожденного наследника ада. Так прекрасна страна, созданная для удовольствия, и так ненавистны тираны, разрушающие его.

. . . .
. . . .
. . . .

О страна незабвенных героев! которая от долины до горных пещер была жилищем свободы или могилою славы. Храм могущих! Ужели это всё, что остается от тебя? Приближься, пресмыкающийся невольник, скажи, не это ли Термопилы? Эти синие воды, плещущие кругом, скажи, порабощенный потомок свободного, скажи, какое это море, какой берег? — это залив, это скала Саламины!.. Восстаньте, вспомните прошедшее и возобновите его, исторгните из праха отцов ваших искры огня, коим некогда они пламенели.

И тот, кто погибнет в битве, к их именам прибавит свое страшное имя, коего будут трепетать тираны; он оставит потомкам надежду, знаменитость, и они прежде умрут, нежели посрамят ее: ибо, если война за свободу уже началась, она передается кровью от отца к сыну, и если иногда неуспешно, то всегда под конец торжествует. Этому свидетель ты, Греция, про которую доказывают о бессмертных столетьях многие живые страницы! Тогда как цари, скрытые в пыльном мраке, оставили одни безымянные пирамиды, твои герои, хотя общим приговором сняты колонны на их могилах, имеют лучшие памятники: горы высокие отечества их!.. Здесь показывает муза могилы тех очам странника, кои не могут умереть. Долго и печально было бы рассказывать каждый шаг Греции от величия к бедственности; довольно — никакой чуждый враг не мог ослабить духа твоего, пока сам он не упал, — так собственное унижение открыло путь ненавистным цепям и скипетру деспотов.

Что расскажет нам тот, кто попирает твой брег?

Ни песни старинной, ничего, чем может заняться муза, ничего столь высокого, как прежде, когда человек был достоин сего климата. Сердца, рожденные в твоих долинах, буйные души, кои могли бы весть твоих сынов к великим подвигам, теперь пресмыкаются от колыбели до могилы, рабы — нет, рабы раба, безжизненные везде, кроме в преступленье; оскверненные всеми бедствиями рода человеческого, где он менее всего возвышается над тварею бессловесной, даже не имея ни одной дикой добродетели, не имея в среде своей ни одной храброй и свободной груди. Еще теперь у соседних пристаней они слывут лукавыми и взошли в пословицу,— в этом только хитрый грек найден, и этим, лишь этим, известен. Напрасно свобода стала бы призывать ум, дабы свергнуть иго с шеи, которое льстит ему. Я больше не сожалею о их несчастии, однако я расскажу вам печальную повесть, и внимающие мне могут поверить, что тот, кто слушал ее в первый раз, имел право грустить.

Торопливо приближался он, и быстрота его бега привлекала мой удивленный взор. Хотя, как ночной демон, он пробежал и скрылся от меня, его вид, выражение лица его оставили навсегда смутное воспоминанье в груди моей, и еще долго после в моем страхом пораженном слухе раздавался топот ног черного его коня. Он жмет ногами коня; он приближается к крутому утесу, выдавшемуся от берега и бросающему тень на поверхность моря; он минует и низвергается за скалу, которая освобождает его от очей моих; неуместен взор, преследующий беглеца, и хотя нет ни одной звезды на небе, но всё для него светло кажется.

Он скрылся, но прежде кинул взгляд, который казался его последним, на минуту удержал беспокойного своего коня, на минуту дал ему отдохнуть, на минуту привстал на стременах — для чего смотрит он в оливную рощу? Полумесяц встает над холмом; лампы в мечетях погасая трепещут.

1830

3. NAPOLEON'S FAREWELL [1]

1

Прости! о край, где тень моей славы восстала и покрыла землю своим именем,— он покидает меня теперь, но страница его истории, самая мрачная или блестящая, наполнена моими подвигами. Я воевал с целым светом, который победил меня только тогда, когда метеор завоеваний заманил меня слишком далёко; я противился народам, которые боялись меня, оставленного, последнего, единственного пленника из миллионов бывших на войне.

2

Прости, Франция! — когда твой венец короновал меня, я сделал тебя алмазом, дивом и красою земли. Но твоя слабость повелевает, чтоб я тебя оставил как нашел, увядшую славой и упадшую своим именем, ибо сердца старых бойцов моих были приведены в отчаянье нападением бури и непогоды, хотя сражения были выиграны и орел, коего взор померкнул, мог бы снова подняться, встретив солнце победы.

3

Итак, прости же, Франция! — но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мне,— фиалка надежды еще растет, скрываясь во глубине долин твоих; хотя она увяла, слезы твои могут воскресить ее — я могу еще смешать неприятелей, нас окружающих, и твоя душа еще может внять голосу моему; в цепи, которая нас оковала, еще есть кольцы, могущие разорваться, тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора.

1830

---

[1] Прощание Наполеона (англ.).— *Ред.*

4. ВЕРРО [1]

Известно, по крайней мере должно бы было быть известно, что во всех странах католического исповедания несколько недель до поста *народ* веселится и празднует сколько хочет; покупают раскаяние перед тем, чтобы сделаться богомольными, какого бы высокого или низкого состояния ни были; пируют, играют, пляшут, пьют, маскируются и употребляют всё, что можно получить попросивши.

1830

337. ИЗ И. Т. ГЕРМЕСА

Я проводил тебя со слезами, но ты удалилась, чужда сожалений и слез.

Где долго ожиданный день, столько радости мне обещавший? — погиб он! Но я не раскаялся в том, в чем тебе поклялся.

И если б могла ты понять и измерить страданья мои, то вечно бы ты не забыла того, кто тебя никогда не забывал.

Тогда бы заплакала ты, и тот миг воскресил бы опять охладевшее мое счастье.

Мое сердце, отвергнутое тобою, мой ангел! все-таки тебе принадлежит,— но сердце, тобою любимое, не будет так постоянно.

1831

---

[1] Беппо (англ.). — *Ред.*

III

338. НАБРОСОК НАЧАЛА ОПЕРЫ «ЦЫГАНЫ»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет приятное местоположение, цыгане сидят в шатрах, иные ходят и, собравшись в группы, поют.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Цыган

(поет)

Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Мы счастливее царей
И вельмож могучих...

Гей, цыгане! гей, цыган⟨ки⟩!
(и проч.).

Цыганка

(Из «Московского вестника» песнь)

. . . .
. . . .
. . . .

Пляшут и поют. Всё умолкает.

Старый цыган

(пред очагом)

Что за жизнь... одному да одному — Земфира ушла гулять в пустынном поле, она привыкла бродить по

дальним лесам и таборам. Но вот уж и ночь — а всё ее нет... вот и луна спускается к небосклону. Как прекрасно... *(Смотрит на месяц, и подходя к очагу.)* Мой ужин скоро простынет, а дочь не приходила — видно, придется одному провесть ночь...

Но вот она!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Земфира и за нею юноша.

Старик

Где ты была так долго, дочь моя? Я думал, что и ты меня покинешь, как сделала коварная мать твоя...

Земфира

Прости, отец мой, но видишь ты,
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть, как мы, цыганом,
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду,
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду.

Старик

Я рад, останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь...

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией строк или строф указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта. Последовательность слоев правки обозначается около строк буквами: а), б), в). Список условных сокращений см. на с. 634—635.

СТИХОТВОРЕНИЯ

14

вм. 16—20
автограф

Всё проклял он, как лживый сон,
Как призрак дымные мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.

Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степей!..

74

вм. 61—62
автограф

Вы, верно, спросите: девица
Жила, грустила мало дней?
Конечно, ранняя могила
Горючи слезы осушила?
Нет — беспристрастно посмотрев
На нынешних прелестных дев,
Вы это отгадайте сами:
Они (весь мир тому судья)
В своем характере, друзья,
Не изменяются веками!..

77

1

Первая ред.
автограф

Прими, хотя и без вниманья,
Моей души печальный бред;
Чудак безумный, в цвете лет,
Я вяну жертвою страданья.

2

Пусть эти строки над собой
На миг удержат взор твой милый,
Как близ дороги столбовой
Пришельца памятник могилы.

96

9—13
автограф

Уста молчат, засох мой взор,
Но подавили грудь и ум
Непроходимых мук собор,
С толпой неусыпимых дум.
О страсти не жалею вновь;

105

между 4 и 5
черн. автограф

[В лесах, по узеньким тропам
Нередко я бродил с тобой,
Их шумом любовался там,
Меня не трогал голос твой]

между 4 и 5
БдЧ

И пламень звездочных очей,
Который вечно, может быть,
Останется в груди моей,
Не смог меня воспламенить.

117

1—2
автограф

Опять вы с кликами восстали,
Герои дальне<й стороны>

4

Тиранства низкие сыны

124

21—24
автограф

Люблю припомнить в тишине
Твой смех, твой взор и голос твой,
И час воспоминанья мне —
Час бесполезный, но святой!..

125

после 48
автограф

[Когда ж потом в себя пришел живой
И увидал, что унесен мертвец,
Он завернулся в плащ широкий свой,
Чтоб ожидать бестрепетно конец.
И стал в глазах двоиться луч дневной,
Глава отяжелела, как свинец,
И душу рок от тела оторвал,
И будто сноп на землю он упал!]

144

после 40
авториз. копия

[Случалось, с вихрем и грозой
Носились тучи надо мной;
Хоть я один в челне моем,
Вас не боюсь я, дождь и гром.

Не так с душою! — Если в ней
Кипит опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтоб он затих,
И жалости не жди от них.]

167

после строфы 2
копия

[Пускай же мчится мой поток,
    Неистовый и бурный,
Пускай от берега цветок
    Отмоет он лазурный
И увлечет с собою в путь,
И с ним погибнут где-нибудь
Вдвоем, забыт вселенной
В пустыне отдаленной.]

207

вм. 10—13
автограф

[В туманном отдаленье... боже!
Ты знаешь, чем он жертвовал тогда
Душе непостоянной девы? — Смутно
Минувшее являлося ему
Как тень, которая остерегает
Неверующих страшным предсказаньем]

после 14
автограф

[Не верил он — и как же мог он верить,
В тот самый миг, когда б решился бросить
К ногам любимого предмета жизнь,
Земное счастье и блаженство рая.
Увы! он был душой далек от неба:
Ужасные кипели страсти в ней,
И гордый ум мятежно восставал
Противу власти бога или рока.]

вм. 22—23 а) [Он ищет переправы — не находит,
И сердце жмет досада. Деревянный,
видит он,
На берегу другом давно знакомый
Чернеет дом, в одном окне свеча
И чья-то тень проходит.— Может быть,
Она? — Ужели воротиться? как...]

22—23 б) [И как утес чернеет дом... но мост
Изломан... и, пеняся, волны плещут.]

55—56 [И сердце, вырвавшись насильно, с мукой,
Не может освежить ланит и глаз!]

91—95 [Не получить ответа на вопросы,
Безумный! он не знал, что был любим.
И ты узнал о том лишь в то мгновенье,
Когда уж потерял ее любовь навеки
а) Когда другой привлек лукавой лестью
б) Когда другой умел лукавой лестью]

212

после 16
автограф

[Они так сходны! Как! Ужели годы
Разрознить могут нас?..
Что значит власть против цепей природы?
Один счастливый час
Сильней закона, клятв и обещаний —
Я буду награжден]

214

5
черн. автограф

Такой любви нельзя не верить

7
БдЧ

С тобою грех мне лицемерить

216

9—12
автограф

[Нет не меня зовет сей звук;
Я для могилы не созрел;
Ей надо много, много мук,
Но столько же преступных дел.]

219

после 24 автограф

[Жалко мне очей бесценных
Яркой пламень затемнять
И в объятьях вожделенных
Эти прелести измять.]

224

после 4 автограф

[Все, все улыбки, виданные мной,
Ничто против одной слезы твоей.
Однако ж плакать я б не смел с тобой,
Хотя б то было о судьбе моей,

О, если бы слеза твоя могла
Скатиться на чело мое в тот час,
Когда луна сребристая плыла
Над нами. Свет не разлучил бы нас!..]

227

загл. автограф ранней ред.

ПЕСНЬ АНГЕЛА

между 12 и 13

Душа поселилась в творенье земном,
    Но чужд был ей мир. Об одном
Она всё мечтала — о звуках святых,
    Не помня значения их.

13—14

И долго, желаньем напрасным полна,
    Страдала, томилась она.

229

2 автограф

В разлуке жить, в разлуке умереть

17—18

Ты светом осуждён — а что такое свет?
Собрание людей то злых, то благосклонных

22

Ты о земле забыл, родитель мой

30

а) Остатки прежних чувств. Ужель подобных дней
б) [Остатки прежних чувств. Ужель ты не знавал?]
в) [Остатки прежних чувств и светлые мечты?]

33 [Я с этою землей, где жизнь мою влачил]

34 а) Пускай на ней томлюся и страдаю
б) [Пускай я здесь томлюся и страдаю]

230

1

перед 1
автограф

[Гляжу вперед сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец — ожиданный конец:
Какая будущность, творец!]

после 8

[Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя;
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом,—
В ней соку нет, хоть зелена,—
Дочь смерти — смерть ей суждена!]

237

13—15
автограф

Верь, страшней твое хладное слово
На устах вместо речи любви,
Чем на листьях цветка молодого
Ядовитое жало змеи!

242

ранняя ред.
черн. автограф,
03

Есть у меня твой силуэт;
На память я его чертил,
И мнится, этот черный цвет —
Родня с моей душою был,
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней,

Души в глазах, ланит огня
Не различите вы на нем,
Зато он вечно близ меня,
И взор его не на другом,
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.

253

перед 1
черн. автограф

[Ужели ты посланник рая,
Минутный гость в толпе людской,
Ужель ты дева неземная,
Как говорит нам голос твой!..
О нет, ты создана для света!
И лишь умела перенять]

255

между 8 и 9
автограф

[Опасна ты, как вспоминанье,
Как неизменная любовь
И как безумное желанье
Того, чего не будет вновь;]

258

первая ред.
автограф

Вам знакома вся Москва,
Все московские паркеты:
Вас взлелеяла молва
Под названием Анеты;
Близ Невы не встретят Вас
Как московские проводят;
Там прекрасным не находят,
Что божественно для глаз!..

вторая ред.
автограф

Вы уезжаете — напрасно!
Здесь понимают, что прекрасно.
Здесь ваш наряд — для всех закон;
Здесь вам привыкли уж дивиться! —
[Примите общий наш поклон...]
Зачем хотите Вы, чтоб он
Не знал, чем даже похвалиться?

269

между строфой
1 и 2
автограф

Мой проступок перед миром,
Пред людьми моя вина,
Для которых ты кумиром,
Но не другом быть должна,
И поклонников ты встретишь,
И, блистая пред толпой,
Меж рабов ты не заметишь
Для себя души родной.

273

между 32 и 33 автограф

Но время сердцу быть в покое
От счастья, муки, от всего
С того мгновенья, как другое
Не бьется больше для него?
И если снова затрепещет
Оно — то прежнего лишь след:
Так всё волнами море плещет,
Хотя над ним уж бури нет!

после 40 были ст. 29—32

279

после ст. 4 черн. автограф

а) Пускай ни дочери, ни сына
Ты вечно не прижмешь ⟨к⟩ груди,
И с нищетой тебя судьбина
Ждет неизбежно впереди.

б) [Пускай ни к дочери, ни к сыну
Ты груди вечно не прижмешь
За то, что каждого мужчину
За кучу злата обоймешь.]

298

5—8 автограф

Чтоб я с ней по синю полю
Ускакал на том коне.
Дайте волю — волю, волю —
И не надо счастья мне!

299

5—8 копия в альбоме Верещагиной

Я пущусь по дикой степи,
И надменно сброшу я
Образованности цепи
И вериги бытия.

14—15

Я пущуся в сине море
Вдаль от сонных берегов
И натешусь в буйном споре
С злобной прихотью валов.

между 21 и 22

Бил жемчужный водопад;
Перед звучными струями
Я лениво растянусь
И над прежними мечтами,
Засыпая, посмеюсь

301

5—6
автограф

а) Бедных карлиц между нами
Видел их орлиный глаз

б) [Равных силой между ними
Не встречал еще их глаз.]

после ст. 8

Страшны миру были оба
С гордым пасмурным челом,
Но в одном кипела злоба,
А презрение в другом.

307

1—14
автограф ГПБ

отсутствуют

после 23

Отслужит в церкви панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услыхать;
И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит
С двумя плачевными стихами,
Которых, к счастию, вы сами
Не прочитаете вовек.
Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,
То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И, может быть, из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер приготовит суп —
(Всё это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там — но, с вашим позволеньем,
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас.

316

после 4
рукописный
журнал
«Звезда»

Вели день целый
На койке спать,
И каши белой
Мне не давать.

В парадировку
Меня не ставь,
От маршировки
Меня избавь.

Еще моленье:
Дай позволенье
Раз в воскресенье
Мне опоздать...

319

первая ред.
автограф

Сидел в театре я один
И молча «Скопину» дивился.
Когда же занавес упал,
Сосед мой жалобно сказал:
«Как жаль, что умер наш Скопин,
Но, право, лучше б не родился».

320

автограф
после 29

Так нераздельны в деле славы!
Народ и царь, его всегда
Веленьям власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его, как за свою.

ДРАМЫ

329

Планы и наброски

1

СЮЖЕТ

В Испании у матери дочь увез в дурной дом обманщик, хотя служащий при инквизиции, который хочет после обмануть и другую сестру. Любовник первой, за которого не хотели отдать, ибо у него нет многих благородных предков, узнает происшествие, когда сидит с друзьями. Он спасает жида от инквизиции прежде. Жид и говорит, что ее увезли. Он клянется — живую или мертвую — привезти ее. Жид ему помогает ее найти. Он находит — ему злодей не отдает. Он ее убивает и уносит. Злодей не мешает, ибо сам боится, чтоб не узнали похищения. Злодей идет к матери. Приносит тот свою любезную мертвую. Его схватывают, спрашивают, полиция. Входит злодей. Обвиняемый бросает⟨ся⟩ к нему на шею, целует и кинжалом колет в сердце. Его ведут казнить.

2

Когда испанец вынимает портрет своей любезной, жидовка отвращается, и он говорит: «Вот что значит женщина, она не может видеть лица, которое не уступает ей в красоте». После он, видя, что она огорчилась, тут же спрашивает, что он должен дать ей, чего она хочет? — Она говорит: «Чего я хочу, того ты не можешь мне дать!» — и уходит. Он: «Она только желает и молчит; а как многие требуют невозможного от нас!..» (во второй сцене у жида. Действ⟨вие⟩ IV).

3

(В первом действии моей трагедии молодой испанец говорит отцу любовницы своей, что «благородные для того не сближаются с простым народом, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его».)

(В том же действии испанец говорит: «Что такое золото, которое мое может сделать счастье, ибо без него не могу обладать моей любезной? — Металл, как другой. Верно, бог не дал ему этого преимущества, коего многие люди не имеют?»)

4

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Алварец — отец. Немного бедный, но гордый дворянин и добрый.

Донна Мария — мачеха Эмилии, причудливая, капризная, глупая женщина.

Эмилия — дочь Алвареца. Любит и любима Фернандом.

Фернандо — молодой испанец, воспитанный в доме Алвареца.

Патер Соррини — итальянец. Хитрый, богатый иезуит.

Моисей — жид.

Ноэми — дочь его.

Испанцы praздношатающиеся.

Жиды и жидовки.

Слуги.

(Действие в Кастилии)

5

В первом действии так начинается: мачеха с Эмилией идут в церковь. Фернандо тут. Эмилия из-под мантильи роняет записку, где она говорит, что если Алварец ему что-нибудь станет говорить, то чтоб он не горячился. Тут приходит Алварец и говорит ему, что хотя прежде он обещал за него выдать дочь, но теперь не может, ибо имеет другие виды, а Фернандо — побочный сын — и проч⟨ее⟩!

6

Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разновидные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства.

В первом действии моей трагедии Фе⟨р⟩нандо, говоря с любезной под балконом, говорит про луну и употребляет предыдуще⟨е⟩ сравнение.

К трагедии...

Далее в записи Лермонтова следует монолог Фернандо о луне, почти без изменений введенный в трагедию: «Взгляни на тихую луну! О, как она прекрасна!» (действие 1, сцена II).

330

РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ «МАСКЕРАДА»

Действие первое в авториз. копии ЦГИА отсутствует. Действие второе начинается со ст. 417

⟨*ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ*⟩

СЦЕНА 1

Выход третий

вм. 502—506

Я целовать могу твои уста и очи,
И сладострастье первой ночи
Теперь постигнуто лишь мной.
Оставим прежнее забвенью;
Вознагражден судьбою я вполне,
И если б мог творец завидовать творенью,
То позавидовал бы мне.

511—512

Он двадцати рублей, конечно, не дороже

Арбенин

Потерян...

(про себя)

отчего я этим так смущен;

524—527

Тебя вернуться без него!

(Ей.)

Тут дело
О счастии моем идет,
О жизни и о чести.

После паузы. Слуга уходит.

(Ей.)
Но если ж он и там браслета не найдет?
(Слуге.)

538 Иди...

после 537 **Выход пятый**

вм. 578 Без них нет у меня ни бога, ни души

615—616 Она откроется... и сам был на колена
Пред ней готов упасть, когда бы увидал

623—624 Нина

Но слушай... я невинна

Арбенин

Пусть.

Нина

⟨Послушай⟩: я клянуся.

между 633 и 634 Нина

(берет руки)

В последний раз, Евгений, в эту ночь
Клянуся: я невинна.

Арбенин

Прочь, прочь, прочь!.

636 Меня убьешь... о сжалься... ах! я не умею

638 И тут тебе прощаю

После ст. 647 следует 2-я сцена 2-го действия

648—673 *отсутствуют*

после 647 **Выход первый**

Комната у баронессы

Пехотный полковник и барон⟨есса⟩,
потом князь Звездич.

Баронесса

(привставая)

Давно ль решились вы мне сделать эту честь?
Где пропадали вы? — два месяца предлинных.
С тех пор...

Полков⟨ник⟩

Я болен был дней шесть.
А после служба всё.

Баронесса

О!. служба — враг гостиных

Князь Звездич

Входит

(Очень холодно.)

683 С печальной новостью, что наш пикник расстроен.

вм. 688—690 Полковник

Вчерась вы были в маскераде?

Князь

Был.

Баронесса

(укрощая улыбку)

А в каком наряде?
Там было много?

Князь

О, толпа! и там

692 Конечно, всё охотницы рядиться

(смеется)

698 Отречься от таких нескромных слов.

после 700 **Выход второй**

Прежние и Нина.

Входит в шляпе.

Каталась я в санях, и мне пришла идея

далее ст. 675—676

в ст. 677 ремарка *(Садяся.)*

вм. 680—681 Я дурно ночь спала

Полковник

Позвольте, баронесса,
Не удалося слышать вам
Конец пречудный моего процесса.

Баронесса

Нет.

Полковник

Да-с, беда, кто не привык к делам.

(Рассказывает.)

Князь подходит к Нине.

Князь

(всматрив⟨аясь⟩)

Ошибка или нет, а странно, в самом деле.

(Ей.)

Какой у вас премиленький браслет,
Но отчего другого нет?

Нина

Другой?.. потерян...

Князь

А!

далее ст. 712—736

737 Но поймите же.

далее ст. 738—743

после 743 ремарка Нина не отвечает, подходит к баронессе. Полковник раскланивается и уходит.

далее ст. 744

745 Помилуй, милая, с тобой мы не успели

после 747 ремарка **Выход третий**

Прежние, кроме Нины и полковника.

756 Баронесса

Она созналась?..

Князь

Как же...

Баронесса

Без стыда

вм. 759—760 Баронесса

Прекрасно, только друг нас не бранит
заочно.

760 Но я не верю: доказательств нет?

765 Я нынче все изъездил их

вм. 772 За два совета благодарен вдвое

Выход четвертый

Баронесса

Одна в задумчивости.

Ага! Madame Арбенин, вы
Всё взяли на себя по дружбе, добровольно,
Так пусть падет на вас и мщение молвы
И мщение мое... подумать больно

далее ст. 773—777

778 Ее браслет... а Нина там была.

вм. 784—789 Она меня узнает — расскажу
Везде, унижу, пристыжу
Охотницу до нежных предприятий!

804 Про это знает целый свет!..

814—815 Когда они сквозь тысячу преград
К своей стремятся героине.

820 Я ей полезный дам урок.

824 Тут есть интрига, да устрою эту связь;

вм. 830—836 ***ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ***

СЦЕНА 1

⟨Выход первый⟩

В доме Арбенина, его кабинет

Арбенин и Нина.

Нина

Евгений, ты со мной не едешь?

Арбенин

Нет.

Нина

Ты виноват передо мною
И должен извиниться.

Арбенин

Всей душою
Прощенья рад просить.

Нина

Потерянный браслет
Тебя уж больше не тревожит?

Арбенин

Меня?

Нина

Ну да, тебя.

Арбенин

Быть может.

Нина

Быть может! Это не ответ,
И для меня укор обидный.
Ты должен подойти меня поцеловать
И весело сказать:
«Я виноват, мой друг, мне стыдно,
Мое ребячество смешно,
Но за любовь мою в глазах твоих оно
Найдет прощение».

Он ее целует.

Вот так бы уж давно.

Арбенин

(подходит и целует два раза)

Я виноват, мне стыдно.
Мое ребячество смешно.

Нина

Ты это говоришь как будто поневоле.

Арбенин

Я повинуюся, чего ж ты хочешь боле?

Нина

Нет, вижу я, намеднишний твой бред
Не вовсе кончился — тебе не жалко было
Довесть меня до слез... за что же? За браслет.
И дуться целый день потом — как это мило.

Арбенин

Не правда ль мило?..

Нина

Нынче же куплю
Такой же точно непременно.

Арбенин

Весьма обязан.

Нина

Только б совершенно
Тебя утешить.

Уходит.

Выход второй

Арбенин один. Потом лакей.

Арбенин

Я ее люблю.
И в этом звуке все мученья.
Что делать... брошу подозренья,
Забуду всё, скажу себе:
Она чиста, как голубь,— как судьбе
Ей вверюся с закрытыми глазами
И буду счастлив... Пусть пред нами
Клокочут клеветы, я буду спать в грозу.
О, жизнь завидная!

Лакей

(входит)

Ждет человек внизу.

далее ст. 837—842

вм. 843—867 Казарин

Вы опытны, но ведь и мы не дети.
Не ускользнет от нашей сети
Неукротимый этот зверь.
Иль никогда — или теперь!
Один уж я не лажу с ними;
Товарищ ловкий нужен мне.
Арбенин смел, с талантами большими,
Богат приятель мой вполне
И будет верен старине!..

Выход четвертый

Казарин и Шприх.

Входит Шприх.

Казарин

Шприх!

Шприх

Афанасий Павлович,— вот чудо.

после 956 ремарка Уходит незамечен.

977—978 *отсутствуют*

вм. 989 Католик,

Вот с трепетом кладу свой туз на страшный столик.

994	А там барыш с потерею расчел...
1002	*отсутствует*
1028	Чтоб ею обладать, ты отдал всё
1048	Потом обед — вино, Парижа честь...
вм. ремарки после 1069	Арбенин упадает на стул
1103	Когда б, крича, при них я вызвал бы врага,
1114	Я трус?.. трус!.. трус!.. я? кто это сказал...
вм. 1124—1126	Иной избрать я должен путь... И ненависть свою глубоко Зарыть в измученную грудь. Улыбкой радостной и безмятежным взглядом Встречать врага... терпеть, молчать И медленным, но верным ядом Не жизнь его — но счастье истреблять.
между 1130 и 1131	Прощай, красавчик ветреный; спи сладко И долго спи... покуда можешь спать... Хоть тяжко мучиться любовною загадкой, Но часто хуже отгадать.
вм. 1144	Хочу... Дама Всё знаете!.. так нечего таиться. Да, это я!
1182	Что вас понудило?.. неурожай! сюда
1273	Но если вас убьет, убьет! — о боже!..
1285	Но Шприх?.. он говорил... какой содом!
1293	Вас он простит... меня ж простить уж в вашей воле.
1298	Что случай счáстливый под носом пропускаю
после 1301 (в «записке») вм. «там будет много»	там будет вся наша компания
вм. «а то ты бы дремал»	а то ты б спал

СЦЕНА 3

Выход первый

Комната игроков. Казарин и прочие.
Стол один. Собираются ужинать.

Казарин

Ну, господа, надежда есть!
Арбенин, верно, нынче будет,
А стоит лишь ему присесть,
Так встать сам черт уж не принудит.
Да, я почуял издали́,
Что скоро нам он будет нужен.
Союз наш стал не слишком дружен,
И годы тяжкие пришли.
⟨За то, что прежде как нелепость
Сходило с рук не в счет бедам,
Теперь Сибирь грозится нам
И Петропавловская крепость.
В такие страшные года,⟩
Когда всё общество готово
Вдруг разорваться навсегда,
Нужней нам боле чем когда
Товарищ умный, господа,
С огнем в груди и силой слова,
Недурно, если он к тому ж
Любитель смелых предприятий,
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Дарами этими вполне
Снабдил Арбенина создатель,
Он будет верен старине;
И сверх того он мой приятель.

Все

О, если так, то ради мы душой.

Казарин

О, вы увидите, как всё пойдет исправно!

(В сторону.)

Глядишь, а там другой, еще другой
Появится, ушедший на покой.
И заживу, как прежде, славно,
А мне же эта молодежь
Ну просто нож!
Толкуй им как угодно,
Не знают ни завесть, ни впору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!

Является еще несколько игроков.

Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов
Из грязи.
Вошли со знатью в связи,
И всё ведь от⟨ч⟩его — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!
При них и честь и миллионы!..

вм. 1306—1437 **Выход второй**

Арбенин и прежние.
Арбенин входит.

⟨Казарин⟩

Арбенин, милый друг, какой
судьбой!..

Все обращаются.

Арбенин

Соскучился... пришел рассеяться немного,
Хочу отстать от жизни строгой
И вспомнить ночи жизни холостой!

Казарин

Похвально... ты по всем приметам
гений.
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.

Арбенин

Я ваш! былого нет и тени!..
Мечту я вдребезги разбил
И снова жить хочу, как жил.

Все подходят и жмут руки.

Многие

Ах, как мы ради — вас недоставало
Одних...

Арбенин

Вы ради? Я — нимало.
Но так велит судьба — и это не упрек.
Я сам таков же; был всегда игрок
И буду им опять... но я прошу вниманья,
Условия мои понравятся ли вам,
Исполните одно мое желанье,
А я взамен вам всё отдам,
Что выиграю в месяц...

(Смеется.)

Казарин

Что ж такое?

Арбенин

Забава — так! — пустое!
Князь Звездич вам знаком?

Другой

Конечно... я с ним дружен.

Арбенин

Он будет нынче — прежде надо ужин,
Вино, веселость — а потом...

Третий

Потом...

Арбенин

Он проиграет.

Третий

Много?

Арбенин

Всё на свете.
Всё... всё...

Игрок

Но кто ж в ответе
За следствия?

Арбенин

Я отвечаю, я,
И в награжденье вам за то вся жизнь моя;
Мое искусство... всё... О, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью...
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей поставил бы свою.

Многие

(смеясь)

О, мы его зарежем без условий,
Пожалуй.

Арбенин

Ваши руки, господа...
Не бойтеся — на картах нет следа
Ни слез, ни крови.

Звонок.

Казарин

Вот, кажется, и князь! сомненья нет!..

Арбенин

Надеюсь на вас...

Игрок

О, будьте без сомненья.

Казарин

Тебе уйти б не худо в кабинет.

Арбенин

Ты прав, он догадаться может...

Уходит в дверь.

Князь входит.

Выход третий

Князь Звездич и прежние, кроме Арбенина.

Князь

Извиненья
Прошу, что опоздал.

Хозяин

Князь, без чинов у нас!
Мы рады вам во всякий час!
А вот вы прямо к ужину поспели,
И, как старинный аматер,
Я вас попотчую, есть у меня Lausseur
И славный Шамбертень.

Садятся.

Князь

Второе ближе к цели.

Казарин

Вино несчастных друг — а вы счастливец,
князь.

Князь

Напротив, эти дни мне всё не удавалось.

Казарин

Пожалуй, захотите не трудясь...
Вам, верно, не случалось
С самим собой пускаться на пари,
Чтоб наверняк узнать вражду или
пристрастье
Судьбы и счастья.
Присядьте поиграть прилежно ночи три,
Смотрите, только уж не доле;
По кушам маленьким сначала, а когда
Пойдет... так и смелей — но чтоб всегда

Остановиться было в вашей воле.

Подливают.

Князь

Я с некоторых пор поклялся не играть!..

Казарин

(в сторону)

Хороший знак.

Игрок

Мне вас легко понять!
Я нрава сам такого.
Однажды как-то банк всё у меня унес,
Я банки не метать тогда ж себе дал слово —
И вот уж десять лет играю только в штосс!..

Хохочут. Приготовляют в стороне стол, некоторые встают из-за стола и мешают карты и начинают играть.

Князь

(в сторону)

Однако, кажется, я быть могу спокоен,
Арбенин не пришел, не храбрый, видно, воин!..

(Наливает себе.)

Но, впрочем, лучше и ловчей
С его женой мне объясниться,
Отдать браслет на бале завтра ей
И тем от зла спокойно удалиться.

Казарин

(игр⟨ает⟩)

На ваше счастье, князь, поставить карту нам
Позвольте...

Князь

(допивая)

Очень рад.

Казарин

...Взяла опять... вот диво...
Ну, счастье к вам несправедливо!..

Князь

Да, счастие, подобно всем рабам,
Услужливо к чужим лишь господам,
И если б голова моя не так кружилась,
То...

(Садится и ставит.)

Казарин

(отходя)

Сел — ну с плеч гора
свалилась!
Арбенин угостил нас славно в день
вступленья.

Игрок

Но он расстроен был, пришел сюда
в волненье.

Казарин

Конечно, с радости, что бросил модный свет
И снова поступил в ученый Комитет!

Князь

Ага, ну что?

Игрок

(в притворной досаде)

Беда!

Князь

Ведь прав Казарин,
Иль гость незваный хуже, чем татарин?
Но, впрочем, господа, меня Арбенин звал.
Арбенин — друг мой и приятель,
Я всюду с ним — на бал
И в маскерад... Я страстный обожатель
Всех черных домино.

Выход четвертый

Прежние и Арбенин.

В это время Арбенин отворил половину двери и смотрит на него. И остается так.

1-й игрок

Вы бьете наповал,
Нельзя играть...

2-й игрок

Что ж дальше?

Князь

О! конечно,
Я нынче счастлив... счастие не вечно!..

Арбенин

(сквозь зубы)

Да, счастлив потому, что в пору замолчал!

Князь играет.

Играют. Казарин подошел, посмотрел и воротился к Арбенину.

Казарин

Мой милый, поздравляю,
Теперь уж он не вырвется от нас.

Игрок

Что ж, вы играете?

Князь

Играю...
Рискую, мешкать скучно.

Игрок

В добрый час.
Вы проиграли.

Князь

Что ж, я не печалюсь.
Сегодня счастье пощадило вас,
А завтра надо мной на первый раз
Уж верно сжалится.

Арбенин

Да я не сжалюсь.
Отныне ты пойдешь моим путем.
Кровавых слез познаешь сладость.
Былое счастье будет в тягость
Твоей душе... И мыслить об одном
Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, высокого погаснут и умрут.
И совесть замолчит при голосе искусства,
И жизнь твоя пройдет вся тут,
За карточным столом, без мысли, одноцветна,
Как ассигнация,— и если неприметно
Надежды прежние в тебе и оживут,
То успокойся, друг,— я буду тут...
Теперь мы квиты.

Князь рассчитывался и облокотился на стул. Арбенин сзади подходит.

Князь

(игроку)

Как? Я откажусь! Пустое!
Я тверд и уж свое возьму назад.

Арбенин

(На ухо ему громко)

Князь, я советую вам съездить в маскерад
Рассеяться...

(Уходит быстро.)

Игроки смеются.

Выход пятый

Прежние, кроме Арбенина.

Князь

А!

(Вскакивает.)

Что такое?
Кто говорил? Кто говорил?

1-й игрок

Не я!

2-й игрок

Не я!

Князь

Да что такое? шутка?

Многие смеются сзади.

Арбенин здесь иль я лишен рассудка.

Казарин

Арбенин? Что вы?

Князь

Он мне говорил.
Я слышал.

Казарин

Полноте тревожиться мечтою.

Князь

(почти про себя)

Нет, слишком я испуган был,
И этот голос мне не даст покою.

Казарин

Эх, полно, князь,— садитесь-ка сюда,
И разом думы все сбегут с вас, как вода!..

Князь, махнув рукой, садится.

АКТ ⟨ЧЕТВЕРТЫЙ⟩

СЦЕНА 1

Выход первый

Хозяйка, Нина, Арбенин. Князь Звездич. Гости.

Бал. Сидят. Рояль налево.

Хозяйка

Я баронессу жду... не знаю,
Приедет ли. Мне, право, было б жаль
За вас, мосье Петров.

Петров

Я вас не понимаю...

(Принуж⟨денно⟩ улыб⟨ается⟩.)

1-й гость (чиновник)

Вы ждете баронессу Траль?..
Так вы нс знаете? Какими же судьбами?
Она уехала.

Многие

Неу́жели! Как жаль!
Вы, верно, шутите над нами?

2-й

Давно ли? Как?

3-й

Когда?

Хозяйка

Вы сами видели?

1-й гость

Увы, к несчастью, да.
Сегодня поутру в двенадцатом, в начале,
Нет, в первом, я заехал к ней.
Вхожу. Столы, диваны в зале,
Комоды, сундуки. В передней нет людей,
Ни тени жизни светской!
Смущен, иду назад. Навстречу мне дворецкой
В тулупе, в теплых сапогах.
Лицо в аршин, печаль в глазах.
«Что это значит, братец?» — «Мы-с съезжаем».
— «На дачу?» — «Нет-с».
— «Куда ж?»
— «То знает барыня — мы-с ничего не знаем».
В раздумье выхожу. Дорожный экипаж
Уж подвезен к крыльцу шестеркою разгонной.

Вздохнув, я пожелал счастливых много лет
Прекрасной страннице и к графу на обед
Помчался по Мильонной!..

Хозяйка

Загадка несколько темна!
В деревню ль, в монастырь сокроется она?

2-й гость

Она жила довольно пышно
И многим здесь была должна.

3-й гость

Нет, я не думаю, ведь это было б слышно.

Нина

Но, может быть, любовь, измены весть,
Отчаянье.

Пожилой человек

Отчаянье? Да, есть
И это слово в дамском лексиконе,
Благодаря романам и творцу
Оно довольно звучно даже в тоне
И многим женщинам к лицу:
Ведь носят же супиры, сувениры
И репантиры?
Дивлюся, как давно не превратят
Отчаянье в какой-нибудь наряд.
Но успокойтеся, в числе других товаров
На днях Париж сюда пришлет
Несметное число премилых дезеспоаров.

Нина

(улыбаясь)

Вы вечно против женщин или мод.

Гость садится за фортепьяно и играет вальс.

Хозяйка

Прошу вас, начинайте.

Один гость

Мы дамам не дадим присесть.
Но вы собой пример подайте.
(Идет с ней.)

Нина

(одной даме)

Вальс — божество мое.

Князь

(ей)

Угодно сделать
честь?

Делает с ней тур и останавлив⟨ается⟩ в стороне.

(В сторону.)

1438—1439

Не будет случая другого,
Теперь от всех мы с ней удалены.

вм. 1441—1442

И вы их выслушать должны.

Нина

Должна?

Князь

Должны для вашего же счастья.

вм. 1444—1462

Князь

Я вас молю!

Нина

И просьба как приказ.
Вы нынче дерзки, как в тот раз.

Князь

Тогда я мог таким казаться.
Но нынче должен оправдаться!

Нина

Такой же дерзостью, от лишнего труда
Я, князь, охотно вас избавлю.

Князь

Но вы не знаете! Но вам грозит беда.
Я сделал глупость и ее поправлю,
Я не шучу... Послушайте — назад
Тому дней шесть я ездил в маскерад.
Там в знак любви браслет мне дали.
Конечно, где-нибудь его вы потеряли,
Но я вообразил, что это были вы.
Обманутый безумным подозреньем,
Я вас преследовал и принят был
с презреньем,
И вздумал отомстить орудием молвы!..
Теперь я всё узнал — теперь я перед вами
Готовый казнь принять — и посудите сами,
Как мог я вдруг расстаться сам собой
С моей божественной мечтой?

Нина

Я всё простила б вам, когда бы вы молчали.

Князь

Я знаю сам, мне извиненья нет,

Она хочет идти.

Еще минута, вот браслет.
О, если б вы его судьбы вовек не знали,

Она берет.

О, если б прошлое я уничтожить мог!
Ваш муж.

Нина

(вздраг⟨ивает⟩)

Мой муж.

Князь

Ему всё
рассказали.

Нина

(гордо)

Мой муж не знает ничего.

Князь

Дай бог.

Она уходит.

(Один.)

Холодный едкий взгляд — то был упрек
в боязни.

Арбенин

(в сторону)

Дай бог, чтоб ничего вовеки он не знал!

Князь

Но я достоин этой казни.

Арбенин

Всё кончено — я слишком долго ждал.

Хозяйка

(иным)

1461 Как много съехалось — здесь, право, будет
тесно.

после 1476 ремарка *(на грудь)*

перед 1506 ремарка Во время последних строк входит хозяйка и несколько гостей.

после 1507 Петров

1532 Мне нездоровится.

Петров

(другому)

Во всякой песне модной

в ст. 1533 Гость 1

после 1536 Гость 2

после 1539 ремарка *отсутствуют заключительные слова:* «Неизвестный показывается в глубине театра».

Нина

вм. 1547—1551 Послушай, надо мне с тобой
поговорить.

Арбенин

Успеем и потом.

Нина

Обманы, ложь, коварство,
Вот всё, на чем вертится свет.
Ужасно.

Арбенин

Да, ужасно!

1555 Что в свете лишь одну такую отыскал.

1558 Так, верно, потому, что мало танцевал!

1567 Кто? я? Нет, нынче я доволен был тобой

1568—1571 *отсутствуют*

1576 Мне что-то душно — верно, от корсета

1589—1591 Я проучу надменного мальчишку!..
И что он думает?

в ст. 1599 ремарка *(в рассеянности)*

1624 Ужасный ряд забот и муки тайной ран,

1630 Кружиться весело, кругом всё светло, ясно...

после 1645 ремарка *(в отчаянии)*

вм. 1650—1651 Без доктора?

Нина

Но ты злодей
Ты изверг... Это слишком...
Ты погубишь
Меня, Евгений. Я жена
Твоя.

Нина

вм. 1669—1675 Но ты не выслушал... Я нынче лишь сама
Узнала всё.

Арб⟨енин⟩

Прочь, прочь! о, я сойду с ума,
Не верю — прочь! Когда же перестанут
Меня терзать.

Нина

Всё это клевета молвы,
Ошибка, оба были вы
Обмануты.

Арбенин

Так, так — я был обманут.

между 1693 и 1694

Невинность пред тобой, не очерняй врага,

вм. 1717

Один, один, один... Года пройдут
Молчишь? А, месть тебя достойна
Но я не верю... будь спокойна!

вм. 1745—1746

Нина

Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна.

Арб⟨енин⟩

Ложь! Ложь! Ложь!

(С хитрой лаской.)

Послушай, средство есть тебя спасти...

Нина

Скорей,
Скорей — на всё готова.

Арб⟨енин⟩

Скажи, что ты виновна. Лишь два слова...
Есть время.

Нина

...Жизнь! Спасение.

Арбенин

Страшна
Открытая могила.

Нина

(умирающим голосом)

Всё правда, я преступна, изменила.

Арбенин

(грозно)

Прощай, мой друг,— ты умереть должна.

Нина

Ах! обманул...

⟨Арбенин⟩ садится в креслы.
Молчание. Слышен тяжелый стон Нины.
Арб⟨енин⟩ встает и подходит — вздрагивает.

Арб⟨енин⟩

Теперь пора!

(Бросается в дверь.)

Действие четвертое отсутствует

вм. 1747—2061

Выход третий

Прежние и несколько служанок и слуг.

⟨Арбенин⟩

Сюда...
Сюда... ей дурно... умирает...
Что ж — не проснетесь никогда...
За доктором — за доктором.

Голоса

Люди прибегают.

Беда.
Что с барыней?

Арб⟨енин⟩

Иль здесь никто из вас
не знает
Меня!.. Вы видите, она
Без чувств и как мертвец бледна.

Суета — он стоит в дверях, сложа руки, не решается подойти.

1-я служанка

За доктором скорей.

2-я

Да где найдешь?

3-я

Над нами
Живет какой-то, побегу за ним.

4-я

(возле Нины)

Подайте капель.

5-я

С ней удар.

4-я

Спиртами
Ей потереть виски... Где барин?

3-я

С ним
Теперь не говори.

4-я

Голубушка! чуть дышит.
И губы синие... сударыня.

2-я

Не слышит.

Выход четвертый

Прежние и доктор.
Входит доктор.

Доктор

Давно ли госпожа Арбенина больна?

Служанка

Сейчас схватило.

Доктор

Как, во время сна?

Служанка

Нет-с, только что вернулись с бала.

Подходит муж.

Доктор

А!..

Служанка

Верно, простудилась.

Доктор

А!
Она, конечно, много танцевала.

Арбенин

(взяв его за руку)

И тотчас, не простыв, как помню, три куска
Мороженого.

Доктор

А! и воспаленье...
Такой болезни два скачка.

Арб⟨енин⟩

(мрачно и с горькой улыбкой)

Вы поняли болезнь, я жду от вас спасенья.

Доктор

(пощупав пульс)

Готов употребить я всё свое уменье,
Но...

Арб⟨енин⟩

Но...

Докт⟨ор⟩

Власть бога велика.
Она скончалась.

Арб⟨енин⟩

(как будто отдохнув)

О!

Доктор

Я вижу, вас тревожит
Ужасно эта горестная весть,
Но успокойтеся, быть может,
Я поспешил, и средство есть!
Рецепт⟨ик⟩ написать, послать в аптеку
В одну минуту я б успел.

Арб⟨енин⟩

Вы думаете? Нет, не сделать человеку
Того, что сделать бог не захотел.

Доктор

Итак, я больше здесь не нужен... вам осталось
Беречь себя.

(Уходит.)

Выход пятый

Арбенин, один.

Арб⟨енин⟩

Далее ст. 1801—1802

1803 А я всё жив! Я счастия искал,

Далее ст. 1804—1812

Конец

ПРИМЕЧАНИЯ

Первый и единственный прижизненный сборник стихотворений Лермонтова вышел в 1840 г. в Петербурге. Лермонтов произвел очень строгий отбор и включил в книгу только двадцать шесть стихотворений и две поэмы [1]. Все они, за исключением «Русалки» (1832), были написаны в течение 1836—1840 гг. и тогда же многие из них появились на страницах петербургских журналов.

Из юношеских произведений было напечатано три: стихотворения «Весна» («Атеней», 1830), «Ангел» («Одесский альманах» на 1840 г.) и без ведома автора поэма «Хаджи Абрек» («Библиотека для чтения», 1835). Все остальные ранние произведения поэта были опубликованы посмертно.

После выхода сборника «Стихотворения М. Лермонтова» поэт продолжал печататься в журнале «Отечественные записки»; одно стихотворение («Спор») появилось в «Москвитянине» (1841, № 6). Посмертно на страницах «Отечественных записок» было напечатано большинство стихотворений поэта, написанных в последние месяцы его жизни. В 1841—1845 гг. неизданные стихотворения Лермонтова публиковались также в «Литературной газете», «Библиотеке для чтения», альманахах «Молодик» и «Утренняя заря», в сборнике «Вчера и сегодня».

Наиболее значительные публикации юношеской лирики поэта явились под рубриками: «Из альбома Екатерины Александровны Сушковой» в «Библиотеке для чтения». 1844, № 5 и 6 (см. стихотворения №№ 105, 118, 77, 124, 81 и 134, 214, 142, 187, 119, 244), «Одиннадцать стихотворений, приписываемых Лермонтову» в той же «Библиотеке для чтения». 1845, № 1 (см. стихотворения №№ 143, 153, 156, 158, 160, 218, 97, 63, 280, 285, 298).

---

[1] Состав этого издания следующий: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Бородино», «Узник», «Молитва» («Я, матерь божия, ныне с молитвою...»), «Дума», «Русалка», «Ветка Палестины», «Не верь себе», «Еврейская мелодия», «В альбом (Из Байрона)», «Три пальмы», «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Дары Терека», «Памяти А. И. О⟨доевско⟩го», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «Казачья колыбельная песня», «Журналист, Читатель и Писатель», «Воздушный корабль», «И скучно и грустно...», «Ребенку», «Отчего», «Благодарность», «Из Гёте», «Мцыри», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Сосед», «Расстались мы, но твой портрет...», «Тучи».

Имеется фототипическое изд. сборника: «Стихотворения М. Лермонтова»/Послесловие А. А. Тарковского. Комментарии И. С. Чистовой. Горький, 1984.

Первой попыткой издать полный свод стихотворений Лермонтова стали Сочинения в двух томах под редакцией С. С. Дудышкина (Спб., 1860), включившие ряд юношеских стихотворений. Однако отбор стихотворений для книги был сделан произвольно и часть из них печаталась в сокращении без каких-либо оговорок публикатора. Значительным шагом вперед стало третье издание Сочинений Лермонтова в двух томах под редакцией П. А. Ефремова (Спб., 1873). В первом томе были напечатаны стихи, изданные самим поэтом в течение двух последних лет его жизни и не известные ранее в печати письма. Во второй вошли юношеские стихотворения и поэмы, а также более поздние произведения, отсутствовавшие в сборнике 1840 г. Во вступительной заметке к изданию Ефремов дал критику редакторского произвола Дудышкина в работе над текстами Лермонтова. Вместе с тем сам Ефремов не сумел избежать существенных ошибок и неточностей в подаче текста, некоторые из которых были исправлены в четырех последующих изданиях (4—7-е: 1880—1889), также вышедших под редакцией Ефремова.

С наибольшей широтой стихотворное наследие Лермонтова было представлено в Первом полном издании сочинений поэта (1889—1891), подготовленном П. А. Висковатовым. Сюда вошли все стихотворные произведения, появившиеся к тому времени в печати (том шестой целиком заняла биография поэта, написанная редактором издания).

В 1910—1913 гг. выходит академическое Полное собрание сочинений под редакцией Д. И. Абрамовича — самое полное из дореволюционных, но изобилующее множеством текстологических ошибок. Новацией издания явился его пятый том — свод историко-литературных и биографических материалов, накопленных исследователями Лермонтова в дореволюционный период.

Серьезнейшую работу проделали советские текстологи, заново проверившие тексты Лермонтова по всем доступным источникам: первопечатным изданиям, автографам и копиям. В 1926 г. вышло Полное собрание сочинений Лермонтова под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума (6-е издание этого однотомника выпущено в 1934 г.). В 1935—1937 гг. выходит пятитомное Полное собрание сочинений Лермонтова в издании «Academia» — одно из лучших изданий сочинений поэта, снабженное обширным текстологическим и историко-литературным комментарием. Это издание, и поныне не утратившее своего значения, было положено в основу последующих изданий под редакцией Б. М. Эйхенбаума (Гослитиздат, 1939—1940; Гослитиздат, 1947—1948).

В 1954—1957 гг. Институтом русской литературы Академии наук СССР было осуществлено академическое издание сочинений Лермонтова в шести томах. Важное достоинство этого издания — почти исчерпывающий и точный свод вариантов, подготовленный под руководством Б. В. Томашевского.

В первом издании Лермонтова в Большой серии «Библиотеки поэта» (т. 1—2. Л., 1940—1941) стихотворения были сгруппированы по трем разделам: автобиографическая лирика, философская и гражданская, эпические и ориентированные на фольклор (песни, баллады) произведения. Каждый раздел сопровождался специальными комментариями Б. М. Эйхенбаума, переросшими в отдельные исследования.

Во второе издание Лермонтова в Большой серии «Библиотеки поэта» (т. 1—2. Л., 1964) были впервые включены тексты, выявлен-

ные в начале 60-х гг. в ФРГ (архив А. М. Верещагиной). Новые фактические данные были отражены в комментарии к двухтомнику.

Настоящее издание практически охватывает все стихотворные произведения поэта. За его пределами остались лишь юнкерские поэмы [1], как неудобные в печати и к тому же вызывающие сомнения в отношении единоличного авторства Лермонтова.

Учитывая особенности творческой эволюции поэта, его неоднократные возвращения к своим ранним замыслам, ряд лирических опытов, связанных текстуальными повторениями с более поздними стихотворениями, приводится в основном тексте в качестве самостоятельных произведений (см. например, №№ 46, 77, 162, 186, 195, 245, 268, 279 и примечания к ним).

В состав данного издания впервые включено юношеское стихотворение «Возьми назад твой нежный взгляд...» (№ 263). Тексты двухтомника заново проверены по указанным в примечаниях печатным и рукописным источникам (автографам и авторитетным копиям). Уточнены отдельные строки в поэмах «Демон», «Сашка», «Монго», в некоторых стихотворениях.

Произведения, напечатанные при жизни Лермонтова, приводятся по этим публикациям, кроме случаев, специально оговоренных (цензурные и другого рода искажения). Произведения, опубликованные посмертно, печатаются по автографам или авторитетным копиям, а при отсутствии рукописных источников — по первой публикации.

Структура настоящего издания такова. В каждом из двух томов четыре раздела. Первый том включает в себя «Стихотворения 1828—1836 гг.», «Драмы» (только стихотворные), «Приложения» (здесь помещены тексты, относящиеся к раннему периоду поэтического творчества Лермонтова). В соответствии с общим принципом публикации лермонтовского стихотворного наследия в основной корпус первого тома введена драма «Арбенин», хотя и удержавшая в своем тексте целые сцены «Маскерада», но тем не менее превратившаяся в результате коренной переделки этой пьесы в самостоятельное произведение.

Том второй открывается зрелой лирикой поэта — «Стихотворениями 1837—1841 гг.», вслед за которыми следуют «Поэмы». «Приложения» здесь составляют стихи на французском языке, коллективные и приписываемые Лермонтову стихотворения, поэма «Монго». Оба тома содержат также раздел «Другие редакции и варианты». В первом томе он включает в себя раннюю редакцию «Маскерада», во втором — шесть редакций «Демона».

В каждом разделе материал расположен в хронологической последовательности.

Многие примечания к зрелой лирике и поэмам по сравнению со вторым изданием Большой серии написаны заново с учетом новейших исследований и материалов, в частности «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). Проведена дополнительная работа по установлению адресатов стихотворений (см., например, «Посвящение» 1830 г.), а также сведений об их творческой истории. В комментариях использованы наблюдения А. Н. Маркова, который атрибу-

---

[1] Купированные тексты юнкерских поэм («Гошпиталь», «Петергофский праздник», «Уланша») напечатаны в Полном собрании сочинений. (М.; Л.: «Academia», 1935. Т. 3. С. 533—545).

тировал в 1986—1987 гг. многие акварели и рисунки Лермонтова.

В настоящем двухтомнике пересмотрены некоторые традиционные датировки. В одних случаях это способствовало их уточнению, в других — устранению излишней определенности хронологических указаний, не подкрепляемых достаточно вескими доводами. Ряд стихотворений, не поддающихся датировке, помещен во втором томе, где они замыкают раздел лирики.

В работе над датировкой произведений поэта составителем учтены данные «Лермонтовской энциклопедии». Однако не все хронологические указания, содержащиеся в ней, были приняты из-за отсутствия необходимой аргументации.

Для установления реальной картины развития Лермонтова-поэта велико значение его рукописного наследия. Большая часть юношеских стихотворений поэта представлена в рукописных тетрадях, хранящихся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Тетради эти имеют нумерацию и, как правило, включают в себя автографы произведений, написанных в течение одного года или двух лет. К 1828—1829 гг. относятся тетради 2 и 3, к 1830 г.—5—8, к 1831 г.—10 и 11, к концу 1831—1832 г.— тетрадь 4.[1] Среди входящих в тетради стихотворений есть и точно датированные самим поэтом.

Расположение стихотворений в тетрадях более или менее верно отражает реальную последовательность их написания. Исключением является тетрадь 6, хронологический порядок в которой не соблюден. Необычна по своему материалу тетрадь 20, представляющая собой копии ранних избранных стихотворений, частично переписанных из тетрадей 8, 6, 2[2]. Вслед за ними здесь помещены тексты сорока шести стихотворений Лермонтова, не известных в других рукописных источниках. Эти стихотворения следует датировать 1830—1831 гг. (кроме содержащих даты в заглавиях), так как после них идут стихотворения, переписанные из тетрадей 10, 11, 4, бесспорно относящихся к 1831 г. Ряд стихотворений 1832 г. содержится в автографах так называемой Казанской тетради (№ 21), некогда составлявшей одно целое с тетрадью 20,— последние листы тетради 21 Лермонтов использовал для записи черновых текстов своих новых стихотворений.

В настоящем издании расположение стихотворений 1828—1832 гг. в основном соответствует порядку их следования в тетрадях, за исключением стихов из тетрадей 6 и 20. Сорок шесть стихотворений, занимающих середину тетради 20, помещены после 1830 г.

Меньше всего данных для датировки содержит тетрадь 15, составленная А. А. Краевским из разрозненных автографов (на отдельных листах) и копий 23-х стихотворений. Те стихотворения, для которых тетрадь 15 является единственным источником текста, датируются предположительно по содержанию, по соотношению с фактами биографии поэта и другим признакам. Еще большую слож-

---

[1] В тетрадях 1, 9, 12—14, 16, 18—19 помещены поэмы, драмы и прозаические произведения Лермонтова.

[2] Наиболее подробное и точное описание этих тетрадей было осуществлено Б. М. Эйхенбаумом в примечаниях к Полному собранию сочинений М. Ю. Лермонтова (М.; Л.: «Academia», 1936. Т. 1. С. 417—419).

ность для датировки представляют стихотворения в тетради 7 Чертковской библиотеки (ныне Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве), составленной из автографов разных лет творчества Лермонтова.

Стихотворения, написанные Лермонтовым в последние месяцы жизни, датируются по месту их расположения в записной книжке поэта, подаренной ему писателем В. Ф. Одоевским 13 апреля 1841 г.

В примечаниях к настоящему изданию оговариваются все случаи авторских датировок в рукописных источниках и в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (Спб., 1840). Если эти даты неточны или ошибочны, они по возможности исправляются на основании других данных, сообщаемых в примечаниях. По мере необходимости комментатором приводятся доводы или факты в пользу той или иной принятой датировки. В большинстве же случаев датировка подкрепляется ссылкой на рукопись (местонахождение текста в датируемой тетради).

Даты, сопровождаемые вопросительным знаком, являются гипотетическими, даты, заключенные в угловые скобки, означают год, не позднее которого было написано произведение.

Примечания имеют единообразную структуру. Каждое из них начинается ссылкой на первую публикацию произведения. Далее — через точку и двойной дефис — указываются публикации, содержащие какие-либо смысловые отличия (новые варианты строк, другие редакции, разного рода уточнения, более полные тексты и т. д.). Если дается ссылка только на первую публикацию, без каких-либо последующих указаний, это означает, что текст в печати не менялся. Зачастую такая публикация (это относится в первую очередь к прижизненным публикациям) служит источником текста в настоящем издании, что в примечаниях особо не оговаривается. Формула «Печ. по ...» применяется в тех случаях, когда произведение печатается по рукописным материалам (автографам, авторизованным копиям, спискам) или когда текст реконструируется по нескольким источникам (как печатным, так и рукописным). Затем — по мере необходимости — в примечаниях сообщаются сведения автобиографического и историко-литературного порядка, данные творческой истории, факты, побудившие к созданию произведений, и другая информация, важная для понимания текста.

Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому произведению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты». Если в этом разделе или примечании содержится ссылка на отсчет стихов, то к таким произведениям в корпусе издания дается нумерация строк по десяткам, кроме произведений, насчитывающих менее 50-ти стихов.

В примечаниях к двухтомнику отсутствуют сведения о текстах Лермонтова, положенных на музыку, так как почти исчерпывающий свод данных по этому вопросу содержится в кн.: Морозова Л. И., Розенфельд Б. М. Лермонтов в музыке: Справочник. М., 1983. Достаточно полные сведения приведены также в «Лермонтовской энциклопедии».

При написании примечаний к наст. изданию был использован обширный фактический и справочный материал, содержащийся в «Лермонтовской энциклопедии», в комментариях Б. М. Эйхенбаума к пятитомному Полному собранию сочинений Лермонтова (М.; Л., 1935—1937), в комментариях Т. П. Головановой, А. М. Докусова, А. Н. Михайловой, Л. Н. Назаровой к 1—4 томам Сочинений

Лермонтова в шести томах (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957), в примечаниях И. Л. Андроникова, В. Э. Вацуро, И. С. Чистовой к другим изданиям Лермонтова.

Список условных сокращений, принятых в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

Альбом Верещагиной — Альбом А. М. Верещагиной (№ 1), содержащий автографы и копии стихотворений Лермонтова. Хранится в Библиотеке Колумбийского университета (США).

Андреев-Кривич — Андреев-Кривич С. А. Лермонтов: Вопросы творчества и биографии. М., 1954.

Андроников — Андроников И. Л. Собрание сочинений. Т. 3: Лермонтов. Исследования и находки. М., 1981.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Белинский — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1953—1959. Т. 1—13.

БЗ — «Библиографические записки».

ВиС — Вчера и сегодня: Лит. сборник, сост. В. А. Соллогубом. Спб., 1845—1846. Кн. 1—2.

Висковатов — Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М., 1987. (Переиздание одноименного труда П. А. Висковатова. М., 1891).

Воспоминания — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников: [Второе изд.], М., 1972.

ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Герштейн — Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова: 2-е изд., испр. и доп. М., 1986.

ГИМ — Отдел письменных источников Гос. исторического музея (Москва).

ГПБ — Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЖТЛ — Жизнь и творчество Лермонтова. Сборник 1: Исследования и материалы. М., 1941.

Заборова — Заборова Р. Б. Материалы о М. Ю. Лермонтове в фонде В. Ф. Одоевского // «Труды Гос. публичной библиотеки», 1958. Т. 5 (8).

Зап. книжка — Записная книжка М. Ю. Лермонтова 1841 г., подаренная ему В. Ф. Одоевским (ГПБ).

Зап. Сушковой — Сушкова Екатерина (Е. А. Хвостова). Записки. 1812—1841: Первое полное издание / Ред., введение и примеч. Ю. Г. Оксмана. Л., 1928.

ЗОР — Гладыш И. А., Динесман Т. Г. Архив А. М. Верещагиной // «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина». 1963, вып. 26. С. 34—62.

Изд. 1862 — Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений. Берлин: Изд. Ф. Шнейдера. 1862.

Изд. 1926 — Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений / [Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума] М.; Л.: ГИЗ. 1926.

КАР — Лермонтов. Картины. Акварели. Рисунки / Вступ. статья И. Л. Андроникова. М., 1980.

ЛГ — «Литературная газета».

ЛН — «Литературное наследство».

ЛЭ — Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
ПСС-1 — Лермонтов М. Ю. Сочинения: Первое полное издание В. Ф. Рихтера / Под ред. П. А. Висковатова. М., 1889—1891. Т. 1—6.
ПСС-2 — Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. Д. И. Абрамовича. Спб., 1910—1913. Т. 1—5 («Академическая библиотека русских писателей»).
ПСС-3 — Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.; Л.: «Academia», 1935—1937. Т. 1—5.
РА — «Русский архив».
РВ — «Русский вестник».
РМ — «Русская мысль».
С — «Современник».
СВ — «Северный вестник».
СЛ — газета «Саратовский листок».
Соч. АН — Лермонтов М. Ю. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954—1957. Т. 1—6.
Соч. 1860 — Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. Спб., 1860. Т. 1—2.
Соч. 1873 — Сочинения Лермонтова: 3-е изд., вновь сверенное с рукописями, исправленное и дополненное / С статьею о Лермонтове А. Н. Пыпина, под ред. П. А. Ефремова. Спб., 1873. Т. 1—2.
Соч. 1880 — то же: 4-е изд. Спб., 1880. Т. 1—2.
Соч. 1887 — то же: 6-е изд. Спб., 1887. Т. 1—2.
Соч. Шиллера — Разные сочинения Шиллера в переводе русских писателей. Спб., 1860. Т. 8.
ССЛ — газета «Саратовский справочный листок».
Стих. 1840 — Стихотворения М. Лермонтова. Спб., 1840.
ст.— стих, стихи.
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства.
ЦГИА — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).
Чертк. б-ка — коллекция археолога и историка А. Д. Черткова (1789—1858) — собрание книг и рукописей по истории России и славян, хранящееся в ГИМ (см. выше).

СТИХОТВОРЕНИЯ
1828—1836

1. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по датированному автографу ПД, тетр. 2; сохранилось не полностью (следующий лист тетр. вырван).

2. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по датированному автографу ПД, тетр. 2. Относится к числу ученических упражнений на заданную тему. Поэтические опыты «в древнем роде» (см. ниже: «Цевница», «Пир», «Пан»), очевидно, связаны с уроками А. Ф. Мерзлякова и, как это доказано В. Вацуро, ориентируются на антологические стихи Пушкина (см.: Вацуро В. Э. Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х гг.// «Рус. литература». 1964, № 3. С. 46—48).

3. БЗ. 1861, № 16. - - Печ. по датированному автографу ПД, имеющему вар., тетр. 2. *Цевница* — свирель.

4. PC. 1872, № 2. - - Печ. по автографу ГПБ, в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от дек. 1828 г. Автограф второй половины ст-ния — ПД, тетр. 2. В ст-нии говорится о «Сикстинской мадонне» Рафаэля. Тема, по-видимому, была предложена в пансионском литературном кружке С. Е. Раича. В альм. «Цефей» (М., 1829), составленном из произведений участников этого кружка, имеется ст-ние «Видение Рафаэля», написанное другим пансионером (подпись: «К») — очевидно, одним из воспитанников Раича Н. Н. Колачевским. См. статью: Вацуро В. Э. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 49—90, где раскрыты многие источники лермонтовских поэтических цитат и заимствований в ст-ниях 1828—1829 гг.

5. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого (1829). Обращено к Дмитрию Васильевичу *Петерсону* (1813—?), воспитаннику университетского Благородного пансиона, учившемуся в одном классе с Лермонтовым. *Где дружба дружбы не обманет, Любовь любви не изменит.* Цитата из ст-ния А. С. Хомякова «При прощаньях» («Московский вестник». 1828, № 13. С. 3).

6. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого (1829), с исправлением описок по копии ПД. Обращено к Дмитрию Дмитриевичу *Дурнову* (1813—?), однокласснику и самому близкому из пансионских друзей Лермонтова. Ст-ние является подражанием посланию Рылеева к А. А. Бестужеву (посвящение к поэме «Войнаровский»).

7. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Этим посвящением открывается рукописная тетр. 2, озаглавленная «Мелкие стихотворения. Москва, в 1829 г.». В автографе — позднейшая приписка: «(При случае ссоры с Сабуровым)». Сабуров Михаил Иванович (1813—?) — воспитанник университетского Благородного пансиона, одноклассник Лермонтова. Написано под влиянием пушкинского ст-ния «Коварность» (1824).

8. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2, с позднейшей пометой Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)». Сабуров — см. примеч. 7. *Под сень черемух и акаций* — цитата из «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа VII). Образная система ст-ния тяготеет к анакреонтике К. Н. Батюшкова.

9. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Написано, по-видимому, в связи с известием об осуждении французского поэта Пьера Жана Беранже, привлеченного к суду за свободолюбивые песни. В конце 1828 г. Беранже был приговорен к тюремному заключению (подробнее см. статью: Н. Любович. Отклики Лермонтова на политические и литературные события 1820—1830-х гг.//ЛН. 1952. Т. 58. С. 373—377).

10. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Автограф — ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого (1829). *Дума нá сердце лежит* — цитата из ст-ния Н. Ф. Павлова «К друзьям» («Московский вестник». 1828, ч. 10. С. 9).

11. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Стихотворное переложение афоризма, напечатанного в альм. «Цефей» (М., 1829). См. примеч. 31—36.

12. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

13. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Написано, очевидно, по случаю отъезда в Италию в февр. 1829 г. С. П. Шевырева — поэта и критика, в те годы сотрудника журнала «Московский вестник». Ст. 1 — парафраз первой строки ст-ния А. И. Подолинского «Надежда» (альм. «Подснежник». Спб., 1829). *Гельвеция* — древнее название сев.-зап. части современной Швейцарии.

*** 14—19.** Первое ст-ние — ОЗ. 1859, № 7, остальные — РМ. 1881, № 12. - - Печ. по автографу ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого (1829). Первое ст-ние имеет вар. в автографе ПД, тетр. 2 и позднейшую приписку: «(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня,— вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта)». Во втором «портрете», судя по строке «он добр, член нашего Парнаса», изображен пансионский поэт. Скорее всего, это И. Р. Грузинов (см. примеч. 37). «Портреты» предназначались для знакомых Лермонтова, которым предлагалось угадать, кого изобразил автор.

20. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Напоминание о том, что было в Ефремовской деревне в 1827 году, где я во второй раз полюбил 12-ти лет и поныне люблю)». Ефремовская деревня — имение отца Лермонтова Кропотово в Ефремовском уезде Тульской губ. Ст-ние, вероятно, связано с А. Г. Столыпиной (см. примеч. 110). *Где вы, души моей царицы.* Реминисценция ст. из «Руслана и Людмилы» Пушкина («Для вас, души моей царицы»). *Цевница* — см. примеч. 2. *Тирс* (греч. и римск. миф.) — жезл бога вина и веселья Диониса (Вакха).

21. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

22. РС. 1872, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «Это вздор». *Парка* — здесь: угроза смерти; парки (римск. миф.) — богини судьбы, прядущие и перерезающие нить человеческой жизни.

23. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая помета Лермонтова: «(В пансионе)». Отклик на начало русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Ст. 2 и 4 — реминисценция строк ст-ния Пушкина «Война» (1821).

24. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний)». С. Е. Ра-

ич (1792—1855) — поэт и переводчик; преподавал в университетском Благородном пансионе и руководил пансионским литературным кружком, в котором участвовал Лермонтов. О Дурнове см. примеч. 6. Ст-ние связано с широко распространенным в те годы жанром «мелодий» («Ирландские мелодии» Томаса Мура, «Еврейские мелодии» Байрона).

25. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

26. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)». А. С.— возможно, инициалы А. Г. Столыпиной (см. о ней примеч. 110).

27. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая помета Лермонтова: «(Дурнову)». О Дурнове см. примеч. 6.

28. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Перевод отрывка из шиллеровской переделки трагедии Шекспира «Макбет» (акт 1, явл. 4 — без трех первых и трех последних реплик).

29. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Перевод ст-ния Шиллера «An Emma» (1796).

30. РМ, 1881, № 12, с искажением ст. 5—8 и пропуском ст. 7. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем невеселы. — Этот человек имеет женский характер, — Я сам не знаю, отчего так дорожил им)». О Сабурове см. примеч. 7.

31—36. 1 и **6** — РМ. 1881, № 12; **2** и **4** — ПСС-1, т. 1; **3** — РС. 1872, № 2; **5** — ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Другой автограф последней эпиграммы — ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого (1829). Эпиграммы 1, 2, 5 — стихотворные переложения афоризмов, напечатанных под загл. «Мысли, выписки и замечания» в альм. «Цефей» (Спб., 1829), составленном из сочинений воспитанников университетского Благородного пансиона; кто был их автором (подписавшимся псевдонимом N. N.), не установлено. Высказывалось предположение, что адресаты 3—4-й эпиграмм — П. И. Шаликов (см. примеч. 115) и Н. Ф. Павлов (см. примеч. 249).

37. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Автограф — ГБЛ, тетр. А. С. Солоницкого (1829). *Грузинов* Иосиф Романович (1812—1858) — одноклассник Лермонтова, писал стихи (в 1830 г. вышел сборник его ст-ний «Цитра»). *Ты муз прилежный обожатель, Им даже жертвуешь собой!* Реминисценция строк послания Н. М. Языкова «А. Н. Очкину» («Невский альманах на 1828 г.». Спб., 1828).

38. РМ. 1881, № 11, ст. 1—4, 23—25, 55—65. - - ПСС, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Это первое из ст-ний Лермонтова, посвященных Наполеону (№ 64, 83, 84, 201, 385, 408). Здесь появляется образ тени (призрака), присутствующий в ранних ст-ниях о Наполеоне и в «Воздушном корабле». В тексте ощутимо

воздействие ст-ний «Наполеон на Эльбе» (1815) Пушкина и «Могила Наполеона» (1827) Ф. И. Тютчева.

39. БЗ. 1861, № 16. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая помета Лермонтова: «(В Середникове)». Середниково — подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Дмитрия Алексеевича Столыпина. В Середникове Лермонтов проводил летние каникулы 1829, 1830 и 1831 гг. Бог *Пан* (греч. миф.) считался покровителем стад и пастухов.

40. Изд. 1862, без загл. и последних четырех ст. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Иносказательное описание России под видом Турции было широко распространено в передовой русской литературе первой трети XIX в. в целях ценз. маскировки.

41. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Очевидно, обращено к Михаилу Сабурову, к которому относятся «Посвящение N. N.» и «К...» (№ 7 и 30), находящиеся в одной рукописной тетр. с настоящим ст-нием. В ст-нии, очевидно, говорится о сестре Сабурова — С. И. Сабуровой (см. примеч. 51).

42. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В ст-нии отразились воспоминания Лермонтова о поездке на Кавказ в 1825 г.

43. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2.

44. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В «Двух соколах» заметно структурное сходство со ст-нием Пушкина «Ворон к ворону летит...» (1829), возможно объясняющееся общим источником («Два ворона» В. Скотта).

45. ОЗ. 1859, № 7, ст. 1—13. - - Изд. 1862, окончание. - - ПСС-1, т. 1. - -Печ. по автографу ПД, тетр. 2. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Слышано мною что-то подобное на Кавказе)».

46. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Связано с началом работы Лермонтова над поэмой «Демон». Образ Демона возник у Лермонтова под влиянием пушкинского ст-ния «Демон», первоначально напечатанного в альм. «Мнемозина» (1824) под загл. «Мой демон». Вскоре Лермонтов переработал это ст-ние (см. № 186 и примеч. к нему).

47. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2. Проекция ст-ния на скандинавскую мифологию сочетается в нем с оссиановским колоритом.

48. Соч. 1873, т. 2, ст. 17—24. - - РМ. 1881, № 12. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 2, где первоначальное загл.: «Эпилог (к Д.....у)», т. е. к Дурнову (см. примеч. 6). Ст. 7—8 — реминисценция строк ст-ния В. Астафьева «М. А. Д—ву» (альм. «Северная лира». М., 1827. С. 284).

49. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

50. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Набросок не окончен и зачеркнут. Написано, по-видимому, по мотивам баллады Гёте «Der Fischer» (1779).

51. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ГБЛ, архив А. М. Верещагиной. Автограф — ПД, тетр. 3, под загл. «К ***». Посвящено Софье Ивановне Сабуровой, сестре пансионского товарища Лермонтова. См.: Андроников. С. 232—236.

52. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Обращено к какому-то приятелю Лермонтова. Предположению о том, что ст-ние адресовано М. Сабурову, противоречит упоминание о военной службе («Под сенью Марса»).

53. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

54. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Ст-ние представляет собой как бы первый набросок «Думы» (№ 368). Метафора «остылой жизни чаша» восходит к ст-нию Пушкина «Кривцову» (1819).

55. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 5. Вольный перевод двух первых строф четырехстрофного ст-ния Шиллера «Die Begegnung» (1797).

56. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Подражание балладам Шиллера: «Der Taucher» и «Der Handschuh» (оба 1797 г.).

57. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Перевод баллады Шиллера «Der Handschuh» (1797). К 1831 г. относится известный перевод этой баллады В. А. Жуковского.

58. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Перевод ст-ния Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

59. Соч. Шиллера. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Вольный перевод ст-ния Шиллера «An *» («Teil mit mir, was du weisst...») (1796).

60. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3.

61. РА. 1871, № 7/8. - - Печ. по автографу ЦГАЛИ, альбом Н. Н. Арсеньева. Датируется по содержанию и характерной для поэта в 1829—1830 гг. подписи: Лермантов. *Арсеньев* Николай Николаевич (1809—1840?) — родственник поэта по матери, двоюродный дядя Лермонтова.

62. «Известия». 1962, 15 дек. в статье И. Андроникова «Сокровища замка Хохберг». - - Печ. по автографу ГБЛ, архив А. М. Верещагиной. В автографе помета Лермонтова: «1830 года в начале».

63. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 5. Датируется весной 1830 г., так как находится в одной тетр. с поэмой «Джюлио», имеющей дату: «(1830 года. Великим постом и после)».

Датировка подтверждается строкою: «Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас». На Кавказе Лермонтов был летом 1825 г. В заметке 1830 г. Лермонтов писал: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских...» (Соч. АН, т. 6. С. 385).

64. Соч. 1887, т. 2. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6. На первом листе тетр. надпись рукою Лермонтова: «Разные стихотворения (1830 год)».

65. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. *Летун седой* — время; бог времени в римск. миф. Сатурн нередко изображался в виде летящего старца.

66. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

67. ОЗ. 1859, № 11 с искажением загл.: «М. Ф. М...вой». - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. Обращено к Наталии Федоровне *Ивановой* (1813—1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, в которую был влюблен Лермонтов. Вначале отношения поэта с Ивановой внушали ему некоторые надежды, затем они были омрачены холодностью с ее стороны и вскоре закончились разрывом. По-видимому, в 1833 г. Иванова вышла замуж за Н. М. Обрескова. Любовь поэта к Ивановой отразилась в ряде ст-ний 1830—1832 гг. и в юношеской драме «Странный человек». Подробнее об этом романе, об открытии портрета Ивановой см.: Андроников. С. 131—159, а также: Андроников И. Л. Загадка Н.Ф.И. // Собр. соч. 1980. Т. 1. С. 23—48.

68. ОЗ. 1842, № 3. Копия — ГИМ, тетр. 7 (Чертк. б-ки). Вольный перевод ст-ния английского поэта-романтика Томаса Мура (1779—1852) «The evening gun» (1829). Датируется на основании свидетельства В. С. Межевича, который писал, что в одном из рукописных журналов, сочиненных в 1830 г. воспитанниками Московского университетского Благородного пансиона, находился перевод Лермонтова из Томаса Мура под названием «Выстрел» («Северная пчела». 1840, 16 дек.). Лермонтовский перевод очень близок к прозаическому переводу, помещенному в журнале «Атеней» без подписи (1829, № 17. С. 497).

69. «Атеней». 1830, № 18, сент., подпись: L. - - Печ. по правленой копии ПД, тетр. 20, представляющей более поздний текст. Первое ст-ние Лермонтова, появившееся в печати. Согласно Зап. Сушковой (С. 123), ст-ние написано по ее просьбе с пожеланием сказать «правду». Лермонтов на другой день принес «Весну» с надписью: «Ей. Правда». На самом деле это было ранее написанное и уже опубликованное ст-ние. Сушкова (см. о ней примеч. 105) постаралась не заметить его язвительный смысл (в ст-нии содержалась мысль о кратковременности женской красоты). Текст «Весны», по данным мемуаристки, сопровождался ст-нием «К...» (№ 214), которое, однако, было написано позднее (Сушкова первоначально напечатала оба ст-ния в БдЧ. 1844, № 6, с датой: 1830).

70. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. См. примеч. 164. В ст-нии ощутимо воздействие ст-ний Байрона «Сон» и «Тьма».

71. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Возможно, что ст-ние обращено к М. Сабурову (см. о нем примеч. 7). *Пени* — жалобы, упреки.

72. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 6. В ст-нии ощутимо воздействие лирики Байрона (см. примеч. 70). *Ничтожество* — здесь: смерть.

73. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Начало неосуществленной баллады. *Сион* — см. примеч. на с. 672; здесь — Палестина.

*** 74.** ОЗ. 1843, № 11. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. Переделка ст-ния немецкого поэта Августа Платена (1796—1835) «Vergissmeinnicht» (1813).

75. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. Вариация на тему ст-ния Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» 1825). Ст-ние Пушкина использовано Лермонтовым в драме «Menschen und Leidenschaften».

76. «Нива». 1884, № 12. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6.

*** 77.** БдЧ. 1844, № 5, с подзаг. «Подражание Байрону», с датой: 1830. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6, где имеется еще одна ред. Навеяно ст-нием Байрона «Lines written in an album, at Malta». В 1836 г. Лермонтов переработал это ст-ние (см. № 324). Согласно Зап. Сушковой (С. 134—135), ст-ния №№ 77, 142, 244 были вписаны в альбом, подаренный ей в 1831 г. А. М. Верещагиной.

78. СВ. 1889, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

79—80. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6.

81. БдЧ. 1844, № 5, с датой: 1830. - - Печ. по автографу ПД, из собр. Н. И. Шенига. Черн. автограф — ПД, тетр. 6, под загл. «Звезда». Навеяно ст-нием Байрона «Sun of the Sleepless» из цикла «Еврейские мелодии».

82. СВ. 1891, № 8. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

83. РМ. 1881, № 11. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 6. Ст. 9—10 и 49—50 перефразируют строки 7-й главы (строфа XIX) «Евгения Онегина», вышедшей из печати в марте 1830 г.

84. РМ. 1881, № 11. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

85. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

86. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. Возможно, адресовано Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105).

87. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6. Отклик на восстание горцев Сев. Кавказа в 1830 г., под предводительством Кадия Магомета (Кази Муллы).

88. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6.

89. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В 1831 г. Лермонтов вписал в альбом М. Д. Жедринской «Стансы» («Мгновенно пробежав умом...», № 245), использовав для этой альбомной записи три строфы данного ст-ния. Очевидно, к этому же времени относится еще один вариант «Стансов» (см.: ЗОР. С. 57—58).

90. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6.

91. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. Копия — ПД, тетр. 20.

92. ОЗ. 1859, № 11, три последние строфы. -- ПСС-1, т. 1. -- Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6.

93. ОЗ. 1859, № 11, первая часть. -- РМ. 1882, № 2, вторая часть без последней строфы. -- ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе пометы Лермонтова: «(В Воскресенске). (Написано на стенах жилища Никона), (1830 года)». Перед второй частью ст-ния помета: «(Там же в монастыре)». Монастырь в Воскресенске (ныне г. Истра) назывался Новый Иерусалим и был основан патриархом Никоном. *Пу́стынь* — здесь: скит настоятеля Никона. *Лик* — здесь: хор.

94. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

95. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Сидя в Середникове у окна)». *Середниково* — см. примеч. 105.

*96. ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 6. Перевод ст-ния Байрона «Farewell! If ever fondest prayer...» (1808).

97. БдЧ. 1845, № 1. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 6. По мотивам и структурным признакам связано с элегией Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820). *Для добровольного изгнанья* — цитата из поэмы Пушкина «Цыганы».

98. ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 6. По-видимому, посвящено памяти Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827), поэта и философа, умершего в возрасте двадцати двух лет. Обоснование адресата см.: Найдич Э. Э. Примеч. // М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 1. С. 366—367; Андроников И. Л. Собр. соч., 1980. Т. 1. С. 299—300. Веневитинову посвятили ст-ния многие поэты. Его могила в Симоновом монастыре была постоянным местом паломничества. *Для чувств он жизни не щадил*. Перефразировка ст. из предсмертного ст-ния Веневити-

нова «Поэт и друг» (1827): «Кто жизни не щадил для чувства». *Он верил темным предсказаньям, И талисманам, и любви.* Подразумевается «цикл» ст-ний Веневитинова, посвященных кн. З. А. Волконской (она подарила поэту перстень-талисман). Высказывалось также предположение, что ряд мотивов эпитафии находят соответствие в монологах Юрия Волина (драма «Menschen und Leidenschaften», 1830), имеющих автобиографический характер. Поэтому ст-ние можно истолковать как «автоэпитафию» (см. примеч. Т. П. Головановой к изд.: Лермонтов М. Ю., Соч. М., 1958. Т. 1. С. 629—630).

99. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Связано с предыдущим ст-нием. Над текстом «Эпитафии» стоит цифра «1», над текстом «Sentenz» — «2». Это подкрепляет предположение о том, что оба ст-ния посвящены Д. В. Веневитинову, так как «Сентенция» по мысли перекликается с концовкой ст-ния Веневитинова «Жизнь» (1829) «Как пересказанная сказка Усталому пред часом сна».

100. РС. 1873, № 4. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(Узнав от путешественника описание сей могилы)». *Оссиан* — легендарный поэт, которому шотландский писатель Д. Макферсон приписал созданные им самим в духе народных шотландских песен поэмы; они были изданы им в 1760—1763 гг. *В горах Шотландии моей.* Один из предков Лермонтова был выходцем из Шотландии (см. ЛЭ. С. 467—468).

101. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6. Вероятно, это посвящение к трагедии «Испанцы» (№ 329). В рукописи Лермонтова на одном листе с этим ст-нием находится список действующих лиц трагедии.

102. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 6. В автографе приписка: «(На кладбище написано) 1830».

103. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. Возможно, предназначалось в качестве посвящения к драме «Испанцы». Одно из самых значительных ст-ний 1830 г., поскольку в нем говорится о какой-то реальной личности, наложившей отпечаток на жизнь и творчество юного Лермонтова. Другом Лермонтова, которому он был обязан этим благотворным влиянием, мог быть только крестный отец Лермонтова Святослав Афанасьевич Раевский (1808—1876). После окончания Московского университета в 1827 г. он жил в Москве. П. А. Висковатов писал, что он «еще в Москве сочувствовал литературным его ⟨Лермонтова⟩ интересам, принимая деятельное участие в разных планах поэтического творчества» (Висковатов. С. 202). Установлено, что Раевский увлекался идеями утопического социализма, критически относился к современности, был глубоким знатоком русского фольклора (Бродский Н. Л. Святослав Раевский, друг Лермонтова // ЛН. 1948, № 45/46. С. 301—312). Раевский помогал Лермонтову в проведении через цензуру драмы «Маскерад» (см. примеч. 330). Позднее, с мая 1836 г. до начала 1837 г., он принимал участие в записи текста романа «Княгиня Лиговская» (1835); им написана большая часть рукописи под диктовку Лермонтова (Висковатов. С. 257—258; ЛЭ. С. 226). Раевский был главным организатором переписки и распространения ст-ния «Смерть поэта»,

за что поплатился ссылкой в Олонецкую губ. «По внушению Св. Аф. ⟨Раевского⟩, втягивавшего Лермонтова в нашу народность, Лермонтов написал... „Песнь про купца Калашникова“» (Андроников. С. 541). Между с. 256—257 наст. тома см. акварельный портрет Раевского, выполненный М. Ю. Лермонтовым.

104. ОЗ. 1843, № 12. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка Лермонтова: «(После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном)». Грандисон — герой сентиментального английского романа С. Ричардсона (1689—1761) «История кавалера Грандисона».

* **105.** БдЧ. 1844, № 5, под загл. «Черноокой», с дополнительной строфой после 1-ой и вар., с датой: 1830. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе рядом с загл. позднейшая приписка Лермонтова: «(При выезде из Середникова к Miss Black eys. Шутка, предположения от m. Kord)». Мистер Корд — гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова. *Сушкова* Екатерина Александровна (по мужу Хвостова, 1812—1868) — московская знакомая Лермонтова, предмет его увлечения в 1830—1831 гг., которой посвящен целый ряд ст-ний поэта. В кругу близких Сушковой было присвоено английское прозвище Miss Black eys (англ.), т. е. Черноокая мисс. Лето 1830 г. Лермонтов часто виделся с ней в Середникове, подмосковной усадьбе своих родственников Столыпиных, где он тогда гостил. В дек.— янв. 1834—1835 гг. Лермонтов встречался с Сушковой в Петербурге, добился от нее признания в любви, после чего по его инициативе их отношения были внезапно и навсегда разорваны. В своей последней фазе история отношений Лермонтова с Сушковой изображена в романе «Княгиня Лиговская» (1835), где Сушкова выведена под именем Елизаветы Негуровой. Сама Сушкова, ничего не знавшая об этом романе, напечатала в 1857 г. отрывок из «Записок», рассказывающий о Лермонтове (полный их текст был опубликован в «Вестнике Европы». 1869, № 8—9; отд. изд.: Спб., 1870). В их текст были включены и неопубликованные стихи поэта, адресованные Сушковой (в значительной своей части напечатанные ею еще в 1844 г.). Сведения, приводимые мемуаристкой, далеко не всегда достоверны. В Зап. Сушковой (С. 113) ст-ние датировано 12 авг. 1830 г., однако в тетр. Лермонтова оно находится среди более ранних ст-ний.

106. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6. Факсимиле загл. и первых шести ст. (по утраченному автографу, принадлежавшему А. М. Верещагиной) воспроизведено в каталоге антикварной фирмы «Karl und Faber». München, 1951 (см.: Андроников. С. 225). Тема мертвеца, преследующего возлюбленную, варьирует мотивы баллад Жуковского.

107. Соч. 1887, т. 2, под загл. «Предчувствие (Отрывок)», только ст. 1—6. - - СВ. 1889, № 8 и ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 6. Копия — ПД, тетр. 20.

108. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 6. В автографе приписка Лермонтова: «Прочитав

жизнь Байрона, ⟨написанную⟩ Муром». Речь идет о книге Томаса Мура «Письма и дневники лорда Байрона, с заметками о его жизни» (Лондон, 1830).

109. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6.

110. РМ. 1882, № 2. - - Печ. по датированному и имеющему вар. автографу ПД, тетр. 6. Возможно, посвящено Анне Григорьевне Столыпиной (1815—1892), двоюродной сестре М. М. Лермонтовой. С ее именем связывают ст-ния № 20, 26, а также драму «Menschen und Leidenschaften» (подробнее см.: ЛЭ. С. 596—597). На следующем листе прозаический текст: «Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под ним и слышал волшебное слово: «люблю», которое потрясло судорожным движеньем каждую жилу моего сердца. В то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре, покачало головою и шепотом молвило: «Безумец, что ты делаешь?» — Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды, но тогда же взял бумагу и сделал следующее завещание: „Похороните мои кости под этой сухою яблоней; положите камень; и пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!..“ Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

111. Изд. 1862, с искажением, без двух последних ст. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 6. В автографе позднейшая приписка: «Это мечта» (в языке того времени мечта означала также: фантазия, видение). Написано под впечатлением холерных бунтов, участившихся в 1830 г. в связи с эпидемией холеры.

112—113. РМ. 1882, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 7.

114. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 7.

115. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 7. Под текстом ст-ния помета: «(Продолжение впредь)» и запись: «В следующей сатире всех разругать и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что, если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше». В строфе 4 речь, возможно, идет о князе Петре Ивановиче Шаликове (1768—1852), поэте сентиментального направления, издателе «Дамского журнала» и редакторе «Московских ведомостей». Известны карикатуры на Шаликова: в них, так же как и в сатире Лермонтова, представлен человечек восточного происхождения (Шаликов происходил из грузин), с лорнетом, на тоненьких ножках. Кого имел в виду Лермонтов под именем *Ч* ***— не установлено. *Башуцкий* Александр Павлович (1801—1876) — писатель, журналист, издатель, славившийся разговорчивостью и прожектёрством. *Мосолов* Федор Иванович (ок. 1771—1844) — генерал, в то время шестидесятилетний холостяк, живший на Тверском бульваре в Москве. В 1828—1832 гг.— председатель Комиссии военного суда при Московском ордонанс-гаузе.

116. СВ. 1889, № 3. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 7. Замысел ст-ния связан с «Песнью барда во времена владычества татар в России» (1823) Н. М. Языкова.

*** 117.** Изд. 1862. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 7. Сохранилось лишь восемь начальных строк ст-ния, так как в рукописи над текстом стоят три звездочки; следующий лист рукописи, где, по-видимому, находилось продолжение, оторван. По положению в тетр. 7 устанавливается, что ст-ние написано не ранее второй половины июля (после ст-ния, озаглавленного «1830 год. Июля 15-го»). Из этого как будто следует, что название ст-ния не означает ни дату его написания, ни дату события. Важнейшим революционным событием в этот период была июльская революция во Франции, начавшаяся 27 июля (15 июля по ст. стилю) и закончившаяся 30 июля победой восставшего народа, отречением короля Карла X. Сведения о событиях в Париже стали известны в Москве в начале авг. 1830 г. и были в центре внимания русской общественности. Лермонтов до 13 авг. находился в Середникове и, очевидно, узнал об июльской революции на несколько дней позже, чем, скажем, петербургский почтовый директор К. Я. Булгаков (1782—1835), писавший брату 4 авг.: «У нас только и разговора, что о французских несчастных происшествиях... Все они ужасные!» (РА. 1903, № 11. С. 418). В загл. ст-ния, видимо, описка, объясняющаяся, по предположению Б. М. Эйхенбаума (ПСС-3, т. 1. С. 458), тем, что Лермонтов контаминировал месяц события (июль) с числом написания (10-е, но не июля, а авг.). См. также примеч. 123. Все другие попытки отнести ст-ние к какому-либо другому восстанию находятся в резком противоречии с текстом или со временем написания ст-ния. Восстание в Польше началось в нояб. 1830 г., на Кавказе никаких заметных побед горцев над русскими войсками в этот период не было, успехи албанских повстанцев против турецкого ига были временны и неустойчивы и широкого внимания европейской общественности не привлекли. Кроме того, А. В. Суворов не был «сильнейшим врагом» ни кавказских горцев, ни албанцев. Каждая строка ст-ния получает естественное объяснение, если его отнести к Франции. Комментаторам казался не подходящим для июльской революции ст. «За независимость страны». Однако он хорошо комментируется ходом июльской революции. Борьба против Бурбонов рассматривалась в июле 1830 г. как восстановление национальной независимости Франции. «Не было такой баррикады, не было такой группы или такого поста национальных гвардейцев,— писал один из современников,— где не вспоминали бы о том, что Бурбоны возвратились во Францию в обозе иностранцев и как трехцветное знамя, эмблема завоеваний 1789 г. и национальной независимости, было растоптано ногами и заменено знаменем старого режима и эмиграции» (Молок А. И. Июльские дни 1830 г. в Париже // «Исторические записки». 1946. Т. 20. С. 206). Чувство национальной ущемленности сыграло немаловажную роль в июльской революции: режим Бурбонов был дважды навязан Франции силою иностранного оружия. *Самодержавия сыны* (в черновом вар.: «тиранства низкие сыны»). Самодержавием в эти годы называли любую деспотическую власть (см., например, «Андрей Шенье» Пушкина, где эпитет «самодержавный» применен к якобинцам: «Казнил сих палачей самодержавных»). Гипотеза о том, что речь идет о восстании горцев (см.: Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: Биография. 1814—1832. М., 1945. Т. 1. С. 228—229;

Обручев С. А. Над тетрадями Лермонтова. М., 1965. С. 27—44), несостоятельна. Неубедительно также предположение, будто ст-ние посвящено восстанию в Албании против турецкого ига, выдвинутое в статье: Любович Н. А. 10 июля (1830) // ЛН. 1952. Т. 58. С. 378—386. *И снова знамя вольности кровавой Явилося, победы мрачный знак.* Трехцветное знамя произвело огромное впечатление на массы, не видевшие его с 1815 г. В газетных отчетах о восстании сообщалось, что вместо белого знамени Бурбонов появилось трехцветное знамя над зданием ратуши, над Собором Парижской богоматери, наконец над Тюильри. Не случайно, что и во втором ст-нии, посвященном июльской революции,— «30 июля — (Париж) 1830 года» имеются строки: «И знамя вольности, как дух, Идет пред гордою толпой». Выражение «Знамя вольности кровавой» (цитата из «Полтавы» Пушкина) объясняется тем, что это было знамя якобинского террора (об отношении Лермонтова к якобинскому террору см. примеч. к поэме «Сашка», № 449). *Оно любимо было прежде славой, Суворов был его сильнейший враг.* Здесь речь идет, конечно, о славе Наполеона, войска которого под трехцветным знаменем одержали множество побед. Суворов был врагом наполеоновской Франции и, по признанию самих французских военачальников,— сильнейшим. В Италии он разгромил французские армии Моро и Макдональда. Легендарная слава героев Швейцарского похода, возглавлявшегося Суворовым, облетела весь мир. Вполне объяснимы и ст. «Опять вы, гордые, восстали» и т. д. «Опять» — потому что июльская революция 1830 г. была второй после Великой французской революции 1789—1794 гг.

118. БдЧ. 1844, № 5, с искажением ст. 17, с датой: 1830. - - Печ. по: Зап. Сушковой, где под текстом дата: «Середниково, 12 августа». Дата, сообщенная Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105), едва ли достоверна.

119. БдЧ. 1844, № 6, под загл. «К Е. А....е», с вар. ст. 3, 12. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Е. А. Сушкова вспоминала, что в авг. 1830 г. большая компания молодежи отправилась пешком из Середникова в Троице-Сергиевскую лавру (ныне г. Загорск Московской обл.). На паперти лавры стоял слепой нищий, который, услыхав звон монет, стал благодарить за подаяние и рассказал о бессердечной шутке над ним «молодых господ», «наложивших полную чашечку камушков» (Зап. Сушковой. С. 114). Лермонтов использует в ст-нии евангельский мотив Нагорной проповеди Иисуса Христа.

120. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 8.

121. РМ. 1883, № 4. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 8. В автографе рядом с загл. помета рукой Лермонтова: «(Cholera-morbus)» и дата: «1830 года августа 15 дня». Написано в связи с появлением холеры в Поволжье. Вот как характеризовал один из очевидцев (ученик М. П. Погодина) положение в Саратове: «С 7-го августа и до первого числа сентября Саратов был опустошаем ужасною холерою и представлял собою плачевную картину бедствий человеческих: большая часть жителей покинула город; многолюдные улицы опустели; одни только гроба встречались на

каждом шагу» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1890. Кн. 3. С. 197).

122. Соч. 1880. Т. 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 8. Другая песня с этой темой была введена в трагедию «Испанцы» (см. с. 343), под загл. «Еврейская мелодия» («Плачь, Израиль! О, плачь! Твой Солим опустел...»). Оба текста написаны Лермонтовым рядом в одной тетр.

123. РМ. 1883, № 4, с пропуском ст. 7 и некоторыми неточностями. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 8. Посвящено событиям июльской революции во Франции. 2 авг. Карл X отрекся от престола и затем бежал в Англию. См. примеч. 117. *Народ унизить под ярмом.* Речь идет об указах, ограничивающих права граждан, которые издал Карл X, вызвав тем самым стихийные выступления в Париже 27 июля. *И брызнула в Париже кровь.* 28 июля по распоряжению Карла X правительственные войска произвели массовые расстрелы, после чего и вспыхнуло вооруженное восстание. *О! чем заплотишь ты, тиран, За эту праведную кровь* и т. д. Эти ст. перекликаются с горячо обсуждавшейся в печати темой ответственности короля за кровопролитие. Так, например, составленный Тьером манифест, провозглашавший победу восстания, начинался словами: «Карл X не может вернуться в Париж: он пролил народную кровь».

*** 124.** БдЧ. 1844, № 5, под загл. «Станс», с датой: 1830. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 8. В автографе помета рукою Лермонтова: «(1830 года) (26 августа)». Рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105), к которой обращено ст-ние.

*** 125.** РМ. 1883, № 4. - - Печ. по правленому и датированному автографу ПД, тетр. 8. В автографе текст имеет нумерацию строф: 79—84, что, вероятно, указывает на принадлежность отрывка к большому произведению. Написано в Москве во время холерной эпидемии.

126—127. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 8.

128. Лермонтов М. Ю. Соч. / Под ред. А. И. Введенского. Спб., 1891. Т. 1. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 8.

129. Изд. 1862. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 8. После текста помета: «(Продолжение впредь)». Вольный перевод баллады из XVI песни «Дон-Жуана» Байрона. Переведены строфы 1, 3 и первая половина 4-ой. *Бургос* — город в Испании, центр одноименной провинции.

130. СВ. 1889, № 3 и ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 8. Рядом с загл.: «(1830 года ночью. Августа 28)».

131. РВ. 1857, № 2. - - Печ. по альбому Верещагиной; копия с альбома — ПД. Е. А. Сушкова (см. о ней примеч. 105) сообщает, что ст-ние написано через неделю после «Стансов» («Взгляни, как мой спокоен взор...», № 124), которые в автографе датированы 26 авг.

132. РВ. 1857, сент., № 2. - - Печ. по Зап. Сушковой. Датируется по связи с другими ст-ниями, посвященными Сушковой (см. о ней примеч. 105).

133. РВ. 1857, сент., № 2. - - Печ. по Зап. Сушковой, где сообщается, что ст-ние написано 1 окт. 1830 г. по поводу отъезда Сушковой из Москвы в Петербург (Зап. Сушковой. С. 130).

134. БдЧ. 1844, № 6, под загл. «К Е... А...е», с датой: 1830. - - Печ. по Зап. Сушковой. Мемуаристка (см. о ней примеч. 105) рассказывает, что ст-ние написано в день ее отъезда из Москвы 1 окт. 1830 г.: «Когда я уже уселась в карету и дверцы захлопнулись, Сашенька ‹А. М. Верещагина› бросила мне в окно вместе с цветами и конфектами исписанный клочок бумаги,— не помню я стихов вполне» (Зап. Сушковой. С. 131). Очевидно, текст ст-ния приведен Сушковой по памяти.

135. РМ. 1883, № 4. - - Печ. по датированному автографу ПД, тетр. 8. Ст-ние не закончено и зачеркнуто. *Сыны снегов, сыны славян.* Возможно, относится к сосланным в Сибирь декабристам. *Бедный град* — по-видимому, Новгород, который в декабристской литературе был символом народоправия и республиканской вольности средневековой Руси.

136. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по датированному автографу ПД, тетр. 8.

137. Изд. 1862. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 8. В автографе под текстом помета: «1830 год — 5 октября. Во время холеры-morbus». Копия ранней ред. под загл. «Песнь» — ГБЛ, архив А. М. Верещагиной.

138. ОЗ. 1843, № 12. - - Печ. по датированной копии ПД, тетр. 15 (А. А. Краевского). Относится к ст-ниям, написанным в связи с эпидемией холеры.

139. Соч. 1860, т. 2. - - Печ. по автографу ГПБ. Представляет посвящение к драме «Menschen und Leidenschaften». Имя лица, которому посвящена драма, тщательно зачеркнуто.

140. ПСС-2, т. 1. - - Печ. по автографу ГБЛ. Вероятно, обращено к Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105).

141. ПСС-2, т. 1. - - Печ. по автографу ГБЛ. Строфа 1 использована в ст-нии «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (№ 349), начало строфы 2 — в ст-нии «Он был рожден для счастья, для надежд...» (№ 311).

142. БдЧ. 1844, № 6, с датой: 1830. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Автограф — альбом Верещагиной; копия с него — ПД. Обращено, очевидно, к Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105). В тексте ст-ния, приводимом в Зап. Сушковой (С. 134), и в альбоме Верещагиной одни и те же разночтения. Автографы этого альбома подробно охарактеризованы в статье: Голованова Т. П. Автографы

Лермонтова в альбомах А. М. Верещагиной // М. Ю. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1979. С. 7—23.

143. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20.

* **144.** СВ. 1889, № 3. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20, где заключительные 8 ст. зачеркнуты. Вероятно, связано с поэмой «Джюлио» (№ 437), на что указывает совпадение места действия и действующих лиц (Мелины и чичисбея). *Чичизбей* — см. примеч. 437 (т. 2).

145. ССЛ. 1875, 29 нояб. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Очевидно, связано с Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). В ст-нии ощутимо воздействие ст-ния Пушкина «Дорида» (1820).

146. СВ. 1889, № 2. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Подражание ст-нию Байрона «Epistle to a friend, in answer to some lines exhorting the author to be cheaful» («Послание к другу в ответ на стихи, увещевающие автора быть веселым»).

147. СВ. 1889, № 3. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. О *Дурнове* см. примеч. 6.

148. СВ. 1889, № 2. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

149—150. СВ. 1889, № 3. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

151. ПСС, т. 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Имя *Павел* (возможно, Павел I), в рукописи обозначенное звездочками, восстанавливается по рифме. *Фауст* нередко отождествлялся с Фаустом (Фустом), сподвижником Гутенберга, изобретателя книгопечатания. *Вино свободы* — намек на июльскую революцию 1830 г. во Франции и революционное движение в Европе. Подарок третьего демона — стакан хлорной воды — отклик на эпидемию холеры в России в 1830 г.

152. СВ. 1889, № 2. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. *И ветр не мог дремоты превозмочь.* Реминисценция ст. из «Полтавы» Пушкина.

153. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Картина голландского живописца *Рембрандта* Харменса ван Рейна (1606—1669), которая вдохновила Лермонтова, находилась в 1830-е гг. в художественной галерее Строганóвых (в настоящее время хранится в амстердамском Рейксмюзеуме). Е. А. Ковалевская в статье об этом ст-нии (см.: ЛЭ. С. 329—330) выразила сомнение, что Лермонтов имел в виду именно эту картину Рембрандта, так как галерея Строгановых помещалась в Петербурге, а поэт жил в 1830—1831 гг. в Москве. Но представление об этой картине можно было получить через какую-либо копию или из иллюстрированного печатного описания галереи (на французском языке): Collection d'estompes d'apres à quelques tableaux de la Galerie de son exc. m-r le compte A. Stroganoff. St-Petersbourg, 1807, где воспроизведена гравюра картины «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне». Под «страдальческими годами» совсем не обязательно, как считает Ковалевская, предполагать время старости Рембрандта: Лермонтов, как это было ему свойственно, вообще наделял адресатов и прототипов своих произ-

ведений чертами собственной личности. В данном же случае он несомненно имел в виду молодого человека, ибо сравнивает образ, запечатленный Рембрандтом, с Гяуром — героем одноименной поэмы Байрона, ставшим монахом еще в молодости. *Быть может, ты писал с природы.* Предположение поэта правильно: Рембрандту позировал его сын Титус.

154. СВ. 1889, № 1, с ценз. изъятием (слово «порфира» заменено точками). - - СВ. 1891, № 8. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. По-видимому, в ст-нии имеется в виду Пушкин. Лермонтов высоко ценил вольнолюбивую лирику Пушкина, но его произведения начиная со второй половины 1820-х гг. он, подобно ряду современников поэта, воспринимал как отход от гражданской позиции борца за свободу. В 1835—1836 гг. этот период в творчестве Пушкина Лермонтов назвал «продолжительным сном» (в ст-нии «Опять народные витии...», № 320), он писал о Пушкине как о поэте, «восставшем в блеске новом От продолжительного сна». Об этой гипотезе см.: Горький М. История русской литературы. М., 1939. С. 161—162; Маслов Г. Послание Лермонтова к Пушкину // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 309—312; Найдич Э. К *** («О, полно извинять разврат») // ЛН. 1952. Т. 58. С. 393—400. Выдвинуто также малоправдоподобное предположение, что ст-ние обращено к А. И. Полежаеву. См.: Обручев С. А. Над тетрадями Лермонтова. М., 1945. С. 9—11, 24—26. Обручев приводит сведения и о гипотезе Б. В. Томашевского (1938), назвавшего в ненапечатанном докладе адресатом лермонтовского ст-ния А. Мицкевича. Под *изгнаньем из страны родной* Лермонтов разумел ссылку Пушкина в Бессарабию и Одессу.

155. СВ. 1889, № 3. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

156. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

157. СВ. 1889, № 2. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

158. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. В ряде изданий сделана конъектура в ст. 5: «воля» вместо «неволя». Это изменение производилось потому, что ст-ние написано дактилем, а ст. 5 — амфибрахием. В качестве смыслового обоснования конъектуры сообщалось, что в представлении Лермонтова волны были символом свободы. Однако известно, что подобные ритмические перепады как раз характерны для юношеской лирики Лермонтова, в которой имеются строки, где сравниваются люди и волны, люди и море именно в отношении «неволи» («Но волна ко брегу возвратиться не сильна» в «1831-го июня 11 дня»; «Нет, как оно, я не был волен» говорится про море в ст-нии «Примите дивное посланье...»). Эта конъектура противоречит образной системе ст-ния. Второе четверостишие начинается противопоставлением: люди, в отличие от волн, которые дорожат своим «холодом и неволей», хотят быть вольными, пылкими, теплыми — такова мысль Лермонтова.

159. ССЛ. 1875, 29 ноябр. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. По-видимому, посвящено известному гитаристу и сочинителю музыки для семиструнной гитары Михаилу Тимофеевичу Высотскому (ок. 1791—1837), у которого Лермонтов часто бывал в студенческие годы.

160. БдЧ. 1845, № 1. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Очевидно, связано с Н. Ф. Ивановой, поскольку близко ко 2-й части ст-ния «Видение» (см. примеч. 207).

161. ССЛ. 1875, 29 ноябр. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20.

162. Соч. 1860, т. 2, под загл. «Бородино». -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Некоторые наиболее удачные образы этого ст-ния Лермонтов использовал в «Бородино» (№ 340). Уже в ранние годы поэт стремился изучить обстановку Бородинского сражения. В материалах биографа Лермонтова В. Х. Хохрякова (ПД) вслед за копией «Поля Бородина» имеется запись: «К обработке этого сюжета относится и сохранившаяся записка поэта о Бородинском сражении „Le champ de Borodino“»; она приводится биографом.

163. СВ. 1889, № 3. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20.

164. СВ. 1889, № 2. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Вторая половина ст-ния (ст. 70—109) совпадает со ст-нием «Ночь. I» (№ 70), начиная со слов «И я сошел в темницу».

165—166. СВ. 1889, № 2, 3. -- Печ. по копиям ПД, тетр. 20.

*** 167.** СВ. 1889, № 1. -- Печ. по правленой копии ПД, тетр. 20.

168. СВ. 1889, № 1. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

169. СВ. 1889, № 1. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. В ст. 25 нарушен размер, ритмика ст-ния подсказывает конъектуру: «Шуми». Относится к ст-ниям, посвященным Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

170—171. СВ. 1889, № 1. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. По предположению И. Л. Андроникова, относится к ст-ниям, посвященным Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

172. СВ. 1889, № 3. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20.

173. ССЛ. 1876, 26 февр. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20.

174. СВ. 1889, № 3. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20.

175—177. СВ. 1889, № 1. -- Печ. по копиям ПД, тетр. 20.

178. СВ. 1889, № 3. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Другая идентичная по тексту копия на отдельном листе — ПД, собр. А. А. Краевского.

179—181. СВ. 1889, № 1, 3, 1. -- Печ. по копиям ПД, тетр. 20.

182. СВ. 1889, № 1. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Ст-ние не является переводом: у французского поэта А. Шенье такого ст-ния нет. Лермонтов подхватывает здесь мотивы элегии Пушкина «Андрей

Шенье», которая была воспринята современниками как отклик на декабрьские события 1825 г.

183—184. СВ. 1889, № 2, 1. - - Печ. по копиям ПД, тетр. 20.

185. СВ. 1889, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Посвящено Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

186. СВ. 1889, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Переработка одноименного ст-ния 1829 г. (ср. № 46).

187. БдЧ. 1844, № 6. В Зап. Сушковой (С. 152—153) датировано 1831 г. и указано, что текст ст-ния хранился у А. М. Верещагиной.

188. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. В. Х. Хохрякова. Датируется предположительно временем посещения Лермонтовым семейства Сушковых. Биограф Лермонтова П. А. Висковатов предполагал, что ст-ние адресовано Е. П. Сушковой, впоследствии Ростопчиной (см. о ней примеч. 255 и 410).

189. РС. 1882, № 8. - - Печ. по копии ПД. По предположению Б. М. Эйхенбаума, замысел этой баллады об измене связан с неразделенной любовью юного Лермонтова к Н. Ф. Ивановой (см.: ПСС-2. С. 511).

190. СВ. 1889, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Другая копия — ПД, альбом Ю. Н. Бартенева с датой записи в альбом: 15 авг. 1831.

191. РС. 1875, № 4. - - Печ. по автографу ПД, альбом Н. И. Поливанова. Вслед за этим ст-нием в альбоме приписка Н. И. Поливанова (1814—1874), товарища Лермонтова по университету, с поправками Лермонтова (печатаемых разрядкой): «23 марта 1831 г. Москва. Михайла Юрьевич Лермонтов написал э т и с т р о к и в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости о н о ж и д а л с т р о г о г о н а к а з а н и я. Н. Поливанов». «Университетская шалость» — это инцидент 16 марта 1831 г., когда студенты выгнали из университетской аудитории «глупого, грубого и необразованного» профессора М. Я. Малова (об этом подробно рассказано А. И. Герценом в «Былом и думах», ч. 1, гл. 6). Лермонтов принимал участие в «маловской истории», но, по-видимому, не пострадал за нее.

192. Соч. 1860, т. 2, без ст. 222—224, 227, 234, приведены не полностью ст. 221, 225, 233. - - Печ. по правленной Лермонтовым копии ПД, тетр. 20. Строфическая организация ст-ния восходит к «Посланию Августе» Байрона. В строфе 5 поэт обращается к Н. Ф. Ивановой, которой посвящен ряд ст-ний 1830—1832 гг. (см. о ней примеч. 67). Строфы 1, 2, 5 включены в драму «Странный человек» (1831) в качестве ст-ния героя драмы Владимира Арбенина. Строфы

22, 24, 25 — из поэмы Лермонтова «Джюлио» (№ 437); ст. из строф 13, 14, 17, 24 вошли в поэму «Литвинка» (№ 445). *Аквилон* — холодный, резкий ветер.

193. ОЗ. 1843, № 12. - - Печ. по авториз. копии ПД. Автограф — ПД. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). В измененном виде включено в драму «Странный человек» (1831).

194—195. 1. Соч. 1860, т. 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 18. Включено в драму «Странный человек» как ст-ние героя этого произведения Владимира Арбенина, обращенное к Наташе Загорскиной. Отношения этих героев в известной мере отражают историю увлечения Лермонтова Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). **2.** Соч. 1860, т. 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 18. Первоначально в тексте драмы в черн. автографе тетр. 10 вместо этого ст-ния было помещено ст-ние «Романс к И⟨вановой⟩» (№ 193), которое подверглось весьма значительной переработке в беловом автографе (тетр. 18) и фактически составило новое ст-ние. Оба эти юношеских ст-ния нашли окончательное художественное воплощение в «Оправдании» 1841 г. (№ 404). В драму «Странный человек» вошли еще два ст-ния: «Моя душа, я помню, с детских лет...» (1, 2, 5 строфы из ст-ния «1831-го июня 11 дня») и ст-ние «Видение».

196. ССЛ. 1876, 26 февр. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 10. В автографе приписка: «(Середниково, ночью, у окна)». Копия — ПД, тетр. 20, с подзаг. «Из Гёте». Вольное переложение завещания Вертера из романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774).

197. РМ. 1882, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 10. В автографе приписка рукой Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили попа пугать)». *Хоть не твоей любовью дан* — парафраз ст. из «Талисмана» Пушкина («Он тебе любовью дан»).

198. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

199. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. В автографе приписка: «(Средниково. Вечер на бельведере 29 июля)». Речь идет о шотландском происхождении рода Лермонтовых (ср. ст-ние № 100 и примеч. к нему).

200. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

201. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. Черн. автограф строфы 2—ПД, тетр. 10. Написано, по-видимому, в связи с десятилетием смерти Наполеона (1821). Мотив «порочной страны» в дальнейшем получит развитие в «Последнем новоселье» (№ 408).

202. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Обращено к Владимиру Александровичу *Шеншину* (1814—1873), одному из друзей Лермонтова университетской поры.

203. ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. В автографе на месте загл. надпись: «(7-го августа. В деревне на холме; у забора)».

204. ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. Написано по мотивам народных песен о Степане Разине.

205. ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 11.

206. СВ. 1889, № 2. -- Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. Копия — ПД, тетр. 20.

*** 207.** РВ. 1857, № 6, в составе драмы «Странный человек», др. ред. -- ПСС-3, т. 1, как самостоятельное произведение. -- Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. Относится к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). В драме «Странный человек» использовано как ст-ние Владимира Арбенина и сопровождается словами студента Заруцкого: «Этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы... Все, что тут описано, было с Арбениным...» Ст-ние, по словам Заруцкого, «в некотором смысле подражание «The dream» ⟨«Сну»⟩ Байронову». В ст-нии описана поездка Лермонтова в подмосковное имение Никольское-Тимошино, где находилась семья Ивановых. Документальное подтверждение этого предположения И. Л. Андроникова дано в статье: Махлевич Я. Л. Новое о Лермонтове в Москве (Лермонтов, Поливановы и Ивановы-Чарторижские) // «Рус. литература». 1977, № 1. С. 102—113. *Клязьма.* Имение Ивановых находилось на берегу Клязьмы. *Ее сестра* — Д. Ф. Иванова (см. примеч. 275).

208. ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Копия — ПД, тетр. 20. Текст Лермонтова перекликается со ст-нием С. П. Шевырева «Две чаши» (альм. «Северная лира на 1827 г.» Спб., 1827. С. 53—54).

209. РВ. 1857, № 11, без загл., сокращенная ред., без ст. 9—16. -- ОЗ. 1859, № 11. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Автограф сокращенной ред.— альбом Верещагиной. Копия с него — ПД. Ст-ние напоминает «Stanzas to a Lady on leaving England» Байрона (1809). В Зап. Сушковой (С. 128) сообщена краткая редакция этого ст-ния, будто бы обращенного к ней, причем оно датировано осенью 1830 г. Как предполагает в примеч. к Зап. Сушковой Ю. Г. Оксман (С. 128), Сушкову сознательно мистифицировала А. М. Верещагина, переслав ей ст-ние, посвященное другой женщине (в альбоме Верещагиной — сокращенная ред. ст-ния). Предположение о том, что буква «Л» означает фамилию Варвары Александровны Лопухиной, не имеет оснований. Скорее ст-ние связано с «циклом», посвященным Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). Буква «*Л*» — может означать: любовь, любимая.

210. ПСС-1, т. 1. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Адресат ст-ния — Н. Ф. Иванова (см. о ней примеч. 67).

211. «Русский библиофил». 1913, № 8. -- Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Шуточное ст-ние, напоминающее зачины ироикомических поэм. *Закревский* Андрей Дмитриевич (1813—?) — товарищ

Лермонтова по университету. Упоминаются также другие товарищи Лермонтова — студенты словесного отделения: князь *Валерьян* Павлович Гагарин (1812— после 1848) и Дмитрий Павлович Тиличеев *(Теличеев)* (1812— после 1860). *Павел* — возможно, дядька (воспитатель в детские годы) Закревского (см.: Бродский Н. Л. Лермонтов — студент // ЖТЛ. С. 69). О группе молодежи, ближайших друзьях Лермонтова, прозванных в Москве «la bande joieuse» (веселая компания) см. в указ. статье Н. Л. Бродского (С. 73—74). *Ванька* — в просторечии: извозчик. *Ярыга* — пьяница, беспутный человек. *Áлырь* — гуляка, лентяй, любящий пожить на чужой счет.

***212.** ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 11. Написана в подражание народным песням. С некоторыми изменениями вошла в роман «Вадим» (1832—1834), где ее поет пугачевский казак.

213. БЗ. 1861, № 16. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. Примыкает к ст-ниям, посвященным Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

***214.** БдЧ. 1844, № 6, под загл. «К ней же» (т. е. «К Е. А...е»), с перестановкой ст. 1 и 3 и вар. в строфе 2, с датой: 1830. - - Печ. по черн. автографу ПД, тетр. 11, с исправлениями строфы 2, переделанной Лермонтовым и записанной в другом месте тетр. За исключением перестановки строк, публикуемый текст совпадает с автографом из альбома Верещагиной (копия с него — ПД). Текст, приводимый в Зап. Сушковой (С. 214), расходится со всеми другими источниками и, возможно, опубликован мемуаристкой по памяти. Сообщение Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105) о том, что ст-ние обращено к ней и написано осенью 1830 г. (Зап. Сушковой. С. 124), не соответствует действительности. Оно написано в сент. 1831 г. и, очевидно, связано со ст-ниями, посвященными Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). К Сушковой ст-ние могло попасть от Верещагиной, которая передала ей и текст другого ст-ния из своего альбома — «К Л.—» («У ног других не забывал...») (№ 209), также не относящегося к Сушковой, но фигурирующего в ее записках как обращенное к ней. Строфа 2 была в измененном виде использована в посвящении 2-й ред. «Демона». Строфа 1 представляет переложение четверостишия Гамлета, обращенного к Офелии (см.: Эйхенбаум. С. 143):

Не верь, что огнь горит в звездах,
Что солнце ходит в небесах,
Неправдой истину зови,
Но верь, о верь моей любви.

(Шекспир В. Гамлет / Перевод М. В. Вронченко. Спб., 1828. С. 55).

215. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. *Могильная гряда И позабытый прах* — могила отца поэта — Ю. П. Лермонтова. Памяти отца посвящены ст-ния «Ужасная судьба отца и сына...» и «Эпитафия» (№ 229, 282).

***216.** ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. Возможно, связано со смертью отца поэта — Ю. П. Лермонтова.

217. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

218. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

***219.** «Русский библиофил». 1913, № 8. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11.

220. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 11.

221. БЗ. 1859, № 12. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. По-видимому, обращено к кн. Елизавете Павловне *Горчаковой* (1812—1889), двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой.

222. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Вероятно, начало незаконченного (или не дошедшего до нас) ст-ния.

223. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. В ст-нии речь идет о любви Лермонтова к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

***224.** СВ. 1889, № 2. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. По-видимому, обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

225. РМ. 1881, № 12. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Перед ст-нием в автографе немецкий оригинал первых четырех ст.:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein
Um treu zu lieben, ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen könnte sie erfreuen,
Doch selbst,— selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова на французском языке: «L'âme de mon âme» («Душа моей души»).

226. «Русь». 1881, 17 янв. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

***227.** «Одесский альманах на 1840 г.». Одесса, 1839. Автограф на отдельном листе, часть которого в ГБЛ, а другая — в ГИМ. Автограф — альбом Верещагиной. Авториз. копия — ПД, тетр. 15. Автограф первоначальной ред. под загл. «Песнь ангела» — ПД, тетр. 11, идентичная ему копия — тетр. 20. Это единственное юношеское ст-ние Лермонтова, которое было напечатано им самим и за его полной подписью.

228. ОЗ. 1859, № 11. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Правленый автограф — ПД, тетр. 11. Адресат неизвестен. *Факир* — здесь: мусульманский нищенствующий аскет.

*** 229.** РА. 1872, № 9. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Более ранний правленый автограф — ПД, тетр. 11. Отец Лермонтова умер 1 окт. 1831 г. Биография Юрия Петровича Лермонтова из-за отсутствия материала не изучена, поэтому ряд строк ст-ния остается не до конца ясным. *Свершил свой подвиг* — завершил жизненный путь.

*** 230.** Соч. 1880, т. 2. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11. В автографе вычеркнуты строфы 1 и 3.

231. PM. 1884, № 4. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 11.

232. PM. 1882, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11.

233. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 18. *Паткуль* Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В авг. 1831 г. вышел из печати т. 1 романа И. И. Лажечникова «Последний Новик», в котором Паткуль изображался как борец за свободу своей страны. Лермонтов, по всей вероятности, был знаком и с романом Лажечникова, и с книгой «Письма несчастного графа Иоганна Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого» (М., 1806).

234. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Судя по расположению автографа в тетр., это ст-ние написано по окончании третьей ред. «Демона» и является своего рода послесловием к поэме.

235. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4.

236. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. Мотив загробного мщения в случае насмешливого отношения любимой женщины к памяти покойного поэта, видимо, навеян ст-нием Д. В. Веневитинова «Завещание» (1826—1827).

*** 237—238.** ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по правленым автографам ПД, тетр. 4. Адресат ст-ния 237 не установлен.

239. Изд. 1862. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Нэера* (греч. миф.) — нимфа, страстно любимая Аполлоном; в поэзии часто — имя неотразимо пленительной девушки.

240. ОЗ. 1859, № 7, без ст. 55. - - Соч. 1887, т. 2. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4, где первоначальное загл. «Монолог». Копия — ПД, тетр. 20. Относится к лермонтовскому замыслу 1831 г. исторической поэмы о владимирском князе Мстиславе (по прозвищу Черный), который после захвата татарами г. Владимира в 1238 г. поставил своей целью освобождение родины от захватчиков. Замысел возник под воздействием «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (Изд. 2-е. Спб., 1818. Т. 3. С. 283). Сохранился набросок плана этой поэмы, где записано: «Мстислав три ночи молился на кургане, чтоб не погибло любезное имя России» (Соч. АН, т. 6. С. 379).

241. РМ. 1881, № 12. - - Печ. по копии ПД, тетр. 15 (А. А. Краевского). Очевидно, связана с замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном (см. № 240 и примеч. к нему).

* **242.** ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф ранней ред.— ПД, тетр. 4.

243. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

244. БдЧ. 1844, № 6, под загл. «К ней же» (т. е. «К Е. А....е»), с искажением ст. 4, 6 без последнего ст. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. В 1837 г. Лермонтов переработал это ст-ние (см. «Расстались мы, но твой портрет...», № 346).

245. ЛГ. 1939, 15 окт. - - Печ. по копии ЦГАЛИ, альбом М. Д. Жедринской. Ст-ние представляет собой переделку «Стансов» (№ 89) 1830 г. Промежуточная ред.— копия рукою А. М. Верещагиной (ЗОР. С. 57). В ГБЛ, архив А. М. Верещагиной — совпадает с текстом альбома Жедринской, кроме ст. 1—4, повторяющих раннее ст-ние № 89. Ст-ние 1831 г. не отменяет ранний текст, а является новой ступенью в разработке темы с использованием отдельных строф, что встречается у Лермонтова весьма часто.

* **246—262.** Написаны Лермонтовым к маскараду в Московском благородном собрании под новый 1832 г. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, Лермонтов явился туда в костюме астролога с огромной «книгой судеб», в которой были вписаны настоящие ст-ния (Воспоминания. С. 37).

1. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

2. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Бухарина* Вера Ивановна (1813—1902) — дочь московского сенатора И. Я. Бухарина. С 1832 г. замужем за Н. Н. Анненковым. Автор мемуаров о Лермонтове (см.: Андроников. С. 160—202).

3. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Трубецкой* — вероятно, Николай Николаевич (1812—1879), служивший в это время в Межевой канцелярии. В 1833 г. он женился на Е. А. Лопухиной (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 4 авг. 1833 г.).

4. ПСС-1, т. 1. - - ПСС-3, т. 1, ошибочно, без ст. 2 и 9. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4, где зачеркнутые ст. 6—9 восстановлены Лермонтовым. *Павлов* Николай Филиппович (1803—1864) — писатель, в начале 1830-х гг. был известен как переводчик и поэт. Лермонтов был знаком с ним и с его женой, поэтессой Каролиной Павловой (урожденной Яниш).

5. Соч. 1880, т. 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Алябьева* Александра Васильевна (по мужу Киреева, 1812—1891) славилась в Москве своей красотой (см. посвященную ей строку в ст-нии Пушкина «К вельможе»).

6. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Речь идет о Елизавете Ивановне *Нарышкиной* (1816—?). В автографе Лермонтов колебался между буквами Л. (Лиза) и Е. (Елизавета). В тетр. В. Х. Хохрякова, первого биографа

Лермонтова, есть копия этого ст-ния под загл. «À M-lle L. E. Narichkine», с вар. (см.: ПСС-3, т. 1, С. 498).

7. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Скорее всего обращено к Александре Андреевне *Толстой* (1817—1904), автору воспоминаний о встрече с Пушкиным в доме ее родителей («Вестник Европы». 1904, № 6. С. 441—485).

***8.** ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, альбом П. А. Бартеневой, с пометой «À m-lle Barteneff». Автограф — ПД, тетр. 4. Лермонтов ошибся, написав в автографе фамилию «Бартенева» через «ь». *Бартенева* Прасковья Арсеньевна (1811—1872) — известная певица (см. примеч. 359).

9. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова (будущего убийцы поэта) — Елизавете (1812—1891) или Екатерине (1813—?).

10. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. *Додо* — Евдокия Петровна Сушкова (по мужу Ростопчина, 1811—1858), поэтесса. Додо — ее домашнее имя на манер ласкательных французских прозвищ типа Зизи, Мими и т. п. В 1830 г. Лермонтов посвятил ей ст-ние «Крест на скале» (№ 188). В этом же году П. А. Вяземский напечатал в альм. «Северные цветы» ее ст-ние «Талисман», о котором Лермонтов и упоминает в своем мадригале. О Лермонтове Ростопчина рассказала в своем письме к А. Дюма (Воспоминания. С. 280—286).

11. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. В копии ПД, тетр. В. Х. Хохрякова, под загл. «À son ex⟨cellence⟩ m-r Bachiloff» («Его превосходительству г-ну Башилову»). *Башилов* Александр Александрович (1777—1847) — тайный советник, сенатор, директор Комиссии строений в Москве. *Зато минувший, уверяю и* т. д. Намек на холерный 1830 г. Объясняется тем, что Башилов был председателем комиссии по борьбе с эпидемией при генерал-губернаторе Москвы.

12. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. О какой *Кропоткиной* идет речь, не установлено.

13. РМ. 1882, № 2. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. В автографе зачеркнуты еще две более ранние ред. В копии ПД, тетр. В. Х. Хохрякова, под загл. «À la princesse A. Tcherbatoff». Относится к кн. *Щербатовой* Анне Александровне (1808—1870), славившейся своей красотой.

14. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. *Булгаков* Константин Александрович (1812—1862) — сын московского почтдиректора А. Я. Булгакова, гуляка и повеса. Лермонтов учился с ним в Московском университетском Благородном пансионе и в Школе юнкеров. *Класс* — гражданский чин от 12-го до 14-го, эти чины присваивались окончившим пансион (в зависимости от успехов); 14-й класс был самым низшим.

15. РМ. 1882, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Посвящено Софье Ивановне *Сабуровой*, сестре пансионского товарища Лермонтова (см. о нем примеч. 7).

16. РМ. 1886, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. О какой *Уваровой* идет речь, не установлено.

17. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Эпиграмма относится, вероятно, к кн. П. И. Шаликову (см. примеч. 115).

263. ЗОР. - - Печ. по копии А. М. Верещагиной, (ГБЛ), написанной на одном листе с неизвестным ранее вар. «Стансов» («Я не крушуся о былом...», № 89). В ЗОР оба ст-ния датированы 1834—1835 гг., на основе предположения, что они внушены разрывом с Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 105). Более вероятно, что ст-ния относятся к 1831 г. и обращены к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). Не исключено, как замечают публикаторы ст-ния И. А. Гладыш и Т. Г. Динесман, что Лермонтов использовал ранние стихи в качестве отклика на более поздние сходные ситуации.

264. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Другой автограф (неполный: ст. 1—11 и 28—37) — ГБЛ.

265. ПСС-1, т. 1, без ст. 3. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4.

266. ПСС-1, № 1. - - Печ. по автографу тетр. 4, где текст зачеркнут.

267. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Ст-ние использовано в поэме «Измаил-Бей» (№ 444).

268. Изд. 1862. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Строфа 1 с незначительными изменениями перенесена в ст-ние «Девятый час; уж тёмно; близ заставы...» (№ 271).

* **269.** ОЗ. 1859, № 7, без ст. 21—28. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленному автографу ПД, тетр. 4. Ст. 1—6 — вольный перевод начала ст-ния Байрона «On this day I complete my thirtysixth year...» (1824). Ст. 21—28 — из поэмы С. Колриджа «Christabel» (1816). Ст. 19—20 вошли в ст-ние «К ***» (№ 273). Вероятно, обращено к Н. Ф. Ивановой (см. примеч. 67 и 273).

270. ОЗ. 1859, № 7, ст. 1—2, 9—14, 17—34. - - Изд. 1862. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 4. Авториз. копия — ПД, тетр. 20, где ст. 30 отсутствовал и был вписан рукой поэта позже.

271. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. *Парни* Эварист-Дезире де Форж (1753—1815) — французский поэт; автор эротических ст-ний. Ст. 47—48 взяты из предыдущего ст-ния.

272. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 4.

* **273.** ОЗ. 1859, № 7, без ст. 21—38. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. Ст. 31—32 взяты из ст-ния «Время сердцу быть в покое...» (№ 269). Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

274. ЛГ. 1939, 15 окт. - - Печ. по копии ЦГАЛИ, альбом М. Д. Жедринской. *И стих безумный, стих прощальный.* Речь, видимо, идет о предыдущем ст-нии.

275. ЛГ. 1939, 15 окт. - - Печ. по копии ЦГАЛИ, альбом М. Д. Жедринской. Обращено к Дарье Федоровне *Ивановой* (по мужу Островской, ум. 1872), сестре Н. Ф. Ивановой.

276. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Возможно, в ст-нии обрисован психологический портрет Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67). *Лель* (слав. миф.) — бог — покровитель любви и брака.

277. ОЗ. 1859, № 7, с пропусками. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. *Вы взлелеяли детство мое.* Лермонтов в детские годы несколько раз проводил лето на Сев. Кавказе у своих родственников Хастатовых (в 1820, 1825 гг.). *Воздух там чист, как молитва ребенка.* Этот ст. использован в «Княжне Мери».

278. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 4. Мотив двух утесов восходит к поэме Кольриджа «Кристабель» (ср. № 269). Примыкает к ст-ниям, посвященным Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

*** 279.** ОЗ. 1859, № 7, контаминация с черн. текстом, без ст. 1—2, с вар. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Черн. автограф — ПД, тетр. 4. В 1841 г. Лермонтов переделал это ст-ние (см. «Договор», № 411).

280. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по правленому автографу ПД, тетр. 4. Копия — ПД, тетр. 20.

281. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Черн. автограф — ПД, тетр. 6. Перевод эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого из ст-ния Роберта Бёрнса «Parting song to Clarinda» («Прощальная песнь Клоринде»). В ст. 1 Лермонтов слово «kindly» перевел: «дитя», произведя его от немецкого слова «Kind». По-английски «kindly» — «нежно», «сердечно».

282. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Посвящена отцу Лермонтова (см. о нем примеч. 215).

283. РМ. 1884, № 4. - - Печ. по автографу ПД, имеющему вар., тетр. 4. Обращено к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

284. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 4. Ст-ние не закончено.

285. БдЧ. 1845, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

286. ССЛ. 1876, 26 февр. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. О возможных источниках «Романса» см.: Вацуро В. Э. «Ирландские мелодии» Томаса Мура в творчестве Лермонтова // «Рус. литература». 1965, № 3. С. 184—192.

287—288. СВ. 1889, № 1. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Речь идет о любви поэта к Н. Ф. Ивановой (см. о ней примеч. 67).

289. СВ. 1889, № 1. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Адресат ст-ния — Лопухина Варвара Александровна (1815—1851) — младшая сестра московского друга Лермонтова А. А. Лопухина, предмет самого стойкого и серьезного чувства поэта. Переезд в 1832 г. в Петербург разлучил Лермонтова с Лопухиной, с которой он позна-

комился в 1831 г. В 1835 г. Лопухина, видимо по настоянию родителей, вышла замуж за Н. Ф. Бахметева. Лермонтов болезненно пережил ее брак, но сохранил до самой смерти очень светлые и нежные чувства к Лопухиной, судя по всему также любившей его. Поэт нарисовал три акварельных портрета Лопухиной (один из них воспроизведен в наст. изд.: т. 1, между с. 256—257). Образ Лопухиной проходит через многие его произведения, по-разному преломляясь в них. С ним связаны ст-ния № 291, 292, 299, 303, 305, 341, 346, 393, им внушены стихотворные посвящения к поэме «Измаил-Бей», к шестой ред. «Демона». Черты Лопухиной запечатлены в драме «Два брата», романах «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени».

290. СВ. 1889, № 3. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20.

291. СВ. 1889, № 1. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 20. Возможно, обращено к В. А. Лопухиной (см. о ней примеч. 289).

292. ССЛ. 1876, 26 февр. - - Печ. по копии ПД, тетр. 20. Обращено к В. А. Лопухиной (см. о ней примеч. 289).

293. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Ст. 1—2 — перевод начальных ст. старинной немецкой народной песни «Die drei Ritter» («Три рыцаря»).

294. СВ. 1889, № 3. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

295. С. 1854, № 1, ст. 1—8. - - ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Отрывок ст-ния процитирован в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от авг. 1832 г. после фразы: «Странная вещь, только месяц тому назад я писал...» Следовательно, ст-ние написано в июле.

296. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

297. С. 1857, № 10. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Перекликается со ст-нием «Новгород» (№ 135). Отклик на посещение поэтом Новгорода 6 авг. 1832 г. во время поездки из Москвы в Петербург.

*** 298.** ОЗ. 1841, № 11. - - БдЧ. 1845, № 1, без загл. - - Печ. по копии ПД, тетр. 15. Автограф ст. 1—8 — ПД, тетр. 20. Автограф ранней ред.— альбом Верещагиной (фотокопия — ПД). Копия рукою С. А. Раевского — ГИМ, тетр. 7 Чертк. б-ки. В 1837 г. Лермонтов переработал это ст-ние (см. «Узник», № 343).

*** 299.** СВ. 1889, № 2. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Возможно, относится к В. А. Лопухиной (см. о ней примеч. 289). Ст. 24 вошел в измененном виде в поэмы «Боярин Орша» (ст. 545) и «Мцыри» (ст. 390).

300. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20.

*** 301.** ОЗ. 1842, № 5. - - Печ. по копии ПД, тетр. 15. Автограф первоначальной ред.— ПД, тетр. 20. Авториз. копия — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. *Трехнедельный удалец* — Наполеон. *Неведомый гра-*

нит — о. Св. Елены. Образы строф 3—4 повторены в строфе 7 поэмы «Сашка» (№ 449).

302. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Строфа 2 использована в ст-нии 1840 г. «Есть речи — значенье...» (№ 384). Женский образ ст-ния не отождествим с известными адресатами любовной лирики юного Лермонтова.

303. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Возможно, относится к В. А. Лопухиной (см. примеч. 289).

304. ССЛ. 1875, 16 нояб. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. В автографе вычеркнуто загл. «Толпе».

305. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 20. Относится к В. А. Лопухиной (см. о ней примеч. 289). Ст. 9—12 близки ст. 125—130 поэмы «Демон» (№ 454).

306. С. 1854, № 1, без ст. 1—4, 7—8, 10—12. - - РС. 1873, № 3. - - Печ. по автографу ПД. Приведено в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от начала авг. 1832 г. Бахметева Софья Александровна (1800—?) — приятельница Лермонтова, воспитывалась в доме Е. А. Арсеньевой. Осенью 1832 г. уехала в Воронеж. *Павлово писанье* — апостола Павла, которому приписывается четырнадцать посланий, входящих в Новый завет. *Павел* — родственник поэта Евреинов Павел Александрович (ум. 1857). *Красный ворот.* Мундиры полицейских были с красным воротом. *Я в роковом его просторе* — полемическое цитирование строки из песни Н. М. Языкова «Пловец» (1829).

*** 307.** РА. 1863, № 3. ст. 15—28. - - РС, 1872, № 5. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. (21). Автограф др. ред.— ГПБ, в письме к М. А. Лопухиной от 28 авг. 1832 г., где сказано, что ст-ние написано накануне — в день петербургского наводнения.

308. РА. 1863, № 3. - - Печ. по автографу ГПБ, в письме к М. А. Лопухиной от 28 авг. 1832 г.

309. С. 1854. № 1, без загл. и ст. 11—12. - - РС. 1873, № 3, без загл. - - Полн. собр. соч. М.; Л., 1947. Т. 1. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. Другой автограф — ПД, в письме к С. А. Бахметевой от начала авг. 1832 г., без загл. Еще один автограф с вар. ст. 1, 4 и без ст. 5—8 — в альбоме Верещагиной. Копия с него — ПД.

310. ОЗ. 1841, № 10. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. Автограф — ГПБ, в письме М. А. Лопухиной от 2 сент. 1832 г. *Белеет парус одинокой* — цитата из поэмы А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский» (1827); в лермонтовском ст-нии этот образ перерастает в емкий символ, отражающий духовный мир человека. Написано вскоре после переезда Лермонтова в Петербург и навеяно впечатлениями от моря. Анализу «Паруса» посвящены разделы в книгах и специальные статьи (Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. М., 1985. С. 17—22; Найдич Э. Э. Парус // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 122—134 и др.).

311. РА. 1863, № 4. - - Печ. по автографу ГПБ, в письме к М. А. Лопухиной от окт. 1832 г. Черн. автограф — ПД, казанск. тетр. Ст. 1—4 с небольшими изменениями перенесены в 1839 г. в ст-ние «Памяти А. И. О‹доевск›ого» (№ 377); ст. 5—8 использованы в «Думе» (№ 368). В ст-ние в измененном виде вошла строфа 2 ст-ния «К***» (№ 141). *Он равных не находит; за толпою Идет, хоть с ней не делится душою.* Реминисценция ст. из «Евгения Онегина» (гл. 8, строфа XI).

312. ССЛ. 1875, 16 нояб. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. (21). Основано на фольклорном сюжете: дудочка, вырастающая над могилой убитого, обличает убийцу.

313. ОЗ. 1839, № 4. - - Стих. 1840, датировано. Автограф — ПД, казанск. тетр. (с незначительными разночтениями) — относится к 1832 г. В Стих. 1840 дата: 1836, фиксирующая время исправления текста.

314. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр.

315. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр. (21). *Красные доломаны* и шитые золотом *ментики* — форма лейб-гвардии гусарского полка, в который Лермонтов был в 1832 г. зачислен по вступлении в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; все кони в этом полку были серые.

* **316.** «Атеней». 1858, № 48, с вар. - - «Звезда». 1936, № 5, другая ред., по рукописному журналу «Школьная заря» (ПД). - - Печ. по копии ПД на отдельном листе, датировано. *Алехин глас.* Алеха — преподаватель юнкерской школы Алексей Степанович Стунеев.

317. ССЛ. 1876, 1 янв. - - Печ. по автографу ПД, казанск. тетр.

318. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по копии ПД. Речь идет, видимо, о похоронах Егора Сиверса, обучавшегося одновременно с Лермонтовым в юнкерской школе. Сиверс умер 5 дек. 1833 г. В ст-нии ощущается воздействие ст-ния И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (перевод из Ч. Вольфа, 1826).

* **319.** РС. 1875, № 9. - - Печ. по автографу ГИМ, где имеется также первоначальный вар. эпиграммы. На другой стороне листа черновые тексты ст-ний «Молитва» и «Расстались мы, но твой портрет...», которые в Стих. 1840 датированы 1837 г. Эпиграмма на пьесу Нестора Васильевича *Кукольника* (1809—1868). Она скорее относится к 1835 г.— ко времени, когда была поставлена пьеса «Князь Михаил Васильевич *Скопин*-Шуйский». Едва ли Лермонтов написал эпиграмму через два года после премьеры, когда толки о пьесе отошли в прошлое. Премьера состоялась 14 янв. 1835 г. в Александринском театре; в Большом театре в Петербурге пьеса шла 23 и 29 янв., 2, 9, 16 февр. 1835 г. Эпиграмма интересна как свидетельство отношения Лермонтова к официальному патриотизму. Обширную хвалебную рецензию на драму напечатал С. П. Шевырев («Московский наблюдатель». 1835, № 3, кн. 1. С. 104—119 и кн. 2. С. 382—395). Белинский отрицательно отозвался о пьесе (Белинский. Т. 2. С. 133), назвав критику Шевырева странной.

*** 320.** С. 1854, № 5, без ст. 2—3, 9—16. - - БЗ, 1859, № 16. - - Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. В автографе после ст. 29 следует семь зачеркнутых ст. Датируется между 1834 и 1836 гг. на след. основании. С. А. Раевский в показаниях на следствии по делу о ст-нии «Смерть поэта» сообщал, что ст-ние «Опять, народные витии...» написано «кажется, в 1835 году» в связи с опубликованием статьи «в каком-то французском журнале». «Лермонтов,— говорил Раевский,— в прекрасных стихах обнаружил русское негодование противу французской безнравственности, их палат и т. п.» (Воспоминания. С. 391). В мемуарах А. П. Шан-Гирея сообщается: «Незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе, Лермонтов написал пьесу вроде известной „Клеветникам России", но... никогда не хотел впоследствии печатать ее» (Воспоминания. С. 43). Сопоставляя эти свидетельства с содержанием первой строфы, можно сделать вывод, что лермонтовское ст-ние, так же как и «Клеветникам России» (1831) Пушкина, направлено против выступлений депутатов французского парламента, поддерживавших польскую эмиграцию и призывавших к войне с Россией. Выдвигалось предположение, что это ст-ние — непосредственный отклик на изложение политических речей И. Лелевеля и др. польских деятелей в статье газеты «Journal de Francfort» («Франкфуртская газета») от 11 апр. 1834 г., где, в частности, упоминалось имя Пушкина. Об этом см. в примеч. Т. П. Головановой к изд.: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 711—714. *Литва* — здесь: Польша; такое название имеет историческое обоснование: в XIV—XVIII вв. существовало объединенное Польско-Литовское государство. *Вас казнил могучим словом Поэт, восставший в блеске новом* — Пушкин, давший в ст-нии «Клеветникам России» (1831) отпор антирусским выступлениям французской печати. Кай *Фабриций* Лусцин (III в. до н. э.) — римский полководец, славившийся храбростью, честностью, неподкупностью.

321. Андроников И. Л. Исследования и находки. М., 1964. Обращено к Е. А. Сушковой (см. о ней примеч. 69). Автограф — в альбоме А. М. Верещагиной, хранящемся в семейном архиве фон Кениг (ФРГ), воспроизведен в кн.: Андроников. С. 260. Предположительно датируется по содержанию 1835 г. (см.: Андроников. С. 261). *Изменилось их значенье На листочке голубом.* Насмешка поэта над Е. А. Сушковой, в альбоме которой на листе из бумаги голубого цвета были сделаны выписки из св. Августина (о Сушковой см. примеч. 105).

322. ОЗ. 1842. № 4, без ст. 22—36. - - «Русь». 1884, 1 марта. - - Печ. по авториз. копии ПД, тетр. 15, где год в дате и эпиграф вписаны рукою Лермонтова, а ст. 22—36 зачеркнуты неизвестною рукой, может быть, публикатором текста в ОЗ. Начало ст-ния — свободное переложение строф 139—141 песни IV «Чайльд-Гарольда» Байрона; из этой же поэмы взят эпиграф (песня IV, строфа 140). До Байрона к образу умирающего гладиатора обращался французский поэт Ш.-Ж. Л. Шендолле (1769—1833) в ст-нии «Le gladiateur» (1820). Для обоих поэтов характерна пластичность изображения, так как они описывали знаменитую статую, находящуюся в Капитолийском музее в Риме. Мраморная копия этой статуи с 1802 г. находилась в Петербурге (Михайловский замок — Царское Село — Потемкинский дворец, с 1838 г. — в Эрмитаже). Возможно, что обращение

Лермонтова к этому сюжету связано с тем, что он тоже видел копию или гравюру статуи. Во всяком случае, строка «Во прахе и крови скользят его колена» передает положение гладиатора и вместе с тем отличается от тех пластических деталей, к которым обращались Байрон («Он оперся на локоть») и Шендолле («Встать тщится, на руку склонен»). *И молит жалости напрасно мутный взор.* Ст. восходит к русскому переводу главы из романа Э. Бульвера-Литтона «Последний день Помпеи» («Московский наблюдатель». 1835, июнь, кн. 2. С. 582). *Надменный временщик и льстец его сенатор.* Эта строка, видимо, подсказана лексикой ст-ния К. Ф. Рылеева «К временщику», начинающегося словами «надменный временщик», «монарха хитрый льстец» и пушкинского «Лицинию» (ст-ние открыло сборник ст-ний Пушкина 1829 г.), где Рим изображается в таких же, как у Лермонтова, красках: «льстецы сенаторы», «О Рим, о гордый край разврата, злодеянья» (у Лермонтова: «Прости, развратный Рим»). *К могиле клонишься бесславной головою* и т. д. Эти строки перекликаются с рассуждениями ранних славянофилов о разложении «европейского мира». Однако от ранних славянофильских воззрений Лермонтова отличает высокая оценка освободительных идей, связанных с Великой французской революцией («Когда-то пламенных мечтателей кумир»).

323. ОЗ. 1839, № 6. -- Стих. 1840, датировано. Вольный перевод ст-ния Байрона «My soul is dark...» (из цикла «Еврейские мелодии», 1815).

324. ОЗ. 1839, № 6. -- Стих. 1840, датировано. Перевод ст-ния Байрона «Lines written in an album at Malta». Лермонтов уже обращался к этому ст-нию в 1830 г. (см. «В альбом», № 77). Настоящий перевод ближе к подлиннику.

325. БЗ. 1861, № 18, где опубликована по не дошедшему до нас источнику с примеч. П. А. Ефремова: «На О. И. Сенковского». Публикатор датировал эпиграмму 1841 г., считая, что это ответ Лермонтова на критику О. И. Сенковским «Героя нашего времени». Однако в рецензиях последнего на произведения Лермонтова, написанных при жизни поэта, не содержалось «пошлой брани». Небольшая рецензия Сенковского на роман Лермонтова (БдЧ. 1840, № 4) была уклончивой — в ней не было ни брани, ни похвалы. Отнесению эпиграммы к 1841 г. противоречат ее первые две строки. Осип Иванович *Сенковский* (1800—1858), по национальности поляк, издавал журнал БдЧ с 1834 г., где выступал под псевдонимом Барон Брамбеус, тем самым надевая на себя маску русского немца. В начале 1836 г. Гоголь в пушкинском «Современнике» (1836, т. 1) дал уничтожающую характеристику Сенковского: «Критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешился собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое-то странное ожесточение... Его собственные сочинения, повести и тому подобное являлись под фирмою Брамбеуса...» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 160). Оборот «под фирмою» встречается и в статьях Белинского. Ко времени публикации нашумевшей статьи Гоголя и следует отнести эпиграмму Лермонтова, вступавшего в эти годы в литературу и определявшего свою общественно-литературную позицию.

326. РС. 1875, № 9. - - Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется предположительно 1836—1837 гг. В рукописи оторвана часть листа, на котором была написана строфа 1 и загл. ст-ния, где, возможно, обозначалось имя «великого мужа». Во всех изданиях (кроме первой публикации) ст-ние начиналось с заключительной строфы, так как редакторы не замечали в рукописи знака, указывающего на последовательность строф. Б. М. Эйхенбаум в ПСС-3 восстановил правильный порядок строф и впервые высказал мнение, что в ст-нии говорится о П. Я. Чаадаеве, подвергшемся в 1836 г. преследованиям за «Философическое письмо». В качестве адресата ст-ния указывался также М. Б. Барклай-де-Толли, первый главнокомандующий русской армией в 1812 г., несправедливо обвиненный молвой в измене (см.: Мануйлов В. А., Модзалевский Б. Л. «Полководец» Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Т. 4/5. С. 125—164). Наиболее обстоятельно и аргументированно эта версия обоснована в труде: Андроников И. Л. Лермонтов: Новые разыскания. М., 1951. С. 91—102. Лермонтов под впечатлением пушкинского ст-ния «Полководец» (С. 1836, т. 3) и «Объяснения» Пушкина по поводу этого ст-ния (С. 1836, т. 4) написал свое ст-ние о Барклае. В его основу Лермонтов положил ту же, что и Пушкин, мысль о трагическом непонимании народом великого деятеля. Совпадает с «Полководцем» и конец послания, где говорится об оценке «великого мужа» «в грядущем поколенье». Попытка оспорить предположение Андроникова (Закруткин Р. К спору о «великом муже» // «Ученые записки Калининградского гос. пед. ин-та». 1957, вып. 3. С. 263) ссылкой на то, что заслуги Барклая были в 1836 г. достаточно оценены и признаны, опирается только на мнения официальных кругов и не может опровергнуть выдвинутой гипотезы. Как хорошо было показано в докладе Г. М. Кока о «Полководце» Пушкина (прочитанном в Институте русской литературы АН СССР в 1962 г.), официальные круги в 1830-х гг. действительно даже возвышали роль Барклая, чтобы преуменьшить заслуги Кутузова. Николай I, ознакомившись с рукописью труда А. Михайловского-Данилевского об Отечественной войне, указал на необходимость более полного освещения роли Барклая, что и было выполнено. Речь у Пушкина, а затем и у Лермонтова идет не об официальном непризнании Барклая, а о трагической судьбе великой личности, об отрицании народом его патриотических заслуг. В «Объяснении» Пушкина — ответе на «Критическую заметку» Л. Голенищева-Кутузова, выступившего в печати с тем, чтобы взять под защиту Кутузова, роль которого якобы умалил Пушкин,— как раз подчеркнута эта мысль: «Вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены... Конечно, не народом, и не в 1812 году... Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 133). Выдвигались и другие, менее аргументированные гипотезы об адресате послания (назывались имена Рылеева, Пестеля, Радищева и др.).

327. ЛН. 1935, т. 19/21. - - Печ. по автографу ЦГАЛИ. Датируется предположительно 1836—1837 гг. Листок с автографом был послан в 1844 г. хозяйке литературного салона Е. А. Карлгоф-Дра-

шусовой С. А. Раевским с запиской следующего содержания: «...как ни была бы глубока, как ни долговременно таилась в душе его мысль, он обнаруживал ее кистью или пером изумительно легко — и я бывал свидетелем, как во время размышления противника его в шахматной игре Лермонтов писал драматические отрывки... Для сохранения воспоминаний об этой отличительной черте Раевский с отличным почтением посылает ее превосходительству Елизавете Алексеевне собственноручный листок Лермонтова, согласно желанию ее» (ЛН. 1935, т. 19/21. С. 505).

328. ЛН. 1935, т. 19/21. - - Печ. по автографу ЦГАЛИ. Автограф находится на одном листе с предыдущим ст-нием. Датируется предположительно 1836—1837 гг. Оба эти ст-ния и внутренне связанное с ними ст-ние «Гляжу на будущность с боязнью...» (№ 358) представляют исповедальный монолог, подготавливающий создание «Думы», где эти интимные размышления связываются с судьбой поколения.

ДРАМЫ

Лермонтов стал систематически печататься лишь с 1838 г., рассматривая почти все написанное им прежде (в стихах и прозе) как не достойное внимания публики и его собственных эстетических требований. С 1837 г. поэт выходит на широкую дорогу многожанровой писательской деятельности, прекращая, однако, свою плодотворную работу в области драматургии, целиком оставшуюся в пределах 1830—1836 гг. За эти годы были написаны драмы «Испанцы», «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»), «Странный человек», «Маскерад», «Два брата». Вершинное создание Лермонтова-драматурга постигла та же участь, что и грибоедовское «Горе от ума»,— оно дважды бесповоротно запрещалось цензурой. Даже после того как «Маскерад» был переделан и превращен, по сути дела, в иную пьесу — «Арбенин» (что не обошлось без существенных художественных потерь), лермонтовское произведение снова было отклонено. Школа драматического творчества оказала плодотворнейшее воздействие на всю последующую литературную деятельность Лермонтова, который, однако, вынужден был расстаться с поприщем драматурга.

Драматическое наследие писателя, за исключением «Маскерада», опубликованного с ценз. изъятиями в 1842 г., долгое время было неизвестно. Подлинное знакомство с ним состоялось только в 1880 г. в издании «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова», подготовленном П. А. Ефремовым. Пьеса «Арбенин» стала известной лишь с 1875 г.

* 329. РВ. 1857, № 5, кн. 2, отрывки и пересказ сцен в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова». - - Лермонтов М. Ю. Юношеские драмы. Спб., 1880 (изд. П. А. Ефремова). - - Печ. по авторизованной копии ПД, тетр. 17, с уточнением отдельных строк и восполнением изъятий автоцензурного характера (ст. 1159, 1169—1170) по черн. автографу ПД, тетр. 7. Датируется по положению в тетр.; дата на обложке авторизованной копии: 1830. Несколько подготовительных материалов для пьесы, дающих представление о зарождении ее замысла, сохранилось в автографе ПД, тетр. 6 (впервые опубл.: Лермонтов М. Ю. Юношеские драмы. Спб., 1880; отрывки 3—6 — ОЗ. 1859, № 11).

Как и в других произведениях, связанных с испанской темой (поэмы «Две невольницы», «Исповедь»), поэт не воссоздает в своей трагедии конкретные черты какой-либо определенной эпохи: в пьесе упоминаются лица и события XV—XVII вв., укладывающиеся в обобщенно-романтическую картину Испании времен инквизиции. Вместе с тем в этой картине следует видеть своеобразную проекцию впечатлений от засилия зла, господствовавшего в русской действительности. Шестнадцатилетний поэт обращался в трагедии к классическим образам и ситуациям мировой литературы: ночной разговор Сары и Ноэми (действие 2, сцена II) подсказан разговором Татьяны с няней в «Евгении Онегине»; похищение Эмилии близко к аналогичной интриге в пьесе «Эмилия Галотти» Лессинга (возможно, что Лермонтов заимствовал из нее же имя героини), образы Моисея, Сары и Ноэми, видимо, возникли под воздействием «Айвенго» Вальтера Скотта и «Натана Мудрого» Лессинга и т. д. В ряде эпизодов отразилось увлечение Лермонтова трагедиями Шекспира, Шиллера и Гюго. Широта этих литературных связей свидетельствует о значительной творческой самостоятельности начинающего драматурга, сумевшего сплотить воедино весьма различные по своей природе художественные воздействия. О политической направленности пьесы см.: Эйхенбаум Б. М. «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия // М. Ю. Лермонтов: Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 45—56. Не исключено, что одним из дополнительных импульсов в создании «Испанцев» послужило клеветнически сфабрикованное вележское дело — о ритуальном убийстве евреями ребенка. О знакомстве Лермонтова с этим делом см.: Гроссман Л. П. Лермонтов и литературы Востока // ЛН. 1941, № 43/44. С. 719—735.

Сценическая жизнь юношеской драмы Лермонтова началась лишь в советское время. В 1923 г. трагедия была поставлена К. В. Эггертом в театре «Романеск» (в Москве). Успехом пользовалась в 1941 г. постановка С. М. Михоэлса в Гос. Еврейском театре (в Москве). Пьеса ставилась также в 1954—1955 гг. в Луганске, в 1955 г.— в Гродно и Гомеле, в 1956—1957 гг.— в Петрозаводске, в 1962—1963 гг.— в Великих Луках, в Орджоникидзе (в Северо-Осетинском национальном музыкально-драматическом театре) и др. театрах страны.

Посвящение. Кому посвящена трагедия, не установлено.

Действующие лица. *Патер Соррини, итальянец-иезуит, служащий при инквизиции.* Патер — католический священник. Иезуит — монах католического ордена иезуитов, основанного в 1534 г. для упрочения власти католической церкви; орден широко использовал в своих целях инквизицию; иезуиты считали необходимым прибегать к обману, провокациям, шпионажу, насилиям, так как руководствовались моралью: цель оправдывает средства.

Действие первое. С ц е н а I. *Бургос* — город в Кастилии, центр провинции того же названия. *При Карле Первом.* Имеется в виду король испанский и император Священной Римской империи Карл I (1500—1558). *Конечно, он причислен к лику.* Речь идет о причислении к лику (сонму) святых, т. е. о канонизации католической церковью особо отличившихся в делах веры христиан. *В сраженье против англичан проклятых.* Здесь подразумеваются неудачные действия испанского флота (так называемой «Непобедимой Армады») против англичан в 1558 г., явившиеся национальным бедствием для испанцев.

И род наш до трубы последней продолжился. «Глас трубный», по верованиям христиан, будет означать наступление Страшного суда, о чем говорится в Евангелии (Апокалипсис от Иоанна). *Когда пергаменты свои покажешь.* Пергаменты — здесь: документы, удостоверяющие дворянское происхождение их владельца. *Папа есть апостолов наместник.* Глава католической церкви папа римский считается среди католиков наместником апостола Петра. Сцена II. *Святой Доминго, помоги!* Доминго (Доминик, 1170—1221) — основатель монашеского ордена доминиканцев, воинствующий преследователь религиозных ересей, причисленный к лику святых. *Армида* — героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580) итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595), дева чарующей красоты.

Действие второе. Сцена I. *Гвадьяна* — Гвадиана, река в Испании и Португалии. *Неверные там Купали своих лошадей.* Неверные — здесь: арабы и мусульманские племена Сев. Африки, под властью которых находилась в VIII—XIII вв. большая часть Испании. *Сарацины* — в языке средневекового рыцарства — мусульмане вообще. Сцена II. *Авраам* — герой библейской легенды, один из древнееврейских патриархов (родовых вождей).

Действие третие. Сцена I. *Цитра* — музыкальный струнный инструмент. Сцена II. *Начуже* — на чужбине. *Еврейская мелодия.* Этому тексту предшествовало самостоятельное ст-ние Лермонтова на ту же тему, см. № 122. Начало «Еврейской мелодии» перекликается с псалмом 136. *Плачь, Израиль! о плачь! — Твой Солим опустел.* Израиль — здесь: народ древнееврейского государства Израиль; Солим — одно из названий Иерусалима (так он именуется в псалме 136). *В пустынях рассеяно племя твое.* После завоевания Иудеи и разрушения Иерусалима в 586 г. до н. э. вавилонско-халдейским царем Навуходоносором десятки тысяч пленных евреев были угнаны через пустыню в чужую страну в качестве рабов; множество людей погибло в пути, многие, спасаясь от рабства, укрывались в диких местах. *Того, кто явился пророку в огне* — бог Яхве (Саваоф), который послал с неба огонь по просьбе пророка Илии, пытавшегося убедить вероотступников в могуществе Яхве. *Сион* — холм с крепостью в Иерусалиме, где была резиденция древнееврейского царя Давида и храм богу Яхве; Сион — священное, особо почитаемое место в религии иудаизма.

Действие четвертое. Сцена I. *Ужель закон в сей толстой книге* и т. д. Речь идет о Библии. *Он еретик! Он верит Лютеру.* Лютер Мартин (1483—1546) — видный реформатор католической церкви в Германии, основатель одного из направлений в христианстве, приверженцы которого долгое время считались еретиками.

Действие пятое. Сцена I. *Аврааму было легче самому На Исаака нож поднять.* Как явствует из библейской легенды, Авраам по требованию бога согласился принести ему в жертву единственного своего сына Исаака. В то время когда Авраам занес над связанным сыном нож, к нему явился ангел и передал ему волю бога, удовлетворившегося послушанием Авраама и отказавшегося от жертвы.

*** 330.** «Стихотворения М. Лермонтова». Спб., 1842. Ч. 3, с ценз. купюрами ст. 59—60, 177, 212—213, 1488, 1910, без ст. 64—72, под загл. «Маскарад». -- Изд. 1873, т. 2, без ст. 64—72. -- Изд. 1926. -- Печ. по писарской копии ПД (третья ред.), содержащей вставки рукой С. А. Раевского; ст. 64—72, отсутствующие в копии, восстановлены по БЗ. 1859, № 12, где автор «Библиографических заметок о Лермонтове» М — къ (?) сообщал, что его дополнения к текстам произведений поэта получены от А. М. Меринского, В. Е. Яковлева и др. знакомых Лермонтова. Текст писарской копии воспроизводится с устранением явных описок и ошибок в нумерации сцен и «выходов», как это было сделано в Соч. АН, т. 5. Вопреки загл. драмы в копии ПД, она в 1842 г. была напечатана под названием «Маскарад», которое удерживалось вплоть до настоящего времени в публикациях пьесы и в репертуаре театров. Между тем только в форме «маскерад» (на французский манер) это слово употребляется в самом тексте драмы.

Имеются три ред. «Маскерада». От первой (видимо, самой ранней) до нас дошла авториз. копия (начало утрачено) из архива Якушкиных (Центральный гос. архив Октябрьской революции и высших органов гос. власти СССР). Авториз. копия представляет собой писарский текст, испещренный многочисленными поправками Лермонтова, создающими верхний слой этой ред. (опубл. в отрывках: ПСС-3, т. 4, полностью — Лермонтов М. Ю. Соч., М., 1953. Т. 3, изд. «Б-ки „Огонек“»). В наст. изд. ранняя ред. (только правленый текст без первоначального вар.) печ. в разделе «Другие редакции и варианты» с восстановлением вычеркнутых в действии 1-м, сцене 3-ей строк, являющихся автоцензурной купюрой (этот текст заключен в угловые скобки). В сюжете ранней ред. еще не предусматривалась сцена сумасшествия Арбенина — пьеса заканчивалась смертью Нины и разделялась на четыре акта. Следующий этап работы над драмой — вторая ред., она не дошла до нас. Содержание пьесы, представленной в драматическую цензуру III Отделения и директору императорских театров А. М. Гедеонову осенью 1835 г., известно из пересказа цензора Е. Ольдекопа, запретившего постановку пьесы 8 нояб. 1835 г. и потребовавшего сюжетных и текстуальных переделок. Драма состояла из трех актов. «Я не знаю,— писал цензор в заключение своего пересказа,— сможет ли пьеса пойти даже с изменениями; по крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена. Возможно, что вся пьеса основывается на событии, случившемся в нашей столице. Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад... против костюмированных балов в доме Энгельгардтов...» Далее цитируется отрывок со словами «Как женщине порядочной решиться Отправиться туда, где всякий сброд...» и т. д. (Соч. АН, т. 5. С. 738; оригинал — по французски). Из пометы на докладе цензора Е. Ольдекопа видно, что 8 нояб. 1835 г. «Маскерад» был возвращен Лермонтову «для нужных перемен». Из материалов драматической цензуры (рапорт Е. Ольдекопа) выясняется, что при возвращении рукописи Лермонтову было передано мнение шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, который усмотрел в пьесе «прославление порока» и «выразил» желание об изменении ее таким образом, чтобы она кончалась «примирением между господином и госпожой Арбениными» («Ежегодник имп. театров». Спб., 1911. Вып. 5. С. 57). Лермонтов приступил к переработке пьесы. В янв. 1836 г. он через посредство С. А. Раевского, который проверил скопированный писцом текст

и внес в него соответствующие поправки из черновика, представил в цензуру третью (четырехактную) ред. «Маскерада». В письме к директору императорских театров поэт писал: «Возвращенную цензурою мою пьесу «Маскерад» я пополнил четвертым актом, с которым, надеюсь, будет одобрена цензором, а как она еще прежде представления Вам подарена мною г-ну Раевскому, то и новый акт передан ему же для представления цензуре» (Соч. АН, т. 6. С. 733). Присоединенный к драме четвертый акт содержал новую развязку пьесы, в которой решающая роль принадлежала Неизвестному (этот акт был написан заново в нояб.— дек. 1835 г.) Кроме того, образ Неизвестного был введен Лермонтовым и в другие акты. Можно предположить, что вторая ред., направленная в цензуру в 1835 г., была близка к первым трем актам писарской копии ПД (до вставок рукой Раевского). Третья ред. «Маскерада» была также отклонена. В своем втором докладе Е. Ольдекоп отмечал, что новая развязка пьесы не соответствует советам Бенкендорфа, автор не счел необходимым сделать надлежащие выводы из его рекомендации. «В новом издании,— писал далее цензор,— мы находим те же самые непристойные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта... те же дерзости против дам высшей знати... Драматические ужасы наконец прекратились во Франции; так неужели их хотят возродить у нас? Неужели хотят и у нас внести яд в семейную жизнь?» (Соч. АН, т. 5. С. 742—743; оригинал — по-французски). Последней попыткой Лермонтова увидеть свою драму на сцене была радикальная переработка текста, осуществленная им в 1836 г. и превратившая пьесу, по сути дела, в другое, самостоятельное произведение — драму «Арбенин» (см. след. примеч.). Об участии А. А. Краевского в публикации «Маскерада» и его переписке по этому поводу с цензором А. В. Никитенко, разрешившим драму к печати с ценз. изъятиями 29 сент. 1842 г., см. примеч. А. М. Докусова к Соч. АН, т. 5. С. 745. Хлопоты П. С. Мочалова поставить «Маскерад» в свой бенефис в 1843 г. (подробнее см.: Соч. АН, т. 5. С. 746—747) и артистки М. И. Валберховой о постановке пьесы для ее бенефиса в 1846 г. окончились неудачей. Лишь в 1852 г. Валберхова добилась разрешения на постановку отдельных сцен из драмы, которые шли 27 окт. 1852 г. в Петербурге и 21 янв. 1853 г. в Москве. С большими купюрами (прежде всего, с исключением строк, обличающих светское общество) «Маскерад» в 1862 г. был поставлен в Малом театре (в роли Арбенина — И. В. Самарин), а в 1862 г.— в Александринском. Затем пьеса неоднократно ставилась в столичных и провинциальных театрах: в 1912 г.— в театре Ф. А. Корша и в 1914 г.— в театре Н. Н. Соловцева в Киеве. В 1917 г. драма Лермонтова была поставлена В. Э. Мейерхольдом в Александринском театре (художник А. Я. Головин, музыка А. К. Глазунова, роль Арбенина исполнял Ю. М. Юрьев). В 1933 и 1938 гг. Мейерхольд в том же театре (переименованном в театр драмы им. А. С. Пушкина) создал новую сценическую ред. пьесы. 21 мая 1941 г. состоялась премьера спектакля в Театре им. Евг. Вахтангова (режиссер А. П. Тутышкин, музыка А. И. Хачатуряна). В 1952 и 1964 гг. драма была поставлена в Театре им. Моссовета (режиссер Ю. А. Завадский, в роли Арбенина — Н. Д. Мордвинов), в 1962 г.— в Малом театре (режиссер Л. В. Варпаховский, в роли Арбенина — М. И. Царев). В 1941 г. драма Лермонтова стала значительным событием в истории советского кино (режиссер С. А. Герасимов, роли исполнили: Арбенин — Н. Д. Мордвинов, Нина — Т. Ф. Макарова, Звездич — М. М. Садов-

ский, Неизвестный — С. А. Герасимов). Многочисленны постановки пьесы в театрах периферии и национальных республик. В 1957 г. в Харькове и Перми состоялись премьеры двух опер под названием «Маскарад» (композиторы А. П. Артамонов и Д. А. Толстой). Известна также опера (композитора Б. Зейдемана), шедшая в Баку в Азербайджанском гос. театре оперы и балета им. А. Ф. Ахундова. К драме Лермонтова неоднократно обращались и мастера хореографии. В 1956 г. в Новосибирске был поставлен балет (музыка Л. А. Лапутина, балетмейстер О. М. Дадишкилиани). В 1960 г. Театр оперы и балета им. С. М. Кирова показал новую музыкально-сценическую ред. этого балета (либретто и постановка Б. А. Фенстера). В 1961 г. осуществлен спектакль в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (балетмейстер И. В. Смирнов).

Действующие лица. *Звездич, Штраль* — эти фамилии заимствованы Лермонтовым из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» («Сын отечества». 1830, № 29—32), *Шприх* — из повести О. И. Сенковского «Предубеждение» (БдЧ. 1834, № 12), где под именем Шпирха (Лермонтов переставил буквы в этой фамилии) был выведен широко известный в петербургских салонах 1830-х гг. третьеразрядный литератор, возможно агент III Отделения, А. Л. Элькан (см.: Ефимова З. С. Из истории русской романтической драмы // «Русский романтизм». Л., 1927. С. 48—49). Фамилия Арбенин встречается у Лермонтова в драме «Странный человек» (1831). Этим именем назван также герой неоконченной повести («Я хочу рассказать вам...»). В тексте «Маскерада» Нина названа Настасьей Павловной («Настасья Павловна споет нам что-нибудь»). Очевидно, Нина — не настоящее имя героини, а, как это нередко делалось в дворянских семьях,— домашнее, принятое взамен Анастасии.

Действие первое. Сцена первая. *Мечут банк и понтируют.* Банк — один из видов карточной игры. Понтер — игрок, который ставит деньги на карту, наудачу выдернутую из колоды. Метать банк — раскладывать карты, взятые из другой колоды, на две стороны. Если карта банкомета совпадает с выдернутой картой понтера на определенной стороне, то выигрывает банкомет, если на другой — банк берет понтер. *Семпель* (семпль) — простая ставка, без увеличения назначенной суммы выигрыша. *Гнуть* — увеличивать ставку вдвое. *Ва-банк* — играть на всю ту сумму, которую поставил банкомет. *Пять лет был под началом,* т. е. под надзором начальства, властей. *Крест на шею получил.* Ордена св. Владимира 3-ей степени и св. Анны 2-й степени прикреплялись к ленте, которая надевалась на шею. *Ванька Каин* — в нарицательном смысле: вор, мошенник — по имени героя авантюрно-приключенческого романа М. Комарова «Обстоятельные и верные описания добрых и злых дел российского мошенника, вора и разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений» (Спб., 1779). Прототипом главного героя этого романа было реально существующее лицо — московский вор и сыщик Иван Осипов по прозвищу Каин. *Обрежется* — т. е. поставит по ошибке не на ту карту, на которую задумал сделать ставку. *Энгельгардт* Василий Васильевич (1785—1837) — внук одной из сестер Г. А. Потемкина, полковник в отставке, в конце 1820-х гг. выстроил на Невском проспекте дом (ныне № 30), специально предназначенный для балов, маскарадов, публичных концертов. Балы-маскарады в доме Энгельгардтов в середине 1830-х гг.

пользовались шумным успехом, на них бывали члены императорской фамилии и сам Николай I. Сцена вторая. *Канапе* (фр.) — диван. *Домино* — маскарадный костюм в виде плаща с капюшоном. *Безнравственный... злой, но слабый человек; В тебе одном весь отразился век*. Здесь отзвук ст. из «Евгения Онегина» (гл. 7, строфа XXII: «...два-три романа, В которых отразился век И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой»).

Действие второе. Сцена первая. *Жорж Занд почти что прав.* Романы Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван, 1804—1876) с их идеями эмансипации женщины широко обсуждались в те годы на страницах западноевропейских и русских журналов. В том же номере «Библиотеки для чтения», где была напечатана повесть О. И. Сенковского «Предубеждение» (1834, № 12), помещена переводная статья (из французского журнала «Revue de Paris») «Школы нынешней французской словесности». Автор этой статьи с реакционных позиций полемизировал с идеями Ж. Санд и Ш. Фурье. Возможно, в монологе баронессы Штраль Лермонтов иронически откликается на выступление журнала Сенковского против французской писательницы. Сцена вторая. *Вино — Рауля честь*. Рауль Франц — содержатель винного погреба в Петербурге на углу Почтамтской улицы и Исаакиевского переулка (не сохранился), где продавались высококачественные французские вина. Сцена третья. *Служите из чести*. Здесь игра слов — «служить из чести» означает также: служит за чаевые. Впервые обыграно в «Опасном соседе» В. Л. Пушкина, где служанка в публичном доме говорит, что служит там лишь «из чести». *Лепаж* — парижский ружейный мастер начала XIX в. *Картель* (фр.) — соглашение, договор; здесь: письменный вызов на дуэль.

Действие третье. Сцена первая. *Вот всё, на чем верти́тся свет* — реминисценция ст. из «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа XI; «И вот на чем верти́тся свет»).

Примеч. к ранней ред. «Маскерада». *Аматер* (фр.) — любитель. *Lausseur*, *Шамбертень* — марки французских вин. *Штосс* — карточная игра наподобие банка (см. выше). *Супиры* (от фр. soupir), *сувениры* (от. фр. souvenir) — буквально: вздохи и воспоминания; здесь: названия принадлежностей или фасонов дамского туалета. *Репантир* (от фр. repentir) — название модной прически. *Дезеспуар* (от фр. desésроіr) — буквально: отчаяние; здесь употреблено в насмешку над причудливыми наименованиями дамских туалетов.

331. РС. 1875, № 9, под ошибочным загл. «Маскарад». - - Печ. по авториз. копии ГИМ; загл., часть ремарок, список действующих лиц, ряд текстуальных пропусков восполняются по копии ЦГИА, список Долгорукова (из архива Д. Н. Блудова в «Бумагах председателей и членов Государственного совета»). Обе копии выполнены крайне небрежно и изобилуют грубейшими описками и ошибками писцов. В копии ЦГИА нет ст. 48—64 и 289—292. Вставки и уточнения, даваемые по этой копии, заключены в наст. изд. в угловые скобки. В копии ГИМ нет загл., но имеются карандашные поправки и пометы Лермонтова, им отмечены пропуски ст., а на л. 2 он вписал ст. 56—64. Чернильные поправки и дополнения рукой С. А. Раевского в основном дублируют карандашную правку Лермонтова (с некоторыми ошибками). В копию после этого была внесена вторичная правка

поэта, сделанная чернилами. Возвратившись в марте 1836 г. из Тархан в Петербург, Лермонтов приступил к коренной переработке «Маскерада». Он очень хотел видеть свою драму на сцене и на этот раз учел требования цензуры. Так возникла, по существу, новая драма, озаглавленная «Арбенин». Вместо маскарада в доме Энгельгардтов бал в этой пьесе происходит в доме Арбенина. Из текста исчезли нападки на светское общество. Нина оказывается виновной: она признается в любви Звездичу. Арбенин не отравляет жену, а лишь разыгрывает сцену отравления, чтобы испытать ее. Образ Казарина снижен — он выступает как интриган, с темным прошлым. Все эти изменения Лермонтов сделал так, чтобы новые сюжетные ходы позволили сохранить почти без изменений монологи главного героя. Обличительное звучание произведения оказалось в «Арбенине» приглушенным. Пьеса приобрела характер психологической семейной драмы. Но и в таком виде представленная в цензуру в 20-х числах окт. 1836 г. драма не получила разрешения на постановку. На рапорте цензора Е. Ольдекопа, одобрившего пьесу к постановке, имеется надпись театральной цензуры: «Запретить. 28 октября 1836». (ПСС-3, т. 2. С. 755).

Действие второе. Явление 5. *Из дальних стран Приезжий — вам знакома Уналаска?* Под приезжим, видимо, подразумевался граф Ф. И. Толстой, по прозвищу Американец. Имел скандальную репутацию дуэлиста и нечисто игравшего картежника. В «Горе от ума» Грибоедова ему дана такая характеристика: «Ночной разбойник, дуэлист, В Камчатку сослан был, вернулся алеутом И крепко на руку нечист». Ф. Толстой в 1803—1806 гг. участвовал в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна и за недопустимое поведение на корабле был высажен с него на один из Алеутских островов. Уналаска — название одного из этих островов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ЗАПИСЬ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

332. ССЛ. 1875, 29 нояб. -- Печ. по копии ПД, тетр. 20. Связана с замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном (см. примеч. 240). Эта народная песня была широко распространена в крестьянской среде и имела много вар. (см., например: Сахаров И. Песни русского народа. Спб., 1839. Ч. 4. С. 398; Якушкин П. Соч. Спб., 1884, отд. «Исторические песни», № 8. С. 532). Запись Лермонтова отличается от известных нам вар. По-видимому, поэт подверг песню некоторой обработке. *Кужель* — пучок льна, конопли, пеньки, приготовленный для пряжи.

II. ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

333—336. ПСС-2, т. 2. -- Печ. по автографам ПД, тетр. 8. Датируются по местоположению в тетр.

1. Перевод ст-ния «Darkness» (1816). Мотивы его повторяются у Лермонтова в ст-ниях «Ночь I» и «Ночь II» (№ 70, 72).

2. Перевод ст. 1—67, 103—167 и 200—223 из поэмы «Гяур» (1813). *Термопилы* — героическая защита греками в 480 г. до н. э.

Фермопильского горного прохода, куда устремилась армия персидского царя Ксеркса; в битве с малочисленным отрядом греков персы понесли большие потери. *Саламин* — остров в Эгейском море, у которого греческий флот одержал победу над персидским.

3. Перевод ст-ния Байрона «Прощание Наполеона» (1815).

4. Перевод строфы 1 из поэмы «Беппо» (1817). В автографе обозначена цифра 2, но к переводу строфы 2 Лермонтов не приступил.

337. ПСС-1, т. 1. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 11. Датируется по местоположению в тетр. На листе с переводом Лермонтов выписал текст оригинала — ст-ние «Die folgen meine Thränen» И. Т. Гермеса (1738—1821).

III. НАБРОСОК ОПЕРЫ «ЦЫГАНЫ»

338. ОЗ. 1859, № 7. - - Печ. по автографу ПД, тетр. 3. Начало либретто для оперы по одноименной поэме Пушкина. Песня «Мы живем среди полей...» заимствована из оперы «Пан Твардовский» А. Н. Верстовского (либретто М. Н. Загоскина). Песня была напечатана в «Драматическом альманахе для любителей и любительниц театра». Спб., 1828. С. 113—114. *Из «Московского вестника» песнь.* Имеется в виду «Цыганская песня» С. П. Шевырева, напечатанная без подписи в «Московском вестнике». 1828, № 15. С. 320. Ст. 17—29 — цитата из поэмы Пушкина «Цыганы».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Материалом для иллюстраций к настоящему изданию послужили живописные работы Лермонтова (рисунки, акварели, картины маслом), портреты его родителей и лиц, вошедших в биографию поэта, а также произведения известных художников, посвященных Лермонтову и героям его творчества.

1. *Фронтиспис.* К. А. Горбунов. Портрет Лермонтова в сюртуке Тенгинского пехотного полка. Акварель. Февраль 1841. Музей Института русской литературы АН СССР.
2. *С. 137.* Автограф ст-ния «Опять вы, гордые, восстали...». 1830. ПД.
3. *С. 142.* Автограф ст-ния «Стансы»; на рисунке предположительно изображена Е. А. Сушкова. 1830. ПД.
4. *С. 202.* Автограф ст-ния «Желание». 1831. ПД.
5. *С. 280.* Лермонтов. Рисунок-иллюстрация к повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (Аммалат-Бек стреляет в полковника Верховского). Карандаш. Начало 1830-х гг. Юнкерская тетрадь. ПД.

Цветные иллюстрации

Между с. 256 и 257.

1. Неизвестный художник. Лермонтов-ребенок. Масло. 1820—1822. Музей Института русской литературы АН СССР.
2. Неизвестный художник. Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожд. Столыпина, 1773—1845), бабушка поэта. Масло. Начало XIX в. Гос. литературный музей.
3. Неизвестный художник. Мария Михайловна Лермонтова (урожд. Арсеньева, 1795—1817), мать поэта. Масло. 1810-е гг. Гос. литературный музей.
4. Неизвестный художник. Юрий Петрович Лермонтов (1787—1831), отец поэта. Акварель. 1810. Гос. литературный музей.
5. *Вверху:* Фон Гинц. Портрет Н. Ф. Ивановой (см. о ней т. 1, примеч. 67). Акварель. 1830-е гг. Музей Института русской литературы АН СССР.
   Внизу: Неизвестный художник. Портрет Е. А. Сушковой (см. о ней в т. 2 примеч. 410). Миниатюра. 1830-е гг. Музей Института русской литературы АН СССР.
6. Лермонтов. Портрет В. А. Лопухиной в образе монахини (см. о ней т. 1, примеч. 289). Акварель. 1830-е гг. Гос. литературный музей.
7. Лермонтов. Портрет, изображающий, по мнению ряда исследователей, друга поэта Святослава Афанасьевича Раевского (см. о нем

т. 1, примеч. 103). Акварель. 1835—1837. Гос. литературный музей.

8. *Вверху:* В. И. Гау. Графиня Э. К. Мусина-Пушкина (см. о ней т. 2, примеч. 379). Акварель. 1840. Гос. Русский музей.

Внизу: В. И. Гау. Графиня А. К. Воронцова-Дашкова (см. о ней т. 2, примеч. 396). Акварель. 1841. Гос. Русский музей.

Черно-белые иллюстрации

Между с. 576 и 577.

9. Лермонтов. Схватка конных егерей с французскими кирасирами. Карандаш. 1832—1834. Юнкерская тетрадь. ПД.
10. Лермонтов. Гора Бештау близ Железноводска. Карандаш. 1837. Гос. литературный музей.
11. Лермонтов. Рисунки мужских фигур и лиц. Тушь, перо. 1837. Альбом А. М. Верещагиной. Библиотека Колумбийского университета (США). Согласно атрибуции А. Н. Маркова, на рис. изображены (слева направо) фигуры: П. В. Киреевского, Н. С. Мартынова, М. Ф. Орлова; внизу: головы К. К. Ламберта, А. И. Тургенева, М. Ф. Орлова.
12. Лермонтов. Шарж. Молодая женщина (по предположению А. Н. Маркова,— Е. П. Ростопчина) и мужчина (по предположению Е. А. Ковалевской,— композитор А. С. Даргомыжский). Карандаш. Первая половина 1830-х гг. Альбом А. М. Верещагиной. Библиотека Колумбийского университета (США). Судя по французским словам на рисунке, женщина только что присела после танца: «Ouf» — вздох облегчения; мужчина говорит: «C'est terrible», т. е.: «Это ужасно».
13. Л. О. Пастернак. Дума (портрет Лермонтова). Сепия. 1891. Гос. музей-заповедник М. Ю. Лермонтова (в Пятигорске).
14. М. А. Врубель. Фрагмент картины «Демон летящий». Масло. 1899—1900. Гос. Русский музей.
15. Н. В. Кузьмин. Арбенин и Нина. Акварель. 1941. Иллюстрация к изд.: Лермонтов М. Ю. Маскарад. М., 1949.
16. Н. В. Кузьмин. Арбенин, оскорбляющий Звездича. Акварель. 1941. Иллюстрация к тому же изд.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ
1828—1836

ДРАМЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

II

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ

III

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Лермонтов М.

Л 49 Полное собрание стихотворений: В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и драмы / Вступ. ст. Д. Е. Максимова, сост., подг. текста и примеч. Э. Э. Найдича.— Л.: Сов. писатель, 1989.—688 с., 1 л. портр., 16 илл. Б-ка поэта. Большая серия.

ISBN 5-265-01040-8

По своей полноте это издание стихотворных произведений М. Ю. Лермонтова (1814—1841) превосходит все предыдущие. В первом томе представлены все жанры раннего поэтического творчества Лермонтова, за исключением поэм. Том строится из след. разделов: «Стихотворения» (1828—1836), «Драмы» (1830—1836), «Приложения», «Другие редакции и варианты». Второй раздел тома составляют драмы в стихах: «Испанцы», «Маскерад», «Арбенин».

Л $\frac{4702010102-236}{083(02)-89}$ 427—89 **ББК 84. Р1**

Михаил Юрьевич Лермонтов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Том первый

Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *Б. А. Комаров*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Е. Я. Лапинь*

ИБ № 7273

Сдано в набор 9.12.88. Подписано к печати 18.08.89. Формат 84 × 108[1]/[32]. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 37,06. Уч.-изд. л. 31,77. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1866. Цена 2 р. 90 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.